РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 11.

НОЯБРЬ 1891 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 октября 1891 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

Циркуляръ управлявшаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ *).

(19-го іюля 1891 года, за № 12652).

Согласно ст. 489 врачебнаго учебнаго устава, аптекарскій помощникъ, желающій экзаменоваться на степень провизора, обязанъ, сверхъ свидѣтельства о своемъ званіи, предъявить, на ряду съ другими документами, свидѣтельство о томъ, что прослужилъ въ казенной или частной аптекѣ три года.

Между тѣмъ, изъ имѣющихся въ Министерствѣ свѣдѣній усматривается, что начальствами университетовъ неоднократно допускаемы были къ слушанію провизорскаго курса въ университетѣ аптекарскіе помощники до истеченія трехлѣтняго срока ихъ пребыванія въ аптекѣ.

Вслѣдствіе сего считаю долгомъ покорнѣйше просить ваше превосходительство на будущее время при допущеніи означенныхъ лицъ къ слушанію провизорскаго курса требовать отъ нихъ удостовѣренія о выслугѣ ими въ аптекахъ аптекарскими помощниками трехлѣтняго срока.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу.

О разрѣшеніи допускать въ число воспитанниковъ Гатчинской и Псковской учительскихъ семинарій молодыхъ людей изъ финновъ, латышей и эстовъ лютеранскаго исповѣданія **).

Вслѣдствіе представленія моего отъ 8 августа сего года, за № 7086, и съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго по всеподданнѣйшему г. Министра Народнаго Просвѣщенія докладу въ 21-й день того же августа, его сіятельство разрѣшаетъ допускать въ число воспитанниковъ Гатчинской и Псковской учительскихъ семинарій молодыхъ людей изъ финновъ,

*) Циркуляръ по Спб. учебному округу № 10.
**) Ibidem.

латышей и эстовъ лютеранскаго исповѣданія, съ цѣлію подготовленія для евангелическо-лютеранскихъ школъ учителей, хорошо владѣющихъ русскимъ языкомъ.

О вышеизложенномъ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ меня для надлежащаго распоряженія, вслѣдствіе предложенія отъ 13-го того-же августа, за № 13956.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу.

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Министромъ, постановлено:

— Книгу: «Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ (Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Составилъ *Е. Ѳ. Карскій*. Изданіе 3-е. Вильна. 1891. Стр. IV+106»—одобрить какъ руководство при преподаваніи церковно-славянскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Русская хрестоматія преимущественно для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательнымъ языкомъ. Составилъ *Викторъ Богдановъ*. Въ 3-хъ частяхъ. Часть II (для III и IV классовъ гимназій, реальныхъ и другихъ училищъ). Съ русско-нѣмецкимъ словаремъ. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1890. Стр. 403+64»—одобрить какъ учебное пособіе для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: «Латинская грамматика *Ходобая*. Изданіе IX, вновь обработанное *А. Адольфомъ*. Москва. 1891»,—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства въ III и слѣдующихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Латинская хрестоматія для низшихъ классовъ. Примѣнительно къ требованіямъ новыхъ учебныхъ плановъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Составилъ *С. Радецкій*, преподаватель Лазаревскаго института и 4-й гимназіи, и *В. Соколовъ*, преподаватель Лазаревскаго института и шестиклассной прогимназіи. Москва. 1891. Стр. XXII+124+164. Цѣна 1 руб.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для младшихъ классовъ гимназій и прогимназій Министерства.

— Книгу: «Латинская хрестоматія для I, II, III и IV классовъ гимназій. Составилъ *Ив. Семеновичъ*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназіи. Москва. 1891. Примѣнительно къ новымъ программамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Часть I. Курсъ I класса, стр. VI+126. Часть II. Курсъ II класса, стр. 160. Цѣна 1 руб.»—допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства.

— Книжку: «*А. Стебловъ*. Руководство къ рѣшенію задачъ на тройныя правила. Спб. 1891, стр. 146. Цѣна 65 коп.»—допустить въ уче-

ническія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, какъ полезное пособіе при прохожденіи тройныхъ правилъ.

— Книгу: «Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Часть II. Задачникъ по алгебрѣ. Составилъ *П. Никульцевъ*, инспектирующій учитель Александровскаго Смоленскаго реальнаго училища. Изданіе 2-е, значительно дополненное. Москва. 1891, стр. IV+276. Цѣна 1 руб.»— одобрить въ качествѣ учебнаго пособія при прохожденіи алгебры въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ.

— Книжку: «Краткій учебникъ географіи. Курсъ I. Общій обзоръ земнаго шара. Съ рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ краткаго обозрѣнія Россійской имперіи. Составилъ *Обломковъ*. Спб. 1891, стр. 88. Цѣна 60 коп.»—допустить въ видѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: «Учебникъ общей географіи съ таблицами. Курсъ III класса. Европа. Составилъ *Г. С. Лыткинъ*, преподаватель С.-Петербургской 6-й гимназіи. Спб. 1890, стр. I+126. Цѣна 60 коп.»—допустить въ видѣ руководства для гимназій, но съ тѣмъ, однако же, условіемъ, чтобы авторъ въ будущемъ изданіи сдѣлалъ въ немъ всѣ необходимыя сокращенія и перемѣны.

— Книжку: «Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ *Ф. Крейсбергъ*. Часть I. Тифлисъ. 1891, стр. III+70. Цѣна 40 коп.»—допустить въ качествѣ учебника при преподаваніи нѣмецкаго языка въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Die Beliebtesten Märchen der Brüder Grimm. Лучшія сказки братьевъ *Гриммовъ*. Пособіе для класснаго чтенія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, обработалъ *Максъ Фишеръ*, помощникъ инспектора Московской практической академіи коммерческихъ наукъ. Изданіе 3-е, вновь обработанное. Москва. 1891, въ 16-ю д. л., стр. X+253. Цѣна въ папкѣ 60 коп.»—допустить въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи нѣмецкаго языка въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «*Карлъ Скуйе*, преподаватель Московской 4-й гимназіи и реальнаго училища Воскресенскаго. Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій, составленный по новой программѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1891, стр. VII+144. Цѣна 50 коп.» — одобрить въ качествѣ пособія при преподаваніи нѣмецкаго языка въ реальныхъ училищахъ и женскихъ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Учебникъ физики для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *С. Ковалевскій*, преподаватель физики въ С.-Петербургскомъ первомъ реальномъ училищѣ. Спб. 1891, стр. VIII+389+116. Цѣна 2 руб. 20 коп.»—рекомендовать какъ учебное руководство при преподаваніи физики въ мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

— Книгу: «Разсказы для дѣтей *Н. Островской*. Съ 10 рисунками. Спб. 1891. Стр. 338»—одобрить для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для младшаго возраста.

Опредѣленія особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «*П. Цвѣтковъ.* Новый систематическій задачникъ самостоятельныхъ письменныхъ работъ по русскому первоначальному правописанію, съ приложеніемъ повторительныхъ диктовокъ. 2-й и 3-й годъ обученія. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1891. Въ 8-ку, 134 стр. Цѣна 35 коп.»—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: «Объяснительный словарь малопонятныхъ церковно-славянскихъ словъ, встрѣчающихся въ Св. Евангеліи, Часословѣ и Псалтири. Составилъ *А. Н. Соловьевъ.* М. 1888. Въ 8-ку, 75 стр. Цѣна 10 коп.»—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книгу: «Учебный словарь къ Часослову и Псалтири церковно-славянскаго языка. Составилъ *К. Грузинцевъ.* М. 1887. Въ 8-ку, 130 стр. Цѣна 35 коп.»—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книгу: «Рукодѣліе, какъ предметъ обученія въ народной школѣ. *Екатерины Янжулъ.* Спб. 1890. Въ 12-ю д. л., 195 стр. Цѣна 1 руб.»—одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Задачи для практическихъ занятій по ариѳметикѣ. *Е. Куруханова.* М. 1891. Въ 8-ку, 41 стр. Цѣна 15 коп.»—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія въ старшихъ классахъ городскихъ, уѣздныхъ и двуклассныхъ сельскихъ училищъ.

Начальное образованіе и народныя училища въ Западной Европѣ и въ Россіи.

Городскія училища и учительскіе институты.

(Продолженіе).

Все вышеизложенное не только объясняетъ тѣ причины, по которымъ наши уѣздныя училища не могли выполнить своего назначенія— «доставлять дѣтямъ городскихъ обывателей вмѣстѣ со средствами лучшаго нравственнаго образованія и тѣ свѣдѣнія, кои по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ, могутъ быть имъ наиболѣе полезны»,—но и указываетъ на то, что существующая у насъ система начальныхъ училищъ, раздѣляющихся, совершенно механически, на низшія и высшія, должна быть признана вообще неправильною. Но приступить теперь-же, разомъ, къ преобразованію всѣхъ нашихъ начальныхъ училищъ представляется дѣломъ совершенно невозможнымъ, потому что 1) это потребовало-бы весьма значительныхъ денежныхъ средствъ какъ отъ казны, такъ и отъ городскихъ обществъ и земства; 2) если-бы такія средства и могли быть даны, то и въ такомъ случаѣ введеніе новой системы начальныхъ училищъ встрѣтило-бы непреодолимое препятствіе въ неимѣніи необходимыхъ для сего учителей, для приготовленія которыхъ потребуется не одинъ годъ; 3) всѣ училищныя преобразованія, особенно имѣющія цѣлью измѣненіе существующей училищной системы, какъ указываетъ опытъ всѣхъ образованныхъ европейскихъ государствъ и особенно Пруссіи, не должны быть совершаемы разомъ, а вводимы съ осторожною и осмотрительною постепенностью, съ тщательною, безпристрастною провѣркою ихъ на самомъ дѣлѣ, дабы можно было идти впередъ вѣрнымъ путемъ, не производя никакихъ внезапныхъ потрясеній, никакой ломки въ существующемъ порядкѣ учебнаго и воспитательнаго дѣла.

По этимъ соображеніямъ было признано возможнымъ приступить лишь къ постепенному преобразованію существующихъ уѣздныхъ училищъ въ новыя городскія училища на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) *Новыя городскія училища должны сообщать учащимся правильное общее элементарное, религіозно-нравственное и умственное образованіе, составляющее общее основаніе всего дальнѣйшаго ученія.*

Такое правильное общее элементарное образованіе можетъ быть сообщаемо только *въ одномъ и томъ-же училищѣ*, а не въ двухъ отдѣльныхъ, составляющихъ низшую и высшую ступени, какъ наши приходскія и уѣздныя училища. Поэтому обученіе въ новыхъ городскихъ училищахъ должно начинаться *съ азбуки*, и дѣти до извѣстнаго, ниже опредѣляемаго возраста, принимаются въ училище совершенно *неграмотныя и безъ всякаго испытанія.*

2) *По числу классовъ, новыя городскія училища предполагаются одноклассныя, двухклассныя, трехклассныя и четырехклассныя.*

Учрежденіе новыхъ городскихъ училищъ вездѣ съ одинаковымъ числомъ классовъ повело-бы опять къ той-же ошибкѣ, которая сдѣлана была однообразнымъ повсемѣстнымъ устройствомъ трехклассныхъ уѣздныхъ училищъ по уставу 1828 года.

Кромѣ того, предметный составъ учебнаго курса новыхъ городскихъ училищъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не будетъ зависѣть отъ числа классовъ. Въ одноклассномъ училищѣ будутъ преподаваться тѣ-же общіе предметы, какъ и въ двухклассныхъ, трехклассныхъ и четырехклассныхъ училищахъ, только съ меньшими подробностями.

Учрежденіе новыхъ городскихъ училищъ съ тѣмъ или другимъ числомъ классовъ ставится въ прямую зависимость отъ имѣющихся средствъ и потребности мѣстнаго городскаго населенія въ начальномъ образованіи.

3) *Число учителей въ городскихъ училищахъ должно соотвѣтствовать числу классовъ. Кромѣ того, при каждомъ городскомъ училищѣ долженъ быть одинъ законоучитель-священникъ, такъ какъ преподаваніе Закона Божія у насъ не можетъ быть поручено свѣтскому лицу.*

На этомъ основаніи, въ новыхъ городскихъ училищахъ будутъ не предметные, а *классные* учителя, какъ это принято во всѣхъ правильно устроенныхъ элементарныхъ училищахъ. Этою мѣрою, кромѣ значительной экономіи въ числѣ учителей, достигается еще большая сосредоточенность въ преподаваніи и въ нравственномъ вліяніи на дѣтей, что весьма важно въ педагогическомъ отношеніи и прямо ведетъ къ болѣе успѣшному ходу всего элементарнаго ученія.

4) *На прохожденіе полнаго учебнаго курса новыхъ городскихъ училищъ назначается шесть лѣтъ, а нормальный возрастъ учащихся полагается отъ 7—8 до 13—14 лѣтъ. Въ одноклассныхъ училищахъ этотъ курсъ проходится въ трехъ послѣдовательныхъ отдѣленіяхъ, по два года въ каждомъ отдѣленіи, въ двухклассныхъ училищахъ первый классъ раздѣляется на два послѣдовательныхъ отдѣленія, съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ отдѣленіи; курсъ втораго класса продолжается также два года; въ трехклассныхъ городскихъ училищахъ курсъ каждаго класса—двухгодичный, въ четырехклассныхъ городскихъ училищахъ курсъ первыхъ двухъ классовъ продолжается по два года, а въ 3-мъ и 4-мъ по одному году.*

Въ Пруссіи, какъ извѣстно, существуетъ обязательное ученіе для всѣхъ здоровыхъ дѣтей отъ 6 до 14-лѣтняго возраста (годъ конфирмаціи), а, слѣдовательно, курсъ ученія въ элементарныхъ училищахъ продолжается 8 лѣтъ. Но 8-ми-лѣтній элементарный курсъ, особенно на первое время, у насъ былъ-бы слишкомъ продолжителенъ, и потому принятъ 6-ти-лѣтній курсъ, по примѣру саксонскихъ и швейцарскихъ начальныхъ школъ. Кромѣ того, по всей вѣроятности, при отсутствіи у насъ обязательнаго ученія, во многихъ городахъ только немногія изъ дѣтей останутся въ училищѣ и въ продолженіе назначаемыхъ 6 лѣтъ; большинство-же будетъ ходить въ училище не болѣе 4-хъ лѣтъ, особенно первое время, пока новыя городскія училища не докажутъ на дѣлѣ полезности своего полнаго курса ученія. При такомъ положеніи дѣла одноклассныя городскія училища для бѣдныхъ и малонаселенныхъ городовъ опять-таки являются совершенно пригодными въ томъ отношеніи, что стоимость ихъ не зависитъ отъ числа оканчивающихъ полный курсъ ученія, и остается та-же самая, хотя-бы даже только одинъ учащійся дошелъ до окончанія курса, потому что для этого не требуется ни лишняго учителя, ни лишняго помѣщенія. Другое дѣло въ городскихъ училищахъ съ двумя, тремя и четырьмя классами, гдѣ каждый классъ значительно увеличиваетъ стоимость училища содержаніемъ особаго учителя и лишняго помѣщенія. Такое увеличеніе стоимости училища можетъ быть признано только въ томъ случаѣ производительнымъ, если число учащихся во всѣхъ классахъ достаточно значительно.

Нормальный вступительный въ городское училище возрастъ дѣтей назначается 7—8-лѣтній, на томъ справедливомъ основаніи, что дѣти этого возраста могутъ уже, безъ вреда своему здоровью, начать правильное ученіе въ школѣ. Кромѣ того, этотъ возрастъ дозволяетъ оканчивать элементарное ученіе въ 13—14 лѣтъ, т.-е. тогда, когда

дѣти уже становятся необходимыми для родителей, какъ помощники въ ихъ занятіяхъ, или могутъ поступать въ другія заведенія, для основательнаго изученія какого-нибудь ремесла, мастерства и т. п. Впрочемъ, 7—8-лѣтній возрастъ признается только нормальнымъ для вступленія въ городскія училища; но вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно на первое время, должно быть предоставлено принимать въ городскія училища неграмотныхъ дѣтей и старшаго возраста, до 10 лѣтъ включительно. Это-же ограниченіе признается крайне необходимымъ для того, 1) чтобы возрастъ вступающихъ дѣтей не былъ уже слишкомъ различный, что составляло-бы большое препятствіе для правильнаго веденія ученія съ самаго начала, а 2) для того, чтобы побудить родителей раньше подумать объ обученіи своихъ дѣтей.

Точно также и установленные сроки времени пребыванія въ одномъ классѣ или въ отдѣленіяхъ признаются только нормальными. Способныя-же дѣти могутъ переходить изъ класса въ классъ, или изъ одного отдѣленія въ слѣдующее, и ранѣе назначенныхъ сроковъ, если окажутъ достаточные для сего успѣхи; мало-же способные могутъ оставаться въ тѣхъ-же классахъ или отдѣленіяхъ и большее число лѣтъ. Вообще, въ этомъ отношеніи устройство элементарнаго училища должно представлять возможно бо̀льшую подвижность и свободу.

5) *Учебный курсъ городскихъ училищъ составляютъ слѣдующіе предметы: 1) Законъ Божій, 2) русскій языкъ и церковно-славянское чтеніе, 3) ариѳметика, 4) практическая геометрія, 5) черченіе и рисованіе, 6) отечественная исторія и географія, 7) свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, 8) пѣніе и 9) гимнастика. Въ одноклассныхъ училищахъ отечественная исторія и географія и естествовѣдѣніе преподаются посредствомъ чтенія и объясненія соотвѣтствующихъ статей по книгѣ для чтенія, а въ двухъ, трехъ-и четырехклассныхъ, какъ отдѣльные учебные предметы.*

Все обученіе въ новыхъ городскихъ училищахъ, съ самаго начала и до окончанія курса, должно идти практическимъ нагляднымъ путемъ, такъ чтобы развить въ дѣтяхъ наблюдательность и пониманіе окружающей ихъ природы и жизни, и положить основаніе вѣрному сужденію и правильнымъ религіозно-нравственнымъ понятіямъ и убѣжденіямъ, согласно ученію св. церкви. Весь ходъ элементарнаго преподаванія долженъ пріучать дѣтей къ посильному полезному самостоятельному труду и мало-по-малу поселять въ нихъ сознаніе, что только собственнымъ честнымъ трудомъ они могутъ доставить себѣ и семьѣ своей обезпеченную, безбѣдную жизнь.

Привычка къ такому труду есть лучшая охрана отъ всякой безпорядочности въ жизни, отъ всѣхъ нравственныхъ уклоненій.

Преподаваніе учебныхъ предметовъ должно быть распредѣлено такъ, чтобы на каждой послѣдовательной ступени, или въ каждомъ классѣ, оно сообщало извѣстный законченный кругъ полезныхъ знаній. Это необходимо для того, чтобы даже и тѣ дѣти, которыя, по тѣмъ или другимъ неблагопріятнымъ для нихъ обстоятельствамъ, принуждены будутъ оставить училище послѣ первой ступени или перваго класса его, могли вынести опредѣленныя положительныя свѣдѣнія.

На высшей ступени одноклассснаго училища, во 2-мъ классѣ двухклассснаго, въ 3-мъ классѣ трехклассснаго и въ 3-мъ и 4-мъ классахъ четырехклассснаго училища, преподаваніе нѣкоторыхъ учебныхъ предметовъ, именно: ариѳметики, геометріи и естествовѣдѣнія принимаетъ нѣсколько профессіональный характеръ согласно промышленнымъ потребностямъ мѣстнаго населенія. Такъ, напр., по ариѳметикѣ матеріалъ для задачъ берется изъ мѣстной промышленной дѣятельности, сообщаются практическія указанія и производятся упражненія въ правильномъ веденіи приходо-расходныхъ и другихъ счетныхъ книгъ и вообще въ коммерческомъ счетоводствѣ; по геометріи—объясняются простѣйшіе способы измѣренія и съемки плановъ мѣстностей, составленіе и черченіе плановъ обыкновенныхъ жилыхъ и хозяйственныхъ помѣщеній и т. п.; по естествовѣдѣнію—сообщаются свѣдѣнія о полезныхъ и вредныхъ мѣстныхъ животныхъ, растеніяхъ и минеральныхъ произведеніяхъ и указываются лучшіе способы сохраненія и размноженія полезныхъ произведеній мѣстной природы и уничтоженія вредныхъ; особенное вниманіе обращается на тѣ естественныя произведенія, которыя обрабатываются или употребляются при тѣхъ или другихъ мѣстныхъ промышленныхъ производствахъ, при этомъ объясняются, по возможности, и самые способы обработки этихъ произведеній.

Рисованіе и черченіе на высшей ступени одноклассснаго училища, во 2-мъ классѣ двухклассснаго и въ 3-мъ и 4-мъ классахъ четырехклассснаго училища получаютъ профессіональное направленіе въ примѣненіи къ промышленнымъ занятіямъ мѣстнаго городскаго населенія.

Наконецъ, въ тѣхъ уѣздныхъ городахъ, въ которыхъ нѣтъ ни гимназій, ни прогимназій и реальныхъ училищъ, въ новыхъ городскихъ училищахъ могутъ быть преподаваемы латинскій и новые иностранные языки, французскій и нѣмецкій, съ тою цѣлью, чтобы доставить возможность учащимся, имѣющимъ намѣреніе поступить въ среднія учебныя заведенія, приготовиться къ поступленію во 2-й и 3-й классы гимназій и прогимназій.

Изъ этого изложенія главныхъ основаній учебнаго курса новыхъ городскихъ училищъ ясно видно, что эти училища будутъ доставлять общее элементарное образованіе, которое можетъ дѣйствительно служить *общимъ основаніемъ* для всего дальнѣйшаго образованія.

Но какъ-бы практично и цѣлесообразно ни былъ устроенъ учебный курсъ новыхъ городскихъ училищъ, они не принесутъ никакой пользы нашему городскому населенію и не подвинутъ впередъ его образованія, если не будутъ приготовлены учителя, знающіе и способные осуществить всѣ вышеизложенныя предположенія въ дѣйствительности. Многолѣтній опытъ всѣхъ образованныхъ государствъ Западной Европы служитъ неопровержимымъ и самымъ очевиднымъ доказательствомъ, что училищное дѣло можетъ только тогда идти впередъ и приносить пользу, когда имѣются хорошіе учителя. Поэтому-то, прежде чѣмъ приступить къ преобразованію нашихъ теперешнихъ уѣздныхъ училищъ, необходимо устроить особыя заведенія для приготовленія хорошихъ учителей—*учительскіе институты.* Эти учрежденія во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ общихъ чертахъ, имѣютъ слѣдующее устройство.

Они составляютъ закрытыя учебно-воспитательныя заведенія обыкновенно съ трехлѣтнимъ курсомъ, раздѣленнымъ на три послѣдовательные класса, и все ученіе состоитъ, съ одной стороны, въ сообщеніи будущимъ учителямъ необходимыхъ научныхъ познаній по предметамъ курса начальныхъ училищъ, а съ другой—въ необходимой теоретической подготовкѣ и въ практическихъ упражненіяхъ въ преподаваніи, для чего при каждомъ учительскомъ институтѣ находится соотвѣтственное начальное училище.

Управленіе такого заведенія ввѣряется особому лицу, съ званіемъ директора, который обыкновенно преподаетъ педагогику или одинъ изъ другихъ учебныхъ предметовъ, для преподаванія-же всѣхъ прочихъ наукъ полагается три штатныхъ учителя—по числу классовъ. Обученіе искусствамъ поручается тѣмъ-же штатнымъ преподавателямъ, если они знаютъ искусства, въ противномъ случаѣ для этого при учительскихъ институтахъ состоятъ особые учителя.

Находящееся при институтѣ училище имѣетъ своихъ особыхъ преподавателей, также по числу классовъ. Эти лица должны быть особенно искусны въ начальномъ преподаваніи и вообще въ управленіи классомъ, потому что ихъ уроки служатъ образцами для приготовляющихся къ учительскому званію.

Учебный курсъ учительскихъ институтовъ состоитъ изъ слѣдующихъ учебныхъ предметовъ: Закона Божія, отечественнаго языка,

ариѳметики, начальной алгебры, геометріи, черченія, географіи и исторіи, естествовѣдѣнія, рисованія, чистописанія, пѣнія и гимнастики. Кромѣ этого, преподается еще педагогика. Объемъ преподаванія этихъ предметовъ не долженъ быть обширенъ: будущій учитель долженъ основательно усвоить себѣ только такія, совершенно точныя и опредѣленныя научныя познанія, которыя необходимы для преподаванія учебныхъ предметовъ въ начальномъ училищѣ.

Эти познанія сообщаются въ первыхъ двухъ классахъ; третій-же классъ состоитъ въ повтореніи пройденнаго курса и, особенно, въ изученіи методики каждаго предмета и въ упражненіяхъ воспитанниковъ въ самомъ преподаваніи въ состоящемъ при институтѣ начальномъ училищѣ.

Весь образъ жизни въ учительскихъ институтахъ отличается строгою простотою и строгимъ порядкомъ. Будущимъ учителямъ начальныхъ училищъ предстоитъ скромная трудовая жизнь. Образецъ такой жизни и долженъ представлять институтъ во всей своей дѣятельности, во всѣхъ своихъ порядкахъ, такъ, чтобы скромная трудовая жизнь, неуклонное исполненіе своихъ обязанностей и строгій порядокъ въ распредѣленіи времени и всѣхъ своихъ занятій сдѣлались привычкою для воспитанниковъ института, а привычка — вторая природа.

Въ административномъ отношеніи учительскіе институты входятъ въ общій составъ заведеній учебныхъ округовъ и находятся въ главномъ вѣдѣніи ихъ попечителей, а проектируемыя городскія училища занимаютъ то-же положеніе, какъ и нынѣшнія уѣздныя училища, съ тѣмъ различіемъ, что, вмѣсто особыхъ штатныхъ смотрителей, ближайшее завѣдываніе четырехклассными и трехклассными городскими училищами поручается одному изъ учителей ихъ, съ утвержденія попечителя учебнаго округа, съ присвоеніемъ ему званія *инспектора училища*; точно также и двухкласснымъ городскимъ училищемъ завѣдуетъ одинъ изъ двухъ учителей его, съ утвержденія попечителя учебнаго округа. Завѣдываніе этими училищами не можетъ представлять особенно трудной работы, и потому назначеніе особыхъ лицъ для непосредственнаго управленія ими, не принимающихъ личнаго участія въ учебномъ дѣлѣ, было-бы, во-1-хъ, лишнею тратою денегъ, а во-2-хъ, служило-бы еще помѣхою для правильнаго и согласнаго веденія дѣла.

Учрежденіе городскихъ училищъ, содержимыхъ насчетъ правительства, съ тѣмъ или другимъ числомъ классовъ, предоставляется ближайшему усмотрѣнію попечителей учебныхъ округовъ, соотвѣт-

ственно мѣстнымъ потребностямъ, но каждый разъ съ утвержденія Министра Нар. Просвѣщенія, на томъ основаніи, что для содержанія такихъ училищъ потребуется назначеніе особыхъ денежныхъ средствъ изъ общей суммы, отпускаемой на этотъ предметъ изъ главнаго казначейства, распредѣленіе которой по учебнымъ округамъ должно быть предоставлено Министру Нар. Просвѣщенія. Городскія-же училища, содержимыя на счетъ городскихъ обществъ, земствъ или частныхъ лицъ, открываются съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа.

Число учителей при городскихъ училищахъ, какъ выше уже было сказано, полагается по числу классовъ. Кромѣ того, при каждомъ училищѣ состоитъ одинъ законоучитель-священникъ и назначаются еще *учительскіе помощники* въ тѣхъ случаяхъ, если число учащихся въ одномъ классѣ будетъ болѣе 50 человѣкъ. При одноклассныхъ-же городскихъ училищахъ долженъ непремѣнно находиться учительскій помощникъ, потому что вести все преподаваніе въ такихъ училищахъ одному учителю весьма трудно.

При учительскихъ институтахъ полагаются: директоръ, законоучитель, штатные преподаватели наукъ, черченія, рисованія и чистописанія, учителя пѣнія и гимнастики по найму, врачъ, экономъ и письмоводитель. Эти послѣднія три лица вполнѣ необходимы, такъ какъ учительскіе институты составляютъ закрытыя заведенія.

Учителя рисованія, черченія и чистописанія включаются въ число штатныхъ преподавателей учительскаго института на томъ справедливомъ основаніи, что означенные предметы имѣютъ такое-же важное значеніе въ курсѣ учительскихъ институтовъ, какъ и другіе учебные предметы. Во всѣхъ европейскихъ начальныхъ школахъ въ настоящее время обращено особенное вниманіе на обученіе этимъ предметамъ, столь необходимымъ по приложенію ихъ къ будущимъ практическимъ занятіямъ учащихся. Поэтому-то воспитанники учительскихъ институтовъ, какъ будущіе учителя городскихъ училищъ, должны не только усвоить себѣ эти предметы, но и научиться хорошо преподавать ихъ. Слѣдовательно, учителя рисованія, черченія и чистописанія въ учительскихъ институтахъ должны быть люди, не только умѣющіе хорошо чертить, рисовать и писать, но и имѣющіе по этимъ предметамъ основательныя методическія познанія, дабы быть въ состояніи передать ихъ воспитанникамъ учительскихъ институтовъ. Чтобы привлечь такихъ преподавателей черченія, рисованія и чистописанія въ учительскіе институты, необходимо предоставить имъ, по крайней мѣрѣ, тѣ-же служебныя права, которыми пользуются учителя этихъ предметовъ въ гимназіяхъ.

Директору, законоучителю и штатнымъ преподавателямъ присвоиваются всѣ служебныя и пенсіонныя права директора и учителей гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія на томъ основаніи, что они также избираются изъ лицъ, получившихъ высшее университетское образованіе, и на нихъ лежатъ скорѣе бо́льшія, чѣмъ меньшія обязанности въ сравненіи съ директорами и учителями гимназій.

Учителямъ всѣхъ новыхъ городскихъ училищъ предоставляются, по проекту, тѣ-же служебныя и пенсіонныя права, которыми пользуются учителя нынѣшнихъ уѣздныхъ училищъ. Это должно быть признано вполнѣ справедливымъ, потому что они, по образованію своему, будутъ скорѣе выше, чѣмъ ниже нашихъ уѣздныхъ учителей, а трудъ, предстоящій имъ, гораздо тяжеле труда этихъ послѣднихъ.

Кромѣ того, было бы совершенно справедливо и полезно для дѣла назначать предполагаемыхъ инспекторовъ народныхъ училищъ преимущественно изъ учителей новыхъ городскихъ училищъ, отличающихся умѣлымъ и усерднымъ исполненіемъ своихъ обязанностей.

Что касается до правъ учащихся въ городскихъ училищахъ, то всѣ ученики, получившіе одобрительные аттестаты объ окончаніи полнаго курса ученія городскихъ училищъ, пользуются: 1) правами окончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ; 2) по достиженіи 16-лѣтняго возраста, они могутъ, если пожелаютъ, поступать въ учительскіе институты, для чего предварительно, по крайней мѣрѣ въ теченіе одного года, они должны заниматься при училищѣ, подъ руководствомъ одного изъ учителей. Эта послѣдняя мѣра не только доставитъ учительскимъ институтамъ воспитанниковъ, уже знакомыхъ съ учебнымъ курсомъ и методами преподаванія въ городскихъ училищахъ, но занимающіеся подъ руководствомъ учителей городскихъ училищъ, ученики могутъ помогать имъ въ преподаваніи, повторяя пройденные уроки съ слабыми учениками и вообще занимаясь съ учениками въ классѣ, въ случаѣ отсутствія учителя по болѣзни; 3) окончившіе успѣшно полный курсъ ученія и обучавшіеся дополнительнымъ предметамъ, преподаваемымъ въ первыхъ трехъ классахъ гимназій и прогимназій, могутъ поступать во 2-й и 3-й классы этихъ заведеній, по выдержаніи соотвѣтственнаго испытанія только въ дополнительныхъ предметахъ, и 4) дѣти 10—13 лѣтъ, хорошо прошедшія курсъ первыхъ 4-хъ лѣтъ городскаго училища, принимаются въ первый классъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ безъ всякаго испытанія.

Желающіе поступить въ учительскіе институты принимаются не иначе, какъ въ первый классъ и по выдержаніи установленнаго испытанія, отъ котораго освобождаются только хорошо окончившіе полный

курсъ ученія въ гимназіяхъ и другихъ, соотвѣтствующихъ имъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ уровень познаній ихъ гораздо выше того, который необходимъ для поступленія въ учительскій институтъ.

Воспитанники учительскихъ институтовъ освобождаются на все время пребыванія въ нихъ отъ всѣхъ лежащихъ на нихъ натуральныхъ повинностей, не исключая и рекрутской *).

Если въ Пруссіи, гдѣ существуетъ общая воинская повинность и гдѣ есть уже значительное число хорошихъ элементарныхъ учителей, учащіеся даже въ сельскихъ учительскихъ семинаріяхъ освобождаются отъ воинской и другихъ повинностей, то предоставленіе такой льготы воспитанникамъ нашихъ учительскихъ институтовъ составляетъ крайнюю необходимость, потому что, въ противномъ случаѣ, мы никогда не будемъ имѣть достаточнаго числа хорошо приготовленныхъ учителей для элементарныхъ школъ.

Число воспитанниковъ въ учительскомъ институтѣ полагается 75 человѣкъ, по 25 въ каждомъ классѣ, какъ обыкновенно принято во всѣхъ правильно устроенныхъ подобныхъ заведеніяхъ за-границей. Изъ этого числа 60 воспитанниковъ содержатся на счетъ правительства и считаются пансіонерами Министерства Народнаго Просвѣщенія; остальныя-же 15 вакансій предоставляются стипендіатамъ земствъ, городскихъ обществъ, частныхъ лицъ и своекоштнымъ пансіонерамъ. Казенные воспитанники обязаны по окончаніи курса прослужить 6 лѣтъ учителями въ городскихъ училищахъ, по назначенію попечителей учебныхъ округовъ. Желающіе-же освободиться отъ этой обязанности должны внести деньги, употребленныя на содержаніе ихъ въ продолженіе всего пребыванія въ институтѣ, по разсчету 150 р. въ годъ. Эта ежегодная сумма соотвѣтствуетъ предположенный платѣ, взносимой за стипендіатовъ и своекоштныхъ воспитанниковъ.

Учительскіе институты учреждаются по одному въ каждомъ учебномъ округѣ, за исключеніемъ Варшавскаго и Дерптскаго, въ которыхъ уже существуютъ особыя для этого учрежденія.

Такимъ образомъ число всѣхъ учительскихъ институтовъ предполагается семь (въ учебныхъ округахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Казанскомъ, Кіевскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ и Виленскомъ), которые ежегодно будутъ приготовлять до 140 учителей для городскихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Но было-бы весьма неразумно оставить безъ всякаго вниманія

---

*) Общеобязательная воинская повинность установлена въ 1874 году.

учителей нынѣшнихъ уѣздныхъ училищъ и не воспользоваться тѣми изъ нихъ, которые сами пожелаютъ получить надлежащее подготовленіе для того, чтобы имѣть право быть учителями въ новыхъ городскихъ училищахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что между уѣздными учителями многіе пойдутъ на это, потому что иначе имъ придется, при преобразованіи уѣздныхъ училищъ, остаться за штатомъ.

Въ этихъ видахъ, при учительскихъ институтахъ предполагается устраивать особые вечерніе курсы, въ которыхъ желающіе уѣздные учителя могутъ получать необходимое для будущихъ городскихъ учителей теоретическое, научное и педагогическое образованіе. Для пріобрѣтенія-же навыка въ новомъ методѣ преподаванія, они могутъ преподавать въ состоящихъ при институтахъ городскихъ училищахъ. По выдержаніи какъ теоретическаго, такъ и практическаго испытанія въ преподаваніи, эти лица получаютъ свидѣтельства на званіе учителей новыхъ городскихъ училищъ, наравнѣ съ окончившими курсъ воспитанниками учительскихъ институтовъ.

Для того-же, чтобы доставить такую-же возможность учителямъ уѣздныхъ училищъ, не находящихся въ тѣхъ городахъ, гдѣ будутъ учреждены учительскіе институты, при этихъ послѣднихъ, если окажется надобность, могутъ быть открываемы лѣтніе курсы, въ которыхъ такіе уѣздные учителя будутъ получать необходимое подготовленіе для учителей городскихъ училищъ. Для этого они на лѣтнее каникулярное время съѣзжаются въ тотъ городъ, гдѣ находится учительскій институтъ, получая отъ правительства опредѣленное денежное пособіе. Директоръ-же и учителя института за преподаваніе, какъ въ вечернихъ, такъ и въ лѣтнихъ дополнительныхъ курсахъ, получаютъ особое добавочное вознагражденіе. Этими приспособительными мѣрами число ежегодно приготовляемыхъ учителей для городскихъ училищъ можетъ быть значительно увеличено, что дастъ возможность совершить преобразованіе уѣздныхъ училищъ въ болѣе короткій срокъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволитъ способнымъ теперешнимъ уѣзднымъ учителямъ продолжать свою полезную учебную службу и въ проектируемыхъ городскихъ училищахъ.

Какъ при учительскихъ институтахъ, такъ и при городскихъ училищахъ полагаются педагогическіе совѣты, библіотеки и собранія всѣхъ необходимыхъ учебныхъ пособій.

При городскихъ училищахъ дозволяется, по желанію земства, городскихъ обществъ, сословій и частныхъ лицъ и на ихъ счетъ, устраивать пансіоны или общія ученическія квартиры, для того, чтобы и дѣти, живущія въ деревняхъ, могли учиться въ этихъ учили-

щахъ и получать правильное, законченное общее элементарное образованіе.

Учрежденіе такихъ пансіоновъ можетъ быть особенно полезно для небогатыхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, которые, живя постоянно въ деревнѣ, въ настоящее время лишены почти всякой возможности доставить хотя сколько-нибудь порядочное начальное обученіе своимъ дѣтямъ. Можно предполагать, что эти мѣры получатъ свое надлежащее развитіе, если только новыя городскія училища будутъ снабжены дѣйствительно хорошими учителями и, вслѣдствіе сего, будутъ доставлять правильное элементарное образованіе, которое откроетъ способнымъ дѣтямъ, гдѣ-бы они ни находились, путь къ дальнѣйшему общему и высшему научному или прикладному техническому образованію.

Составленные мною, на вышеизложенныхъ основаніяхъ, проекты положеній о городскихъ училищахъ и учительскихъ институтахъ были прочтены Министромъ и переданы на разсмотрѣніе Ученаго комитета, который одобрилъ ихъ, сдѣлавъ лишь нѣсколько замѣчаній. Затѣмъ, въ теченіе трехъ вечеровъ, графъ Д. А. Толстой вмѣстѣ со мною внимательно разсматривалъ эти проекты, требуя отъ меня подробныхъ объясненій по всѣмъ болѣе важнымъ статьямъ, и призналъ необходимымъ дозволить мѣстнымъ городскимъ обществамъ вводить въ городскихъ училищахъ обученіе нѣкоторымъ ремесламъ и устраивать разные дополнительные промышленные курсы, соотвѣтственно потребностямъ городскаго населенія, хотя я только возражалъ противъ этого, доказывая какъ нашимъ собственнымъ опытомъ, такъ и опытомъ другихъ великихъ европейскихъ государствъ, что обученіе ремесламъ и прикладнымъ знаніямъ въ общеобразовательныхъ начальныхъ училищахъ приводило только къ тратѣ денегъ, и что для этого должны быть устроены отдѣльныя мѣстныя профессіональныя школы. Послѣ тщательнаго личнаго разсмотрѣнія, графъ хотѣлъ прямо внести проекты въ Государственный Совѣтъ, но я успѣлъ убѣдить его предварительно напечатать ихъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», подвергнуть ихъ обсужденію печати и вызвать отзывы окружныхъ попечительскихъ и педагогическихъ совѣтовъ нашихъ учебныхъ заведеній и отдѣльныхъ педагоговъ. Это происходило въ февралѣ 1869 года.

Между тѣмъ, въ концѣ 1868 года стали поступать въ Министерство отзывы попечителей, попечительскихъ и педагогическихъ совѣтовъ гимназій на запросъ Министерства относительно гимназическаго устава 1864 года. Графъ приказалъ передавать всѣ поступившие от-

зывы мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я сдѣлалъ сводъ имъ, который и былъ напечатанъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Въ маѣ того-же года, графъ, передъ отъѣздомъ въ свое рязанское помѣстье, поручилъ мнѣ, вмѣстѣ съ докладчикомъ по разряду среднихъ учебныхъ заведеній статскимъ совѣтникомъ Воцининымъ (бывшимъ впослѣдствіи директоромъ канцеляріи Св. Синода, теперь уже умершимъ) сдѣлать измѣненія въ означенномъ гимназическомъ уставѣ согласно съ замѣчаніями большинства попечительскихъ и педагогическихъ совѣтовъ и привести этотъ уставъ въ связь съ моимъ проектомъ положенія о новыхъ городскихъ училищахъ, мнѣ—по учебной и воспитательной частямъ, а Воцинину—по хозяйственной. Въ началѣ іюля, именно 8-го числа, я получилъ отъ графа изъ деревни письмо, въ которомъ онъ еще разъ благодарилъ меня за проекты городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ, просилъ составить «Проектъ общаго положенія о мѣстныхъ промышленныхъ училищахъ» и выражалъ увѣренность, что къ его возвращенію будетъ готовъ и проектъ измѣненнаго гимназическаго устава съ объяснительною къ нему запискою. Это письмо оканчивалось слѣдующими, лестными для меня, словами: «Такимъ образомъ, благодаря вамъ, я внесу въ Государственный Совѣтъ не проекты отдѣльныхъ училищъ, а проектъ положенія о цѣлой стройной системѣ общеобразовательныхъ начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеній и мѣстныхъ промышленныхъ училищъ».

Но это не состоялось. По Высочайшему повелѣнію, была назначена особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ графа С. Г. Строганова, для пересмотра устава гимназій и прогимназій 1864 года.

Напечатанные въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» проекты положеній о городскихъ училищахъ и учительскихъ институтахъ были встрѣчены вообще сочувственно какъ въ нашей повременной печати, такъ и нашими педагогами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно въ отзывахъ попечительскихъ и педагогическихъ совѣтовъ было высказано нѣсколько весьма практическихъ замѣчаній, на основаніи которыхъ мною были сдѣланы соотвѣтствующія измѣненія и дополненія въ означенныхъ проектахъ. Затѣмъ проекты были разсмотрѣны въ двухъ засѣданіяхъ совѣта Министра, въ которыхъ и я присутствовалъ, но мнѣ не пришлось почти вовсе говорить, такъ какъ на вопросы и замѣчанія членовъ совѣта отвѣчалъ и давалъ объясненія самъ графъ. Въ Государственный Совѣтъ эти проекты были внесены вмѣстѣ съ проектомъ измѣненій въ уставѣ гимназій и прогимназій 1864 года и съ проектомъ устава реальныхъ училищъ удостоились

Высочайшаго утвержденія, какъ сказано въ самомъ началѣ этой статьи 31-го мая 1872 года.

Теперь, слѣдовательно, прошло уже почти двадцать лѣтъ, и въ учебномъ устройствѣ какъ учительскихъ институтовъ, такъ и новыхъ городскихъ училищъ не потребовалось почти никакихъ измѣненій. Правда, нѣкоторые находятъ, что введеніе въ городскихъ училищахъ *класснаго преподаванія* затрудняетъ умственный ходъ ученія. Но, во-1-хъ, это дѣло у насъ новое и непривычное, а во-2-хъ, въ настоящее время все болѣе и болѣе признается необходимымъ даже въ гимназіяхъ соединить преподаваніе однородныхъ предметовъ въ рукахъ одного учителя, какъ, напримѣръ, древнихъ и отечественнаго языковъ и исторіи, математики, естественныхъ наукъ и географіи, и не только въ низшихъ, но и въ среднихъ и высшихъ классахъ, для достиженія необходимаго единства и согласія въ гимназическомъ ученіи. Учителя, приготовленные въ учительскихъ институтахъ, по крайней мѣрѣ, значительно большая часть, хорошо знаютъ свое дѣло и добросовѣстно исполняютъ свои обязанности. Въ послѣдніе годы въ учительскихъ институтахъ вводится преподаваніе такъ-называемому «*ручному труду*» по шведскому образцу, чтобы будущіе учителя могли обучать этому предмету въ городскихъ училищахъ съ цѣлью развить въ учащихся способность и нѣкоторую сноровку къ занятіямъ ремеслами и мастерствами. На сколько обученіе «ручному труду» будетъ полезно и производительно для этой цѣли,—покажетъ практика.

Что касается общаго элементарнаго образованія, сообщаемаго въ новыхъ городскихъ училищахъ, то доказательствомъ правильности и практичности его могутъ служить ученики, окончившіе полный курсъ ученія въ этихъ училищахъ и поступившіе въ юнкерскія училища и въ существующія у насъ еще весьма немногія профессіональныя школы. Они признаются лучшими учениками, грамотными, твердо знающими преподанный имъ курсъ ариѳметики, геометріи, отечественной исторіи и географіи, умѣющими рѣшать задачи и чертить и, что́ особенно важно, привыкшими усердно работать.

Въ заключеніе могу еще прибавить, что въ 1881 году мною было составлено положеніе о женскихъ училищахъ съ законченнымъ элементарнымъ курсомъ, по образцу мужскихъ городскихъ училищъ, конечно, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, какъ, напримѣръ, введеніе обученія необходимымъ простымъ домашнимъ рукодѣльямъ. На основаніи этого положенія, разсмотрѣннаго въ опекунскомъ совѣтѣ и удостоившагося также Высочайшаго утвержденія, учреждены въ Петербургѣ два Маріинскія женскія училища вѣдомства Собственной

Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Бывшая при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, Высочайше утвержденная коммиссія по женскому образованію, подъ предсѣдательствомъ Товарища Министра, князя М. С. Волконскаго, приняла эти училища за образецъ женскихъ училищъ съ законченнымъ общеобразовательнымъ элементарнымъ курсомъ, долженствующимъ служить общимъ основаніемъ всему дальнѣйшему общему и спеціальному женскому образованію.

Н. Вессель.

(Окончаніе будетъ).

ДОМА И ВЪ ШКОЛѢ.

Мой отецъ служилъ и, хотя онъ занималъ не особенно высокій рангъ, однако, его служебная дѣятельность была обширна; поэтому у насъ въ домѣ имѣлась цѣлая канцелярія. За огромнымъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ и обшитымъ золотой бахромой, сидѣло нѣсколько писцовъ въ сюртучкахъ и въ вицмундирахъ, и съ утра до вечера строчили бумаги, склонивъ голову на бокъ и скрипя гусиными перьями. Этотъ процессъ писанья казался мнѣ чѣмъ-то таинственнымъ, и когда мнѣ было пять лѣтъ, я пробирался изъ дѣтской въ канцелярію, становился у края стола и долго слѣдилъ за тѣмъ, какъ бѣгаетъ перо по бумагѣ. Отецъ получалъ газеты. Меня занимали странныя, черныя строчки, состоящія изъ отдѣльныхъ фигуръ и, всматриваясь въ нихъ, я запоминалъ ихъ очертанія, каждую толкуя по своему. Старшіе смѣялись, что я такъ внимательно читаю газеты, иногда кверху ногами, но плодомъ этого любопытства было то, что, благодаря мимолетнымъ указаніямъ писарей, я какимъ-то, теперь уже для меня неуловимымъ способомъ, научился читать безъ помощи складовъ и не зная названій буквъ. Точно также я научился писать, подражая печатнымъ буквамъ и затѣмъ скорописи. Мнѣ было шесть лѣтъ, когда, однажды вечеромъ, подбѣжавъ къ матери, я написалъ на клочкѣ бумаги ея имя. Мать удивилась, стала меня цѣловать и на другой день, поговоривъ съ отцомъ, рѣшилась меня учить правильно. Для надзора за мной и моими сестрами у насъ всегда проживали молодыя барышни-бонны изъ полекъ и нѣмокъ, которыя, однако, сами были едва-ли грамотны и быстро мѣнялись. Большею частью, это были бѣдныя дѣвушки, игравшія въ домѣ роль скорѣе приживалокъ, чѣмъ просвѣщенныхъ нянекъ. Учить меня былъ приглашенъ нѣмецъ. Я совсѣмъ забылъ, какъ его звали. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, нюхавшій табакъ, уныло смотрѣвшій на міръ Божій слезящимися карими глазами и старавшійся говорить со мною по-русски,

такъ что я до сихъ поръ слышу его фразы, страннымъ образомъ сложенныя: «Шйчасъ палька на папери!»—это значило, что онъ будетъ учить меня чистописанію, и я долженъ написать страничку палочекъ. Самъ онъ писалъ палочки преплохо, и когда выводилъ буквы на бумагѣ, чтобы показать мнѣ, какъ надо писать, то, бѣдняга, потѣлъ. При отцѣ и матери онъ обращался ко мнѣ по-нѣмецки и вмѣстѣ со мною радовался, когда не было свидѣтелей моихъ бесѣдъ съ нимъ, весьма несложныхъ. Онъ каждый день, просыпаясь, любопытствовалъ, что сегодня будутъ «кушайть», и до обѣда ходилъ съ выраженіемъ сладкаго ожиданія, если узнавалъ, что подадутъ его любимое блюдо. Отъ этого нѣмца я немногому научился. Его замѣнилъ молодой человѣкъ, Василій Ивановичъ. Онъ сталъ учить меня читать по складамъ. Я твердилъ: «бра, вра, гра, дра», хотя внѣ урока могъ читать безъ помощи складовъ. Василій Ивановичъ былъ систематическій человѣкъ. Требуя, чтобы я громко зубрилъ букварь, онъ тѣмъ временемъ погружался въ задумчивость или доставалъ изъ кармана маленькое зеркальце и любовался своей физіономіей, взбивалъ волосы и т. п. Такъ какъ, благодаря такимъ педагогическимъ пріемамъ, ученіе мое нисколько не подвигалось, то отецъ, замѣтивъ это, отставилъ Василія Ивановича и самъ принялся меня учить. Послѣ букваря, который я прошелъ только до половины, оставшись въ полномъ недоумѣніи, для чего нужны эти «бри,ври, гри, дри», онъ сталъ задавать мнѣ уроки изъ грамматики Востокова, и я началъ зубрить: «грамматика есть наука...» Ариѳметика тоже началась съ опредѣленія: «ариѳметика есть наука» и т. д. Грамматика была пространная, и въ ней приводилось множество исключеній; она нагоняла на меня такой ужасъ, что на первыхъ порахъ мнѣ, бывало, снились «енки», превращающіеся въ «ять», какъ существа, спеціально назначенныя для того, чтобы мучить маленькихъ дѣтей. По ариѳметикѣ шли успѣхи не лучше. Я одолѣлъ счисленіе, и мнѣ нравились такія слова, какъ «милліоны» и «билліоны; но камень преткновенія составляла таблица, которую я зубрилъ цѣлую недѣлю. Ученіе мое сопровождалось длинными перерывами, когда отецъ уѣзжалъ по дѣламъ службы изъ дому, или у насъ бывали гости, или-же мать брала меня гостить съ собою на нѣсколько дней къ знакомымъ помѣщикамъ. Досугъ, который у меня такимъ образомъ получался, я употреблялъ на чтеніе. У отца была библіотечка, состоявшая преимущественно изъ медицинскихъ книгъ, такъ какъ онъ получилъ университетское образованіе по медицинскому факультету въ Харьковскомъ университетѣ. Отъ доски до доски я прочиталъ «Народную медицину» Чаруковскаго, которая состояла изъ многихъ то-

мовъ. Начитавшись Чаруковскаго, я сталъ подавать совѣты домашнимъ. Наша старая няня, Агаѳья, по временамъ, запивала. Увидя ее однажды съ лицомъ, покрытымъ красными пятнами, я прибѣжалъ въ испугѣ въ гостиную, гдѣ сидѣла мать и принимала дамъ, и закричалъ: «Мамочка, у Агафьи пятнистый тифъ». Нѣкоторое время за мной установилась въ домѣ кличка: «нашъ докторъ», которая сначала мнѣ льстила, а потомъ насмѣшливый тонъ, которымъ она сопровождалась, меня дразнилъ, и я пересталъ читать медицинскія книжки.

Мать моя была религіозная женщина, воспитанная въ строгомъ православіи, а отецъ былъ католикъ, подчинявшійся, однако, православному режиму, который у насъ господствовалъ, благодаря матери, часто ходившій въ православную церковь и водившій дружбу съ священниками. Чтобы дать мнѣ матеріалъ для чтенія, мать накупила у книгоноши московскихъ книжечекъ съ описаніемъ житій разныхъ святыхъ, и я ихъ усердно сталъ поглощать. По вечерамъ и утрамъ я долженъ былъ вслухъ повторять за отцомъ православныя молитвы и вскорѣ зналъ почти весь молитвословъ наизусть. Правда, трехъ четвертей ихъ смысла я не понималъ, напримѣръ, меня смущали такія слова, какъ «жезаны» («распятаго-же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ»). Тѣмъ не менѣе, не смотря на это, стояніе на молитвѣ внушало мнѣ всегда какой-то благоговѣйный страхъ. Отъ чтенія священныхъ книгъ у меня мало-по-малу сложилась потребность погружаться въ религіозныя фантазіи. Къ семи годамъ я ужъ горѣлъ страстнымъ желаніемъ убѣжать въ пустыню, построить землянку и имѣть видѣнія, общаясь только съ небесами; а такъ какъ пустыни нигдѣ особенной не было, и я не зналъ, гдѣ она находится поблизости, то убѣгалъ въ огромный бурьянъ, которымъ заросъ огородъ, лежавшій за нашимъ домомъ. Бурьянъ былъ высокій, совсѣмъ какъ лѣсъ, и тамъ я проводилъ цѣлые часы, лежа на спинѣ и глядя на облака. Для безопасности отъ дикихъ звѣрей, я бралъ съ собой пистолетъ, старый, кремневый, совсѣмъ не дѣйствовавшій, подаренный мнѣ отцомъ. Однажды, находясь въ странномъ экстазѣ, съ душою, наполненной невѣроятной и прекрасной чепухой (слезы текли у меня изъ глазъ отъ умиленія и несказанной безпричинной радости), я увидѣлъ, какъ раздвинулись облака и изъ-за нихъ показалось сѣдобородое лицо святителя Николая. Я испугался, вскочилъ съ крикомъ, побѣжалъ домой и заболѣлъ горячкой. Когда я выздоравливалъ, то увидѣлъ у себя на постели цѣлый ворохъ новенькихъ, только-что купленныхъ книжечекъ съ описаніемъ жизни другихъ святыхъ, которыхъ я еще не зналъ. Мать старалась угодить мнѣ. «Чѣмъ-

бы ты хотѣмъ быть?» спросилъ меня отецъ, подходя ко мнѣ и цѣлуя. — «Хотѣлъ-бы быть министромъ финансовъ?» А я отвѣчалъ: «Папочка, я хочу быть монахомъ».

Потомъ, дня черезъ два, я услышалъ, какъ отецъ сказалъ матери: «Все это хорошо, но онъ черезчуръ фантазируетъ. По моему, для него слѣдуетъ нанять хорошаго гувернера». Вскорѣ отецъ уѣхалъ на долгое время; а мать, пользуясь его отсутствіемъ, рѣшила, не дожидаясь гувернера, отдать меня въ школу, которую содержалъ въ томъ посадѣ (Клинцахъ), гдѣ мы жили, учитель чистописанія и каллиграфъ. Вечеромъ мать отправилась со мной къ учителю, и онъ показалъ ей образцы своего искусства — ангеловъ съ трубами во рту, начерченныхъ перомъ, и такія мудреныя готическія буквы, что я ихъ принялъ сначала за жуковъ и муравьевъ. Учитель былъ полный, бритый и стриженный, съ маленькимъ лбомъ и улыбкой до ушей. У него было большое семейство, и дѣла его шли, кажется, хорошо. На другой день, съ человѣкомъ меня отправили въ школу. Я увидѣлъ большую низкую комнату, уставленную партами; около пятидесяти дѣтей сидѣли за ними, и каждый, раскачивая головой, громко зубрилъ свой урокъ. Шумъ отъ этихъ голосовъ стоялъ невообразимый. За одной партой сидѣли дѣвочки, которыя отличались отъ мальчиковъ скромностью и учили свои уроки не такъ громко. По классу ходилъ толстый парень лѣтъ пятнадцати, съ круглымъ, какъ у луны, лицомъ, и подходилъ къ мальчикамъ, которые протягивали ему свою руку. Тогда онъ съ размаху билъ по ладони линейкой. Рука краснѣла, а экзекуторъ, видимо, наслаждался казнью и искалъ новыхъ жертвъ. Меня посадила на скамейку недалеко отъ дѣвочекъ учительница, которая нарочно пришла за этимъ въ классъ. Учитель-же пока пилъ чай на своей половинѣ. Дѣвочка, которая сидѣла ближе ко мнѣ, плакала. У ней тоже была красная рука. Замѣтивъ, что она плачетъ, парень подошелъ къ ней. Она протянула ему другую руку, и раздался ударъ, отъ котораго я вскрикнулъ и потерялъ сознаніе. Очнулся я на учительской половинѣ, облитый водой. Между тѣмъ мать захотѣла навѣстить меня и посмотрѣть, какое впечатлѣніе произвела на меня школа. Она пріѣхала и застала меня въ слезахъ. Больше я не посѣщалъ этой школы.

Нѣсколько лѣтъ продолжалась дружба отца съ небезъизвѣстнымъ въ свое время поэтомъ Иваномъ Петровичемъ Бороздною. Бороздна крестилъ у него дѣтей и часто бывалъ. Каждый разъ пріѣздъ къ намъ Бороздны былъ событіемъ въ домѣ. Въ залѣ воздвигалась малень-

кая эстрада, обитая краснымъ сукномъ; эстрада уставлялась растеніями и деревцами въ кадкахъ. Зажигалась люстра и всѣ стѣнники. На эстрадѣ ставился столикъ и два кресла. Дѣтей наряжали; наряжалась сама мать, и отецъ въ изысканномъ бѣльѣ и бархатномъ сюртучкѣ съ тревогой ходилъ по комнатамъ, смотрѣлъ, все-ли въ порядкѣ, и выглядывалъ въ окно. Наконецъ, когда сумерки совсѣмъ сгущались, по улицѣ раздавался грохотъ кареты, запряженной цугомъ съ форейторомъ, и пріѣзжалъ Бороздна. Онъ былъ человѣкъ средней полноты, съ правильнымъ, слегка наполеоновскимъ лицомъ, съ волосами, зачесанными на виски, и въ золотыхъ очкахъ. Говорилъ онъ красиво, остро, мягко и любезно. Собирались еще гости, впрочемъ, не больше двухъ, трехъ человѣкъ, такъ какъ Бороздна не любилъ видѣть людей ему неизвѣстныхъ. Онъ помѣщался на эстрадѣ вмѣстѣ съ отцомъ. Все это было театрально, и теперь мнѣ кажется нѣсколько смѣшнымъ, но тогда это не производило такого впечатлѣнія—напротивъ. Бороздна читалъ свои стихотворенія. У него въ запасѣ имѣлся съ собою экземпляръ, переплетенный въ бархатъ его крѣпостными переплетчиками. Къ его пріѣзду меня заставляли выучивать какое-нибудь его стихотвореніе, и я декламировалъ его. Бороздпѣ льстили, восторгались его стихами и, помню, онъ очень любезно подарилъ свой бархатный экземпляръ г-жѣ Атрыганьевой, съ которой встрѣтился у насъ. Атрыганьева эта была жена молодаго милліонера, незадолго передъ тѣмъ поселившагося въ Суражскомъ уѣздѣ и отличавшагося своей любовью къ искусству. Она была ваятельницей и славилась необыкновенной красотой. Атрыганьевъ-же впослѣдствіи, на склонѣ лѣтъ, выступилъ какъ живописецъ и стяжалъ себѣ извѣстность. Отецъ весьма не дурно игралъ на флейтѣ. Эти литературно-музыкальные вечера надолго оставались въ моей памяти и волновали меня.

Мнѣ исполнилось восемь лѣтъ. Мы переѣхали въ глухую деревушку и поселились въ старинномъ барскомъ домѣ, который былъ расположенъ на высокой горѣ. Тамъ отецъ принялся за мое ученіе серьезнѣе. Дешеваго хорошаго гувернера нельзя было найти; дрянныхъ было много, но они не удовлетворяли отца. Я сталъ учиться Закону Божію и латинскому языку. Послѣдній давался мнѣ необыкновенно легко. Память у меня развилась до остроты, которая меня самого теперь изумляетъ. Я выучилъ наизустъ весь маленькій словарь латинскихъ словъ въ нѣсколько дней. Изъ ариѳметики я къ тому времени не пошелъ дальше дробей. Не знаю отчего, но, по всей вѣроятности, въ силу психической реакціи, мое религіозное настрое-

ніе, которое было такъ сильно въ семь лѣтъ, постепенно притупилось, открылись новые горизонты, которые манили къ себѣ дѣтскую душу. Я сталъ убивать время на рисованіе альбомовъ. Альбомы съ рисунками зародились слѣдующимъ путемъ. Меня плѣняли картинки на конфектахъ и на бонбоньеркахъ; эти картинки я собиралъ, и у меня накопилось ихъ груды. Чтобы увеличить ихъ число, я сталъ ихъ срисовывать, но такъ какъ срисовывать было труднѣе, потому что я никогда не могъ достигнуть совершенства, съ какимъ нарисованы были конфектныя картинки, то предпочелъ самъ выдумывать сюжеты, и вотъ у меня явилась масса сценъ изъ домашней жизни, изъ дѣтской, изъ дворовой. Сестры высоко цѣнили картинки моего приготовленія; это поощряло меня. Было произведено множество томиковъ съ рисунками. Я засыпалъ съ мыслью о нихъ, и, вставая, сейчасъ-же принимался за карандашъ или перо. Отецъ случайно увидѣлъ мои альбомчики, заинтересовался и сказалъ: «Да ты будешь живописцемъ», и такъ какъ онъ самъ рисовалъ, то принялся учить меня рисовать. Черезъ годъ онъ переѣхалъ въ Почепъ вмѣстѣ со всей семьей. Въ Почепѣ жилъ художникъ Брызгаловъ, котораго пригласили давать мнѣ уроки живописи. Уроки были страшно скучны, и самъ учитель почувствовалъ, что толку изъ этого не будетъ; онъ пересталъ ходить ко мнѣ, оставивъ, однако, у меня школу живописи съ рисунками Калама. Днемъ я зубрилъ уроки изъ географіи, исторіи, изъ Закона Божія (для этого предмета былъ приглашенъ учителемъ дьяконъ), изъ латыни, которую я зналъ уже довольно хорошо для своихъ лѣтъ, такъ что могъ читать Корнелія Непота, изъ ариѳметики, а вечеромъ просиживалъ за скопировываніемъ швейцарскихъ хижинъ, дуплистыхъ и корявыхъ деревьевъ и пр. Писалъ ужъ я быстро и правильно. Въ Почепѣ впервые я прочиталъ сказки Пушкина; этотъ поэтъ былъ первый писатель, съ которымъ я познакомился. Мнѣ исполнилось 10 лѣтъ и начался 11-й. По прежнему ученіе мое продолжалось съ перерывами, иногда весьма продолжительными. Въ это время отецъ, у котораго была способность въ веселыя минуты говорить стихами, набросалъ нѣсколько разсказовъ и прочиталъ матери ихъ вслухъ въ моемъ присутствіи. Какой-то заѣзжій петербургскій литераторъ взялъ ихъ у отца, передѣлалъ и напечаталъ подъ своимъ именемъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» того времени. Разсказы были написаны отъ собственнаго имени, между тѣмъ литераторъ нашелъ нужнымъ имя и отчество отца проставить въ разсказахъ цѣликомъ. Несмотря на такой плагіатъ, отецъ былъ доволенъ судьбой своихъ разсказовъ, и это внушило мнѣ мысль, что

можно писать. Потихоньку отъ всѣхъ, я принялся сочинять самъ, но дальше первой страницы ничего не могъ придумать. Изъ Почепа отецъ бралъ меня съ собой въ Черниговъ и возилъ въ театръ. Первая пьеса, которую я увидѣлъ, была «Гамлетъ». По возвращеніи изъ Чернигова, я состряпалъ драму «Горе и радость» и прочиталъ ее женѣ отцовскаго письмоводителя, которая взамѣнъ разсказала мнѣ цѣлый рядъ индійскихъ романовъ. Я сталъ читать все, что попадалось подъ руку—романы Лажечникова, князя Мосальскаго, драмы Кукольника, прочиталъ Донъ-Кихота Ламанчскаго, и когда читалъ въ какой-то исторической монографіи о судьбѣ короля Людовика XVI, то горько плакалъ.

Не смотря на этотъ роялизмъ, у меня и у моихъ сестеръ, съ которыми у насъ постоянно велись бесѣды о пустякахъ и о важныхъ матеріяхъ, были убѣжденія демократическія, за что намъ однажды крѣпко досталось отъ родителей. Въ то время Россія переживала 61-ый годъ; то была эпоха освобожденія. Когда у насъ собирались гости, состоявшіе изъ мелкихъ помѣщиковъ и управляющихъ большими имѣніями, то весь разговоръ ихъ исключительно вертѣлся на крестьянахъ. Помѣщики жаловались, пожимали плечами, негодовали; отъ слугъ-же мы слышали совсѣмъ другое: они жаловались на помѣщиковъ, упрекали ихъ въ жестокости, въ томъ, что они мѣшаютъ царской волѣ. Какъ-то само собой сочувствіе въ нашихъ дѣтскихъ сердцахъ складывалось въ пользу крестьянъ, которыхъ мы олицетворяли въ видѣ, симпатичныхъ для насъ, кучера Филиппа, горничной Марьи, няньки Агаѳьи. Я любилъ лошадей; у меня была своя пони и, благодаря этому, я часто бѣгалъ на конюшню, и тамъ Филиппъ изливалъ предо мной свою душу. Наэлектризованный имъ, я прибѣгалъ къ сестрамъ и дѣлился съ ними своими впечатлѣніями и новыми взглядами. Какъ-то отецъ и мать подъ вліяніемъ среды, въ которой они вращались, и старыхъ привычекъ, въ которыхъ выросли и были воспитаны, стали при насъ осуждать слугъ и защищать необходимость тѣлесныхъ наказаній. Я и сестра моя, Катя, вступились за слугъ, къ необыкновенному удивленію родителей. Разумѣется, насъ не погладили по головкѣ. Но эта маленькая и ничтожная сцена положила начало расколу между нами и родителями. Впослѣдствіи эта трещина становилась все глубже. Какъ ни смѣшно, этотъ микроскопическій либерализмъ былъ для насъ началомъ того явленія, которое уже въ шестидесятыхъ годахъ было подмѣчено Тургеневымъ и обобщено имъ въ его романѣ: «Отцы и дѣти».

Должно быть, извѣстныя идеи, назрѣвая въ обществѣ, выра-

жаются въ тайникахъ человѣческой души не сразу, и то, что кажется впослѣдствіи повѣтріемъ, внезапно охватившимъ цѣлое поколѣніе, обязано своимъ происхожденіемъ ничтожнымъ и неуловимымъ для наблюденія сѣменамъ, брошеннымъ рукою времени и обязательно долженствующимъ прорости и дать плодъ. «Ты знаешь — говорилъ мнѣ недавно мой пріятель и товарищъ—вотъ моему сыну двѣнадцать лѣтъ, я извѣстный человѣкъ и уважаемый писатель, а онъ, этотъ мальчишка, смотритъ на меня уже скептически, въ немъ чувствуется что-то новое, то, что называется будущимъ поколѣніемъ, которое станетъ въ разладъ съ нашимъ. Тебѣ не странно это?» спросилъ онъ. Я вспомнилъ то, о чемъ сейчасъ я разсказалъ и отвѣтилъ: «Нѣтъ, не странно. Это въ порядкѣ вещей».

Съ этого-же времени начался у меня страхъ передъ родителями, котораго я прежде не испытывалъ; я сдѣлался робокъ, боялся обнаружить передъ ними свои помыслы и вообще сталъ вдумываться и вглядываться въ поведеніе старшихъ и сравнивать ихъ слова и наставленія съ ихъ поступками и дѣлами.

Отецъ велъ жизнь, такъ сказать, кочевую. У него бывали времена, когда онъ блисталъ роскошью жизни, и затѣмъ случались минуты тяжелой нужды. Въ Почепѣ онъ долженъ былъ распродать экипажи и лошадей, и мы переѣхали въ Черниговъ. Въ Черниговѣ легко было найти учителя. Для насъ была нанята образованная француженка гувернантка съ пышными рыжими волосами и матовымъ красивымъ лицомъ. Она болтала съ нами по французски, разсказывала веселыя исторіи о Парижѣ, и у меня въ умѣ сложилось представленіе о Франціи, какъ о странѣ, гдѣ чуть не каждый день выволакиваютъ въ городахъ на улицы стулья и всю мебель и мѣшаютъ войскамъ проходить церемоніальнымъ маршемъ. Разсказавъ о барикадахъ, француженка начинала пѣть: «Sur le pont d'Avignon tout le monde danse»... и вотъ, опять новая картина—французы танцуютъ. Легкомысленная француженка заставляла меня переводить драмы Дюма изъ своей библіотечки, состоявшей изъ крошечныхъ брюсельскихъ томиковъ, и имѣла, должно быть, не полное, но разнообразное представленіе о французской литературѣ. Отъ нея я узналъ много именъ знаменитыхъ французовъ, и она показывала намъ альбомъ, въ которомъ самъ Гаварни, ухаживавшій за нею (по ея признанію), набросалъ ей нѣсколько чудесныхъ размашистыхъ сценокъ. На этихъ рисункахъ были изображены молодые французы и француженки съ приподнятыми платьями и съ улыбающимися лицами—они тоже танцовали. Мать не взлюбила гувернантку, и мы поняли за что̀: лѣтомъ она имѣла привычку ходить

декольте и обнажать свои прекрасныя мраморныя плечи: прощаясь, намъ объяснила это сама француженка.

Изъ Чернигова мы переѣхали въ мѣстечко Моревскъ, лежащее на берегу Десны въ необыкновенно живописной мѣстности. Путешествіе было сдѣлано изъ Чернигова въ Моревскъ на баркѣ. Мы плыли внизъ по теченію вечеромъ и ночью, а днемъ барка останавливалась, отецъ бралъ ружье, давалъ мнѣ ружьецо, и мы охотились въ прибрежныхъ болотахъ. Вечеромъ на палубѣ я игралъ на шарманкѣ, отецъ на флейтѣ, мать декламировала стихи Лермонтова: «По синимъ волнамъ океана»... Путешествіе продолжалось около двухъ недѣль, хотя могло-бы окончиться въ три дня: отцу хотѣлось отдыха и впечатлѣній. Это было самое поэтическое путешествіе, какое я когда-либо сдѣлалъ. Берега Десны то гористые, увѣнчанные старыми деревьями и напоминавшіе собою, при лунномъ освѣщеніи, сказочные зáмки и разрушенные города, то низменные и зеленѣющіе, тянулись по обѣимъ сторонамъ безконечно развивающейся панорамой чудесныхъ видовъ съ малороссійскими деревнями, церквами и барскими усадьбами, съ толпою крестьянъ и крестьянокъ въ пестрыхъ нарядахъ, собиравшихся вечерами послушать музыку съ веселой барки. Я написалъ стихотвореніе. Вслѣдъ за этимъ стихотвореніемъ изъ подъ моего пера вылилось еще нѣсколько, въ которыхъ все описывалась Десна и плескъ волнъ, «лобзающихъ сонный берегъ».

Въ Моревскѣ лирическое настроеніе смѣнилось эпическимъ. Начитавшись историческихъ книгъ, я сталъ писать поэмы подъ названіемъ: «Мамаево побоище», «Димитрій Донской», «Пылающій Кремль». Подражая Бороздиѣ, я перекладывалъ псалмы и отрывки изъ Библіи въ стихи. Учителя у меня не было, но была учительница, приглашенная изъ Чернигова по выбору матери, сколько я ужъ понималъ, совершенно невѣжественная, даже плохо говорившая по-французски, молодая дѣвушка, страшно угрюмая, озлобленная, постоянно придиравшаяся къ дѣтямъ и подводившая насъ подъ уголовныя наказанія. Отецъ хотѣлъ самъ заниматься со мной, но такъ какъ ему было поручено въ это время введеніе уставныхъ грамотъ, то времени у него рѣшительно не было. Я былъ предоставленъ самому себѣ, зубрилъ учебники и проводилъ время въ томъ, что ѣздилъ за Десну охотиться (мнѣ шелъ тринадцатый годъ), рисовалъ акварелью священные сюжеты, а поэтическое дарованіе мое приняло сатирическій оттѣнокъ: я написалъ большое стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Свиньи-люди» и «Сатиру на гувернантку». Письмоводитель отца былъ моимъ довѣреннымъ читателемъ. Черезъ нѣкоторое время аудиторія моя расширилась—у насъ

во флигелѣ поселился фельдшеръ Михайловъ, молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Москвы, питомецъ воспитательнаго дома. Онъ привезъ съ собою анатомическій атласъ и нѣсколько научныхъ свѣдѣній, въ числѣ которыхъ было, что алмазы родятся изъ человѣческихъ костей, долго лежащихъ въ землѣ. Поэтому онъ увлекалъ меня на научныя экскурсіи по отысканію алмаза. Гора, на которой стояла церковь, когда-то служила кладбищемъ Моревску, Десна размыла ее весной и обнажила множество костей и череповъ. Фельдшеръ внимательно раскапывалъ землю и искалъ алмазовъ. Однажды нашли мы съ нимъ стеклышко, и у насъ разгорѣлся споръ, кому оно принадлежитъ. У фельдшера во флигелѣ жили двѣ чечотки, необыкновенно ручныя и пригожія; онъ соблазнилъ меня чечотками, и я уступилъ ему стеклышко.

Какъ-то у отца пропала уставная грамота. Началось домашнее слѣдствіе, и было высказано предположеніе, что я истратилъ эту бумагу на свои рисунки. Отецъ напалъ на меня и, въ порывѣ гнѣва, изорвалъ портфель съ моими акварелями. Это меня страшно оскорбило, я ушелъ изъ дому и далъ себѣ слово никогда больше не рисовать, чтобы досадить отцу. Эту дурацкую Ганнибалову клятву я сдержалъ до тридцати лѣтъ. Бумага нашлась черезъ полчаса. Отецъ потомъ жалѣлъ, уговаривалъ меня снова начать рисовать. Онъ познакомился съ барономъ Штиглицемъ, пріѣзжавшимъ въ свое имѣніе, показалъ ему мои рисунки, и тотъ предлагалъ взять меня на воспитаніе и сдѣлать изъ меня «человѣка»; но я настоялъ на своемъ и сказалъ, что никогда больше не буду рисовать. Такъ Штиглицъ и не сдѣлалъ изъ меня «человѣка».

Между тѣмъ, мнѣ ужъ было тринадцать лѣтъ, и я ужъ многое забылъ изъ того, что зналъ раньше. Праздная жизнь привлекала меня; охота, стихи и фельдшеръ Михайловъ наполняли все мое время. Весной передъ вечеромъ пріѣхалъ къ намъ въ гости помѣщикъ К. Его помѣстили въ одной комнатѣ со мной ночевать. К. разговорился со мной, прочиталъ мои стихи, проэкзаменовалъ меня, и на другой день сталъ упрекать отца, что я до сихъ поръ не въ гимназіи. Отецъ отвѣчалъ, что онъ давно ужъ собирается меня опредѣлить въ учебное заведеніе, но мѣшаютъ дѣла и отсутствіе правильной подготовки. Слѣдствіемъ этого разговора было то, что черезъ два или три дня меня снарядили въ дорогу. Мать благословила меня хлѣбомъ съ солью и подарила завѣтную дѣдовскую шкатулочку, служившую въ Бородинскомъ походѣ еще ея отцу, Максиму Бѣлинскому, и я отправился съ отцомъ въ городъ Остеръ, отстоявшій отъ Моревска въ тридцати съ чѣмъ-то верстахъ.

Остеръ—маленькій городокъ съ остатками стариннаго княжескаго дворца, заброшенный, глухой, но живописный, какъ всѣ малороссійскіе города, расположенные на берегахъ рѣкъ. Въ Острѣ началось хожденіе по учителямъ уѣзднаго училища. Приведя меня къ какому-нибудь учителю, отецъ заставлялъ меня декламировать стихи моего сочиненія. Я читалъ «Мамаево побоище», «рѣка Десна лобзала берега» и тому подобное. Учителя находили, что этого мало для поступленія въ гимназію. Они пробовали экзаменовать меня. Я à livre ouvert читалъ Корнелія Непота и даже Салюстія, но для поступленія въ третій классъ этого совсѣмъ не нужно было—въ то время латинскій языкъ начинался только съ четвертаго класса,—по-русски я писалъ совершенно правильно безъ ошибокъ, но теоретически языка не зналъ и, не смотря на зубреніе съ шестилѣтняго возраста, что такое грамматика, не могъ этого сказать. Оказалось, что только Законъ Божій я хорошо зналъ, да кое-какъ французскій языкъ. Два учителя отказались приготовить меня въ короткій срокъ, а именно къ августу мѣсяцу. Наконецъ, отецъ обратился къ молодому человѣку, только-что вышедшему изъ университета, поступившему въ уѣздное училище учителемъ географіи. Это былъ Луковскій, человѣкъ, о которомъ я до сихъ поръ вспоминаю съ самымъ теплымъ чувствомъ. Поговоривъ со мной и выслушавъ «Мамаево побоище», онъ улыбнулся и сказалъ, что отвѣтитъ черезъ три дня, можетъ-ли онъ приготовить меня въ третій классъ къ августу мѣсяцу или нѣтъ. Познакомившись со мною, онъ объяснилъ мнѣ, что такое дробь и научилъ читать по-нѣмецки. Черезъ три дня онъ отвѣтилъ, что берется. Я остался одинъ въ Острѣ на квартирѣ у нѣкоей госпожи Галаганъ. У меня была своя комната, свои маленькія деньги; я вдругъ сталъ жить какъ самостоятельный человѣкъ. Къ Луковскому я приходилъ на два, на три часа, сдавалъ ему уроки, причемъ они были безсовѣстно велики, и возвращался домой, гдѣ находилъ общество, состоявшее изъ молодыхъ помѣщиковъ-недорослей, служившихъ въ уѣздномъ судѣ писцами для чина, а также въ канцеляріи предводителя дворянства. Они тоже жили на квартирѣ у госпожи Галаганъ. Когда я выучивалъ уроки, у насъ начинался литературный вечеръ. Это бывало каждый день. Вечеръ состоялъ въ чтеніи статей «Современника» и въ разсужденіи о томъ, что̀ такое Малороссія, что̀ такое Россія.

Странное было тогда время, 63-й годъ. Теперь смѣшно даже подумать, что писцы собираются и говорятъ о политической экономіи· но тогда, судя по Остру, это было общераспространенное явленіе

Волновалась Польша, и доходили до Остра нелѣпые слухи о побѣдахъ поляковъ надъ русскими. Кружокъ раздѣлялся на полонофиловъ и украйнофиловъ; руссофиловъ совсѣмъ не было. Я примкнулъ къ украйнофиламъ. Со мной обращались, какъ со взрослымъ, называли меня по имени и отчеству и считали серьезнымъ молодымъ человѣкомъ. Русскіе стихи я забросилъ и сталъ писать малороссійскіе. Меня долго потомъ бросало въ краску отъ этихъ малороссійскихъ стиховъ, когда я вспоминалъ о нихъ. Портретъ батьки Шевченка былъ купленъ мною и висѣлъ надъ кроватью; поверхъ парусиновой блузы или бархатной курточки, въ которыхъ я ходилъ, я сталъ носить красный крестьянскій поясъ. Луковскій посмѣивался надъ моимъ украйнофильствомъ, но поощрялъ мою литературу и однажды, задавъ мнѣ темой для сочиненія: «Остеръ и его окрестности» въ прозѣ и въ стихахъ, сказалъ мнѣ, когда я принесъ ему тетрадку: «Вы должны серьезнѣе относиться къ себѣ и не тратить времени на чепуху. Изъ васъ выйдетъ писатель, попомните мое слово». Онъ старался дѣйствовать на меня товарищескимъ обращеніемъ со мной, и если я находилъ, что урокъ великъ, онъ говорилъ: «какія-же могутъ быть для насъ съ вами трудности»? Онъ развивалъ во мнѣ самолюбіе, и придти къ нему, не зная заданнаго урока, я не могъ-бы. Если къ нему при мнѣ приходили гости, онъ прерывалъ занятія, знакомилъ меня и такъ направлялъ разговоръ, чтобы я могъ принять въ немъ участіе и блеснуть тѣми свѣдѣніями и мнѣніями, которыя ему казались резонными. Чтобы отдалить меня отъ либеральныхъ писцовъ, мѣшавшихъ мнѣ заниматься, онъ ни разу не сдѣлалъ мнѣ выговора или замѣчанія, а приглашалъ къ себѣ, катался со мной въ лодкѣ и все время, пока онъ былъ со мной, посвящалъ предметамъ. Такимъ образомъ, незамѣтно для самого себя и безъ всякаго насилія со стороны учителя, я повторялъ пройденное и узнавалъ подробности, которыхъ не было въ учебникахъ. Если-бы такой учитель, какъ Луковскій, взялся за воспитаніе молодаго человѣка съ цѣлью довести его, что называется, до конца, то получился-бы блестящій результатъ. Я замѣтилъ еще тогда, что въ мое отсутствіе онъ все-таки занимался мною, подготовлялся самъ къ урокамъ и много читалъ. Къ 15-му августа пріѣхалъ отецъ, чтобы везти меня въ Кіевъ. Луковскій захотѣлъ сопровождать насъ. Съ тоской выѣхалъ я изъ Остра, и черезъ нѣсколько дней меня привели въ первую Кіевскую гимназію.

Классныя занятія уже начались. Я долженъ былъ ходить изъ класса въ классъ и экзаменоваться у каждаго учителя въ присутствіи учениковъ. Обстановка эта чрезвычайно меня смущала, тѣмъ болѣе,

что Луковскій не присутствовалъ на экзаменахъ. Однако, я выдержалъ испытаніе и былъ принятъ въ третій классъ.

Я сдѣлался ученикомъ первой гимназіи, но жилъ я на квартирѣ у надзирателя второй гимназіи Т. Квартира надзирателя находилась въ зданіи гимназіи и была не велика. Всѣ ея комнаты были набиты учениками. Меня помѣстили въ темномъ чуланчикѣ, отдѣленномъ отъ спальни надзирателя ширмами, на томъ основаніи, что я былъ еще маленькій мальчикъ, и жизнь въ чужой спальнѣ не могла на меня дурно подѣйствовать. Т. былъ добрѣйшій и ограниченнѣйшій человѣкъ, старозавѣтный католикъ. По вечерамъ у него собирались учителя и разные гимназическіе чиновники и играли въ карты. Это доставляло доходъ надзирателю: гости платили за карты, и такъ какъ карточныхъ столиковъ было нѣсколько, то Т—у послѣ такихъ вечеровъ оставалось въ чистую прибыль рублей пять, шесть, а иногда и десять, за вычетомъ расходовъ на свѣчи, чай и нѣсколько тоненькихъ ломтиковъ колбасы и ветчины. Товарищи мои по квартирѣ на первыхъ порахъ весьма расположились ко мнѣ, ухаживали за мной и не оставляли меня ни на минуту одного; дѣло въ томъ, что отецъ, уѣзжая, оставилъ на мои нужды у меня на рукахъ изрядную сумму. Всѣ эти деньги ушли на пустяки. Въ свободное отъ занятій время я бродилъ съ новыми товарищами по городу и угощалъ ихъ мороженымъ и фруктами. Передъ вечеромъ, по возвращеніи съ прогулокъ по городу, въ гимназическомъ дворѣ, тамъ, гдѣ были сложены дрова, устраивались игры необыкновенно жестокія и опасныя: выбирали когонибудь изъ болѣе храбрыхъ или симпатичныхъ мальчиковъ въ коменданты, давали ему въ распоряженіе отрядъ, и комендантъ со своими подчиненными забирался въ крѣпость; а крѣпость эта были сажени дровъ. Бомбы были заготовлены уже заранѣе—груда кирпичей и булыжниковъ. Затѣмъ выбирался другой предводитель и съ своей ватагой осаждалъ крѣпость; въ крѣпость летѣли тоже кирпичи и булыжники. Такъ какъ и нападающіе, и защищающіеся не видали другъ друга, то было много шансовъ проломить другъ другу голову. Но вотъ терпѣніе истощалось, осажденные дѣлали вылазку или осаждающіе шли на приступъ, и тогда-то пускались въ ходъ уже мелкіе камешки, которыми были набиты карманы у каждаго воина. Лица у всѣхъ были въ синякахъ, и кто одолѣвалъ, тотъ былъ побѣдителемъ и съ побѣжденныхъ бралъ дань, состоявшую изъ сладостей или даже изъ учебныхъ книгъ, которыя потомъ продавались у букинистовъ. Я чувствовалъ, что во всей этой игрѣ есть что-то неладное и что это не совсѣмъ прилично для меня, серьезнаго моло-

даго человѣка, который уже читалъ «Современникъ» и заботился о судьбахъ Малороссіи. Однако-же, личная отвага и ложный стыдъ помѣшали мнѣ отказаться отъ званія коменданта. Тутъ произошло нарушеніе международнаго права: по взаимному соглашенію, при штурмѣ нельзя было употреблять крупныхъ камней, но Г., семнадцатилѣтній верзила, тоже ученикъ третьяго класса, бравшій мою крѣпость приступомъ, ворвался въ проломъ съ двумя такими огромными кирпичными глыбами, что когда одна изъ нихъ пролетѣла мимо моего уха со свистомъ и ударилась въ дрова, то разбилась въ дребезги, а другая угораздила меня въ плечо, и я потомъ двѣ недѣли не могъ писать. Послѣднія деньги были отъ меня отобраны, какъ отъ побѣжденнаго, и кстати военнымъ играмъ былъ положенъ предѣлъ; начальство замѣтило безобразіе, вмѣшалось и запретило ихъ.

Я посѣщалъ классы аккуратно. Тогда въ первой гимназіи была большая неурядица и господствовалъ странный духъ. Всѣ учителя, за немногими исключеніями, были крайне ласковы и снисходительны къ гимназистамъ, въ особенности поляки и, помню, на урокахъ географіи и исторіи учитель Р., сосланный вскорѣ затѣмъ въ Сибирь за косвенное участіе въ польскомъ мятежѣ, говорилъ исключительно о политикѣ. Гимназисты сходили съ партъ, окружали каѳедру, провожали и встрѣчали его оваціями; онъ въ классѣ многимъ пожималъ руки. Правда, что тогда третій классъ на половину состоялъ изъ молодыхъ людей шестнадцатилѣтняго и даже восемнадцатилѣтняго возраста. Всюду слышалась польская рѣчь, и насъ, не говорившихъ по-польски, называли, «москалями». «И онъ москаль?» спросилъ Р., указывая на меня, и когда узналъ, что я православный и не говорю по-польски, укоризненно покачалъ головой. Вскорѣ классъ раздѣлили на два отдѣленія; въ одномъ преобладали поляки, въ другомъ евреи и русскіе. Я попалъ во второе отдѣленіе.

Изъ числа учителей лучшими въ нашемъ отдѣленіи были: Вальцъ, читавшій естественную исторію, молодой, безусый юноша, маленькаго роста и въ длиннополомъ синемъ фракѣ; Функе, преподававшій латинскій языкъ и никогда меня не спрашивавшій на томъ основаніи, что я зналъ латынь; учитель русскаго языка Богатиновъ, поставившій мнѣ пять за сочиненіе, на заданную тэму, но усумнившійся въ томъ, чтобы я самъ его написалъ; Куликовскій, математикъ, и строгій, но внушавшій уваженіе къ себѣ справедливостью, инспекторъ Ростовцевъ. Я не скажу, чтобы общій педагогическій механизмъ первой гимназіи способствовалъ успѣхамъ учениковъ; царила распущенность и, повидимому, ни одному учителю не было дѣла до того, учится уче-

никъ или нѣтъ, можно было почти ничего не знать и все-таки получить три. Во время уроковъ многіе читали постороннія книжки, и равнодушіе учителя отражалось на ученикахъ. Пансіонеры, бывшіе въ первой гимназіи, отличались особенной неряшливостью. Но самый ужасный классъ былъ—рисованья: ученики разбивались на группы, играли въ карты или въ перья, или въ пуговицы, такъ что къ концу класса иной проигрывалъ всѣ пуговицы съ мундира; учителю подавали неприличные рисунки. Старичокъ махалъ рукой, улыбался и всѣмъ ставилъ пять съ плюсомъ.

Въ числѣ пансіонеровъ былъ нѣкто О., который былъ гораздо выше меня ростомъ и года на четыре старше. Послѣ несправедливости, которую оказалъ мнѣ Богатиновъ (человѣкъ, впрочемъ, добрый), О. почувствовалъ ко мнѣ влеченіе. Во время перемѣнъ онъ уходилъ со мной на гимназическій дворъ, въ садъ и тамъ говорилъ: «Видишь, что у начальства нѣтъ правды, и не можетъ быть. Ихъ главная задача держать насъ въ рабствѣ и забить въ насъ человѣческій смыслъ. Они выдумываютъ миѳы, чтобы насъ дурачить; напр., ты думаешь, что въ самомъ дѣлѣ міръ основался въ шесть дней?—ничуть, на его образованіе потребовались многіе милліоны лѣтъ; все создалось изъ элементовъ. Прочитай «Силу и матерію»—это полезная книга, она откроетъ тебѣ глаза, я тебѣ дамъ, у меня есть рукопись. Вотъ видишь, я грызу спичку. Для чего ты думаешь?—для того, чтобы сдѣлаться умнѣе: фосфоръ дѣйствуетъ укрѣпляющимъ образомъ на мозгъ. A propos, мой милый, дай мнѣ рубль, насъ чертовски скверно кормятъ—воруетъ экономъ и дѣлится съ директоромъ». На слѣдующую недѣлю О. попался въ воровствѣ книги и былъ исключенъ изъ гимназіи, по требованію Ростовцева. О., уходя, донесъ Ростовцеву, что я читалъ «Силу и матерію» и тотъ потребовалъ отъ меня объясненій. «Поняли-ли вы что-нибудь?» Я еще не успѣлъ прочитать рукописи, и сказалъ объ этомъ Ростовцеву. Онъ повѣрилъ, потому что я не солгалъ. «Когда вы выростете, сказалъ онъ мнѣ, и у васъ будетъ больше здраваго смысла, вы прочитаете эту книгу и найдете, что она пуста, а теперь на судьбѣ О. вы можете убѣдиться, какъ она дѣйствуетъ на дураковъ».

Въ октябрѣ я заболѣлъ острымъ ревматизмомъ, провалялся въ постели почти до Рождества и, нисколько не подвинувшись въ Кіевской гимназіи за эти полгода, былъ переведенъ отцомъ въ Нѣжинскую гимназію.

Въ Нѣжинѣ тогда существовалъ юридическій лицей кн. Безбородко, и при немъ была гимназія. Нѣжинъ большой, но глухой городъ, клас-

сически грязный и нездоровый. Меня и тутъ помѣстили на квартиру, у надзирателя—Муратова. Весь день по улицамъ города ходили гурьбами студенты, одѣтые въ форму, и жестоко пьянствовали. Увидѣть нѣжинскаго студента не пьянаго было большой рѣдкостью; даже выпивши двѣ, три рюмки, студентъ, по крайней мѣрѣ, притворялся пьянымъ—это было высшимъ шикомъ. Гимназисты постарше тоже пьянствовали. У насъ на квартирѣ по ночамъ мальчики 15—17 лѣтъ составляли складчину, покупали водку и пировали до утра. Въ классѣ они спали или, забравшись на заднюю парту, играли въ карты. За всѣмъ тѣмъ, Нѣжинская гимназія въ педагогическомъ отношеніи была поставлена лучше Кіевской. Учителя были допотопные, за рѣдкими исключеніями, но рутина, которой они слѣдовали, была такъ стойка и прочна, что выйти изъ колеи могли только крѣпко желающіе того. Сладкаго обращенія съ учениками, снисходительнаго и вѣжливаго отношенія къ нимъ не было совсѣмъ; престарѣлые учителя были суровы и строги. Въ стѣнахъ гимназіи еще царилъ духъ розги, которая уже оффиціально была запрещена, но объ этой розгѣ ученики сохранили свѣжія преданія и называли имена героевъ, которые, сорвавшись съ позорной скамьи, звѣрски бросались на экзекуторовъ. Въ третьемъ классѣ общій возрастъ учениковъ въ среднемъ числѣ былъ еще выше, чѣмъ въ Кіевской гимназіи. Рѣдко были хорошими учениками великовозрастные. Они составляли солидный элементъ въ классѣ, говорили басомъ, выходили курить въ ватерклозетъ и были прокопчены насквозь табакомъ. Будучи спрошены, они отвѣчали невпопадъ или держали себя съ достоинствомъ, то-есть, молчали; по временамъ на урокахъ тѣхъ учителей, которые не внушали страха и—увы!—брали взятки въ видѣ дорогихъ приватныхъ уроковъ, а не то и непосредственно, какъ водилось въ старое доброе время, общимъ хоромъ пускали октаву, которая минуты двѣ дрожала въ классѣ, какъ звукъ разбитаго колокола. Сдѣлавъ это дѣло, великовозрастные предавались мирной бесѣдѣ. Между ними былъ одинъ сутуловатый и плечистый малый М., наивнѣйшей души человѣкъ, искренно преданный лошадямъ и мечтавшій объ извозѣ—о томъ, какъ онъ пойдетъ лѣтомъ въ Крымъ за солью, привезетъ съ Дона вяленой рыбы и выгодно распродастъ. По слухамъ, онъ былъ тайно женатъ и имѣлъ уже двоихъ дѣтей. Отъ плохаго бритья щеки у него были синія. Онъ никогда не выкидывалъ никакихъ шалостей, былъ скроменъ и покровительствовалъ маленькимъ товарищамъ. Въ классъ онъ обыкновенно приносилъ съ собою какое-нибудь кожаное шитье и дратвы и тайкомъ подъ столомъ, шилъ, забравшись на Парнасъ.

Въ углу класса стоялъ огромный ящикъ, куда сторожъ собиралъ соръ. Ящикъ этотъ стоялъ уже много лѣтъ, можетъ быть, съ основанія гимназіи. Учитель математики, Куликовскій, являвшійся на урокъ въ зеленомъ зонтикѣ надъ глазами, тѣмъ ученикамъ, которые плохо отвѣчали, грозилъ: «А что, не хочешь-ли въ ящикъ?» Оказалось, что прежде, до Пирогова, Куликовскій неспособныхъ учениковъ, дѣйствительно, сажалъ въ этотъ ящикъ. Предметъ свой К. читалъ превосходно. Другой учитель Л., толстый и неповоротливый, похожій на Собакевича, съ такимъ-же мастерствомъ и глубокимъ знаніемъ дѣла, а главное, съ искреннимъ желаніемъ научить насъ, читалъ русскій языкъ. Но о немъ также разсказывали, что еще не такъ давно онъ имѣлъ привычку изъ всѣхъ лѣнивыхъ учениковъ, не знающихъ урока, дѣлать посрединѣ класса каріатиду, то-есть, онъ ставилъ ихъ на колѣни въ кружокъ, ногами во внутрь и потомъ садился на эту табуретку. Какой-то мальчикъ пырнулъ его ножичкомъ. Мальчика исключили, а учитель получилъ внушеніе и, сообразуясь съ духомъ новаго времени, сталъ вести себя иначе. Впрочемъ, онъ былъ раздраженъ на новые порядки; объясняя одному ученику разницу между «вы», обращеннымъ ко многимъ лицамъ, и «вы» къ одному, онъ привелъ примѣръ: «Такъ прежде я бы сказалъ: ты мерзавецъ, а теперь, когда пошла гуманность, говорю: вы мерзавецъ; если-же ко всему классу обращусь, то скажу: вы мерзавцы». Еще былъ учитель нѣмецкаго языка Ш., который, по преданію, оторвалъ ухо ученику. Но и ученики мстили за жестокость жестокостями. По корридору, прихрамывая, ходилъ надзиратель Т., еще не старый человѣкъ, жена котораго любила устраивать у себя вечера съ гимназистами. Онъ какъ-то набрелъ на незаконное сборище, доложилъ начальству и добился исключенія зачинщика. Тогда друзья исключеннаго сломали ему ногу бревномъ. (Кстати, считаю нужнымъ замѣтить, что лица, о которыхъ въ моихъ воспоминаніяхъ говорится что-нибудь не совсѣмъ для нихъ благопріятное, уже умерли, о лицахъ-же еще живыхъ я совсѣмъ не упоминаю или говорю только вскользь въ томъ случаѣ, если ничего хорошаго о нихъ сказать нельзя). При мнѣ былъ случай, единственный за все время пребыванія моего въ гимназіи: ученикъ втораго класса, сдѣлавъ величиной въ кулакъ шаръ изъ замазки, которой были выкрашены парты, вообще страшно изуродованныя ногтями учениковъ, пустилъ этой бомбой въ учителя математики К., и попалъ ему въ лобъ. Сдѣлалъ онъ это безъ всякой злобы, а единственно изъ удальства. По соглашенію съ родителями, онъ былъ высѣченъ и оставленъ въ гимназіи. Большою строгостью отличался инспекторъ Бѣлобровъ, онъ-же

профессоръ лицея. Наводилъ онъ страхъ на учениковъ своими выпуклыми глазами. Бывало, ничего не говоритъ, а только смотритъ съ брюзгливой гримасой, и ученикъ трепещетъ. Онъ никогда не ходилъ въ мундирѣ, а въ драповомъ пальто въ полоскахъ и съ серебристой искрой. За то трудно было найти человѣка болѣе благодушнаго, какъ нашъ директоръ Стеблинъ-Каменскій, выслужившійся изъ надзирателей и впослѣдствіи умершій на губернаторскомъ посту въ Вильнѣ. Онъ былъ трехъ-аршиннаго роста и геркулесовскаго сложенія. Въ крайнемъ случаѣ, когда прижималъ инспекторъ или ученикъ считалъ себя обиженнымъ учителемъ, можно было прямо обращаться къ директору съ жалобой, и нерѣдко онъ принималъ сторону ученика, разобравъ дѣло. Одинъ ученикъ пожаловался ему, что, несмотря на глубокое его знаніе геометріи, учитель математики круглый годъ ставилъ ему двойку и, конечно, провалитъ на экзаменѣ. На экзаменъ явился самъ директоръ, вызвалъ ученика и началъ его экзаменовать. Онъ нарисовалъ на доскѣ кругъ и спросилъ: «что это такое?»—«Кругъ» отвѣчалъ ученикъ безъ запинки.—«А это что такое?» —«Уголъ». — «Прекрасно, а это?» — «Центръ». — «Превосходно. Теперь, что это такое?» –– «Радіусъ».—«Садитесь. Вы знаете предметъ основательно. Эти свѣдѣнія вамъ пригодятся въ жизни, не забывайте ихъ; остальное все равно забудете». Это было въ пятомъ классѣ.

Въ Нѣжинской гимназіи бурщество было развито преимущественно въ третьемъ классѣ. Ученики сидѣли по нѣскольку лѣтъ въ классахъ и старѣлись за этимъ занятіемъ. Отъ невѣроятной скуки, которая одолѣвала ихъ во время уроковъ, они изобрѣтали развлеченія: въ потолокъ, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояла каѳедра и гдѣ помѣщался учитель, искусно влѣплялся комокъ снѣга, который, тая, ронялъ на черепъ педагога холодныя капли, или туда-же при помощи жеваной бумаги прикрѣплялся на ниточкѣ чертикъ. Нервнаго француза выживали изъ класса тѣмъ, что пускали по полу десятокъ мышей. Весною у каждаго гимназиста на шеѣ, вмѣсто галстуха, былъ ужъ, такъ какъ ужами изобиловалъ прилегавшій графскій садъ. Ужи шипѣли, и французъ поднималъ крикъ.

Гимназисты носили тогда красные воротники съ золотыми петлицами, а лучшимъ изъ учениковъ нашивались золотые-же погончики; я былъ въ числѣ этихъ учениковъ. Смотря по способностямъ учениковъ, учителя предъявляли къ нимъ соотвѣтственныя требованія; плохимъ ученикамъ предлагались несложные вопросы, а ученикамъ съ острымъ соображеніемъ задавались головоломные.

Вскорѣ въ третьемъ классѣ появился новый учитель географіи Кон-

чевскій, который очаровалъ насъ своимъ изысканнымъ обращеніемъ. Онъ былъ вѣжливъ, но не фамильяренъ, любезенъ и строгъ, и съумѣлъ сдѣлать географію нашимъ любимымъ предметомъ. Несмотря на то, что онъ никогда не ставилъ единицъ и не ставилъ отмѣтокъ въ журналѣ, послѣ которыхъ слѣдовало приглашеніе къ инспектору, на его урокѣ всѣ, даже парнасцы, вели себя хорошо, были внимательны и скромны. Выкинуть какую-нибудь штуку Кончевскому никому не приходило въ голову. Онъ выгодно отличался отъ другихъ учителей своей молодостью, опрятной внѣшностью и своей, такъ сказать, широкой манерой читать предметъ, вводя въ сухое изложеніе занимательные и поучительные эпизоды. Другимъ популярнымъ учителямъ, на урокахъ котораго также никогда не происходило никакихъ исторій, былъ Шарко, учитель естествовѣдѣнія; хотя онъ читалъ суховато но ясно, и ему хотѣлось, чтобы каждый ученикъ понималъ его; въ то-же время ничего внѣшне-оффиціальнаго не было въ его чтеніи и въ его преподаваніи. Ученики безъ тяготы ждали его урока, не питали къ нему страха и не видѣли въ немъ врага.

Меня перевели въ четвертый классъ безъ экзаменовъ, по годичнымъ отмѣткамъ. Начиная съ четвертаго класса, гимназическая жизнь получала переломъ; четвертый классъ считался уже старшимъ, учителя самые грубые не позволяли себѣ уже называть насъ мерзавцами и по четвергамъ или по средамъ—не помню—мы вмѣстѣ съ учениками другихъ старшихъ классовъ собирались, подъ предсѣдательствомъ директора или инспектора и учителя словесности Добротворскаго, для литературныхъ бесѣдъ, которымъ посвящались вечера. Кто-нибудь изъ учениковъ писалъ сочиненіе, напр. о томъ, что такое драма, о Гоголѣ, тѣнь котораго парила надъ Нѣжинскимъ лицеемъ и о которомъ ходило множество анекдотовъ и преданій, о Державинѣ, о Крыловѣ и проч. Другой ученикъ писалъ на это сочиненіе критику. Авторъ и его критикъ прочитывали публично свои произведенія, и затѣмъ начинались пренія. Это литературное развлеченіе чрезвычайно благопріятно отражалось на ученикахъ. Бывало, цѣлую недѣлю сидишь и изучаешь предметъ, о которомъ предстояла бесѣда. Въ распоряженіи ученика всегда имѣлась гимназическая библіотека, въ которой были всѣ авторы, даже новѣйшіе.

Учитель Добротворскій былъ уже очень старый человѣкъ, отрицавшій литературу, начиная съ Пушкина и, тѣмъ не менѣе, глубоко знавшій ее; такъ, напр., его нельзя было уличить въ незнаніи Бѣлинскаго, или Тургенева. Все это онъ читалъ и, можетъ быть, не одинъ разъ, но все это ему казалось легковѣснымъ. Образцомъ вы-

сокаго слога былъ для него Державинъ, образцомъ изящнаго—Карамзинъ; рѣчи Бецкаго приводили его въ умиленіе. Онъ получилъ богословское образованіе и старался привить намъ вкусъ къ сочиненіямъ духовнаго содержанія. Несмотря на его странности и консерватизмъ, мы его любили. Онъ никому не сдѣлалъ зла и искренно радовался, когда подмѣчалъ въ комъ-нибудь изъ насъ литературное дарованіе. Особеннымъ расположеніемъ его пользовались я и мой товарищъ Ф. Съ Ф., впрочемъ, у него происходили постоянные споры, такъ какъ этотъ молодой человѣкъ, бывшій старше меня года на три, былъ весь проникнутъ современнымъ журнализмомъ и писалъ сочиненія по Добролюбову и Писареву. Однажды Ф. не представилъ мѣсячнаго сочиненія, ссылаясь на то, что онъ пишетъ серьезное изслѣдованіе. Добротворскій пригрозилъ ему поставить единицу и сказалъ, что онъ видитъ въ этомъ признакъ лѣности. Ф. обидѣлся и сгоряча похвасталъ, что онъ можетъ каждый день представлять по сочиненію, такому, какъ пишутъ другіе, и даже лучше. Онъ сдержалъ слово и цѣлый годъ ежедневно подавалъ Добротворскому по тетради. Сочиненія были написаны бойко. Изъ него, однако, не вышелъ ни журналистъ, ни писатель—онъ предпочелъ другую карьеру.

Составъ учителей, начиная съ четвертаго класса, почти весь измѣнился, за немногими исключеніями. Хотя въ то время латинскій языкъ читался только три раза въ недѣлю, но нашъ преподаватель, Александровичъ, добился такихъ результатовъ, что не только я, имѣвшій основательную латинскую подготовку раньше, но и другіе мои товарищи, не имѣвшіе такой подготовки, уже въ шестомъ классѣ свободно читали Виргилія и Горація. Греческаго языка еще не было.

Можетъ быть, подъ вліяніемъ статей, которыя печатались въ богословскихъ журналахъ и которыя посвящались разбору новыхъ идей, брошенныхъ ученому міру Дарвиномъ и, повидимому, поколебавшихъ старыя вѣрованія, нашъ новый законоучитель, молодой магистръ богословія, въ чтеніе Закона Божія вводилъ полемическія выходки противъ Молешота, Бюхнера и другихъ ученыхъ. Благодаря этому, у многихъ изъ насъ возникъ интересъ къ названнымъ ученымъ; мы стали доставать ихъ книжки и жадно читать; въ особенности жадно читалъ я. У меня прежнее религіозное настроеніе давно уступило мѣсто реакціи. Пріѣзжая домой на зимнія и лѣтнія каникулы, я часто бывалъ у помѣщика Конисскаго, ветхаго старика, обладавшаго обширной для меня французской библіотекой, состоявшей изъ философовъ прошлаго вѣка. Почти всю эту библіотеку я прочиталъ: Вольтера, Руссо и Гумбольдта во французскомъ переводѣ; я прочиталъ

Локка, потомъ «Systême de la nature», и меня очаровалъ Ламетри своей грубой радикально-матеріалистической философіей. Я забросилъ свои стихи и прозу и жилъ, погруженный въ научный сумбуръ, двойною жизнью. Бывало, всю ночь думаешь о томъ, что человѣкъ есть машина, горишь, сомнѣваешься и иногда плачешь. Въ Нѣжинѣ у студентовъ и въ мѣстной частной библіотекѣ, которую содержала одна молодая дѣвушка, я доставалъ книги, къ какимъ стремился, познакомился съ «Kraft und Stoff» Бюхнера и, наконецъ, одолѣлъ Дарвина. Все свободное время весною, лѣтомъ и осенью я употреблялъ на экскурсіи. Мнѣ было пріятно думать, что я ученый, что я собираю насѣкомыхъ и растенія, составляю коллекціи, изучаю анатомію. Моя комнатка на квартирѣ, гдѣ я стоялъ, была вся увѣшана лошадиными и собачьими черепами съ подробнымъ обозначеніемъ на каждой кости ея названія, ящиками съ бабочками и жуками. У меня былъ шкафикъ съ минералами, который я купилъ у своего товарища, пріѣхавшаго съ Урала, и полка съ любимыми книгами. Чтенія было страшно много, я хваталъ, что попало и, когда прочиталъ свои научныя книжки, взялся за Диккенса, напролетъ просиживалъ ночи за Писемскимъ, «Дѣтствомъ и отрочествомъ» Толстаго, надъ путешествіями вокругъ свѣта Араго, надъ «Обломовымъ» Гончарова. Затѣмъ снова принимался за науку, ходилъ съ сачкомъ за городъ и возвращался съ добычей, и жалѣлъ, что вокругъ Нѣжина нельзя предпринимать никакихъ геологическихъ экскурсій, такъ какъ тамъ ничего нѣтъ, кромѣ болотъ. Ученый, вооруженный молоткомъ, микроскопомъ, взбирающійся на Альпійскіе ледники и слѣдящій за движеніемъ ледяныхъ глыбъ, казался мнѣ полубогомъ, и подражать ему хоть въ слабой степени было-бы для меня высшимъ счастьемъ. Я мечталъ о томъ, что непремѣнно напишу когда-нибудь книгу, гдѣ открою новый видъ растенія, новое животное, опишу какой-нибудь ледникъ, эта книга будетъ впослѣдствіи стоять на полкахъ въ Нѣжинской библіотекѣ и какой-нибудь будущій «я» прочтетъ ее и скажетъ: «хотѣлъ-бы я быть такимъ ученымъ».

Товарищи, жившіе вмѣстѣ со мной на квартирѣ, смотрѣли на мои занятія и на мои научныя увлеченія со снисходительной улыбкой— они были старше меня и, если предпринимали экскурсіи, то совсѣмъ съ другой цѣлью. Они разсказывали мнѣ о своихъ побѣдахъ и сердечныхъ успѣхахъ, о выпивкахъ. А я, въ видѣ протеста, напускалъ на себя суровость и вздумалъ спать на голыхъ доскахъ, подложивъ камень подъ голову. Этотъ громадный камень, въ которомъ, вѣроятно, было пудовъ пять, едва внесли солдаты въ мою комнату (мой

квартирохозяинъ былъ военный докторъ). Мѣсяцъ я спалъ на жесткомъ ложѣ, довольный удивленіемъ, которое возбуждалъ къ себѣ. Однажды кровать не выдержала тяжести и камень провалился.

Меня всегда раздражало отношеніе ко мнѣ старшихъ, какъ къ мальчику. На видъ я былъ, дѣйствительно, мальчишка. Я былъ худъ и болѣзненъ, до смѣшнаго застѣнчивъ. Къ этому присоединялось внутреннее убѣжденіе, что вѣдь я, въ самомъ дѣлѣ, еще мальчикъ и могу дѣлать большія глупости. Кто-то изъ гимназистовъ вздумалъ носить, вмѣсто форменной фуражки, войлочную шляпу—такъ-называемый «бриль». Эти шляпы продавались на базарѣ по 30 копѣекъ и отличались страшной тяжестью; я думаю, что шишакъ пожарнаго солдата не легче этого бриля. Другимъ гимназистамъ показалось это чѣмъ-то демократическимъ, и вотъ началась мода на брили. По выходѣ изъ классовъ, многіе гимназисты появлялись въ городѣ въ этихъ нелѣпыхъ шляпахъ. Ихъ преслѣдовало начальство и сажало въ карцеръ. Я купилъ себѣ точно такой-же бриль и вышелъ на прогулку. Инспекторъ увидѣлъ меня и, разумѣется, на другой день я былъ подвергнутъ заточенію. Въ первый разъ я былъ наказанъ. Это было въ 5-мъ классѣ. Униженіе, которое я испыталъ, было такъ сильно, что во мнѣ вдругъ развилась строптивость, какъ результатъ озлобленности на инспектора. Какъ-то я выкинулъ новую шалость, и за это опять пострадалъ.

Между тѣмъ я перешелъ въ 6-й классъ и рѣшилъ начать новую жизнь, сдѣлаться аскетомъ въ полномъ смыслѣ слова и погрузиться въ науку по самую макушку. Кстати, въ числѣ темъ, которыя были заданы ученикамъ 6-го и 7-го класса на премію, состоявшую изъ золотой медали или изъ денежной награды, была такая: «Отношеніе человѣка къ природѣ». Я сейчасъ-же обложился книжками, надѣлалъ массу выписокъ, извлекъ изъ памяти все, что въ ней хранилось, и къ концу года, къ назначенному сроку, представилъ педагогическому совѣту огромный трудъ. Онъ пестрѣлъ научными ссылками и цитатами такъ, что рябило въ глазахъ; не только русскіе источники, но и иностранные были указаны тамъ въ непомѣрномъ количествѣ. Моя ученость «ошеломила» педагоговъ. Совѣтъ единогласно призналъ, что сочиненіе это выходитъ изъ ряда вонъ, а учитель естественной исторіи шепнулъ мнѣ, что со временемъ его можно было-бы напечатать. Какъ разъ пріѣхалъ изъ Кіева визитаторъ, и ему представили мое сочиненіе, можетъ быть, желая показать, какіе бываютъ серьезные, трудолюбивые ученики въ Нѣжинской гимназіи. Я нѣсколько дней

ходилъ съ высоко поднятой головой. Товарищи посматривали на меня съ гордостью—дескать, отличилась наша гимназія! Но вотъ является сторожъ и зоветъ меня къ директору. А директоръ былъ тогда уже Гудимъ-Левковичъ, замѣнившій Стеблинъ-Каменскаго. Онъ необычно вѣжливо принялъ меня, сталъ поить чаемъ и, сначала конфузясь, а потомъ вдругъ разгорячившись, началъ: «Ахъ, какъ-же можно было писать такое сочиненіе?! Я, признаться, не читалъ его на совѣтѣ, да и трудно, знаете, сразу понять—у васъ тамъ такая белиберда изъ цитатъ. А вотъ теперь, когда раскусили въ чемъ дѣло, это ужасно; вы насъ поставили въ самое неловкое положеніе; изъ-за васъ придется получить замѣчаніе. Вы, пожалуйста, какъ-нибудь поправьте все это. Сходите-ка вы къ Шарко, поговорите съ нимъ, можетъ быть тамъ что-нибудь можно сократить, измѣнить, прибавить. Наука обоюдоострая вещь. Скажите мнѣ откровенно, преподавали вамъ что-нибудь подобное мы?» Я долженъ былъ сказать, что ничего подобнаго мнѣ не преподавали.—«Ну вотъ, зачѣмъ-же вы написали? Зачѣмъ вы вышли изъ программы, такъ сказать?» И онъ много еще говорилъ. Я отправился къ Шарко перепуганный, а втайнѣ польщенный испугомъ директора. Шарко пояснилъ мнѣ, что, разумѣется, внѣ гимназіи это сочиненіе могло-бы имѣть значеніе, напр., будь я студентъ, но для гимназиста оно нѣсколько того... Исправлять нечего, прибавилъ онъ:—а напишите-ка новое, что-нибудь полегче, если успѣете.

Не успѣлъ я придти домой, запиской требуютъ меня къ законоучителю высшихъ классовъ. Онъ долго бесѣдовалъ со мною, отнесся къ высказаннымъ мною взглядамъ съ большою толерантностью, но въ заключеніе своей бесѣды преподалъ совѣтъ («и этотъ совѣтъ пригодится Вамъ въ жизни», сказалъ онъ): держать языкъ за зубами, а перо на привязи; говорить и писать такъ, чтобы не оскорблять чужихъ мнѣній. Онъ указалъ мнѣ на теорію параллелизма, пытающуюся примирить данныя науки со свидѣтельствами библіи. Онъ далъ мнѣ также сочиненіе Дефондуса, французскаго богослова, который опровергалъ Дарвина; но мнѣ тогда показалось, что опроверженія Дефондуса не убѣдительны, и въ своей рецензіи на эту книгу я это отважно написалъ и представилъ замѣтку законоучителю. «Знаете что—сказалъ мнѣ директоръ ласково и съ просьбой въ голосѣ—намъ самимъ неловко увольнять васъ, а ищите вы мѣсто въ другой гимназіи».

Въ это время отецъ переѣхалъ уже въ Черниговъ на жительство и занялся тамъ адвокатурой. Я подалъ прошеніе о принятіи меня въ Черниговскую гимназію и поступилъ въ 7-й классъ, впрочемъ, не безъ

нѣкотораго труда, такъ какъ Кустовъ, директоръ Черниговской гимназіи, боялся моего свободомыслія по аттестаціи, полученной изъ Нѣжина.

То, что казалось свободомысліемъ въ Нѣжинѣ, совсѣмъ не было свободомысліемъ въ Черниговѣ. Я очутился въ средѣ товарищей, гораздо болѣе положительныхъ и начитанныхъ, чѣмъ я казался себѣ въ Нѣжинѣ. Многіе изъ нихъ знали нѣмецкій языкъ, читали Бюхнера въ подлинникѣ, а Г. поразилъ меня Дарвиномъ, сочиненія котораго имѣлись у него на англійскомъ языкѣ. Общій уровень гимназистовъ въ Черниговѣ былъ выше. Ученики, правда вкривь и вкось, толковали о политической экономіи и соціальныхъ наукахъ, тогда какъ я могъ похвастать только естествознаніемъ. Учителя были молодые, они собирали къ себѣ гимназистовъ и вели себя съ ними, какъ товарищи. Я сталъ пользоваться свободой, какой не было въ Нѣжинѣ. Учителя уроковъ не спрашивали; они относились къ намъ, какъ къ студентамъ. Было два, три старыхъ учителя, державшихся прежнихъ воззрѣній на ученика, но они составляли исключеніе. Одинъ изъ нихъ, учитель нѣмецкаго языка, поссорился съ двумя гимназистами седьмаго класса А. и З. за то, что они громко стучали каблуками, выходя изъ класса. Отвѣты ихъ показались дерзкими директору, и тотъ предложилъ имъ выйти изъ гимназіи, пообѣщавъ, однако, что они будутъ допущены въ качествѣ частныхъ лицъ къ окончательнымъ экзаменамъ и имъ не будетъ сдѣлано пристрастія. Онъ сдержалъ обѣщаніе. Въ Черниговѣ, благодаря мнѣ и еще двумъ товарищамъ, въ седьмомъ классѣ группа учениковъ проявила страстную любовь къ химіи, предмету, который вовсе не входилъ въ преподаваніе. Директоръ Кустовъ, человѣкъ, котораго всѣ не любили за сухость и формализмъ, сейчасъ-же отвелъ химикамъ комнату при физическомъ кабинетѣ, и тамъ мы стали заниматься опытами. По вечерамъ, разъ или два въ недѣлю, собиралась публика, состоявшая изъ гимназистовъ и учителей. На краю парты садился самъ Кустовъ, а кто-нибудь изъ насъ читалъ лекцію по химіи и сопровождалъ ее соотвѣтствующими демонстраціями. «Я вамъ все-таки совѣтую—сказалъ мнѣ Кустовъ однажды—поступить на историко-филологическій факультетъ: кто знаетъ такъ хорошо латынь, какъ вы, не долженъ избирать своею спеціальностью естествознаніе».

Но я не послушался и поступилъ на естественно-историческій факультетъ. Окончаніе гимназіи мы отпраздновали страшнымъ пьянствомъ, я тогда въ первый и послѣдній разъ напился.

Многихъ изъ моихъ товарищей уже нѣтъ на свѣтѣ, какъ и нѣтъ многихъ учителей. Вспоминая о послѣднихъ, я ни къ кому изъ нихъ, даже къ тѣмъ, которые были неправы по отношенію ко мнѣ, не сохраняю въ своей душѣ злого чувства: они дѣлали, что могли, и, по крайней мѣрѣ, половина изъ нихъ дѣлала хорошо.

I. Ясинскій.

ДУША РЕБЕНКА ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЖИЗНИ.

(*Продолженіе*).

III. Разумъ ребенка.

Въ интеллектуальномъ развитіи ребенка можно различать два существенно различныхъ періода: время до появленія рѣчи и время, когда, обучившись языку, ребенокъ пользуется имъ, чтобы почерпать знанія изъ опыта другихъ людей.

Однимъ изъ основныхъ и важнѣйшихъ знаній, пріобрѣтаемыхъ ребенкомъ еще до обученія рѣчи, является *знаніе о пространствѣ*, т.-е. о протяженіяхъ, фигурахъ и разстояніяхъ окружающихъ тѣлъ. Выше мы уже указывали, что новорожденный не видитъ *предметовъ*, а лишь спутанную мозаику цвѣтныхъ пятенъ. Какимъ-же образомъ изъ этого слагается все наше знаніе о протяженныхъ вещахъ? Чтобы ясно представить себѣ этотъ процессъ, необходимо припомнить нѣкоторыя общія психологическія теоріи о пространствѣ.

Непосредственному чувству кажется, что протяженіе окружающихъ насъ вещей мы воспринимаемъ непосредственно черезъ зрѣніе и осязаніе. Когда я разсматриваю стоящій передъ мною столъ, я, кажется, непосредственно вижу его величину и разстояніе отъ себя, и тоже самое относительно всякаго осязаемаго или видимаго предмета. Но эта непосредственность и кажущаяся простота есть иллюзія: величина предмета и его разстояніе есть весьма сложное наше сужденіе, основанное на весьма разнообразныхъ данныхъ,—сужденіе, въ которомъ по его обыденности мы не различаемъ составныхъ его элементовъ. Чтобы разсмотрѣть эти скрытые элементы или части столь простаго, повидимому, акта, какъ всякое сужденіе о протяженіяхъ, мы должны для ясности различить пространство, какъ оно является нашему осязанію, и пространство, какъ его познаетъ нашъ глазъ; первое принято называть осязательнымъ пространствомъ, второе-же зрительнымъ; слѣпо-

рожденный, напр., не знаетъ зрительнаго пространства, а человѣкъ, лишенный кожной чувствительности—осязательнаго.

Обратимся прежде всего къ осязательному пространству и представимъ, что мы не имѣемъ и никогда не имѣли зрительныхъ ощущеній. Совершенно очевидно, что, ощупывая предметы, мы все-таки составили-бы себѣ весьма ясное представленіе объ ихъ пространственныхъ соотношеніяхъ. Но что такое психологически это ощупываніе? Непосредственно кажется, что это простое осязаніе, въ дѣйствительности-же, это гораздо болѣе сложный актъ: если-бы я имѣлъ только осязательныя ощущенія, но не имѣлъ-бы, сверхъ того, ощущеній *движенія*, у меня не могло-бы сложиться никакое представленіе о разстояніяхъ. Представимъ себѣ, что мы не имѣемъ еще никакихъ знаній о внѣшнихъ предметахъ и ихъ разстояніяхъ и возьмемъ какое-нибудь простѣйшее осязательное ощущеніе; пусть, напр., наша рука лежитъ на доскѣ стола; при этомъ мы получаемъ цѣлые ряды осязательныхъ ощущеній отъ каждой точки руки, касающейся стола. Эти ощущенія могутъ быть весьма различны по своимъ качествамъ: однѣ точки болѣе надавлены, другія менѣе, однѣ—краемъ стола, другія—плоскостью и т. п. Но, спрашивается, будетъ-ли намъ извѣстно при такихъ условіяхъ взаимное расположеніе и разстояніе этихъ точекъ? Очевидно, нѣтъ. Ибо эти осязательныя ощущенія представляютъ ряды чисто качественныхъ разнообразій, но порядокъ ихъ и разстоянія мы узнаемъ, когда для этихъ крайне разнообразныхъ ощущеній найдемъ одинъ и тотъ-же *масштабъ*. Такимъ масштабомъ и является *движеніе* руки. Движеніе руки, доставляя рядъ совершенно послѣдовательныхъ, однородныхъ и лишь по степени различающихся ощущеній, даетъ намъ нужное мѣрило, ибо свойство всякаго мѣрила и состоитъ въ томъ, что оно всегда остается по качеству тѣмъ-же самымъ. Еще одинъ примѣръ, можетъ быть, лучше выяснитъ это первостепенное значеніе ощущеній движенія въ образованіи осязательнаго пространства. Положимъ, напр, мы касаемся двумя разставленными пальцами руки какихъ-нибуть двухъ точекъ. Оба пальца получаютъ, слѣдовательно, осязательныя раздраженія. Но, спрашивается, достаточно-ли будетъ этихъ осязательныхъ ощущеній, чтобы знать разстоянія точекъ? Нѣтъ, намъ необходимо для этого знать разстоянія разставленныхъ пальцевъ, а это разстояніе мы узнаемъ, именно пробуя сводить и разводить пальцы, т.-е. слѣд. черезъ движеніе. Итакъ, общій выводъ относительно осязательнаго пространства (на который указанные примѣры только намекаютъ) будетъ таковъ: всѣ эти протяженія, разстоянія, а слѣдовательно, и формы и фигуры не даны намъ непосредственно въ

однихъ осязательныхъ ощущеніяхъ, но нами строются, на основаніи *соединенія* собственно осязательныхъ ощущеній съ ощущеніями движенія руки; иначе говоря, осязательное пространство есть ассоціація двухъ родовъ ощущеній—осязательныхъ и двигательныхъ.

То-же самое мы должны сказать и о пространствѣ зрительномъ. Въ зрительномъ пространствѣ мы должны различать удаленіе предметовъ отъ насъ, такъ-называемую глубину поля зрѣнія, отъ разстояній между предметами въ плоскости перпендикулярной, т.-е. отъ плоскостнаго зрѣнія. Что касается до перваго, до разстоянія видимыхъ предметовъ отъ насъ, то оно тоже вовсе не непосредственно дано намъ, но оцѣнивается на основаніи весьма сложныхъ явленій. Это удаленіе предметовъ оцѣнивается нами отчасти по ихъ угловой величинѣ: если я вижу маленькія человѣческія фигурки, я не предполагаю, что это пигмеи, а заключаю къ ихъ значительному отъ меня разстоянію. Но такая оцѣнка разстояній возможна, очевидно, лишь тогда, когда мы уже *предварительно* знаемъ величину предметовъ, и слѣдовательно къ первоначальному зрѣнію ребенка отношенія не имѣетъ. Разстоянія предметовъ оцѣниваются нами, далѣе, по ихъ взаимнымъ покрытіямъ: предметы ближайшіе закрываютъ собою части болѣе отдаленныхъ. Но и эта оцѣнка возможна не сначала, а лишь тогда, когда мы уже знаемъ обыкновенную форму предметовъ, и слѣдовательно, можемъ догадываться, напримѣръ, что дальнее дерево имѣетъ не только видимый нами стволъ, но и листву, хотя эта послѣдняя и закрыта болѣе близкимъ деревомъ. Истинно первоначальными условіями для опредѣленія разстоянія предмета являются опять не просто зрительныя отношенія, а двигательныя. Какъ показываетъ точный анализъ, такими условіями служатъ: сведеніе зрительныхъ осей или такъ-называемая конвергенція, и стягиваніе внутри глазнаго мускула, измѣняющаго форму хрусталика или такъ-называемая аккомодація. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробности этихъ процессовъ и предполагаемъ ихъ извѣстными. Замѣтимъ только, что это *двигательные* процессы; и слѣдовательно, здѣсь представленія пространственныя слагаются не изъ однихъ зрительныхъ ощущеній, а непремѣнно изъ ощущеній зрѣнія плюсъ ощущенія движенія.

Что касается, наконецъ, плоскостнаго зрѣнія, то и въ немъ, по всей вѣроятности, разстоянія не прямо даны въ зрительныхъ ощущеніяхъ, но возникаютъ изъ соединенія этихъ ощущеній съ ощущеніями движенія глаза. На это ясно указываютъ, напр., извѣстныя геометрическія иллюзіи.

Итакъ, всюду, какъ въ плоскостномъ зрѣніи, такъ и въ оцѣнкѣ

удаленія, въ осязательномъ пространствѣ, какъ и въ зрительномъ, протяженія не даны намъ, не воспринимаются нами непосредственно, но возникаютъ изъ ассоціированія собственно качественныхъ ощущеній— осязанія и зрѣнія, съ разнообразными движеніями. Эти ассоціаціи образуются на опытѣ, часто весьма позднемъ. Иначе говоря, представленія человѣка о внѣшнихъ вещахъ, въ ихъ разстояніяхъ, формахъ и протяженіяхъ, слагаются его собственнымъ сознаніемъ, представляютъ результаты медленной работы ассоціаціи.

Относительно того, когда и какъ слагаются такія представленія въ жизни ребенка, существуютъ двѣ главныя теоріи: нативистическая и генетическая. Первая утверждаетъ, что пространственныя представленія получаются человѣкомъ отъ рожденія, т.-е. составляютъ наслѣдственный опытъ, по второй-же эти представленія слагаются въ индивидуальномъ опытѣ каждаго ребенка *). Изъ наблюденій Прейера можно заключить, что и здѣсь, какъ въ большинствѣ научныхъ споровъ, истина посрединѣ. Мы видѣли, что для образованія представленій о протяженіяхъ необходимы движенія, соединяющія зрительныя и осязательные ощущенія въ пространственные ряды, и вопросъ о наслѣдственности пространственныхъ представленій и есть въ существѣ дѣла вопросъ о наслѣдственности движеній, въ ихъ отношеніи къ осязательнымъ и зрительнымъ ощущеніямъ. Въ этомъ отношеніи должно различать *три* типа движеній. *Во-первыхъ*, иныя изъ такихъ движе-

---

*) Мы совсѣмъ оставляемъ здѣсь въ сторонѣ *Кантовскую* теорію апріорности пространства, ибо она врядъ-ли можетъ быть основательно защищаема. Самое серьезное возраженіе противъ нея сдѣлано было еще въ 1824 году *Гербартомъ*, справедливо недоумѣвающимъ, какъ можетъ *общее* вмѣстилище, какова форма пространства вообще, обусловить *разнообразныя* пространственныя расположенія отдѣльныхъ ощущеній (*Psychologie als Wissenschaft*, I, Ed. Hartenstein, Bd. V, стр. 507). Если-же, какъ то дѣлаютъ теперь нѣкоторые сторонники Кантовскаго ученія, утверждать апріорный характеръ не каждой отдѣльной и конкретной пространственной формы, а только протяженности вообще, то такая апріорность будетъ совершенно однородна съ врожденною способностью испытывать, напр., красный цвѣтъ или кислый вкусъ: всеобще-необходимаго характера она не имѣетъ. Что касается, наконецъ, до собственно Кантовской аргументаціи, доказывающей апріорность пространства изъ всеобще-необходимаго характера геометрическихъ истинъ, то эта аргументація достаточно устранена тѣми геометрами, которые выдѣлили изъ геометрическихъ истинъ чисто раціональную, т.-е. *обще логическую* сторону (такъ-называемую общую геометрію), послѣ чего остаются лишь спеціальныя истины, касающіяся нашего, трехмѣрнаго эвклидовскаго пространства, не имѣющія уже аподиктическаго характера. Иначе говоря, геометрическая необходимость обязана общей логикѣ, собственно-же геометрическія истины необходимы.

ній суть *прирожденные рефлексы*, правильно дѣйствующіе съ момента рожденія, и *въ этомъ смыслѣ* можно сказать, что и пространственныя представленія тоже прирождены, т.-е. извѣстныя внѣшнія раздраженія правильно локализуются съ самаго начала, безъ предварительныхъ неудачныхъ попытокъ. Такъ, потрогиваніе ладони новорожденнаго заставляетъ его сжать пальцы, щекотаніе подошвы — отдергивать ногу, и т. п. Хотя эти движенія происходятъ рефлективно, безсознательно, но, тѣмъ не менѣе, когда сознаніе пробудится, въ немъ извѣстныя осязательныя ощущенія будутъ прямо связаны съ представленіями объ извѣстныхъ движеніяхъ, т.-е. между ними явится, помимо всякаго опыта, ассоціація или, иначе говоря, осязательныя ощущенія будутъ сразу правильно локализованы. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что осязательное пространство прирождено.

Второй классъ составляютъ тѣ рефлективныя движенія, которыя хотя тоже наслѣдственны, но не прирождены съ самаго начала, а развиваются въ первое время жизни. Сюда принадлежитъ большая часть движеній глаза. Новорожденный обыкновенно двигаетъ глазами въ первые часы или дни жизни не вполнѣ симметрично, и слѣдовательно у него уже по одному этому не можетъ быть правильныхъ зрительныхъ представленій. Затѣмъ, въ первое-же время жизни развиваются и тѣ наслѣдственные рефлексы, которые обусловливаютъ правильную оцѣнку разстояній. Сюда принадлежатъ: *а*) сведеніе зрительныхъ осей подъ вліяніемъ приближенія видимаго предмета (конвергенція); *б)* напряженіе внутренней мышцы глаза, благодаря которой хрусталикъ измѣняетъ форму и становится, благодаря тому, болѣе или менѣе сильно преломляющимъ, т.-е. приспособленнымъ къ меньшимъ или большимъ разстояніямъ; благодаря этимъ двумъ рефлексамъ, является оцѣнка разстоянія предметовъ отъ глаза (глубина зрительнаго пространства); *в)* направленіе зрительной оси или образованіе взгляда (о чемъ было уже сказано выше). Всѣ эти рефлективныя движенія, соотвѣтствующія опредѣленнымъ зрительнымъ ощущеніямъ, установляютъ то, что мы называли зрительнымъ пространствомъ. Они, однако, не такъ прирождены, какъ рефлексы, создающіе осязательное пространство, но появляются въ первое время жизни и отчасти совершенствуются подъ вліяніемъ опыта.

Наконецъ, третью группу движеній составляютъ движенія руками по поводу зрительныхъ ощущеній и обратно, движеніе глазами по поводу осязательныхъ ощущеній. Напр., мы *видимъ* извѣстный предметъ и беремъ его рукою, или мы держимъ въ рукѣ какую-нибудь вещь и обращаемъ на нее глаза. Здѣсь мы имѣемъ, слѣдовательно, уже

не одно зрительное или одно осязательное пространство, но ихъ ассимиляцію, общее зрительно-осязательное пространство. Эти движенія и это пространство уже вовсе не наслѣдственны, но развиваются вполнѣ подъ вліяніемъ индивидуальнаго опыта и притомъ довольно поздняго. Ребенокъ лишь съ теченіемъ времени научается хватать вещи, т.-е. дѣлать правильныя движенія рукой по поводу зрительныхъ ощущеній, равно какъ лишь съ теченіемъ времени онъ узнаетъ зрительную форму своего тѣла, которую, однако, по осязанію уже давно знаетъ.

Яркій свѣтъ на образованіе этихъ представленій объ общемъ осязательно-зрительномъ пространствѣ бросаютъ извѣстные въ медицинской литературѣ случаи прозрѣнія взрослыхъ слѣпорожденныхъ послѣ удаленія съ глаза катаракта. Въ этихъ случаяхъ мы ясно видимъ послѣдовательный процессъ сліянія прежнихъ, уже твердо сложившихся осязательныхъ представленій съ новыми зрительными. Такъ, въ случаѣ, описанномъ д-ромъ *Францемъ* (1841 г.), прозрѣвшій субъектъ не могъ сначала отличить, *по зрѣнію*, вертикальную линію отъ горизонтальной и опредѣлилъ это, только проведя по нимъ пальцемъ, т.-е. по своимъ прежнимъ осязательно - двигательнымъ представленіямъ; шаръ онъ не различалъ первоначально отъ простаго круга, ибо не умѣлъ еще оцѣнивать глубину зрительнаго поля. Въ случаѣ, описанномъ *Чессельденомъ*, прозрѣвшій, хорошо знавшій (по осязанію) кошку и собаку, по виду ихъ долго смѣшивалъ; онъ также не понималъ сначала перспективнаго уменьшенія видимыхъ предметовъ, ибо для осязанія отдаленная вещь столь-же велика, какъ и близкая.

Итакъ, на вопросъ о томъ, прирождены-ли ребенку представленія пространства, нельзя отвѣчать *вообще да* или *нѣтъ*: осязательное пространство въ извѣстномъ смыслѣ прирождено, зрительное—хотя и наслѣдственно, но не вполнѣ прирождено, а развивается въ первое время жизни, наконецъ пространство общее или зрительно-осязательное не наслѣдственно и не прирождено, но образуется изъ продолжительнаго опыта, первоначально неудачнаго, и слагается уже довольно поздно *).

Здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ объ одномъ курьезномъ недоразумѣніи, породившемъ, однако, много споровъ. Мы разумѣемъ вопросъ о томъ, почему ребенокъ видитъ вещи прямо, тогда какъ зрительное изображеніе на сѣтчаткѣ глаза—обратное. На этотъ вопросъ даваемы были разные отвѣты: *Декартъ* думалъ, что зри-

---

*) Конечно, и такая усложненная формула лишь приблизительно вѣрна, ибо дѣйствительность всегда сложнѣе любой схемы.

тельный нервъ, идя отъ сѣтчатки къ мозгу, дѣлаетъ поворотъ по своей оси на 180° и такимъ образомъ къ мозгу доходитъ изображеніе вновь поправленнымъ; *Платтнеръ* († 1818) полагалъ, что новорожденные дѣйствительно видятъ все обратно, но быстро исправляютъ эту ошибку по осязанію; *Кеплеръ* наконецъ, а за нимъ въ новое время *Дробишъ*, *Шопенгауэръ* и *Ульрици* думали, что душа, проэцируя зрительное изображеніе въ направленіи падающихъ на сѣтчатку лучей, относитъ потому низшую часть изображенія на сѣтчаткѣ—вверхъ, а верхнюю—внизъ, Всѣ эти толкованія устраняются, однако, съ тѣхъ поръ, какъ еще *Беркли* въ своей «Theory of vision» (1709) выяснилъ ту простую истину, что зрительному образу, какъ таковому, вообще не свойственно верха и низа, и что различіе верха и низа, праваго и лѣваго установляется лишь осязаніямъ (и мускульными ощущеніями). «Если-бы, говоритъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ психологовъ, душа обладала только зрительными ощущеніями, то всѣ слова, обозначающія общее положеніе поля зрѣнія, не имѣли-бы смысла; зрительное поле явилось-бы намъ кругомъ, не имѣющимъ никакого общаго положенія, ни прямаго, ни обратнаго, ибо въ сознаніи не было-бы ничего, съ чѣмъ это положеніе могло-бы быть сравнено; совершенно такъ-же, какъ никто не можетъ приписывать вселенной прямаго, обратнаго или косаго положенія. Возможность, что какой-нибудь предметъ для сознаніи получаетъ такое или другое положеніе, основывается исключительно на томъ, что каждая точка въ полѣ зрѣнія вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ свое опредѣленное положеніе въ томъ пространственномъ образѣ, который образуется черезъ *другія* чувства, именно осязаніе и мускульную чувствительность. Верхъ въ зрительномъ полѣ есть то, что ближе къ лбу, низъ то, что ближе къ ногамъ; верхъ— есть то, что достигается черезъ движенія осязающаго члена, приближающееся къ лбу, низъ — то, что достигается черезъ такое-же движеніе, приближающееся къ ногамъ *). Иначе говоря, то обстоятельство, что изображеніе на сѣтчаткѣ обратное, вообще не имѣетъ никакого значенія: взятое само по себѣ зрительное поле не имѣетъ для сознанія ни верха, ни низа.

Мы не будемъ останавливаться на исторіи образованія понятій о прочихъ главныхъ качествахъ внѣшнихъ вещей, на томъ, напримѣръ, какъ возникаютъ и изъ чего складываются представленія о жесткости

*) *Lotze*, Medicin. psychologie, стр. 365 sq. Такое-же въ существѣ дѣла толкованіе дается *Вундтомъ* (вводящимъ въ объясненіе еще роль глазныхъ мышцъ), *Гельмгольцемъ*, *Бэкомъ* и др. См. исторію этого вопроса у *Фолькманна* (Lehrbuch der Psychologie, I³, стр. 255 sq.).

и мягкости, о прозрачности, жидкости, твердости и т. п. Все это обязано ассоціаціямъ ощущеній и во всемъ этомъ ощущенія осязанія и движенія играютъ важнѣйшую роль. Скажемъ только, что если-бы мы не имѣли ощущеній осязанія и движенія (сопротивленія), то вселенная превратилась-бы для насъ въ міръ зрительныхъ безтѣлесныхъ образовъ, т.-е. мы были-бы, такъ сказать, прирожденными идеалистами.

Оставляя въ сторонѣ эти частные вопросы, мы должны, однако, остановиться еще на одномъ изъ важнѣйшихъ знаній, пріобрѣтаемомъ ребенкомъ въ первые полтора года, то именно *знаніе о различіи своего тѣла отъ прочаго міра*. Въ первоначальномъ сознаніи младенца, какъ мы уже видѣли выше, даны лишь безформенные и перепутанные ряды ощущеній, но откуда они происходятъ, т.-е. изъ какихъ пунктовъ тѣла, онъ почти не знаетъ. Это знаніе о собственномъ тѣлѣ образуется лишь постепенно. Оно происходитъ главнымъ образомъ изъ болевыхъ ощущеній, являющихся при столкновеніи съ твердыми внѣшними вещами. Прейеръ разсказываетъ о слѣдующемъ опытѣ, который производилъ его ребенокъ по истеченіи уже перваго года жизни. Ребенокъ сидѣлъ у стола и билъ по нему часто и разъ за разомъ рукою, то сильнѣе, то слабѣе; затѣмъ онъ потянулъ ту-же ручку въ ротъ; потомъ опять сталъ бить по столу и наконецъ, по своей собственной головѣ. «Все это, прибавляетъ Прейеръ, имѣло вполнѣ такой видъ, какъ будто ребенокъ впервые замѣтилъ, что иное онъ самъ—его твердая голова, а иное—тотъ твердый предметъ, по которому онъ первоначально билъ»; въ первомъ случаѣ онъ замѣчалъ боль, во второмъ—нѣтъ.

Вѣроятно, всякому имѣвшему дѣло съ дѣтьми бросалось въ глаза то забавное удивленіе и интересъ, который обнаруживаетъ младенецъ къ своимъ собственнымъ ножкамъ, когда откроетъ ихъ существованіе; мнѣ случалось видѣть, какъ дѣти цѣлыми минутами ловили свою собственную ногу и затѣмъ ихъ изучали съ самымъ глубокомысленнымъ видомъ. И какъ поздно дѣти научаются точно отличать свое тѣло отъ окружающаго міра, видно изъ того, что еще въ концѣ перваго года имъ случается укусить, напримѣръ, свою собственную руку, очевидно не ожидая, что это будетъ больно.

Но, кромѣ болѣзненныхъ ощущеній, ребенокъ познаетъ свое тѣло еще черезъ ощупываніе. Дѣло въ томъ, что, когда мы касаемся какого-нибудь посторонняго тѣла, мы получаемъ одно ощущеніе; если-же касаемся самихъ себя, то возникаютъ два параллельныхъ ощущенія—въ осязающей рукѣ и въ осязаемой части тѣла. Это своеобразное от-

личіе своего тѣла отъ всего прочаго и служитъ ребенку однимъ изъ признаковъ для отличенія себя отъ окружающихъ вещей.

Изученіе формы и движеній своего тѣла имѣетъ величайшее значеніе для того, что мы называли выше осязательнымъ пространствомъ, ибо очевидно, что изслѣдовать рукою формы вещей возможно только тогда, когда форма и движеніе руки уже извѣстны.

Есть еще одно великое открытіе, которое совершаетъ всякій человѣкъ въ своемъ первомъ дѣтствѣ; это открытіе *причинной связи* вещей. Нѣтъ ничего любопытнѣе того момента, когда ребенокъ впервые замѣтитъ, что его движенія производятъ опредѣленныя измѣненія во внѣшнемъ мірѣ. Разъ онъ это замѣтитъ, онъ начинаетъ съ поразительной настойчивостью изучать это вліяніе. Каждому, вѣроятно, случалось видѣть, съ какимъ упорствомъ ребенокъ, особенно съ последней четверти перваго года, повторяетъ какое-нибудь простѣйшее и, повидимому, безсодержательное дѣйствіе, напримѣръ, десятки разъ закрываетъ крышечкой чайникъ, или бросаетъ на землю какой-нибудь предметъ и требуетъ, чтобы его опять дали ему, или разрываетъ бумажки, и т. д. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ онъ впервые изучаетъ причинное вліяніе своихъ движеній на измѣненія въ окружающихъ вещахъ. Напримѣръ, бросая предметъ, онъ замѣчаетъ, что вслѣдъ за его собственнымъ движеніемъ происходитъ звукъ (паденія на полъ), или, разрывая бумажку, онъ слышитъ ея шуршаніе, и т. д.

Этимъ первоначальнымъ экспериментамъ ребенокъ съ 9—10 мѣсяцевъ предается съ положительной страстью, и въ такихъ опытахъ не замѣтно никакого утилитарнаго характера; напротивъ, это въ полномъ смыслѣ слова теоретическія занятія. Эти занятія ребенка называются въ общежитіи *играми;* но слово это здѣсь мало подходитъ. Игра предполагаетъ нѣчто несерьезное и притомъ такое, что возбуждаетъ въ насъ разныя эмоціи. Указанныя-же занятія ребенка отличаются прямо противуположными свойствами: ребенокъ относится къ нимъ крайне серьезно и остается самъ совершенно спокоенъ. Чрезвычайно любопытна эта ранняя страсть къ познанію, проявляемая человѣкомъ, и еще много лѣтъ тому назадъ проф. Сѣченовъ справедливо замѣтилъ, что наклонность къ отвлеченному мышленію развивается у дѣтей поразительно рано, уже на первомъ году, задолго до развитія рѣчи. Поэтому, если Аристотель справедливо называетъ человѣка общественнымъ животнымъ, то съ не меньшимъ основаніемъ можно назвать его и животнымъ теоретическимъ.

Предметомъ этихъ первыхъ игръ или, точнѣе, экспериментовъ ребенка служитъ изученіе, во-первыхъ, движенія предметовъ, затѣмъ ве-

личины и разстояній ихъ, далѣе, физическихъ свойствъ тѣлъ (например, непроницаемость прозрачныхъ твердыхъ тѣлъ, дѣлимость), наконецъ причинной связи или послѣдовательности явленій.

Таковы главныя черты умственнаго развитія ребенка до обученія рѣчи. Въ этомъ періодѣ, какъ мы видѣли, онъ дѣлаетъ тѣ величайшія, хотя и обыденныя открытія, протяженія и разстоянія вещей, бытія собственнаго тѣла, причинной связи, которыя по значенію можно сравнить лишь съ открытіемъ огня или оружія въ исторіи человѣческаго рода. Съ наступленіемъ втораго періода, періода рѣчи, начинается новая умственная дѣятельность: дѣятельность усвоенія черезъ рѣчь тѣхъ безчисленныхъ знаній, которыя накоплены опытомъ предшествующихъ поколѣній и запечатлѣны въ языкѣ. Значеніе въ этомъ отношеніи языка, какъ носителя и хранителя знаній уже отжившихъ людей, такъ безконечно велико, что его нельзя оцѣнить слишкомъ высоко. Языкъ есть conditio sine qua non всякой традиціи, а слѣдовательно, и всякой культуры, какъ основанной на традиціи. Безъ него каждый долженъ былъ-бы начинать все сначала, и слѣдовательно, всякій общественный прогрессъ сталъ-бы невозможенъ.

Какимъ-же образомъ ребенокъ получаетъ доступъ къ этому хранилищу накопленныхъ человѣчествомъ знаній, какъ научается онъ языку?

IV. Рѣчь ребенка.

Мы уже указывали выше, что языкъ принадлежитъ къ выразительнымъ движеніямъ и въ *этомъ смыслѣ*, подобно другимъ инстинктамъ, получается по наслѣдству. Дѣйствительно, уже съ самаго ранняго возраста младенецъ выражаетъ разными родами крика свои разныя потребности: боль вызываетъ пронзительный и продолжающійся крикъ, голодъ—крикъ съ частыми паузами, сильная радость—особенный визгъ, и т. д. Затѣмъ, приблизительно съ половины втораго мѣсяца ребенокъ начинаетъ выработывать членораздѣльные звуки и несомнѣнно примѣняетъ ихъ къ выраженію своихъ эмоцій. «Въ продолженіе первыхъ шести недѣль, говоритъ Тэнъ объ одномъ мальчикѣ *), звуки, которые онъ произносилъ, были только очень простыми криками, крикомъ боли, неудовольствія, какой-нибудь потребности, подобными тѣмъ, какіе онъ издавалъ въ самый моментъ рож-

*) *Taine*, De l'intelligence, I[4], стр. 376 (Note I. De l'acquisition du langage chez les enfants et dans l'espèce humaine).

денія. Но съ шестой недѣли появились звуки совсѣмъ инаго характера, которые я могъ-бы назвать разумными. Во всякомъ случаѣ они обозначали первое пробуждеоіе разума; это были уже не прежніе острые, продолжительные, монотонные крики, а звуки новаго языка; этотъ языкъ выражалъ не только грубую боль или простое неудовольствіе; хотя и въ примитивной и ограниченной формѣ, онъ обнаруживалъ оттѣнки чувства, его разнообразныя и сложныя состоянія. Главными звуками, составлявшими этотъ языкъ, были гласныя, сопровождаемыя гортаннымъ придыханіемъ: *ah*, *ah*, затѣмъ гортанные звуки *gue-e-e*, *gre-e*, *gle-e*, сначала весьма неопредѣленные, затѣмъ все болѣе ясные... Съ седьмой недѣли для меня стало ясно, что эти звуки выражаютъ интеллектуальныя эмоціи—удивленіе, любопытство, ожиданіе, и что они подобны восклицаніямъ, которыя невольно произноситъ въ подобныхъ-же случаяхъ человѣкъ экспансивный или ребенокъ лѣтъ трехъ».

Благодаря этому произношенію членораздѣльныхъ звуковъ, ребенокъ еще задолго до обученія языку овладѣваетъ своимъ голосовымъ органомъ, что беретъ, однако, весьма продолжительное время. Въ какомъ порядкѣ появляются у ребенка разные звуки,—зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ. Гласныя, конечно, произносятся раньше согласныхъ, но дальнѣйшія подробности не подчиняются, повидимому, какому-нибудь общему закону. Во всякомъ случаѣ, «законъ наименьшаго усилія», который пробовали установить *Шульце*, *Пэре* *) и др. и согласно которому, напримѣръ, гласныя появляются яко-бы по мѣрѣ трудности ихъ произношенія (*э*, *а*, *у*, *о*, *е*, франц. *u*), этотъ законъ оказался недостаточнымъ. Вѣрнѣе, кажется, принципъ *Тэна*, согласно которому звуки (гласные и согласные) бываютъ сначала крайне неопредѣленны и трудно обозначаемы, а затѣмъ постепенно приближаются къ нашимъ буквамъ **).

Въ какой-бы послѣдовательности ни развивались отдѣльные членораздѣльные звуки у ребенка, весьма замѣчательно ихъ разнообразіе и тонкость оттѣнковъ. Въ этомъ отношеніи ребенокъ далеко превосходитъ наиболѣе одаренныхъ животныхъ. Эта способность къ произведенію членораздѣльныхъ звуковъ получается, конечно, по наслѣдству, а примѣръ и воспитаніе служатъ лишь къ тому, чтобы привлечь вниманіе ребенка къ звукамъ, имъ самимъ уже произведеннымъ

---

*) *Fr. Schultze*, Die Sprache des Kindes; *Пэре*, Первые три года жизни, стр. 228 sp.

**) *Taine*, тамъ-же, стр. 358.

и найденным, и такимъ образомъ вызвать ихъ повтореніе, улучшеніе, заставить извѣстные звуки выплыть изъ массы подобныхъ (Тэнъ).

Однако, это еще не есть рѣчь въ собственномъ смыслѣ слова, ибо эти звуки служатъ лишь невольными выразителями настроенія ребенка: онъ ихъ произноситъ не для того, чтобы другіе слышали ихъ и понимали, но также непроизвольно, какъ непроизвольно его лицо получаетъ то или другое мимическое выраженіе. Слова, слышимыя ребенкомъ отъ окружающихъ, и звуки, имъ самимъ произносимые, составляютъ для него еще два раздѣльныхъ класса. Иначе говоря, у ребенка нѣтъ еще постоянной ассоціаціи между звукомъ произносимымъ (т.-е. *двигательнымъ* образомъ отъ голосоваго аппарата) и звукомъ слышимымъ: онъ произноситъ выразительные звуки, но не предполагаетъ ничего объ ихъ значеніи для окружающихъ и не сравниваетъ ихъ съ слышимыми имъ самимъ словами отъ окружающихъ. Это первая ступень рѣчи.

Но по мѣрѣ того, какъ развивается воля ребенка, обнаруживается все сильнѣе склонность къ подражанію, и въ частности, къ подражанію словамъ окружающихъ. Это-то подражаніе и установляетъ, главнымъ образомъ, ту ассоціацію между двигательными образами отъ голосоваго аппарата, т.-е., такъ-сказать, голосовыми жестами,—и звукомъ слышимымъ, которой не было въ первомъ періодѣ дѣтской рѣчи. Ибо подражаніе звука предполагаетъ, во-первыхъ, воспріятіе этого звука, во-вторыхъ, соотвѣтственное этому воспріятію его воспроизведеніе. Итакъ, подъ вліяніемъ этой подражательной рѣчи, ребенокъ пріучается связывать со слышимымъ словомъ свое собственное его воспроизведеніе, и обратно. Теперь, слѣдовательно, каждый изъ производимыхъ выразительныхъ звуковъ вызываетъ соотвѣтственный слуховой образъ, и такимъ образомъ собственные звуки ребенка классифицируются и ассимилируются со слуховыми образами *слышимаго* имъ языка, т.-е. языка общаго: ребенокъ вышелъ изъ замкнутости своего индивидуальнаго языка, начинаетъ повѣрять и исправлять этотъ свой языкъ по языку окружающихъ, пока, наконецъ, индивидуальный языкъ не будетъ окончательно ассимилированъ, поглощенъ общимъ. Когда это совершится, мы признаемъ, что ребенокъ научился рѣчи.

Чтобы съ достаточною ясностью понять эту важнѣйшую ступень въ развитіи рѣчи, мы должны вспомнить нѣкоторыя общія ученія о механизмѣ рѣчи. Совершенно очевидно, что въ языкѣ должно различать два элемента: во-первыхъ, *двигательные* образы словъ, и, во-вторыхъ, отличные отъ нихъ *слуховые* впечатлѣнія и образы. Изслѣдо-

ванiе болѣзненныхъ разстройствъ рѣчи съ несомнѣнностью доказало, что и мозговые центры этихъ двухъ родовъ образовъ различны. Бываютъ случаи, когда пацiентъ понимаетъ все, что ему говорятъ, но самъ не можетъ произнести ни слова, ни повторить слышаннаго, хотя собственно голосовой аппаратъ у него не поврежденъ (такъ-называемая центромоторная или атактическая афазiя). Съ другой стороны, встрѣчаются случаи, когда пацiентъ самъ можетъ произносить членораздѣльные звуки, но слышимыя слова не понимаетъ, хотя слышитъ ихъ хорошо (surditas verbalis или центросензорная афазiя). Итакъ, въ первомъ случаѣ нарушенъ мозговой центръ, заправляющiй произношенiемъ словъ, а во второмъ—центръ, воспринимающiй слышимыя слова; или иначе, въ первомъ случаѣ отсутствуютъ правильные двигательные образы, во второмъ слова какъ звуковыя представленiя. Но этого мало. Между центромъ двигательныхъ образовъ и центромъ слуховыхъ образовъ должна быть связь. Рѣчь, какъ соединяющая людей, какъ разговоръ, возможна лишь подъ условiемъ, чтобы слышимые и понимаемые звуки вызывали соотвѣтственный отвѣтъ, т.-е. произнесенiе соотвѣтственныхъ словъ.

Вотъ установленiе этой-то связи и составляетъ важнѣйшiй моментъ въ развитiи дѣтской рѣчи. До того ребенокъ хотя и производитъ, такъ сказать, членораздѣльные звуковые жесты и хотя понимаетъ многiе изъ слышимыхъ словъ, но связь между первыми и вторыми еще отсутствуетъ. Въ его сознанiи накопленъ уже запасъ двигательныхъ образовъ рѣчи и слуховыхъ образовъ словъ, но нѣтъ между ними правильной ассоцiацiи. Когда эта ассоцiацiя установляется, всѣ основные элементы рѣчи на лицо. Установляется-же она, какъ мы видѣли, черезъ подражанiе слышимымъ ребенкомъ словамъ.

Существуетъ еще одно условiе рѣчи, которое мы пока, ради ясности изложенiя, оставляли въ сторонѣ: это связь между словомъ (все равно, слышимымъ или произносимымъ) и образомъ обозначаемой имъ вещи. Въ рѣчи должно различать три элемента; слово произносимое (двигательный образъ), слово слышимое (звуковой образъ) и представленiе о соотвѣтствующемъ слову предметѣ. До сихъ поръ шла рѣчь лишь о томъ, какъ установляется связь между словомъ слышимымъ и произносимымъ. Теперь-же слѣдуетъ обратить вниманiе на связь между словомъ и обозначаемымъ имъ понятiемъ.

Связь между произносимымъ звукомъ и выражаемымъ имъ психическимъ состоянiемъ существуетъ, конечно, съ самаго начала. Но этотъ *естественный* языкъ криковъ и членораздѣльныхъ звуковъ обладаетъ однимъ весьма существеннымъ недостаткомъ—онъ слишкомъ

субъективенъ: естественные выразительные звуки, измѣняясь при каждомъ измѣненіи психическаго настроенія, не въ состояніи, очевидно, имѣть общаго объективнаго или устойчиваго значенія. Напротивъ, когда ребенку, показывая на извѣстный предметъ, называютъ его существующимъ въ данномъ языкѣ именемъ, то для его сознанія нѣтъ естественной связи между этимъ звукомъ и этимъ предметомъ; и какъ внѣшняя, отъ вкуса ребенка, вообще говоря, не зависящая, эта связь является, очевидно, болѣе устойчивой и объективной: съ данной вещью онъ научается навсегда соединять одно опредѣленное имя.

Здѣсь нельзя не обратить вниманіе на одну особенность, обнаруживаемую человѣкомъ при обученіи языку,—особенность, рѣзко отличающую ребенка отъ всякаго животнаго, обучимаго извѣстнымъ словамъ. Когда попугая, давая ему сахаръ, научаютъ произносить соотвѣтственное слово, то онъ навсегда будетъ примѣнять это слово только къ данному предмету и никогда не расширитъ его значенія. Напротивъ, ребенокъ, слыша слово *дядя* въ примѣненіи къ извѣстнымъ опредѣленнымъ людямъ, затѣмъ самъ начинаетъ его употреблять въ болѣе широкомъ значеніи, примѣняя ко всѣмъ мужчинамъ. «Мою дочь (дѣвочку 12 мѣсяцевъ) носили каждый день, говоритъ Тэнъ, къ ея бабушкѣ, которая часто показывала ей на копію съ картины Луини, изображающую нагаго младенца Іисуса; при этомъ всегда говорилось: «*вотъ бебе*». Недѣлю тому назадъ, когда дѣвочка была въ другой комнатѣ и въ другой квартирѣ, у нея спросили про нее самое: «гдѣ бебе»? Она стала въ отвѣтъ показывать на разныя картины и всякаго рода гравюры, развѣшенныя по стѣнамъ. Слѣдовательно, для нея *бебе* означаетъ что-то общее, присущее всѣмъ этимъ картинамъ, и именно, если не ошибаюсь, это слово обозначаетъ для нея нѣчто четырехугольное, заключенное въ блестящую раму» *). Та-же дѣвочка (14½ мѣсяцевъ), называла *ца-ца* сначала опредѣленную собаку, затѣмъ всякую собаку и всякаго барашка; указательное словечко *темъ* означало для нея—*дай, возьми, вотъ, смотри;* слово *кола*, означавшее сначала шеколадъ, значило затѣмъ сахаръ, виноградъ, фиги. Было-бы легко, но безполезно умножить число такихъ примѣровъ. Для насъ важна здѣсь только эта специфическая особенность ребенка замѣчать подобіе вещей и соотвѣтственно тому расширять смыслъ заученнаго слова.

Что касается до особенностей дѣтской рѣчи сравнительно съ нашимъ языкомъ, это тѣ-же особенности, которыя свойственны первобыт-

*) *Taine*, l. c., стр. 361 sq.

нымъ формамъ древнѣйшихъ языковъ, напр. египетскаго *). Во-первыхъ, дѣтскій языкъ, подобно первобытнымъ, лишенъ абстрактныхъ терминовъ: отвлеченныя понятія выражаются въ конкретныхъ, чувственныхъ образахъ. Во-вторыхъ, ему свойственно множество омонимовъ, т.-е. однозвучныхъ словъ, означающихъ, однако, разныя вещи, и синонимовъ, т.-е. разныхъ словъ, обозначающихъ почти одно и то-же. Слово ребенка еще близко въ этомъ отношеніи къ простымъ выразительнымъ жестамъ, которые часто, по бѣдности, не могутъ выразить всѣхъ нужныхъ различій (такъ-сказать омонимичны), и вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи чисто индивидуальными и субъективными, выражаютъ нерѣдко одну и ту-же вещь весьма различно, смотря по минутному настроенію (синонимичны). Лишь по мѣрѣ того, какъ языкъ становится объективнѣе, отпадаютъ эти несущественныя различія, и изъ множества синонимовъ, въ ихъ, такъ-сказать, взаимной борьбѣ за существованіе, выдѣляется одно окончательное слово, наилучше выражающее предметъ. Третьей особенностью дѣтскаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первобытнаго,—особенностью, находящеюся въ связи съ указанной бѣдностью языка, является необходимость поясненія словъ—жестами. Вообще языкъ дѣтей еще не окончательно дифференцировался отъ языка мимики и жестовъ, съ которыми онъ первоначально составляетъ одно цѣлое—сумму выразительныхъ движеній вообще. Наконецъ, въ-четвертыхъ, дѣтскій языкъ отличается сильною эмоціональною окраской: чисто теоретическое изложеніе ребенку несвойственно. Соотвѣтственно тому, простое изъявительное наклоненіе глаголовъ и простое сужденіе есть форма, являющаяся наиболѣе поздно. Раньше всего ребенокъ говоритъ въ формѣ повелительной, затѣмъ усваиваетъ форму вопроса, и только наконецъ форму простаго утвердительнаго предложенія.

Объяснивъ происхожденіе дѣтскаго языка и его особенности, я долженъ еще, хотя вкратцѣ, указать на его общее значеніе для отвлеченнаго мышленія. Значеніе это такъ велико, что многіе изъ психологовъ отождествляли отвлеченныя понятія со словами, а Л. Гейгеръ сдѣлалъ даже попытку объяснить происхожденіе мышленія вообще изъ языка. Хотя этотъ послѣдній взглядъ очевидно слишкомъ крайній, ибо ребенокъ мыслитъ и до той поры, какъ научается говорить, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что *отвлеченное* мышленіе дѣйствительно возможно только при помощи словъ. Всякій отвлеченный терминъ и даже вообще всякое обозначеніе есть въ сущности ничто

---

*) *Preyer*. Seele des Kindes, стр. 476 и др.

иное, какъ значекъ или символъ для цѣлаго ряда признаковъ, которые, въ случаѣ нужды, мы могли-бы перечислить. Если, наприм., я говорю: *человѣкъ имѣетъ двѣ руки*, то слово *человѣкъ* замѣняетъ въ моемъ сознаніи цѣлый рядъ признаковъ существъ этого рода, признаковъ, которые я могъ-бы, если-бы въ томъ была нужда, перечислить. Но пока такой нужды нѣтъ, я употребляю слово человѣкъ въ качествѣ значка, замѣняющаго всѣ эти признаки. Совершенно очевидно, что если-бы мы не имѣли такихъ значковъ, наше мышленіе, этотъ, такъ-сказать, умственный счетъ, былъ-бы чрезвычайно затрудненъ, ибо въ каждомъ случаѣ, вмѣсто абревіатуры слова или термина, мы должны были-бы перечислить всѣ признаки даннаго предмета. Еслибы, наприм., мысля о Петербургѣ и Москвѣ, какъ большихъ городахъ, мы не имѣли-бы этихъ сокращающихъ и символическихъ обозначеній, но по поводу каждаго изъ этихъ городовъ должны были-бы вспоминать всѣ ихъ конкретные признаки, форму зданій, направленіе улицъ, величину площадей и т. д., то, очевидно, мы-бы далеко не ушли.

Не входя въ дальнѣйшее разъясненіе этого сложнаго вопроса, я замѣчу только, что языкъ, давая ребенку эти сокращенные символы цѣлыхъ группъ предметовъ, дѣлаетъ возможнымъ оперировать надъ этими символами, какъ надъ самими понятіями, прослѣживать ихъ связь и соотношеніе, достигать еще высшихъ ступеней абстракціи и т. д. И строго говоря почти все наше мышленіе и совершается именно надъ этими символическими, упрощающими знаками.

Н. Ланге.

(Окончаніе будетъ).

Къ вопросу объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій.

(Продолженіе).

II.

До сихъ поръ мы старались выяснить, какіе именно предметы должно считать необходимыми для правильнаго эстетическаго и физическаго развитія учениковъ нашихъ гимназій и сколько времени для такихъ предметовъ дѣйствующими нынѣ программами уже удѣлено, или-же, по нашему убѣжденію (думаемъ что это убѣжденіе раздѣляютъ и родители, и врачи-спеціалисты), еще слѣдуетъ для нихъ удѣлить. Теперь намъ остается опредѣлить число часовъ, ежедневно необходимыхъ для сна, ѣды и движенія на свѣжемъ воздухѣ.

Что касается времени, необходимаго для сна, то, на основаніи личныхъ наблюденій какъ надъ своими дѣтьми, такъ и надъ не малымъ числомъ пансіонеровъ одной изъ столичныхъ гимназій, въ которой въ теченіе одного года намъ представилась возможность слѣдить за этимъ вопросомъ, мы находимъ нужнымъ для учениковъ низшихъ классовъ требовать для сна въ теченіе сутокъ отъ 10 до $10^1/_2$ ч. времени, а для учениковъ среднихъ и высшихъ классовъ отъ $8^1/_2$ до 9 ч. Необходимость удѣлить именно такое, а не меньшее количество времени на сонъ дѣтей подтверждается не только личными наблюденіями, но и изслѣдованіями извѣстнаго шведскаго физіолога, профессора Стокгольмскаго Университета Акселя Кейя *) (Axel Key), изложенными имъ въ капитальномъ его сочиненіи, на которое мы уже имѣли случай указать въ началѣ статьи. Въ этомъ изслѣдованіи, на стр. 173, мы находимъ таблицу, по которой для дѣтей отъ 10 до 13 лѣтъ требуется времени для сна отъ 10 до 11 часовъ, а для дѣтей 14—18 лѣтъ—отъ $8^1/_2$ до $9^1/_2$ часовъ въ сутки.

Для объясненія тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ составлена эта таблица, А. Кей, на стр. 172, говоритъ: «Такъ какъ изслѣдова-

*) О трудѣ этого ученаго см. «Русскую Школу» №№ 7—8 за 1891 годъ.

ній по этому предмету (о количествѣ времени, необходимаго для сна), которыя спеціально соотвѣтствовали-бы климатическимъ условіямъ нашего государства, до сихъ поръ не было, то я въ продолженіе долгихъ лѣтъ дѣлалъ наблюденія въ собственномъ семействѣ, собиралъ свѣдѣнія отъ семействъ, въ которыхъ находились дѣти разныхъ возрастовъ, а въ особенности и неоднократно совѣтовался съ моими товарищами по профессіи, имѣвшими возможность данныя, полученныя ими другимъ путемъ, провѣрить надъ своими дѣтьми». «Распредѣленіе времени, необходимаго для сна дѣтей разныхъ возрастовъ,—говоритъ Кей ниже,—вполнѣ сходится съ опытами школьной коммиссіи шведскаго общества врачей, и я смѣю думать, что оно какъ нельзя ближе соотвѣтствуетъ дѣйствительной потребности». Въ нѣмецкомъ журналѣ: «Zeitschrift für Schulgesundheitspflege» № 6 (іюльская книжка) 1891 года мы нашли указаніе по этому вопросу на мнѣніе извѣстнаго гигіениста доктора Кольда (D-r Cold), которое считаемъ не излишнимъ привести здѣсь. Онъ требуетъ для дѣтей отъ 10 до 12 лѣтъ по крайней мѣрѣ 10—11 ч. сна въ сутки, а для молодыхъ людей до 20 лѣтъ около 9 ч., такъ что его требованіе почти совершенно сходится съ требованіемъ по тому-же предмету А. Кея.

Для ѣды мы считаемъ достаточнымъ для учениковъ всѣхъ возрастовъ ежедневно удѣлить по $1^1/_2$ ч., включая сюда и такъ-называемую большую перемѣну въ 30 м. между уроками, которую мы до сихъ поръ въ разсчетъ не принимали.

Переходя затѣмъ къ третьему и послѣднему изъ вышеназванныхъ условій для правильнаго физическаго развитія, т.-е. къ вопросу объ ежедневномъ движеніи дѣтей на свѣжемъ воздухѣ, мы считаемъ не излишнимъ привести здѣсь мнѣнія нѣкоторыхъ извѣстныхъ ученыхъ, подтверждающія необходимость полнаго удовлетворенія этого крайне важнаго условія. Мы находимъ нужнымъ сдѣлать это въ виду того, что сами родители нерѣдко такую необходимость совершенно упускаютъ изъ виду. Правда, если имъ указываютъ на вредъ, который можетъ происходить отъ такого упущенія, то они обыкновенно оправдываются тѣмъ, что у дѣтей слишкомъ мало свободнаго времени. Насколько, однако, такія жалобы справедливы, мы скоро увидимъ.

Вотъ какое мнѣніе по этому вопросу высказалъ профессоръ Базельскаго университета, докторъ Кольманъ *). Въ статьѣ своей «Geistige und Körperliche Erziehung im Gleichgewichte» онъ говоритъ: «Безъ

*) Мы заимствуемъ эти цитаты изъ статей профессора Кольмана, появившихся въ прошломъ году въ русскомъ переводѣ въ журналѣ «Русская Школа», №№ 5 и 6.

свободнаго и достаточнаго движенія невозможно процвѣтаніе и развитіе человѣческаго тѣла», а въ другой статьѣ—«Die Schulhigiene und ihre neuste Forderung»—мы читаемъ: «Движеніе на вольномъ воздухѣ гораздо важнѣе для развитія тѣла, чѣмъ хорошая пища и хорошее жилище», и немного далѣе: «движеніе на вольномъ воздухѣ должно быть поставлено на первое мѣсто въ числѣ средствъ къ физическому развитію». Профессоръ психіатріи при Грацкомъ университетѣ, Крафтъ-Эбингъ, въ публичной лекціи, читанной имъ о современной нервозности *), говоритъ: «Несомнѣнную опасность для здоровья, даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ о хорошо одаренныхъ дѣтяхъ, а не наслѣдственно нервозныхъ, представляетъ современная школа». Для подтвержденія-же этого своего мнѣнія онъ приводитъ отзывы двухъ медицинскихъ авторитетовъ относительно вліянія школы на душевное и тѣлесное состояніе учениковъ, а именно: профессоровъ Нуссбаума въ Мюнхенѣ и Россбаха въ Вюрцбургѣ. Первый изъ нихъ, въ своей «Домашней аптекѣ», на стр. 49, говоритъ: «Я пришелъ къ твердому убѣжденію, что долгое сидѣніе въ школѣ и особенно долгое ученіе дома дѣлаютъ дѣтей жалкими калѣками какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ. Взрослые ученики среднихъ классовъ бываютъ такъ утомлены долгимъ ученіемъ, что способность пониманія безконечно понижается. Намъ, врачамъ, хорошо извѣстны послѣдствія чрезмѣрнаго напряженія, а именно: чрезмѣрное раздраженіе мозга, малокровный видъ, тусклые глаза, близорукость, искривленія позвоночника, головныя боли, носовыя кровотеченія и такъ-называемый школьный зобъ». Профессоръ Россбахъ, въ своемъ руководствѣ къ физическимъ методамъ лѣченія, говоритъ: «Наши гимназіи чрезвычайно отягощаютъ глаза и совершенно не заботятся о тѣлѣ», немного ниже онъ продолжаетъ: «благодаря грамматикѣ — духъ древнихъ, а благодаря слишкомъ долгому сидѣнію — тѣло юношей совершенно упускается изъ вида и остается въ пренебреженіи».

Въ какой мѣрѣ эти отзывы о среднеучебныхъ заведеніяхъ за-границею относятся къ нашимъ гимназіямъ, мы увидимъ впослѣдствіи; мы ихъ привели только для подтвержденія того общаго положенія, что слишкомъ продолжительное сидѣніе дѣтей въ школѣ и дома должно имѣть весьма печальныя послѣдствія для ихъ физическаго развитія, а также и въ подтвержденіе того, что жалобы родителей, при-

*) Лекція эта переведена на русскій языкъ съ 3-го нѣмецкаго изданія въ 1885 году, подъ редакціей и съ предисловіемъ и примѣчаніями доцента нервныхъ болѣзней при военно-медицинской академіи С. Данилло. См. стр. 25.

веденныя въ началѣ нашей статьи, были-бы вполнѣ справедливы, если-бы, дѣйствительно, ученики и нашихъ гимназій были осуждены на столь продолжительное сидѣнье на школьной скамьѣ, и при томъ еще лишены возможности, если и не совсѣмъ устранить, то, по крайней мѣрѣ, парализовать происходящія отъ него дурныя послѣдствія соотвѣтственно продолжительнымъ движеніемъ на свѣжемъ воздухѣ.

Полагаемъ, что и родители, и врачи вполнѣ согласятся съ нами, если мы, на основаніи вышесказаннаго, находимъ нужнымъ для удовлетворенія этого столь важнаго условія для правильнаго физическаго развитія, т.-е. для движенія дѣтей на свѣжемъ воздухѣ, ежедневно удѣлить, по меньшей мѣрѣ, по $1^1/_2$ часа для трехъ высшихъ классовъ (VI, VII, VIII), по 2 ч.—для среднихъ классовъ (III, IV, V) и по 2 ч. 30 м.—для низшихъ классовъ (приг., I, II). При этомъ мы должны прибавить, что такого времени отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ ч. мы требуемъ не только для прогулокъ, но и для разныхъ упражненій и занятій на свѣжемъ воздухѣ, имѣющихъ въ виду подкрѣпленіе тѣла дѣтей и охраненіе ихъ здоровья, каковы: катаніе на конькахъ, плаваніе, ѣзда верхомъ, а самое главное—всякаго рода игры, требующія движенія всего тѣла.

Если выше мы говорили о времени, которое, съ одной стороны, назначено нынѣ дѣйствующими программами, а съ другой—сами нашли необходимымъ удѣлить въ теченіе однихъ сутокъ для всѣхъ выше перечисленныхъ занятій въ школѣ и дома, а также и для сна и движенія на свѣжемъ воздухѣ, то къ этому времени теперь намъ слѣдуетъ прибавить еще по $1^1/_2$ ч. ежедневно для отправленія въ гимназію и возвращенія изъ нея домой, включая сюда время, необходимое дѣтямъ для туалета, а также и для отдыха между уроками, т.-е. для такъ-называемыхъ маленькихъ перемѣнъ. Большую перемѣну въ 30 м. мы уже раньше принимали въ разсчетъ для завтрака, при назначеніи $1^1/_2$ ч. для ѣды.

Время, необходимое для эстетическаго и физическаго развитія учениковъ, наглядно представляется намъ въ слѣдующихъ двухъ (№№ IV и V) таблицахъ:

№ IV. Количество времени, положеннаго для эстетическаго развитія учениковъ и для уроковъ чистописанія:

На что назначается время.	Классы.	Пр.	I.	II.	III.	IV	V.	VI.	VII.	VIII.
Музыка: продолжит. урока 30 м. ежедневно упражн. по 30 м.	число урок.	2	2	2	2	2	2	2	2	2
	часы и мин.	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
Пѣніе: продолжит. урока 45 м.	число урок.	2	2	2	2	2	2	2	2	2
	часы и мин.	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30
Черченіе и рисованіе: продолжит. урока 55 м.	число урок.	4	2	2	2	2	2	2	2	2
	часы и мин.	3,20	1,40	1,40	1,40	1.40	1,40	1,40	1,40	1,40
Чистописаніе: продолжит. урока 55 м.	число урок.	4	2	2	1	—	—	—	—	—
	часы и мин.	3,40	1,50	1,50	0,55	—	—	—	—	—
ИТОГО. Въ теченіе одной недѣли.	число урок.	12	8	8	7	6	6	6	6	6
	часы и мин.	12,30	9,0	9,0	8,5	7,10	7,10	7,10	7,10	7,10
ИТОГО. Въ теченіе однихъ сутокъ.	часы и мин.	2,5	1,30	1,30	1,21	1,12	1,12	1,12	1,12	1,12

№ V. Количество времени, положеннаго для физическаго развитія учениковъ:

На что назначается время.	Классы.	Пр.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.
Въ теченіе недѣли. Гимнастика: продолжит. урока 45 м. и одинъ разъ 20 м.	число урок.	4	4	4	4	4	3	3	3	3
	часы и мин.	2,35	2,35	2,35	2,35	2,35	1,50	1,50	1,50	1,50

*

Фехтованіе: иродолжит. урока 45 м.	число урок.	—	—	—	—	—	2	2	2	2
	часы и мин.	—	—	—	—	—	1,30	1,30	1,30	1,30
Танцы: продолжит. урока 45 м.	число урок.	2	2	2	2	2	1	1	1	1
	часы и мин.	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30	0,45	0,45	0,45	0,45
ИТОГО. Въ теченіе недѣли.	число урок.	6	6	6	6	6	6	6	6	6
	часы и мин.	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4.5	4,5	4,5
ИТОГО. Въ теченіе сутокъ.	часы и мин.	0,41	0,41	0,41	0,41	0,41	0.41	0,41	0,41	0,41
Въ теченіе сутокъ. Для сна.	часы и мин.	10,30	10,0	10,0	9,30	9,0	8,30	8,30	8,30	8,30
Для ѣды.	часы и мин.	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30
Для движенія на воздухѣ.	часы и мин.	2,30	2,30	2,30	2,0	2,0	2,0	1,30	1,30	1,30
Для отправленія въ гимназію, возвращенія домой, туалета и маленькихъ перемѣнъ между уроками.	часы и мин.	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30
Всего въ теченіе сутокъ.	часы и мин.	16,41	16,11	16,11	15,11	14,41	14,11	13,41	13,41	13,41

Послѣ всего вышесказаннаго, мы считаемъ достаточнымъ для объясненія этихъ таблицъ прибавить только слѣдующее. Продолжительность уроковъ по чистописанію и рисованію опредѣлена нынѣ дѣйствующими программами. Мы желали-бы ее (по крайней мѣрѣ, для уроковъ чистописанія) по возможности еще сократить, такъ какъ несомнѣнный вредъ, происходящій отъ неправильнаго сидѣнья на школьной скамьѣ, противъ чего вполнѣ справедливо вооружаются врачи, наносится дѣтямъ главнымъ образомъ на этихъ именно урокахъ. Что-же касается продолжительности занятій по предметамъ, имѣющимъ въ виду физическое развитіе учениковъ, каковы отчасти пѣніе, а въ особенности гимнастика, фехтованіе и танцы, то, какъ видно

изъ нашей таблицы, мы опредѣлили ее только въ 45 мин. каждый разъ. Это сдѣлано въ виду того хорошо извѣстнаго врачамъ и педагогамъ факта, что всѣ физическія упражненія, если ихъ продолжительность не вполнѣ соотвѣтствуетъ возрасту и силамъ учениковъ, вызываютъ переутомленіе, не менѣе вредно вліяющее на здоровье дѣтей, какъ и чрезмѣрная умственная работа.

Вообще, въ настоящее время признано за необходимое, чтобы наибольшая продолжительность уроковъ по предметамъ, требующимъ отъ учениковъ напряженія ихъ физическихъ силъ, не превышала 30 мин. Если, не смотря на это, нами положено для нихъ по 45 м. на каждый урокъ, то это объясняется тѣмъ, что въ эти 45 минутъ включено и время, необходимое для переодѣванія передъ и послѣ занятій, исключая уроки пѣнія. Для уроковъ-же гимнастики, фехтованія и танцевъ такое переодѣваніе мы считаемъ обязательнымъ, такъ какъ не можемъ допустить, чтобы ученики занимались этими предметами въ тѣхъ-же самыхъ платьяхъ, въ которыхъ посѣщаютъ другіе уроки: въ нихъ имъ было-бы слишкомъ тепло и вообще неудобно. Кромѣ того, они увеличили-бы количество вредно вліяющей пыли, безъ того почти неизбѣжной, если эти занятія, по необходимости, производятся въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Самымъ лучшимъ платьемъ для фехтованія и танцевъ, происходящихъ въ закрытыхъ залахъ, слѣдуетъ признать полотняныя блузы и туфли безъ каблуковъ. Гимнастику-же, въ болѣе узкомъ значеніи слова, какъ напримѣръ: вольныя упражненія, упражненія на снарядахъ, бѣгъ и т. д., лучше всего производить безъ всякой верхней одежды, т.-е. только въ рубашкѣ. Если-же гимнастика, фехтованіе, строевыя упражненія происходятъ на открытомъ воздухѣ, то тѣ легкія шерстяныя блузы, которыя теперь введены въ нашей гимназіи, представляютъ собою наилучшую одежду. Но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ допускать гимнастическаго пояса изъ ремня, такъ какъ онъ несомнѣнно вреденъ для здоровья; его слѣдуетъ замѣнять эластическими подтяжками, а при ношеніи блузъ—мягкимъ полотнянымъ или шерстянымъ кушакомъ. Если-же уроки по этимъ предметамъ, а также и по пѣнію, приходятся послѣдними, то, въ виду климатическихъ условій, по крайней мѣрѣ, въ теченіе большей части учебнаго года, учениковъ нельзя отпускать домой тотчасъ по окончаніи занятій, но слѣдуетъ продержать еще нѣсколько минутъ въ самомъ заведеніи.

Итакъ, если мы въ предыдущемъ, на основаніи разныхъ данныхъ, опредѣлили, сколько времени въ теченіе однихъ сутокъ мы считаемъ необходимымъ удѣлить какъ на умственное образованіе

учениковъ, такъ и на эстетическое и физическое ихъ развитіе, то теперь намъ еще остается только узнать, не окажется-ли въ этомъ времени часовъ больше, нежели въ однихъ суткахъ. Въ такомъ случаѣ, конечно, и мы признаемъ справедливымъ жалобы родителей на обремененіе своихъ дѣтей умственнымъ трудомъ въ ущербъ эстетическаго, а также, что самое главное, и физическаго ихъ воспитанія. Рѣшеніе этого вопроса мы находимъ въ слѣдующей (VI) таблицѣ:

№ VI. Время, остающееся свободнымъ, если изъ однихъ сутокъ вычесть число часовъ, ежедневно необходимыхъ для духовнаго и физическаго развитія учениковъ нашихъ гимназій.

Классы.	Время, необходимое ежедневно для обязательныхъ занятій по умственному развитію.						Время, назначенное ежедневно для домашняго чтенія.		Время, необходимое ежедневно для удовлетворенія требованій обязательныхъ и необязатеныхъ.						Итого: Время, необходимое для удовлетворенія всѣхъ требованій по духовному и физическому развитію учениковъ.		Время, остающееся свободнымъ изъ однихъ сутокъ по удовлетвореніи всѣхъ требованій по духовному и физическому развитію уч.	
	Классное.		Домашнее.		Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.				По эстетическому развитію		По физическому развитію.		По тому и другому вмѣстѣ.					
	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.	ч.	м.
Приг.	2	26	—	45	3	11	—	30	2	5	16	41	18	46	22	27	1	33
I	2	54	1	10	4	4	—	30	1	30	16	11	17	41	22	15	1	45
II	3	12	1	15	4	27	—	30	1	30	16	11	17	41	22	38	1	22
III	3	40	1	45	5	25	—	30	1	21	15	11	16	32	22	27	1	33
IV	3	58	2	10	6	8	—	30	1	12	14	41	15	53	22	31	1	29
V	3	58	2	30	6	28	1	—	1	12	14	11	15	23	22	51	1	9
VI	3	58	2	55	6	53	1	—	1	12	13	41	14	53	22	46	1	14
VII	4	7	3	—	7	7	1	—	1	12	13	41	14	53	23	—	1	—
VIII	4	7	3	—	7	7	1	—	1	12	13	41	14	53	23	—	1	—

Смѣемъ думать, что всякій, внимательно разсмотрѣвшій эту таблицу, согласится съ нами въ томъ, что въ настоящее время обремененія учениковъ нашихъ гимназій не существуетъ. А если оно все-таки кѣмъ-либо изъ родителей или врачей замѣчается, то причины его никоимъ образомъ не слѣдуетъ искать въ томъ, что будто школа

отъ ввѣренныхъ ей дѣтей требуетъ слишкомъ продолжительнаго умственнаго труда и этимъ отнимаетъ у нихъ время, необходимое для полнаго удовлетворенія всѣхъ потребностей по эстетическому и физическому ихъ развитію. Времени, какъ видно изъ нашей таблицы, у дѣтей имѣется достаточное количество для того, чтобы вполнѣ удовлетворить всему тому, что требуютъ и могутъ требовать родители и врачи въ цѣляхъ правильнаго воспитанія нашихъ учениковъ.

Но, конечно, забота о такомъ правильномъ, всестороннемъ развитіи дѣтей не можетъ быть вмѣнена въ обязанность одной только школѣ. Многое она должна предоставить самимъ родителямъ. Одного только мы имѣемъ полное право требовать отъ школы, именно того, чтобы она, заботясь о духовномъ развитіи дѣтей, не отнимала у нихъ слишкомъ много времени въ ущербъ ихъ физическаго развитія. Этого, однако, наши гимназіи, какъ видно изъ той-же (VI-й) таблицы, въ настоящее время не дѣлаютъ. Мы, напротивъ, видимъ, что у учениковъ, даже по удовлетвореніи всѣхъ ихъ потребностей, ежедневно еще остается нѣкоторое время, вполнѣ свободное отъ всѣхъ занятій, а именно: 1½ часа и болѣе въ низшихъ и среднихъ классахъ, а въ двухъ старшихъ по 1 часу. Если мы и должны сознаться, что такой остатокъ времени не особенно великъ, то, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что многіе ученики, обыкновенно значительное большинство ихъ, не обучаются всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые служатъ къ эстетическому образованію, каковы: рисованіе, пѣніе и музыка. Не участвуютъ-же они въ этихъ урокахъ не потому, чтобы у нихъ для этого не было времени, но по разнымъ другимъ причинамъ, независящимъ отъ гимназіи, какъ, напр., вслѣдствіе неимѣнія способностей къ нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ къ рисованію или музыкѣ. Отъ уроковъ-же пѣнія учениковъ среднихъ и старшихъ классовъ нерѣдко на болѣе или менѣе продолжительное время приходится освобождать потому, что при переходѣ ихъ въ періодъ возмужанія голосъ ихъ мѣняется и пѣніе становится для нихъ вреднымъ. Вслѣдствіе-же такого неучастія въ урокахъ по названнымъ предметамъ, для значительнаго большинства учениковъ именно среднихъ и высшихъ классовъ вышеуказанное время, остающееся у нихъ свободнымъ отъ всякихъ занятій, увеличивается на 1 ч. 12 м. ежедневно, т.-е. на то количество времени, которое нами въ теченіе сутокъ назначено для названныхъ предметовъ (см. таблицу VI), и такимъ образомъ мы доходимъ до двухъ часовъ и болѣе въ сутки.

Но мы предвидимъ, что найдутся родители, а можетъ быть и врачи, которые будутъ обвинять насъ въ томъ, что мы для физи-

ческаго развитія дѣтей удѣлили слишкомъ мало времени, а именно для тѣлесныхъ упражненій и сна, а въ особенности для движенія на открытомъ воздухѣ. Такого обвиненія, на сколько, во-первыхъ, оно относится къ незначительности времени, положеннаго для тѣлесныхъ упражненій, мы не можемъ признать справедливымъ—не только на основаніи нашего собственнаго многолѣтняго опыта, но и въ виду того обстоятельства, что въ другихъ государствахъ, какъ, напр., въ Германіи и Швеціи, въ которыхъ, какъ извѣстно, на физическое развитіе дѣтей обращается самое серьезное вниманіе, для этихъ упражненій назначено меньше времени, чѣмъ это сдѣлали мы. Извѣстная Страсбургская медицинская коммиссія *), въ составъ которой вошли врачи, пользующіеся европейскою извѣстностію, при составленіи таблицы нормальнаго числа еженедѣльныхъ уроковъ въ гимназіяхъ, нашли нужнымъ назначить на занятія гимнастикою для дѣтей отъ 7 до 9 лѣтъ отъ 2 до $2^1/_2$ ч., для дѣтей отъ 10 до 11 лѣтъ отъ 2 до 3 ч. и для дѣтей отъ 12 до 18 лѣтъ по 2 ч. въ недѣлю. Объ урокахъ фехтованія и танцевъ въ докладѣ коммиссіи ничего не говорится, такъ что позволительно предполагать, что эти предметы или соединены съ гимнастикою, или-же въ нѣмецкихъ гимназіяхъ не преподаются вовсе. Въ Швеціи-же, какъ мы усматриваемъ **) изъ капитальнаго труда физіолога Акселя Кея «Schulhygienische Untersuchungen», въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, соотвѣтствующихъ нашимъ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ, на физическія упражненія учениковъ всѣхъ классовъ назначено не болѣе 3 ч. въ недѣлю. Наконецъ, въ вюрттембергскихъ и баварскихъ гимназіяхъ, какъ видно изъ распредѣленій уроковъ въ этихъ заведеніяхъ согласно требованіямъ новыхъ правилъ, изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія названныхъ государствъ въ 1891 году ***) во всѣхъ классахъ этихъ гимназій положено только 2 урока гимнастики въ недѣлю. Слѣдовательно, положенное нами на тѣлесныя упражненія время, 4 ч. 5 м. въ недѣлю (см. таблицу № V), превышаетъ максимумъ такого-же времени въ нѣмецкихъ гимназіяхъ больше, чѣмъ на 1 часъ, а такое-же время въ шведскихъ гимназіяхъ на 1 ч. и 5 м.

Что-же касается втораго, предвидимаго нами, упрека, будто и для сна мы назначили слишкомъ мало времени, то мы можемъ на это

---

*) Aerztliches Gutachten über das höhere Schulwesen Elsass-Lothringens. Strassburg i/E. 1882.

**) Въ нѣмецкомъ переводѣ стр. 271.

***) См. нѣмец. журналъ «Das humanistische Gymnasium. 1891. Heft I, стр. 21 и 32.

возразить, что, сколько намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, большинство врачей-спеціалистовъ и физіологовъ требуютъ, чтобы продолжительность сна, смотря по возрасту учениковъ, простиралась отъ 8 до 10 ч. въ сутки. Изъ распредѣленія времени (emploi de la journée) для учениковъ французскихъ гимназій, которыя большею частію интернаты, по новымъ правиламъ, дѣйствующимъ съ октября 1890 г., мы усматриваемъ, что ученики въ младшихъ и среднихъ классахъ должны вставать самое позднее въ $6^1/_2$ часовъ, а ученики старшихъ классовъ зимою въ 6, а лѣтомъ даже въ $5^1/_2$ часовъ утра *). Положимъ, что ученики ложатся спать—въ старшемъ отдѣленіи въ 10 часовъ, а въ младшемъ и среднемъ въ 9 час. (прямыхъ указаній относительно такого времени въ названныхъ правилахъ не имѣется, а предполагать, чтобы для этого было назначено еще болѣе раннее время, едва-ли возможно); въ такомъ случаѣ продолжительность сна для первыхъ будетъ простираться лѣтомъ до $7^1/_2$ и зимой до 8 час., а для послѣднихъ весь годъ до 9 часовъ въ сутки. Мы-же, согласно требованіямъ уже вышеназваннаго шведскаго физіолога, А. Кея, опредѣлили продолжительность сна, необходимаго для разныхъ возрастовъ, отъ $8^1/_2$ час. для учениковъ старшихъ классовъ, до $10^1/_2$ час. для учениковъ приготовительнаго класса (см. таб. № V), и, слѣдовательно, требуемъ для нашихъ учениковъ больше времени для сна, чѣмъ это дѣлается во Франціи, и не меньше, чѣмъ А. Кей находитъ нужнымъ назначить для учениковъ шведскихъ гимназій, которые, по его убѣжденію, вслѣдствіе климатическихъ условій страны, нуждаются, сравнительно съ учениками другихъ государствъ, въ болѣе продолжительномъ снѣ.

По отношенію къ количеству времени, назначенному нами для движенія на свѣжемъ воздухѣ, мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что оно дѣйствительно оказалось-бы слишкомъ незначительнымъ, если-бы мы не имѣли въ виду, что бо̀льшая часть времени, положеннаго для тѣлесныхъ упражненій, т.-е. болѣе 4 час. въ недѣлю, должно служить также для того, чтобы дать дѣтямъ возможность свободнаго движенія на открытомъ воздухѣ. Мы полагаемъ, что всѣ физическія упражненія, если только это позволяетъ погода, непремѣнно должны происходить на открытомъ воздухѣ, и не только лѣтомъ, но также весною и осенью, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., строевыя упражненія, даже зимою. Главнымъ образомъ это относится ко всѣмъ

*) Приводимъ французскій текстъ: Le lever aura lieu au plus tard, pour les divisions èlémentaire et de grammaire, à 6 heures; pour la division superieure, à 6 heures en hiver à $5^1/_2$ en été. — Instructions, Programmes et Réglements. Paris. 1891, стр. 436.

подвижнымъ играмъ, для которыхъ, въ особенности что касается учениковъ младшаго и средняго возрастовъ, между всѣми физическими упражненіями слѣдуетъ уступить какъ можно больше мѣста и времени, такъ какъ онѣ имѣютъ весьма важное значеніе не только для развитія физическихъ силъ учениковъ, но и для образованія ихъ характера *). Сюда, т.-е. къ движенію на свѣжемъ воздухѣ, и относятся болѣе или менѣе продолжительныя прогулки, которыя вполнѣ справедливо рекомендуются какъ нашимъ, такъ и французскимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія **).

Такія гимнастическія прогулки наше Министерство разрѣшило устраивать для каждаго класса по нѣсколько разъ въ годъ, не только въ праздники, но и въ будни, съ освобожденіемъ учениковъ, смотря по отдаленности цѣли прогулки, отъ всѣхъ дневныхъ школьныхъ занятій, или, по крайней мѣрѣ, отъ части ихъ. Сверхъ вышесказаннаго, мы еще должны указать и на то обстоятельство, что на пути въ гимназію и обратно также всѣмъ ученикамъ ежедневно представляется возможность свободнаго движенія на воздухѣ, продолжающагося, для большинства изъ нихъ, около $^1/_2$ часа. Наконецъ, изъ таблицы VI видно, что, по удовлетвореніи всѣхъ потребностей, какъ относительно умственнаго, такъ и эстетическаго и физическаго развитія учениковъ, у послѣднихъ все еще остается ежедневно нѣкото-

---

*) О громадномъ значеніи для дѣтей всѣхъ возрастовъ такъ-называемыхъ подвижныхъ игръ на открытомъ воздухѣ весьма обстоятельно и съ большимъ знаніемъ дѣла говоритъ извѣстный французскій ученый Ф. Лагранжъ, лауреатъ института (Академіи наукъ), въ капитальномъ своемъ сочиненіи: Lagrange, L'hygiène, de l'exercice chez les enfants et les jeunes gens. Сочиненіе это, появившееся уже въ 1890 году въ русскомъ переводѣ д-ра Дементьева, заслуживаетъ весьма серьезнаго вниманія всякаго, интересующагося воспитаніемъ молодаго поколѣнія. Мы намѣрены еще возвратиться къ нему при другомъ случаѣ.

**) См. «Инструкція для преподаванія гимнастики въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденная г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 26 февраля 1889 г.» и Instructions, Programmes et Règlements, Paris 1891, pag. 417. Изъ этихъ программъ, для читателей, у которыхъ ихъ нѣтъ подъ руками, мы позволяемъ себѣ выписать слѣдующія два мѣста, ясно выражающія то важное значеніе, которое такимъ гимнастическимъ играмъ и прогулкамъ приписывается французскимъ министромъ народнаго просвѣщенія. На стр. 418 указанныхъ програмъ мы читаемъ: «Emploi du temps. Education physique. Les jeux et les exercices de force ou d'adresse sont, pour le jeune âge, une condition absolue de santé morale non moins que de vigueur physique». И въ концѣ того-же отдѣла, на страницѣ 420, та-же самая мысль высказана въ слѣдующихъ словахъ: «L'éducation physique soigneusement entretenue parmi la jeunesse, est la meilleure alliée de l'éducation morale».

рое количество ничѣмъ не занятаго времени, а именно отъ 1 ч. до $1^1/_2$ часа и больше. Итакъ, на основаніи вышесказаннаго, мы полагаемъ, что у всѣхъ учениковъ нашихъ гимназій всегда найдется не только довольно времени для ежедневнаго движенія на открытомъ воздухѣ, но, кому это покажется желательнымъ, даже и времени для изученія втораго новаго языка, на что, какъ мы раньше видѣли, требуется ежедневно, среднимъ числомъ, только около 40 минутъ.

Если до сихъ поръ, при распредѣленіи времени какъ для классныхъ, такъ и для домашнихъ занятій учениковъ, мы вовсе еще не говорили о воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ, то это сдѣлано нами въ виду того, что мы считаемъ необходимымъ такіе дни всецѣло передать въ свободное распоряженіе учениковъ и ихъ родителей. Эти дни должны оставаться вполнѣ свободными отъ всѣхъ школьныхъ занятій; ими ученики должны пользоваться прежде всего для исполненія своихъ религіозныхъ обязанностей, потомъ—для полнаго отдыха; эти дни они могутъ проводить въ кругу своихъ родителей, друзей и знакомыхъ; въ эти дни (*но не въ будни*) они могутъ посѣщать театры, концерты, галлереи, выставки и подобныя мѣста, гдѣ найдутъ пищу для эстетическаго своего образованія. Этими днями, наконецъ, они могутъ воспользоваться и для пополненія того времени, которое мы имъ назначили для домашняго чтенія и занятій музыкой, если они сами такія занятія считаютъ для себя удовольствіемъ, а не трудомъ.

Мы предвидимъ еще одно возраженіе со стороны тѣхъ родителей и врачей, которые находятъ, что ученики и нынѣ обременены «чрезмѣрными требованіями» школы. Эти лица, не желая разстаться со своимъ убѣжденіемъ, вѣроятно, будутъ утверждать, что наши ученики, даже въ такомъ случаѣ, если и найдутъ время для удовлетворенія всѣхъ потребностей по эстетическому и физическому ихъ развитію, все-таки обременены требованіями школы, такъ какъ время, которое они въ теченіе сутокъ должны посвятить удовлетворительному выполненію возложенной на нихъ гимназіею обязательной умственной и сидячей работы, слишкомъ велико, чтобы такая работа могла соотвѣтствовать возрасту и силамъ учениковъ и не вліять вредно на ихъ здоровье. Но и подобное возраженіе, по нашему глубокому убѣжденію, мы должны считать несправедливымъ. Это наше убѣжденіе основывается, съ одной стороны, на личномъ нашемъ опытѣ, обнимающемъ собою болѣе 25-ти лѣтъ, какъ надъ собственными, такъ и надъ тысячами чужихъ дѣтей, съ другой стороны — на изслѣдованіяхъ извѣстнѣйшихъ врачей-спеціалистовъ и ученыхъ физіологовъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее

время, съ особеннымъ усердіемъ заботятся не только объ умственномъ, но также и о физическомъ развитіи молодого поколѣнія. Эти государства—Швеція, Франція, Англія и Германія. Посмотримъ-же, какую продолжительность умственной и сидячей работы считаютъ возможнымъ допустить въ теченіе сутокъ, безъ вреда для здоровья и физическаго развитія учениковъ, въ названныхъ государствахъ, извѣстнѣйшіе представители медицинской науки, на которыхъ ссылаются большею частію и наши врачи-спеціалисты, когда говорятъ или пишутъ о переутомленіи учениковъ.

Аксель Кей, о которомъ мы упоминали уже нѣсколько разъ, на основаніи какъ своихъ собственныхъ изслѣдованій, произведенныхъ имъ надъ 15 тысячами учениковъ, такъ и изслѣдованій другихъ врачей-физіологовъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ, предлагаетъ нижеслѣдующее (№ VII), нормальное распредѣленіе суточнаго времени для умственной работы учениковъ шведскихъ гимназій, въ классѣ и дома. Это нормальное распредѣленіе, послѣ весьма незначительнаго измѣненія *) въ двухъ только классахъ, нашло полное одобреніе школьной коммиссіи, назначенной правительствомъ въ 1882 году для изслѣдованія вопроса о необходимости основательной реорганизаціи всѣхъ шведскихъ школъ.

Въ это «распредѣленіе времени» Кей нашелъ нужнымъ включить также время для занятій учениковъ пѣніемъ и музыкой, именно 20 м. ежедневно, такъ какъ изученіе этихъ предметовъ въ шведскихъ гимназіяхъ обязательно и для многихъ учениковъ составляетъ не малый трудъ, тѣмъ болѣе, что имъ приходится изучать и теорію этихъ искусствъ. Исключено-же время, назначенное въ тѣхъ гимназіяхъ для физическихъ упражненій, такъ какъ при составленіи «нормальнаго распредѣленія» имѣлась въ виду только ежедневная умственная (и сидячая) работа учениковъ въ классѣ и дома.

Распредѣленіе это намъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

---

*) Мы-же въ нижеслѣдующую таблицу включили время, положенное А. Кеемъ, т.-е. время въ двухъ классахъ (III и IV) на 30 мин. меньше, чѣмъ оно было назначено коммиссіею.

№ VII. Продолжительность работы учениковъ, умственной и сидячей, въ классѣ и дома, по «нормальному распредѣленію» А. Кея для шведскихъ гимназій:

Возрастъ учениковъ. Лѣта.	10	11	12	13	14	15	16	17
Классы.	II	III	IV	V	VI[1]	VI[2]	VII[1]	VII[2]
	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.
Недѣльная классная работа	26	29	29	32	32	32	32	32
Суточная классная работа	4,20	4,50	4,50	5,20	5,20	5,20	5,20	5,20
Суточная класная работа послѣ вычета*) по 25 м. для 4-хъ низшихъ и по 35 м. для 4-хъ высшихъ классовъ для отдыха между уроками	3,55	4,25	4,25	4,55	4,45	4,45	4,45	4,45
Суточная домашняя работа	1,0	1,30	1,30	2,0	2,30	2,30	3,0	3,0
Суточная, классная и домашняя, работа вмѣстѣ	4,55	5,55	5,55	6,55	7,15	7,15	7,45	7,45 **)

Теперь посмотримъ—сколько времени ежедневно требуется для умственной и сидячей работы отъ учениковъ тѣхъ *французскихъ* учебныхъ заведеній, которыя соотвѣтствуютъ нашимъ гимназіямъ.

Едва-ли въ какомъ-либо другомъ государствѣ, исключая, можетъ быть, Германію, образованное общество въ послѣдніе годы было занято этимъ вопросомъ больше, чѣмъ именно во Франціи. Умственное переутомленіе (surmenage intellectuel) и сидячая работа (travail sédentaire) долгое время составляли любимую тему весьма оживленныхъ и горячихъ диспутовъ не только въ частныхъ бесѣдахъ и въ собраніяхъ врачей и педагоговъ, но также и въ научной прессѣ. Въ 1887 году этотъ вопросъ поступилъ на обсужденіе Парижской Медицин-

*) Такой вычетъ нами дѣлается согласно требованіямъ А. Кея; см. нѣмецкое изданіе, стр. 275.

**) Прежній максимумъ такой работы, по изслѣдованіямъ школьной коммиссіи, въ составѣ которой находился и А. Кей, дошелъ до 11 ч., а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ даже до 14 ч. въ сутки.

ской академіи; послѣ весьма тщательной его разработки въ десяти засѣданіяхъ, продолжавшихся отъ марта до августа, онъ оттуда былъ переданъ въ назначенную въ 1888 г. правительствомъ коммиссію, составленную изъ 54 лицъ, большей частію членовъ медицинской академіи и извѣстныхъ педагоговъ, считавшихся людьми наиболѣе компетентными по школьному вопросу. Предсѣдателемъ этой коммиссіи былъ Жюль Симонъ. По окончаніи работы въ этомъ ученомъ собраніи представленный имъ проектъ новой школьной реформы, послѣ обстоятельнаго его обсужденія въ сенатѣ, наконецъ, въ январѣ 1890 года, былъ утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, а новыя правила относительно распредѣленія времени, дисциплины и преподаванія, а также и новыя программы *) вступили въ дѣйствіе только съ октября того-же года, т.-е. съ начала учебныхъ занятій, послѣ лѣтнихъ каникулъ.

Какъ-же именно былъ здѣсь рѣшенъ вопросъ о переутомленіи учениковъ французскихъ гимназій, послѣ болѣе чѣмъ трехлѣтней серьезной работы самыхъ компетентныхъ ученыхъ и педагоговъ, или, иначе сказать, какую продолжительность умственной и сидячей работы коммиссія, въ составъ которой вошли самые извѣстные члены медицинской академіи, нашла возможнымъ допустить во французскихъ гимназіяхъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ самомъ началѣ новыхъ правилъ **), гдѣ на первомъ-же мѣстѣ говорится о продолжительности сидячей работы (Durée du travail sédentaire).

За максимумъ, говорится здѣсь, часовъ сидячей работы (уроки и домашнія занятія, включая рисованіе) принимается 6 часовъ для низшихъ классовъ, 8 часовъ для среднихъ и $10^1/_2$ часовъ лѣтомъ, а зимою 10 часовъ—для высшихъ классовъ.

Въ приведенномъ мѣстѣ, какъ видно, говорится только о продолжительности сидячей, а не умственной работы учениковъ. Это слѣдуетъ объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что въ назначенное правилами число часовъ вошло также время, положенное для рисованія, такъ какъ этотъ предметъ во всѣхъ классахъ, исключая только два высшіе, считается обязательнымъ, а также и тѣмъ соображеніемъ,

---

*) Новыя таблицы распредѣленія уроковъ уже переведены и отпечатаны въ «Русской Школѣ» № 5, за 1890 г.

**) Instructions, Programmes et Règlements. Paris, 1891 (стр. 431): Emploi du temps. I Durée du travail sédentaire. Le maximum des heures de travail sédentaire (classes et études, y compris le dessin) est fixé à six heures, dans les classes primaire et dans la division élémentaire; à huit heures dans la division grammaire; à dix heures et demi en été et à dix heures en hiver, dans la division supérieure.

что сидячая работа учениковъ гимназій, если не принять въ разсчетъ рисованія и чистописанія (о послѣднемъ предметѣ въ новыхъ программахъ вовсе не говорится), вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть именно и умственною работою, по крайней мѣрѣ, въ обыкновенно принятомъ, болѣе узкомъ, смыслѣ этого слова.

Теперь намъ слѣдовало-бы найти среднее число часовъ, положенныхъ для такой работы. Къ сожалѣнію, такое число мы можемъ опредѣлить лишь приблизительно, такъ какъ въ названномъ «распредѣленіи времени» указанъ только максимумъ часовъ, между тѣмъ какъ о минимумѣ нигдѣ,—ни въ «распредѣленіи», ни въ программахъ, — не говорится ни слова. Но мы думаемъ, что едва-ли ошибемся, если за минимумъ для каждаго отдѣленія будемъ принимать число, на два часа меньшее, чѣмъ то, которое указано для максимума, опредѣляя послѣдній и для зимняго времени только въ 10 часовъ въ сутки. Такимъ путемъ мы получаемъ слѣдующія среднія числа, которыя во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать скорѣе слишкомъ малыми, нежели слишкомъ великими: въ приготовительномъ и первыхъ двухъ классахъ (элементарнаго отдѣленія) по 5 час., въ слѣдующихъ трехъ классахъ (грамматическаго отдѣленія) по 7 час. и въ трехъ высшихъ классахъ (старшаго отдѣленія) по 9 час. въ сутки. Числа эти довольно близко подходятъ къ такимъ-же числамъ въ младшихъ и среднихъ классахъ шведскихъ гимназій, а число часовъ въ высшихъ трехъ классахъ на 2 часа меньше, чѣмъ оно было до реформы. Такъ, въ приведенномъ уже нами французскомъ сочиненіи доктора Ріана (Riant) «Surmenage intellectuel», на стр. 76, мы читаемъ: Le temps de travail, que l'on a vu être de six heures à l'école primaire, comprend actuellement plus de onze heures par jour dans les écoles normales et dans les lycées.

Но, не смотря на то, мы все-таки не находимъ возможнымъ полученныя нами такимъ путемъ среднія числа включить въ нижеслѣдующія сравнительныя таблицы, такъ какъ мы не въ состояніи въ точности опредѣлить—какую именно часть выражаемой такими числами ежедневной умственной и сидячей работы учениковъ слѣдуетъ отнести къ класснымъ и какую—къ домашнимъ ихъ занятіямъ. Лишены-же мы возможности сдѣлать это вслѣдствіе того, что нѣкоторые предметы, какъ, напр., чистописаніе, пѣніе, музыка, вовсе не вошли въ новыя программы, такъ что даже наибольшимъ числомъ еженедѣльныхъ классныхъ часовъ, указанныхъ въ таблицахъ уроковъ, а именно 21½ час. (т.-е. 3 час. 35 м. ежедневно) едва-ли выражается вся классная сидячая работа (travail sédentaire) учениковъ. Что-же касается времени, назначеннаго для приготовленія уроковъ (études), то оно опре-

дѣлено еще менѣе точно, чѣмъ классная работа. Въ отдѣлѣ «Emploi de la journée» говорится только о вечернихъ занятіяхъ (étude du soir), продолжительность которыхъ опредѣляется отъ двухъ въ низшемъ до трехъ часовъ въ высшемъ отдѣленіи. Но по двумъ причинамъ нельзя допустить, чтобы дѣйствительно вся классная умственная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сидячая работа учениковъ простиралась только до 3-хъ часовъ въ сутки. Во-первыхъ, такъ какъ ученики, какъ мы уже раньше сказали, должны вставать довольно рано, а именно въ $6^1/_2$, 6, а лѣтомъ даже въ $5^1/_2$ часовъ (старшее отдѣленіе), классы же начинаются только въ 8 или $8^1/_2$ часовъ (l'entrée en classe), то по необходимости слѣдуетъ предполагать, что, кромѣ вечернихъ, существуютъ еще и утреннія занятія по приготовленію или-же повторенію уроковъ. Во-вторыхъ, если какъ максимумъ классной работы допустимъ только 3 ч. 35 м. и какъ максимумъ внѣклассной сидячей работы 3 часа, то мы не понимаемъ, какимъ образомъ получается уже раньше нами указанная наибольшая продолжительность всей сидячей работы учениковъ, какъ классной, такъ и внѣклассной, которая, какъ мы знаемъ, въ новыхъ правилахъ опредѣлена въ 6 ч. въ младшемъ, въ 8 ч. въ среднемъ и 10 и даже $10^1/_2$ ч. въ старшемъ отдѣленіи? *)

Что касается среднихъ учебныхъ заведеній въ *Англіи*, болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ нашимъ гимназіямъ, то въ настоящее время у насъ нѣтъ подъ руками достаточно матеріала, чтобы мы могли въ точности опредѣлить продолжительность ежедневной умственной и сидячей работы учениковъ отдѣльныхъ классовъ и этихъ заведеній. Намъ извѣстно только **), что въ англійскихъ гимназіяхъ уроки про-

---

*) Благодаря любезности одного изъ нашихъ сослуживцевъ, лѣтомъ сего года намъ было доставлено слѣдующее распредѣленіе времени въ теченіе однихъ сутокъ (emploi de la journée) для учениковъ одного изъ французскихъ лицеевъ. Мы приведемъ его здѣсь безъ всякихъ комментаріевъ, замѣтя только, что время, указанное для сна, т.-е. когда ученики должны ложиться, относится къ ученикамъ младшаго отдѣленія; ученики-же старшаго возраста ложатся спать часомъ позже, и этимъ временемъ могутъ пользоваться для чтенія. Если сложить время, назначенное для классныхъ занятій (classes) 4 час., и такое-же время—для домашнихъ занятій (étude) $6^1/_4$ час., то совершенно точно выходитъ вышеуказанное нами время отъ 10 до $10^1/_2$ час. въ сутки. Lever—6 h.; $6^1/_2$—$7^1/_2$ étude; $7^1/_2$—8 déjeuner et récréation; 8—10 classe; 10—$10^1/_4$ récréation; $10^1/_4$—12 étude; 12—$12^1/_2$ déjeuner; $12^1/_2$—$1^1/_2$ récréation; $1^1/_2$—$2^1/_2$ étude; $2^1/_2$—$4^1/_2$ classe; $4^1/_2$—5 récréation; 5—$7^1/_2$ étude; $7^1/_2$ dînes; $8^1/_2$ couches.

**) См. «Paedagogisches Archiv» 1887 г. № 9, стр. 577.—Die höheren Schulen Englands.

должаются отъ 9 час. утра до 3 час. пополудни, съ перерывомъ въ одинъ часъ,—отъ котораго 1/2 часа назначено для отдыха и 1/2 часа для игръ и строевыхъ упражненій. Слѣдовательно, продолжительность классныхъ занятій доходитъ до 5-ти часовъ въ день, для приготовленія-же уроковъ полагается отъ одного до двухъ часовъ ежедневно. Изъ сказаннаго видно, что и въ Англіи, гдѣ, какъ постоянно утверждаютъ, школьное дѣло, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ занимающему насъ вопросу, поставлено лучше и раціональнѣе, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ, все-таки умственная и сидячая работа учениковъ гимназій продолжается до 7 час. въ сутки, т.-е. только на 7 минутъ короче, чѣмъ въ той русской гимназіи, въ которой служитъ авторъ предлагаемой статьи. Но, въ виду неполноты находящихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ относительно этихъ чиселъ, мы все-таки не рѣшаемся включить ихъ въ наши нижепомѣщаемыя сравнительныя таблицы.

Перейдемъ затѣмъ къ требованіямъ извѣстной Страссбургской медицинской коммиссіи, назначенной въ 1882 г., по иниціативѣ начальника Эльзаса-Лотаринііи, именно для изслѣдованія вопроса, какъ велико можетъ быть напряженіе умственныхъ способностей дѣтей, безъ вреда для ихъ тѣлеснаго развитія? Эта коммиссія была составлена изъ девяти нѣмецкихъ врачей-спеціалистовъ, считающихся по всей Германіи въ числѣ лучшихъ представителей медицинской науки, и двухъ не менѣе извѣстныхъ педагоговъ, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря фонъ-Гофмана. Послѣ продолжительныхъ и весьма усердныхъ работъ, состоящихъ, главнымъ образомъ, въ собраніи всевозможныхъ статистическихъ данныхъ, необходимыхъ для правильнаго рѣшенія предстоящей ей задачи, коммиссія пришла къ тому убѣжденію, что время, назначенное въ гимназіяхъ Эльзаса-Лотарингіи для умственной и сидячей работы учениковъ въ классѣ и дома, слишкомъ велико. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно шведской коммиссіи, она предложила, на основаніи всѣхъ своихъ изслѣдованій, слѣдующее (№ VIII) «нормальное распредѣленіе» такого времени, въ которое также не вошли ни физическія упражненія, ни пѣніе съ музыкой. Вотъ это распредѣленіе:

№ VIII. Продолжительность обязательной работы учениковъ, умственной и сидячей, въ классѣ и дома, по «нормальноиу распредѣленію» Страссбургской медицинской коммиссіи для гимназій Эльзаса-Лотарингіи:

Возрастъ учениковъ. Лѣта.	10	11	12	13	14	15	16	17
Классы.	V	IV	III¹	III²	II¹	II²	I¹	I²
	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.
Недѣльная классная работа	24	26	26	26	30	30	30	30
Суточная классная работа	4	4,20	4,20	4,20	5,0	5,0	5,0	5,0
Суточная классная работа послѣ вычета *) по 25 м. для 4-хъ низшихъ и по 35 м. для 4-хъ высшихъ классовъ для отдыха между уроками	3,35	3,55	3,55	3,55	4,25	4,25	4,25	4,25
Суточная домашняя работа	1,20	2,0	2,0	2,0	3,0	3,0	3,0	3,0
Суточная, классная и домашняя, работа вмѣстѣ	4,55	5,55	5,55	5,55	7,25	7,25	7,25	7,25

Въ предыдущемъ мы уже говорили о требованіяхъ Страссбургской медицинской коммиссіи 1882 года, которыя считались, въ свое время, настолько идеальными, что въ теченіе многихъ лѣтъ они оставались неисполненными и которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (какъ, напр., относительно времени, положеннаго коммиссіею для свободнаго движенія, и именно подвижныхъ игръ на открытомъ воздухѣ) даже и теперь еще представляютъ pium desiderium нѣмецкихъ педагоговъ и врачей, искренно заботящихся о здоровьѣ и физическомъ развитіи молодаго поколѣнія.

Я. Моръ.

(Окончаніе будетъ).

---

*) Вычетъ этотъ дѣлается нами согласно требованіямъ коммиссіи. См. «Aerztliches Gutachten» etc. стр. 18.

КОНФЕССІОНАЛЬНЫЯ ШКОЛЫ НА ЗАПАДѢ.

«Воздадите убо Кесарева—Кесареви
и Божія Богови».

Матѳ. XXII. 21.

Конфессіональными школами принято называть такія учебныя заведенія, въ которыя принимаются ученики только одного вѣроисповѣданія. Школы эти имѣютъ тѣсную связь съ церковью, духовенство на нихъ имѣетъ всегда большое вліяніе, а часто и управленіе этими учебными заведеніями бываетъ поручено духовной власти. Иногда, впрочемъ, въ конфессіональныя школы принимаются дѣти другихъ вѣроисповѣданій, съ правомъ не посѣщать уроки Закона Божія, но въ нѣкоторыхъ странахъ ученики не освобождаются отъ присутствія на урокахъ Закона Божія и какъ-бы считаются единовѣрцами прочихъ учениковъ.

Возникновеніе конфессіональныхъ школъ во всѣхъ христіанскихъ государствахъ тѣсно связано съ распространеніемъ самого христіанскаго вѣроученія. Съ самаго начала существованія церкви, одною изъ важныхъ обязанностей церковнаго причта считалась забота о духовномъ просвѣщеніи ихъ паствы, а духовное просвѣщеніе, въ свою очередь, было немыслимо безъ обученія дѣтей прихожанъ грамотѣ. Такимъ образомъ, первыя школы какъ въ православныхъ, такъ и въ католическихъ странахъ были тѣсно связаны съ церковью и вполнѣ зависѣли отъ духовной власти, причемъ это относилось не только къ начальнымъ училищамъ, но и къ учебнымъ заведеніямъ всякаго рода. Духовныя власти часто напоминали приходскимъ священникамъ о необходимости заводить школы въ своихъ приходахъ, и на Западѣ при этомъ часто ссылались на постановленіе VI-го вселенскаго (3-го Константинопольскаго) собора: «*Presbyteri per villas et vicos scholas habeant*», которое въ дѣйствительности не относилось къ каноническимъ постановленіямъ собора и найдено въ числѣ другихъ доба-

вочныхъ девяти главъ въ древнемъ спискѣ, сохранившемся въ соборѣ Св. Бавона въ Гентѣ. Такъ какъ основная мысль этого постановленія подтверждается многими указаніями святыхъ отцевъ церкви, то о немъ упоминалось еще въ концѣ XVIII столѣтія; напримѣръ, текстъ этотъ былъ напечатанъ въ видѣ эпиграфа на руководствѣ для учителей, изданномъ прелатомъ Фельбигеромъ для австрійскихъ школъ въ 1774 году. Какъ въ католическихъ, такъ и въ православныхъ странахъ монастыри и соборы въ городахъ являлись главными центрами просвѣщенія, а на Западѣ учреждались монашескіе ордена (бернардинцы, доминиканцы и, наконецъ, іезуиты), которые считали учрежденіе школъ для себя обязательнымъ. Такъ какъ всѣ эти ордена обращали главное вниманіе на обученіе лишь дѣтей рыцарства и болѣе достаточныхъ классовъ общества, то основывались еще особыя братства, состоящія изъ лицъ не духовнаго сана, искренно преданныхъ господствующей церкви, которыя ставили себѣ цѣлію обученіе грамотѣ и Закону Божію дѣтей простого народа. Братства эти возникли у православныхъ въ западной Руси въ XVI столѣтіи, а во Франціи позже, въ концѣ XVII столѣтія (Frères des écoles chretiennes). Реформація дала сильный толчокъ народному образованію въ Западной Европѣ, такъ какъ Лютеръ обязалъ пасторовъ устраивать школы въ своихъ приходахъ и далъ имъ возможность исполнить эту возложенную на нихъ обязанность, переведя Библію на нѣмецкій языкъ и составивъ краткій катехизисъ новаго вѣроисповѣданія. Эта церковная обязанность была потомъ поддержана гражданскою властью, и такимъ образомъ явилось обязательное обученіе, которое впослѣдствіи было введено и въ странахъ, гдѣ господствовали другія вѣроисповѣданія, но уже не въ видѣ учрежденія исключительно церковнаго, а какъ мѣра, важная съ государственной точки зрѣнія. Высшія и среднія учебныя заведенія понемногу сами стали выходить изъ подъ опеки церкви; но еще въ концѣ прошлаго столѣтія мы замѣчаемъ, что въ западно-европейскихъ государствахъ много среднихъ учебныхъ заведеній и почти всѣ низшія училища имѣли конфессіональный характеръ и находились въ завѣдываніи духовенства. Только съ начала нынѣшняго столѣтія, при усиленіи правительственной центральной власти въ большинствѣ государствъ Западной Европы, усиливается и вмѣшательство правительства въ школьныя дѣла. Церковь понемногу утрачиваетъ свои права даже на народную школу, но уступаетъ свое господство, конечно, не безъ борьбы. При этомъ само населеніе, особенно городское, было на сторонѣ правительства, такъ какъ оно дозволяло нѣкоторое участіе представителей города въ школьномъ дѣлѣ.

съ тѣмъ, чтобы училища могли быть устраиваемы болѣе сообразно съ нуждами населенія. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго возникъ на Западѣ вопросъ о конфессіональныхъ школахъ и о связанномъ съ ними правѣ церкви на управленіе народными училищами, вопросъ, который обсуждался и обсуждается до сихъ поръ съ педагогической и другихъ точекъ зрѣнія многими писателями, и потому имѣетъ очень обширную литературу. Можно-бы занять цѣлыя страницы перечисленіемъ сочиненій и статей, въ которыхъ этотъ вопросъ обсуждается, но мы здѣсь, въ выноскѣ, ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторыя наиболѣе удобныя для справокъ статьи и сочиненія *).

Посмотримъ теперь, какъ относятся въ наше время къ конфессіональнымъ школамъ законодательства различныхъ европейскихъ странъ. Главное вниманіе слѣдуетъ, конечно, обратить на большія государства, жители которыхъ принадлежатъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, такъ какъ въ небольшихъ государствахъ съ однороднымъ по вѣроисповѣданію населеніемъ вопросъ рѣшается гораздо легче. Считаемъ долгомъ еще добавить, что посѣщеніе дѣтьми народныхъ школъ почти вездѣ въ Европѣ обязательно, а гдѣ еще этого нѣтъ, тамъ общины или приходы, по крайней мѣрѣ, обязаны учреждать и содержать на свой счетъ народныя школы.

Начнемъ съ тѣхъ государствъ, гдѣ конфессіональныя школы еще господствуютъ и духовенство сохранило въ сильной степени вліяніе на нихъ. Сюда относятся прежде всего Скандинавскія государства, Швеція и Норвегія и Данія; подобный-же порядокъ сохранился и въ

---

*) *Окольскій А.* Объ отношеніи государства къ народному образованію. Спб. 1872.

Владимірскій-Будановъ. Государство и народное образованіе въ Россіи.

Buisson. Dictionnaire de Pédagogie. Ecoles confessionelles et non confessionelles. Tome I.

Simon, Jules. L'école. 1854.

Encyclopaedie des gesammten Erziehungs und Unterrichtswesens von K. Schmidt. I изд.

Confessions und Communalschulen von *Bauer*. I Theil, стр. 866.

Schule, von. *K. Polmer*, VII Theil. стр. 945.

Schulregiment, von *Paldomis*. VII Theil. стр. 212.

Полное обозрѣніе литературы этого вопроса на Западѣ, кромѣ вышеназванныхъ сочиненій, можно найти въ ‹Pädagogischer Jahresbericht», «Allgemeine Chronik des Volksschulwesens› von L. Seyffarth и другихъ подобныхъ ежегодникахъ за послѣдніе годы. Много матеріаловъ для всесторонняго обсужденія вопроса объ отношеніи народной школы къ церкви и къ государству могутъ дать стенографическіе отчеты о преніяхъ по вопросу о введеніи обязательнасо обученія во французскомъ сенатѣ и въ палатѣ депутатовъ въ 1880 и 1881 годахъ.

нашей Финляндіи. Здѣсь народныя школы находятся почти вполнѣ въ вѣдѣніи лютеранскаго духовенства, и пасторы обязательно считаются ближайшими наблюдателями за училищами своего прихода. Въ Швеціи епископы до сихъ поръ считаются попечителями учебныхъ округовъ, утверждаютъ учителей и даже директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній, ревизуютъ школы и т. д. Главное завѣдываніе школьнымъ дѣломъ находится, однако, въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія, учительскія семинаріи управляются часто свѣтскими лицами, и высшее наблюденіе за народнымъ образованіемъ поручено особымъ инспекторамъ, которыми могутъ быть и свѣтскія лица.

Изъ лютеранскихъ странъ ближе всего къ скандинавскимъ подходятъ многія германскія государства. Еще очень недавно въ большинствѣ нѣмецкихъ странъ управленіе народными школами было поручено духовнымъ консисторіямъ, и теперь еще въ Германіи почти вездѣ преобладаютъ конфессіональныя школы; но въ большинствѣ случаевъ, напримѣръ, въ Пруссіи, Вюртембергѣ, королевствѣ Саксоніи, саксонскихъ герцогствахъ и вольныхъ городахъ законъ прямо говоритъ, что народныя школы не могутъ отказывать ребенку въ пріемѣ изъ-за вѣроисповѣданія, причемъ присутствіе ученика на урокахъ Закона Божія другого вѣроисповѣданія необязательно. Больше всего вліянія на народное образованіе сохранило лютеранское духовенство въ Ольденбургѣ, Брауншвейгѣ и Мекленбургскихъ герцогствахъ, гдѣ пасторы считаются обязательными инспекторами народныхъ школъ и должность суперинтендента связана съ обязанностями главнаго наблюдателя за народнымъ образованіемъ. Въ Пруссіи и въ большинствѣ другихъ нѣмецкихъ государствъ министерство поручаетъ инспекторскія обязанности мѣстнымъ духовнымъ лицамъ, но не обязано это дѣлать и можетъ назначить и свѣтскаго инспектора. Однако, около 75% мѣстныхъ инспекторовъ въ Пруссіи принадлежатъ къ духовному званію. Главное-же управленіе народными школами, какъ и всѣми другими учебными заведеніями, принадлежитъ свѣтской власти, приготовленіе учителей поручено свѣтскимъ учительскимъ семинаріямъ, и городскимъ обществамъ даны довольно большія права для самоуправленія своими школами, причемъ въ большинствѣ городовъ Пруссіи духовенство почти вовсе устранено отъ завѣдыванія училищами. Общинамъ, впрочемъ, позволено открывать конфессіональныя школы въ мѣстностяхъ, гдѣ учителя принадлежатъ къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ. Правомъ этимъ воспользовались особенно въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, гдѣ рядомъ съ нѣмцами-лютеранами живутъ поляки-католики, и потому тамъ явилось множество мелкихъ

дурно обставленныхъ конфессіональныхъ школъ. Прусскій министръ Фалькъ въ 1876 году приказалъ соединять нѣсколько одноклассныхъ конфессіональныхъ школъ одной мѣстности въ одно многоклассное училище съ преподаваніемъ Закона Божія обоихъ главныхъ вѣроисповѣданій, католическаго и лютеранскаго, но духовенство осталось очень этимъ недовольно, и слѣдующіе министры не поддерживали этой мѣры. По проекту школьнаго закона, представленнаго нынѣ прусской палатѣ депутатовъ, народныя школы признаются рѣшительно правительственными учрежденіями, но члены духовенства обязаны наблюдать за преподаваніемъ Закона Божія, которое поручается учителю, преподающему всѣ остальные предметы; приходскіе священники и пасторы присутствуютъ на экзаменахъ, подписываютъ выпускныя свидѣтельства и указываютъ учебники, по которымъ слѣдуетъ преподавать Законъ Божій. Лица эти имѣютъ право требовать, чтобы учитель слѣдовалъ ихъ указаніямъ относительно преподаванія Закона Божія. Въ тѣхъ городахъ и селахъ, гдѣ набирается до 60 дѣтей одного вѣроисповѣданія, родители имѣютъ право требовать устройства отдѣльной школы; если-же дѣтей меньше, то они обязаны посѣщать существующую въ мѣстности школу.

Слѣдуетъ замѣтить, что лютеранское духовенство въ Германіи само, повидимому, убѣдилось въ невозможности поддерживать свои права на исключительное завѣдываніе народными школами. Это видно изъ рѣшеній Нюренбергскаго евангелическаго съѣзда въ 1884 году, который пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) При нынѣшнемъ состояніи народнаго образованіи церковь уже не можетъ считать школу своимъ исключительнымъ достояніемъ, и завѣдываніе народными училищами лучше передать правительству. Но церковь должна требовать, чтобы духовенству не только было поручено наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія, но вообще за религіозно-нравственнымъ направленіемъ преподаванія всѣхъ учебныхъ предметовъ. 2) Наблюденіе за методическою и школьно-техническою стороною преподаванія не должно быть отнесено къ обязанностямъ пастора: онъ въ этомъ не компетентенъ и долженъ подчиняться рѣшеніямъ спеціалистовъ-педагоговъ.

Въ католической части Германіи (Баваріи, Вюртембергѣ, Баденѣ) школьные законы теперь мало отличаются отъ прусскихъ: завѣдываніе народными школами и учительскими семинаріями вездѣ поручено свѣтской власти, но мѣстными школьными инспекторами бываютъ очень часто приходскіе священники. Когда исключительное завѣдываніе народными школами было отнято отъ духовенства, то ка-

толическіе епископы сначала запретили приходскимъ священникамъ участвовать во вновь учрежденныхъ мѣстныхъ школьныхъ совѣтахъ, гдѣ засѣдали и свѣтскія лица; теперь это запрещеніе снято и приходское духовенство имѣетъ вліяніе на народныя школы, но подъ наблюденіемъ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія. Лютеране и даже евреи могутъ посѣщать католическія школы и на урокахъ Закона Божія имѣютъ право не присутствовать. Тамъ, гдѣ такихъ иновѣрцевъ набирается много, родители имѣютъ право ходатайствовать объ учрежденіи особой школы.

Изъ романскихъ католическихъ странъ духовенство сохранило наиболѣе вліянія въ Испаніи и Португаліи. Обученіе въ этихъ государствахъ нынѣ также обязательно, и общины должны вездѣ устраивать на свой счетъ народныя школы, но онѣ имѣютъ право приглашать учителя или учительницу, принадлежащихъ къ какому-нибудь монашескому ордену или духовной конгрегаціи; такая школа признается правительственною и получаетъ казенное пособіе. Рядомъ съ этимъ существуютъ, однако, свѣтскія учительскія семинаріи, и общины могутъ приглашать и свѣтскихъ учителей. Такъ какъ школы, содержимыя духовенствомъ, почти всегда стоятъ дешевле, то бѣдныя общины ихъ предпочитаютъ; но населеніе понемногу убѣждается, что обученіе въ свѣтскихъ школахъ идетъ успѣшнѣе, такъ что городскія и болѣе состоятельныя сельскія общины все чаще и чаще передаютъ свои школы свѣтскимъ учителямъ. Однако, во всѣхъ училищныхъ совѣтахъ, мѣстныхъ и провинціальныхъ, засѣдаютъ духовныя лица по назначенію архіепископовъ. Конфессіональныя школы не католическія считаются частными учебными заведеніями и пособій отъ правительства не получаютъ.

Въ Бельгіи народныя школы имѣютъ въ большинствѣ сельскихъ общинъ конфессіональный характеръ, и духовныя конгрегаціи занимаютъ видное мѣсто среди учебнаго персонала разнаго рода училищъ. Но въ этой странѣ есть сильная партія, которая требуетъ школьныхъ законовъ, подобныхъ французскимъ, т.-е. совершеннаго устраненія духовенства отъ вліянія на школы.

Къ странамъ, гдѣ конфессіональныя школы имѣютъ до сихъ поръ большое значеніе, слѣдуетъ причислить Венгрію. Духовныя власти всѣхъ существующихъ въ этой странѣ вѣроисповѣданій, т.-е. католическаго, православнаго (славянскаго и румынскаго), лютеранскаго и даже еврейскаго, имѣютъ право самостоятельно завѣдывать учрежденными ими народными школами, приготовлять и назначать учителей, составлять программы и т. д. Главными инспекторами этихъ

школъ считаются не чиновники министерства народнаго просвѣщенія, но духовныя лица, назначаемыя консисторіями или епископами. Министерскіе инспекторы могутъ посѣщать конфессіональныя школы, но никакихъ распоряженій въ нихъ дѣлать не имѣютъ права. Однако, если въ какой-либо общинѣ родители 30 дѣтей школьнаго возраста потребуютъ открытія не конфессіональной школы, то община обязана удовлетворить ихъ желаніе. Изъ статистическихъ данныхъ, впрочемъ, видно, что этимъ правомъ пользуются немногіе: изъ 16.000 венгерскихъ школъ около 13.000 имѣютъ конфессіональный характеръ. Съ 1868 года министерство народнаго нросвѣщенія стало учреждать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ образцовыя не конфессіональныя школы, которыхъ нынѣ существуетъ около 300. Такими школьными порядками очень многіе въ этой странѣ недовольны и все сильнѣе и сильнѣе раздаются голоса, требующіе школьнаго законодательства, сходнаго съ австрійскимъ.

Православныя государства Балканскаго полуострова, Сербія, Румынія, Болгарія и Греція, принадлежатъ къ странамъ, гдѣ школы имѣютъ конфессіональный характеръ, такъ какъ населеніе этихъ странъ почти сплошь принадлежитъ къ православному вѣроисповѣданію. Въ Сербіи, по статистическимъ даннымъ 1873—1874 учебнаго года, 44% народныхъ учителей получили образованіе въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но съ 1870 года существуетъ въ Бѣлградѣ свѣтская учительская семинарія, которая постепенно снабжаетъ школы педагогически образованными учителями. Управленіе всѣми учебными заведеніями страны поручено министерству народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, которое назначаетъ свѣтскихъ лицъ для инспектированія школъ. Преподаваніе Закона Божія лежитъ на обязанности приходскихъ священниковъ, которые состоятъ также членами мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ.

Въ Черногоріи по закону 1879 года школьное обученіе обязательно съ 7 до 12 лѣтъ и школы открыты для дѣтей всѣхъ вѣроисповѣданій безъ принудительнаго присутствія на урокахъ православнаго вѣроисповѣданія; магометанамъ дозволено открывать свои особыя школы.

Въ Греціи уже съ 1834 года учреждена свѣтская мужская учительская семинарія, а съ 1874 года существуетъ и женская учительская семинарія. Народныя школы управляются министерствомъ народнаго просвѣщенія, которое назначаетъ инспекторовъ народныхъ училищъ и утверждаетъ программы. Православное духовенство не устранено, однако, отъ вліянія на школы и въ каждомъ училищномъ совѣтѣ, мѣстномъ, уѣздномъ и провинціальномъ, есть члены отъ духовенства.

Въ Румыніи народныя школы также управляются гражданскою властью, а духовенству поручено преподаваніе Закона Божія и наблюденіе за сельскими школами. Школьные порядки Болгаріи еще мало установлены, но тамъ, повидимому, преобладаетъ теперь стремленіе совершенно уничтожить конфессіональный характеръ народныхъ школъ и дать духовенству всѣхъ вѣроисповѣданій одинаковыя права на учрежденіе училищъ.

Во главѣ тѣхъ странъ, гдѣ народныя школы совершенно или почти совершенно утратили конфессіональный характеръ, стоитъ Франція. До 1882 года монашескіе ордена и такъ-называемыя духовныя конгрегаціи (Frères des écoles chretiennes и другія) играли важную роль въ народномъ образованіи страны: значительная часть мужскихъ низшихъ училищъ и большинство женскихъ учебныхъ заведеній были въ рукахъ духовенства. Хотя главное управленіе школами принадлежало все-таки министерству народнаго просвѣщенія, но духовныя конгрегаціи имѣли право устраивать учительскія семинаріи, выдавать аттестаты на званіе народнаго учителя и назначать учителей въ основанныя конгрегаціею школы. Общины были обязаны устраивать училища, но могли приглашать духовныхъ или свѣтскихъ лицъ, по желанію. Приходскіе католическіе священники почти совсѣмъ устраняли себя отъ школьнаго дѣла, ссылаясь на то, что духовныя требы и другія прямыя обязанности не даютъ имъ возможности заниматься преподаваніемъ. Обученіемъ занимались монахи, монахини и лица, хотя не имѣющія духовнаго сана, но поступившія въ конгрегацію со спеціальною цѣлью посвятить свою жизнь обученію юношества въ духѣ католическаго вѣроисповѣданія. Конгрегаціи эти принесли большую пользу Франціи, такъ какъ онѣ въ концѣ XVII столѣтія положили начало французскимъ народнымъ школамъ и вели ихъ удовлетворительно, но въ духѣ, который не нравился правительству республики. Въ 1882 году, при введеніи во Франціи обязательнаго обученія, правительство запретило учителямъ и учительницамъ, принадлежащимъ къ духовенству или къ духовнымъ конгрегаціямъ, преподавать въ общинныхъ и другихъ правительственныхъ школахъ, число свѣтскихъ учительскихъ семинарій было значительно увеличено, а обученіе Закону Божію совершенно уничтожено въ училищахъ, причемъ родителямъ и духовенству было предоставлено самимъ заботиться о религіозно-нравственномъ образованіи дѣтей. Нынѣ духовныя лица могутъ преподавать лишь въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на пожертвованія или на плату за обученіе. Эта крайняя мѣра никакъ не можетъ быть оправдана съ педагогической точки

зрѣнія, но слѣдуетъ, однако, сказать, что большія права, данныя въ прежнее время духовнымъ конгрегаціямъ, повели къ нѣкоторымъ злоупотребленіямъ, напр., оффиціально было доказано, что когда была введена всеобщая воинская повинность, духовенство, чтобы избавить отъ нея разныхъ лицъ, не имѣющихъ духовнаго сана, выдавало свидѣтельства на званіе начальнаго учителя поварамъ, писарямъ и другимъ лицамъ, не имѣющимъ ничего общаго со школою. Это послужило однимъ изъ поводовъ къ энергическимъ мѣрамъ противъ духовныхъ конгрегацій, но злоупотребленія можно было уничтожить, не колебля существенныхъ основъ народной школы. Въ настоящее время католическое духовенство начинаетъ также мириться съ положеніемъ дѣлъ: еще недавно въ газетахъ много писали о банкетѣ, данномъ французскимъ офицерамъ въ Алжирѣ кардиналомъ Лавижери, и о примирительной рѣчи его, получившей, говорятъ, одобреніе папы. Здѣсь не такъ удивителенъ тотъ фактъ, что кардиналъ примирился съ республиканскою формою правленія, такъ какъ во многихъ другихъ странахъ (Швейцаріи, Мексикѣ, Южноамериканскихъ государствахъ) католическое духовенство очень хорошо уживалось съ республиканскою формою правленія, сколько удивительно дружелюбное отношеніе католическаго епископа къ правительству, которое уничтожило преподаваніе Закона Божія въ школахъ.

Начало правильнаго устройства народнаго образованія было положено въ Австріи католическимъ прелатомъ Игнатіемъ Фельбигеромъ въ концѣ XVIII столѣтія. Уже тогда наблюденіе за народными школами было поручено почти исключительно мѣстному духовенству. Но особенно сильное вліяніе на народное образованіе получило католическое духовенство въ Австріи послѣ конкордата съ папою въ 1855 году. По этому конкордату наблюденіе за направленіемъ преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ было поручено епископамъ, которые утверждали программы, одобряли учебники, лишали права преподаванія неблагонадежныхъ, съ ихъ точки зрѣнія, учителей, и назначали мѣстныхъ инспекторовъ въ народныя школы. Въ 1869 году порядки эти измѣнились: школы потеряли свой конфессіональный характеръ, завѣдываніе всѣми училищами перешло всецѣло къ министерству народнаго просвѣщенія, и общины лишились права приглашать для своихъ обязательныхъ школъ учителей, принадлежащихъ къ духовнымъ конгрегаціямъ. Духовенство сохранило лишь наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія, который остался обязательнымъ учебнымъ предметомъ во всѣхъ школахъ. Католическое духовенство Австріи до сихъ поръ не можетъ помириться съ новыми порядками и, гдѣ воз-

можно, заявляетъ о необходимости вернуться къ школьному устройству, установленному конкордатомъ. Еще въ 1889 году на католическомъ съѣздѣ въ Австріи была выслушана и одобрена записка князя Лихтенштейна, въ которой подробно изложены требованія католиковъ; именно, чтобы управленіе народными школами было снова передано католическому духовенству, чтобы не только низшія, но и среднія учебныя заведенія были сдѣланы строго конфессіональными и даже завѣдываніе однимъ изъ австрійскихъ университетовъ было поручено католическому духовенству.

Но состояніе школьнаго дѣла во время конкордата оставило такія тяжелыя воспоминанія въ Австріи, что общественное мнѣніе сильно возбуждено противъ этихъ притязаній духовенства, и правительство едва-ли рѣшится предложить измѣненіе нынѣ существующаго порядка школьнаго управленія.

Въ Англіи правительство мало вмѣшивается въ школьныя дѣла, и почти все начальное образованіе предоставлено частнымъ обществамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ конфессіональный характеръ. Однако, по закону 1870 года, право на пособіе отъ правительства имѣютъ лишь школы, удовлетворяющія слѣдующимъ условіямъ: 1) Вѣроисповѣданіе не можетъ служить причиною отказа въ пріемѣ учениковъ, и ихъ нельзя заставлять присутствовать на урокахъ Закона Божія и на богослуженіи другаго вѣроисповѣданія. 2) Школа должна разрѣшать ученикамъ не бывать въ школѣ въ тѣ дни и часы, когда, по ихъ вѣроученію, они должны быть въ своемъ храмѣ. 3) Всѣ главные учителя (principal teachers), должны имѣть дипломъ на званіе преподавателя, выдаваемый свѣтскими экзаменаціонными коммиссіями. 4) Правительственные инспекторы вовсе не касаются вопросовъ о преподаваніи Закона Божія; успѣхи по этому учебному предмету не принимаются въ разсчетъ при выдачѣ пособій и на правительственныхъ испытаніяхъ по Закону Божію не экзаменуютъ. Обученіе катихизису предоставлено вполнѣ приходскому духовенству различныхъ вѣроисповѣданій.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки устройство народнаго образованія предоставлено отдѣльнымъ штатамъ, но преподаваніе катихизиса какого-либо вѣроисповѣданія въ школахъ, содержимыхъ общинами—запрещено, какъ противное конституціи. Однако, чтеніе Библіи, произнесеніе молитвы Господней и нѣкоторыхъ духовныхъ пѣснопѣній допускается почти во всѣхъ школахъ, такъ что общехристіанское направленіе школъ считается дозволеннымъ и даже желательнымъ.

Въ Голландіи еще съ 1857 года преподаваніе Закона Божія исключено изъ школьныхъ программъ, и учителямъ вмѣнено въ обязанность никоимъ образомъ не касаться различій въ вѣроисповѣданіяхъ. На примѣръ Голландіи часто ссылались французы при дебатахъ въ парламентѣ объ установленіи новаго школьнаго закона 1882 года.

Въ Швейцаріи, гдѣ каждый кантонъ имѣетъ почти полное самоуправленіе, центральное правительство, на основаніи конституціи, однако, не признаетъ конфессіональныхъ школъ и не даетъ кантонамъ права открывать подобныя школы. Духовенство совершенно устранено отъ управленія училищами, но Законъ Божій преподается почти вездѣ. Мѣра эта направлена главнымъ образомъ противъ католиковъ, такъ какъ прежде католическое духовенство сильно вліяло на школы въ нѣкоторыхъ кантонахъ, напримѣръ, Фрибургѣ, Люцернѣ и другихъ.

Въ Италіи, гдѣ народныя школы были прежде совсѣмъ въ рукахъ католическаго духовенства, съ 1859 года школы потеряли конфессіональный характеръ, хотя частныя конфессіональныя училища дозволены. О преподаваніи Закона Божія вовсе не упоминается въ оффиціальной программѣ народныхъ школъ, познаній по этому предмету не требуется ни на какихъ экзаменахъ, и отмѣтки по Закону Божію не принимаются въ разсчетъ при переводѣ изъ класса въ классъ.

Въ Россіи народныя школы, находящіяся въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ извѣстно, никогда не имѣли конфессіональнаго характера. Высочайше утвержденный уставъ 1828 года точно такъ, какъ Высочайше утвержденное 25 мая 1874 года Положеніе о народныхъ училищахъ устанавливаютъ, что во всѣ народныя школы допускаются дѣти всѣхъ вѣроисповѣданій. Правило это распространяется и на министерскія одноклассныя и двуклассныя училища, равно какъ и уѣздныя и городскія училища по положенію 1872 года. При этомъ, однако, православному духовенству дана полная возможность оказывать на школы свое вліяніе: преподаваніе Закона Божія въ училищахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, не можетъ быть поручено учителю другихъ учебныхъ предметовъ, а предметъ этотъ долженъ преподаваться лицомъ духовнаго сана или имѣющимъ право на этотъ санъ; въ губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ засѣдаютъ члены отъ православнаго духовенства; свидѣтельства на право льготы по воинской повинности не имѣютъ значенія, если они не подписаны священникомъ, для назначенія и перемѣщенія законоучителей требуется согласіе епархіальнаго начальства, наконецъ, допущеніе въ школы всѣхъ книгъ религіозно-догматическаго содержанія по ученію православной церкви,

обусловливается одобреніемъ Св. Сунода. Правительство постоянно старалось подчинить для пользы дѣла всѣ народныя училища Министерству Народнаго Просвѣщенія. Еще въ 1827 году, въ Высочайшемъ рескриптѣ Министру Народнаго Просвѣщенія, Императоръ Николай I повелѣлъ «*распространить надзоръ Министерства на всѣ безъ исключенія училища, кромѣ военныхъ и духовныхъ*». Высочайшая воля исполнялась по мѣрѣ расширенія предѣловъ Имперіи и объединенія управленія различными областями: особые училищные порядки губерній, составлявшихъ Царство Польское, замѣнены новыми, особенное управленіе Кавказскими учебными заведеніями также устранено; въ самое послѣднее время народныя школы Прибалтійскихъ губерній, находившіяся въ полномъ вѣдѣніи лютеранскихъ пасторовъ, подчинены центральному учебному начальству, школы для инородцевъ нашихъ восточныхъ окраинъ точно также, равно какъ и школы для колонистовъ, имѣвшія до сего времени особое управленіе. Не смотря на это, въ Россіи существуютъ, однако, еще школы, имѣющія конфессіональный характеръ и особенный способъ управленія, напримѣръ, школы при церквахъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, армянскія, католическія, протестантскія, а также евреямъ и магометанамъ дозволено имѣть свои школы, куда принимаются только дѣти соотвѣтствующаго вѣроисповѣданія. Всѣ эти учебныя заведенія находятся, однако, подъ контролемъ чиновъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, армянскія, управляются почти самостоятельно своимъ духовенствомъ.

По Высочайше утвержденнымъ въ 1884 году правиламъ для церковно-приходскихъ школъ, училища эти, до тѣхъ поръ подвѣдомственныя наравнѣ съ другими начальными школами уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, получили особую организацію, при чемъ управленіе ими совершенно самостоятельно и сосредоточено въ духовномъ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія, которое издаетъ для этихъ школъ программы и выдаетъ свидѣтельства на учительское званіе. Хотя въ эти школы и принимаются иногда дѣти другихъ вѣроисповѣданій, но для полученія свидѣтельства на льготу по воинской повинности отъ нихъ требуютъ экзамена по Закону Божію православнаго вѣроисповѣданія, слѣдовательно, иновѣрцы не освобождены въ церковно-приходскихъ школахъ отъ присутствія на урокахъ Закона Божія. По Высочайше утвержденнымъ 4 мая 1891 года правиламъ о школахъ грамоты, всѣ эти школы, назначенныя для начальнаго обученія дѣтей въ деревняхъ и городахъ, также подчинены исключительно вѣдѣнію

и наблюденію православнаго духовенства, т.-е. главнымъ образомъ приходскихъ священниковъ.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что вопросъ о конфессіональныхъ народныхъ школахъ рѣшается въ различныхъ странахъ весьма разнообразно, и это совершенно понятно, если принять во вниманіе, что народная школа есть учрежденіе по преимуществу національное и зависящее гораздо болѣе другихъ учебныхъ заведеній отъ мѣстныхъ условій. Тѣмъ не менѣе, можно, какъ намъ кажется, сдѣлать изъ вышеизложеннаго обзора слѣдующіе общіе выводы:

1) Должно, къ сожалѣнію, признать, что число государствъ, гдѣ преподаваніе Закона Божія вовсе исключено изъ школы, увеличивается, но причину этого явленія надо искать не въ педагогическихъ, а скорѣе въ политическихъ взглядахъ новѣйшихъ законодателей. Съ педагогической точки зрѣнія, исключеніе Закона Божія слѣдуетъ считать въ высшей степени вреднымъ явленіемъ, если имѣть въ виду, что школа должна развить всѣ хорошіе задатки ребенка, сдѣлать изъ него нравственнаго человѣка и полезнаго гражданина своей страны. Какимъ-же образомъ школа можетъ при этомъ игнорировать ту обширную и въ высшей степени важную область душевной дѣятельности ученика, которая зависитъ отъ присущаго всѣмъ людямъ религіознаго чувства? Можетъ-ли школа толково учить, не касаясь вопроса о добрѣ и злѣ, о совѣсти, о молитвѣ, о Богослуженіи и т. п.? Отказываясь отъ вліянія на эту сторону души ребенка, школа перестаетъ быть воспитательнымъ учрежденіемъ, а дѣлается учебнымъ заведеніемъ одностороннимъ, сообщающимъ дѣтямъ лишь извѣстное количество практически-полезныхъ свѣдѣній и навыковъ. Говорятъ, что школа должна готовить къ жизни, но какъ узко пониманіе жизни у тѣхъ, которые изъ нея исключаютъ понятіе о религіи или считаютъ религію чѣмъ-то постороннимъ и для школы не необходимымъ? Попытки составить курсъ гражданской морали (morale civique), преподаваніе которой теперь предписано во французскихъ школахъ, слѣдуетъ считать совершенно неудачными. Разсматривая учебники этой гражданской морали, поражаешься тѣмъ, какъ много люди потратили труда на шаткія доказательства истинъ, столь ясно, опредѣленно и непоколебимо установленныхъ заповѣдями и ученіемъ Новаго Завѣта.

2) Главное управленіе народными школами на Западѣ нынѣ вездѣ поручено тому вѣдомству, которое завѣдуетъ другими общеобразовательными учебными заведеніями страны, т.-е. министерству народнаго просвѣщенія. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ этому министерству поручены

и духовныя дѣла, народныя училища управляются все-таки тѣми учрежденіями министерства, которыя вѣдаютъ всѣ остальныя школьныя дѣла. Въ странахъ, гдѣ духовныя лица преподаютъ въ школахъ всѣ учебные предметы или состоятъ наблюдателями за преподаваніемъ въ народныхъ училищахъ, программы и инструкціи, за рѣдкими исключеніями (Венгрія, Россія), издаются или, по крайней мѣрѣ, утверждаются министерствомъ народнаго просвѣщенія, которое завѣдуетъ также учебными заведеніями, приготовляющими народныхъ учителей и почти вездѣ пользуется исключительнымъ правомъ выдачи аттестатовъ на званіе начальнаго учителя. Совершенно самостоятельнаго церковнаго управленія школами какого-нибудь исповѣданія теперь почти нигдѣ нѣтъ, и конфессіональныя школы считаются или правительственными учебными заведеніями, подвѣдомственными общему учебному начальству, или частными учебными заведеніями, подлежащими все-таки контролю министерства народнаго просвѣщенія.

3) Новѣйшія школьныя законодательства, особенно въ обширныхъ государствахъ, очевидно, отдаютъ предпочтеніе народной школѣ неконфессіональной, и потому число конфессіональныхъ школъ уменьшается, не смотря на то, что прежде онѣ почти вездѣ преобладали.

4) Въ маленькихъ государствахъ, съ населеніемъ, почти исключительно принадлежащимъ къ одному вѣроисповѣданію, вліяніе духовенства сильнѣе и школы болѣе сохранили конфессіональный характеръ.

5) При новѣйшихъ преобразованіяхъ школьнаго управленія, католическое духовенство, прежде столь сильно вліявшее на народное образованіе, больше потеряло вліянія, чѣмъ лютеранское, которое еще въ нѣкоторыхъ странахъ принимаетъ дѣятельное участіе въ наблюденіи за народными школами.

6) Въ странахъ, гдѣ преобладаетъ католицизмъ, главными дѣятелями по народному образованію являются не приходскіе священники, а монахи и члены духовныхъ братствъ, спеціально занимающіеся школьнымъ дѣломъ и освобожденные отъ всякихъ чисто церковныхъ обязанностей.

7) Православныя государства Балканскаго полуострова по своимъ школьнымъ порядкамъ мало отличаются отъ странъ, гдѣ преобладаетъ другое христіанское вѣроисповѣданіе.

Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ изслѣдованію причинъ, побудившихъ правительства многихъ странъ дать предпочтеніе неконфессіональнымъ школамъ, слѣдуетъ указать на несомнѣнно хорошія стороны конфессіональныхъ училищъ.

Во-первыхъ, какъ выше уже сказано, конфессіональныя школы

имѣютъ за собою историческое право существованія, основанное на прежней тѣсной связи школы съ церковью. Церковь, очевидно, имѣетъ нѣкоторыя права на школу: она необходима для духовнаго развитія прихожанъ, и тамъ, гдѣ ея нѣтъ, приходское духовенство не можетъ исполнять свои пастырскія обязанности такъ успѣшно, какъ при существованіи школы, въ которой дѣти обучаются катихизису и молитвамъ, читаютъ священное писаніе и научаются понимать богослуженіе. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что съ церковной точки зрѣнія только вышеупомянутыя свѣдѣнія и важны; многія-же свѣдѣнія и навыки, напримѣръ правописаніе и даже вообще письмо, счисленіе и разныя полезныя для жизни знанія, не имѣютъ для церкви существеннаго значенія, потому что она придаетъ особую важность воспитательному вліянію школы, а не количеству познаній. Вышесказанное намъ ясно доказываетъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ на народныя школы смотрятъ правильно, т.-е. не только какъ на учебное, но какъ и на воспитательное учрежденіе, нельзя порвать естественной связи, которая должна существовать между школою и церковью. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что школы должны быть подъ управленіемъ духовенства, а необходимо лишь такое школьное устройство, при которомъ духовенству дана полная возможность наблюдать за истинно-религіознымъ направленіемъ преподаванія и оказывать на школу свое воспитательное вліяніе.

Во-вторыхъ, конфессіональныя школы, безспорно, могутъ имѣть очень сильное воспитательное вліяніе на учениковъ. Тамъ, гдѣ учитель и ученики принадлежатъ одному вѣроисповѣданію и вмѣстѣ посѣщаютъ храмъ Божій, связь между ними устанавливается тѣснѣе, и преподаваніе всѣхъ учебныхъ предметовъ проникается духомъ вѣроученія и сильнѣе дѣйствуетъ на душевное настроеніе учениковъ. Лучшимъ примѣромъ интенсивности воспитательнаго вліянія конфессіональныхъ школъ всегда будутъ іезуитскія училища. Вліяніе это было очень своеобразно, часто даже вредно, но оно было необыкновенно сильно, и ученики іезуитовъ почти всегда сохраняли на всю жизнь свойственный имъ образъ мыслей. Само собою разумѣется, что воспитательное вліяніе конфессіональныхъ школъ можетъ быть доказано многими другими примѣрами, причемъ вліяніе это было благодѣтельно. Можно указать, напримѣръ, на православныя духовныя семинаріи, которыя въ прежнее время имѣли много недостатковъ въ учебномъ отношеніи, что не мѣшало, однакожь, воспитанникамъ этихъ учебныхъ заведеній сохранять на всю жизнь нѣкоторыя хорошія качества, внушенныя имъ во время курса обученія.

Въ-третьихъ, нельзя отрицать, что конфессіональныя школы во многихъ случаяхъ болѣе любезны народу, чѣмъ школы, гдѣ обучаются дѣти всѣхъ вѣроисповѣданій. Народъ почти вездѣ очень серьезно смотритъ на религіозную сторону преподаванія и, слѣдовательно, считаетъ вполнѣ законнымъ, чтобы духовное лицо имѣло большое вліяніе на школу. Поэтому мы видимъ, что всѣ народности, принадлежащія къ извѣстному вѣроисповѣданію, стараются устроить свои собственныя школы и только въ случаѣ нужды посылаютъ дѣтей въ общія училища. Такимъ образомъ у насъ, въ Россіи, армяне, магометане, финны и т. д. очень старательно оберегаютъ свои школы, между тѣмъ какъ правительство стремится привлечь дѣтей инородцевъ въ общія училища, чтобы по возможности уничтожить національную обособленность этихъ народностей. Одни евреи здѣсь составляютъ исключеніе: они нигдѣ не любятъ заводить свои собственныя школы, а предпочитаютъ воспитывать своихъ дѣтей въ школахъ господствующей національности.

Въ-четвертыхъ, конфессіональныя школы почти всегда стоятъ дешевле неконфессіональныхъ. Если въ школахъ обучаютъ монахи или члены духовныхъ конгрегацій, то для нихъ учительство составляетъ подвигъ, дѣло благочестія, и потому они почти всегда отправляютъ свое жалованье въ центральную кассу конгрегаціи, которая обезпечиваетъ учителю лишь скудное содержаніе. Такъ какъ члены конгрегаціи даютъ обѣтъ безбрачія, то семействъ у нихъ нѣтъ, и потому содержаніе ихъ стоитъ недорого.

Въ тѣхъ-же странахъ, гдѣ преподаютъ или наблюдаютъ за школами члены мѣстнаго церковнаго причта, школьное дѣло для нихъ составляетъ дополнительное занятіе: они уже обезпечены извѣстнымъ образомъ своимъ церковнымъ служеніемъ, и потому за труды въ школѣ могутъ довольствоваться малымъ. Послѣднее относится больше всего къ странамъ, гдѣ преобладаетъ протестантское вѣроисповѣданіе: тамъ духовенство не обременено церковными обязанностями и находитъ легко время для преподаванія или посѣщенія училищъ. Въ католическихъ-же странахъ, гдѣ священники и даже причетники очень много заняты церковными требами, школьныя занятія составляютъ для причта часто тяжелое бремя, и духовныя лица иногда поневолѣ относятся къ нимъ безъ должной внимательности.

Конфессіональныя школы имѣютъ еще особенности, которыя представляютъ и хорошія и дурныя стороны: почти всегда школы эти очень консервативны, какъ относительно предметовъ обученія, такъ и относительно методовъ преподаванія. Это качество предохраняетъ

конфессіональныя школы отъ различныхъ смѣлыхъ опытовъ и рискованныхъ нововведеній, которыми иногда увлекаются педагоги, и въ такомъ случаѣ консервативность приноситъ очевидную пользу. Но зато въ этихъ школахъ замѣчается наклонность не признавать хорошихъ сторонъ дѣйствительно полезныхъ новыхъ пріемовъ преподаванія, новыхъ учебныхъ пособій и руководствъ: преподавателямъ конфессіональныхъ школъ, особенно духовнымъ лицамъ, все кажется, что измѣняя школьную программу и пріемы обученія, они измѣнятъ и духъ преподаванія. Между тѣмъ опасенія эти несправедливы. Практическія потребности жизни, постепенно усложняясь, требуютъ отъ человѣка все новыхъ и новыхъ свѣдѣній и навыковъ, и школа должна стараться, по возможности, удовлетворять этимъ требованіямъ, если они разумны. Что касается до пріемовъ преподаванія, то ими пренебрегать не слѣдуетъ: успѣховъ, достигнутыхъ техникою преподаванія въ послѣднее время, отрицать нельзя, а удачные методическіе пріемы облегчаютъ трудъ ученика, позволяютъ ему достигнуть лучшаго результата въ болѣе короткое время и такимъ образомъ даютъ возможность не терять даромъ времени на первоначальной ступени обученія и скорѣе переходить къ болѣе производительной работѣ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что консервативность конфессіональныхъ школъ имѣетъ многія исключенія. Іезуиты измѣняли свой планъ преподаванія согласно требованіямъ времени, и въ половинѣ нынѣшняго столѣтія въ ихъ школахъ преподавались всѣ учебные предметы по новѣйшимъ методамъ и даже былъ введенъ курсъ естествовѣдѣнія. Католическій монахъ Жираръ въ началѣ нашего столѣтія составилъ для французовъ методическій учебникъ родного языка, который имѣлъ въ свое время такое-же значеніе, какое у насъ «Родное Слово» Ушинскаго.

Нѣкоторые члены братства христіанскихъ школъ въ Парижѣ извѣстны, какъ составители прекрасныхъ методическихъ руководствъ по географіи и рисованію.

Изъ слабыхъ сторонъ конфессіональныхъ школъ слѣдуетъ 1) обратить вниманіе на то, что *эти школы разъединяютъ между собою подданныхъ одного государства, заставляя ихъ искусственно группироваться по вѣроисповѣданіямъ и по народностямъ*, что очень часто представляетъ большія неудобства для правительственной власти. Россія тяжелымъ опытомъ испытала вѣрность этого положенія: обособленность поляковъ, нѣмцевъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и другихъ народностей поддерживалась, а отчасти и теперь поддерживается, по преимуществу ихъ конфессіональными школами, и правительству

пришлось принять особыя административныя и педагогическія мѣры, чтобы по возможности уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить эту обособленность. Одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ слѣдуетъ считать открытіе *народныхъ, но не конфессіональныхъ* училищъ. Въ подобной школѣ всѣ дѣти чувствуютъ себя равноправными гражданами общаго отечества, иновѣрцы здѣсь учатся всему тому, чему учатся и дѣти господствующаго вѣроисповѣданія, кромѣ Закона Божія; такимъ образомъ, уже въ народномъ училищѣ зарождается общее всѣмъ подданнымъ одного государства патріотическое чувство и любовь къ престолу и отечеству. Въ конфессіональной школѣ иновѣрцы чувствуютъ себя какими-то изгоями, которымъ безпрестанно напоминаютъ, что они чужіе и не принадлежатъ къ господствующей народности. При этомъ условіи, конечно, и родители, и дѣти невольно обособляются, стараясь и въ учебномъ отношеніи отдѣлиться отъ массы. Вслѣдствіе этого усиливается всякаго рода сепаратизмъ, и правительство, допустившее конфессіональныя школы одного вѣроисповѣданія, должно поневолѣ допустить подобныя-же школы другихъ вѣроисповѣданій, а за этими послѣдними часто бываетъ необходимъ особенно усиленный правительственный надзоръ.

Конфессіональныя школы способны даже развить обособленность тамъ, гдѣ прежде она мало была замѣтна; во всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ существуютъ сектанты, которые по нѣкоторымъ догматамъ и обрядамъ отличаются отъ господствующей церкви. Въ общія, не конфессіональныя школы эти сектанты посылаютъ своихъ дѣтей, особенно, если ихъ не принуждаютъ, вмѣстѣ съ другими учениками, обучаться Закону Божію; въ конфессіональную-же школу, находящуюся въ завѣдываніи духовнаго лица, они дѣтей своихъ отдаютъ рѣдко, и такимъ образомъ дѣти эти невольно группируются въ особыя школы, явныя или тайныя, что̀, конечно, очень вредно, какъ съ государственной, такъ даже и съ церковной точки зрѣнія. Нѣкоторые думаютъ, что конфессіональныя школы могутъ ослабить распространеніе сектъ, воспитывая дѣтей въ правилахъ господствующаго вѣроисповѣданія; но опытъ показываетъ, что сознательными сектантами дѣлаются почти всегда только взрослые люди, у которыхъ непродолжительное школьное обученіе уже оставило мало слѣдовъ. Изъ этого, какъ намъ кажется, слѣдуетъ вывести, что въ обширныхъ государствахъ, гдѣ соединено много національностей, отличающихся и по вѣроисповѣданіямъ, наиболѣе удобенъ тотъ типъ народной школы, который Высочайше установленъ Положеніемъ 25 мая 1874 года, т.-е. народное училище, открытое для дѣтей всѣхъ вѣроисповѣданій

и управляемое гражданскою властью. При этомъ само собою разумѣется, что духовенству господствующей церкви должно быть дано право неуклонно слѣдить за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школы.

2) Отношеніе центральной правительственной власти къ конфессіональнымъ школамъ гораздо сложнѣе, чѣмъ къ школамъ не конфессіональнымъ. Послѣднія управляются непосредственно особыми чиновниками, которые, равно какъ и преподаватели, находятся въ полной зависимости отъ правительства. Въ конфессіональныхъ школахъ играетъ важную роль духовенство, которое всегда имѣетъ особое управленіе, иногда, какъ, напримѣръ, у католиковъ, очень самостоятельное, и потому центральная власть часто очень стѣснена въ своихъ распоряженіяхъ относительно конфессіональныхъ школъ. Неудобства эти значительно увеличиваются въ томъ случаѣ, когда духовенство извѣстнаго вѣроисповѣданія поддерживаетъ обособленность какой-либо народности или вообще имѣетъ образъ мыслей, въ чемъ-либо несогласный съ видами правительства. Тогда является необходимость отнять школу отъ духовенства извѣстнаго вѣроисповѣданія по политическимъ соображеніямъ, какъ это сдѣлала, напримѣръ, Франція, когда духовенство не могло помириться съ республиканскою формою правленія, и Италія, гдѣ духовенство поддерживало свѣтскую власть папы. Иногда оказывается, что духовенство господствующей церкви, которому правительство безусловно довѣряетъ, получаетъ право устраивать конфессіональныя школы, между тѣмъ какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ другое вѣроисповѣданіе, школы должны быть управляемы гражданскою властью, что, конечно, очень неудобно, потому что для одного и того-же дѣла являются два самостоятельныхъ органа правительства. При этомъ легко можетъ случиться, что духовное вѣдомство господствующаго вѣроисповѣданія смотритъ на дѣло нѣсколько иначе, чѣмъ специальное учебное вѣдомство, напр., понижаетъ курсъ народныхъ школъ и допускаетъ къ учительству мало подготовленныхъ учителей. Въ такомъ случаѣ можетъ оказаться, что школы иновѣрцевъ и инородцевъ будутъ лучше устроены, чѣмъ школы господствующей національности, что слѣдуетъ признать явленіемъ совершенно ненормальнымъ и весьма грустнымъ.

Еще болѣе затруднительны тѣ случаи, когда между духовенствомъ одного и того-же вѣроисповѣданія приходится дѣлать различіе вслѣдствіе національной обособленности. Напр., Пруссія должна была уменьшить вліяніе духовенства на школы въ Познани, Эльзасѣ и Лотарингіи, а также въ сѣверномъ Шлезвигѣ, не изъ-за вѣроисповѣ-

данія, а изъ-за того, что въ этихъ областяхъ духовенство поддерживало польскія, французскія и датскія тенденціи. Почти то-же можно замѣтить и въ Австріи. И у насъ румынскому и грузинскому православному духовенству, очевидно, неудобно поручать завѣдываніе мѣстными народными школами, потому что правительство, конечно, должно требовать, чтобы школа была не только православною, но и русскою. Можно даже съ нѣкоторою увѣренностью сказать, что въ тѣхъ областяхъ нашего отечества, гдѣ народный языкъ отличается отъ общеупотребительнаго, напр., въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, обособленность скорѣе сохранится въ школахъ, находящихся въ завѣдываніи мѣстнаго духовенства, чѣмъ въ земскихъ или министерскихъ училищахъ. При выборѣ учителей и учительницъ учебное начальство имѣетъ въ виду главнымъ образомъ знаніе литературнаго языка и умѣнье обучать ему, а при выборѣ духовнымъ вѣдомствомъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ имѣются въ виду другія, болѣе важныя соображенія: хорошее знакомство съ русскимъ литературнымъ языкомъ здѣсь является дѣломъ второстепеннымъ.

Вслѣдствіе вышеупомянутой самостоятельности управленія конфессіональными школами иногда случается, что различныя правительственныя распоряженія, которыя не встрѣчаютъ никакихъ препятствій въ другихъ училищахъ, вовсе не исполняются или неохотно исполняются въ конфессіональныхъ школахъ, которыя при этомъ часто ссылаются на то, что онѣ, т.-е. конфессіональныя школы, подчиняются прежде всего духовной власти, а эта послѣдняя не желаетъ подтверждать распоряженія другаго вѣдомства. Въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно католическихъ, это наблюдается довольно часто. Напримѣръ, школы въ бывшихъ папскихъ владѣніяхъ очень долго не признавали Виктора-Эммануила королемъ Италіи, а считали своимъ государемъ папу; въ Испаніи школы, при участіи духовенства, распространяли мнѣніе, что истиннымъ королемъ можетъ быть только Донъ-Карлосъ; во Франціи духовныя конгрегаціи прямо отказывались вводить нѣкоторые учебники, рекомендованные министерствомъ народнаго просвѣщенія. Какъ часто многія гигіеническія мѣры, предписанныя правительствомъ, не были исполняемы въ конфессіональныхъ школахъ, вслѣдствіе только кажущагося несогласія ихъ съ обрядами извѣстнаго вѣроученія. Для того, чтобы по возможности объединить различныя національности и показать, что правительство, допуская различіе въ вѣроисповѣданіяхъ, требуетъ однако, чтобы жители страны признавали себя прежде всего подданными одного и того-же государства, Австрія, а также и Пруссія нашли болѣе удоб-

нымъ сосредоточить управленіе школами въ рукахъ гражданской власти. Еще разъ повторяемъ, что подобный способъ управленія вовсе не исключаетъ возможности строгаго наблюденія со стороны служителей церкви надъ нравственно-религіознымъ направленіемъ въ школѣ, какъ мы это видимъ въ вышеуказанномъ новомъ прусскомъ законѣ.

3) Успѣхъ обученія въ конфессіональныхъ школахъ въ большинствѣ случаевъ ниже, чѣмъ въ школахъ неконфессіональныхъ, что замѣчено во многихъ странахъ. Замѣчаніе это относится преимущественно къ учебнымъ предметамъ и навыкамъ, не имѣющимъ большаго значенія съ церковной точки зрѣнія, напр., ариѳметикѣ, правописанію, географіи. Причина подобнаго явленія зависитъ прежде всего отъ того, что церковь смотритъ на школу болѣе, какъ на воспитательное, чѣмъ какъ на учебное учрежденіе: для нея успѣхи въ наукахъ являются дѣломъ второстепеннымъ, а главнымъ считается воспитаніе дѣтей въ правилахъ церкви Кромѣ того, духовныя лица къ школьному дѣлу мало подготовлены и съ должнымъ вниманіемъ за нимъ слѣдить не могутъ. Между тѣмъ педагогическая техника все усложняется и нынѣ составляетъ спеціальность, значеніе которой никакъ отрицать нельзя. Вотъ почему сами духовныя лица, какъ мы указали выше, нынѣ признаютъ, что за всѣми подробностями школьнаго дѣла должны слѣдить спеціалисты-педагоги. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ Германіи, гдѣ конфессіональныя школы были всегда лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ, очень много лицъ духовнаго званія усердно занимались педагогикою. Между нѣмецкими педагогическими писателями можно найти много богослововъ, какъ католическихъ, такъ и лютеранскихъ. Этимъ объясняется, почему учебное начальство въ Германіи до сихъ поръ часто съ полнымъ успѣхомъ назначаетъ духовныхъ лицъ директорами общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій, а также инспекторами народныхъ училищъ.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ обязательнаго срока обученія, конфессіональныя школы часто стремятся сократить пребываніе учениковъ въ школѣ, чтобы обучить Закону Божію и грамотѣ какъ можно большее число дѣтей. Но такъ какъ грамота и первоначальное обученіе въ значительной степени зависятъ отъ навыковъ, а эти послѣдніе требуютъ долгаго и постояннаго упражненія, то, при слишкомъ краткомъ срокѣ обученія, успѣхи его оказываются очень слабыми и легко утрачиваются учениками по выходѣ изъ училища. Такимъ образомъ въ конфессіональныхъ школахъ является особенно часто такъ-называемый *рецидивъ безграмотности*, т.-е. взрослые молодые люди,

которые въ дѣтствѣ обучались въ школѣ, оказываются неумѣющими ни читать, ни писать, что̀ особенно замѣтно при поступленіи на военную службу. Очень убѣдительнымъ примѣромъ безполезности слишкомъ краткаго срока обученія въ школѣ служитъ Италія, въ которой дѣти учатся въ школѣ большею частью только три года, отъ 6 до 9 лѣтъ, что съ 1877 года сдѣлано обязательнымъ. Между итальянскими рекрутами, которые въ 20 лѣтъ являются для исполненія воинской повинности, оказывается такъ много молодыхъ людей, учившихся въ школѣ, однако совсѣмъ безграмотныхъ, что военное министерство принуждено снова сажать ихъ за азбуку и первоначальное обученіе письму и ариѳметикѣ. Подобное явленіе замѣчено и въ Бельгіи, гдѣ очень много народныхъ школъ еще находится въ рукахъ духовенства. Въ 1882 году всѣмъ бельгійскимъ новобранцамъ были заданы 27, большею частью очень легкихъ, вопросовъ, изъ которыхъ мы здѣсь приводимъ только нѣкоторые: 1) Напишите ваше имя и фамилію. 8) Сложите 492+102+18. 13) Нарисуйте треугольникъ. 15) Въ какой странѣ находится Лондонъ? 21) Жилъ-ли Моисей раньше или позже Іисуса Христа? и т. под. Изъ 8.917 рекрутъ—2,437, т.-е около 25%, заявили, что писать не умѣютъ, и потому экзамену подвергалось только 6.480 человѣкъ. Изъ нихъ только 2.608 человѣкъ получили удовлетворительныя отмѣтки по большинству заданныхъ вопросовъ. Результаты испытанія по нѣкоторымъ вопросамъ поразительны; напр., 3.486 человѣкъ, т.-е. почти 54%, не могли отвѣтить на вопросъ о Моисеѣ, между тѣмъ, какъ въ конфессіональныхъ школахъ употребляется очень много времени на изученіе священной исторіи; 847 человѣкъ не могли сдѣлать сложенія 8-го вопроса, 1.203 человѣка не могли нарисовать треугольника, 2.006 человѣкъ не знали, въ какой странѣ Лондонъ! При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что языкъ не могъ служить препятствіемъ для отвѣтовъ, такъ какъ позволялось отвѣчать по французски или по фламандски, по желанію. Было-бы несправедливо всю вину этого неудачнаго испытанія взваливать на конфессіональныя школы; но въ тѣхъ странахъ, гдѣ за школами наблюдаютъ лица не духовныя и срокъ обученія не слишкомъ кратокъ, столь поразительныхъ результатовъ рецидива безграмотности не замѣчалось.

4) Неудовлетворительность результатовъ обученія конфессіональныхъ школъ, находящихся въ завѣдываніи духовенства, имѣетъ гораздо болѣе пагубныя послѣдствія, чѣмъ плохіе результаты обученія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Когда дѣло идетъ о сихъ послѣднихъ, то населеніе проситъ о перемѣнѣ учителей, что̀ очень легко

исполнить, учебное начальство смѣнитъ, если нужно, инспектора, издастъ новыя программы и инструкціи и можетъ безпрепятственно принять всякія мѣры для улучшенія школьнаго преподаванія. Если-же плохіе результаты окажутся въ церковной школѣ, то вопросъ очень затрудняется: тутъ дѣло идетъ не о простомъ учителѣ или чиновникѣ-инспекторѣ, а о духовномъ лицѣ, авторитетъ котораго зиждется не только на педагогическихъ, а на гораздо болѣе существенныхъ основаніяхъ. Простому народу часто трудно различить дѣятельность священника, какъ педагога, отъ дѣятельности его, какъ служителя церкви, и такимъ образомъ можетъ пострадать, иногда совершенно напрасно, авторитетъ духовнаго лица, пастыря своего прихода. Для того, чтобы избѣжать этихъ печальныхъ послѣдствій, духовному начальству на Западѣ приходилось иногда относиться слишкомъ снисходительно къ духовнымъ лицамъ, которыя очень небрежно или неумѣло исполняли свои обязанности относительно школы.

5) Наконецъ, если духовенству въ какой-либо странѣ поручено завѣдываніе исключительно народными школами, а прочія училища управляются гражданскою властью, то это ведетъ ко многимъ неудобствамъ. Прежде всего подобное положеніе школьнаго дѣла нелогично: или школа, какъ въ средніе вѣка, есть ancilla ecclesiae, и тогда всѣ учебныя заведенія страны должны быть подъ управленіемъ церкви, или народныя школы признаются лишь низшею степенью цѣлаго ряда общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, необходимыхъ для правильнаго государственнаго устройства, и тогда эти школы не должны по способу управленія отличаться отъ прочихъ училищъ страны. Въ дѣйствительности очень трудно провести границы между народными школами и нѣкоторыми другими учебными заведеніями: напр., нѣмецкія Bürgerschulen, наши городскія и уѣздныя училища, а также женскія прогимназіи могутъ быть вполнѣ справедливо названы народными училищами, приноровленными къ нуждамъ городскаго населенія; слѣдовательно, нѣтъ никакихъ причинъ ихъ отдѣлять по управленію отъ сельскихъ школъ. Кромѣ того, если духовное вѣдомство управляетъ училищами, то ему необходимо передать и учебныя заведенія, подготовляющія учителей, т.-е. учительскіе институты и семинаріи. Наконецъ, если признать, что управленіе духовной власти особенно благодѣтельно для школъ, то почему лишать всѣ среднія и высшія учебныя заведенія этого блага? Католическое духовенство Австріи, о чемъ выше упомянуто, вполнѣ логично требуетъ, чтобы среднія и даже высшія учебныя заведенія страны были переданы католическому духовному вѣдомству. Однако, при нынѣшнемъ очень

сложномъ устройствѣ различныхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, передача ихъ духовному начальству едва-ли возможна, но народныя школы считаютъ возможнымъ поручить духовенству потому, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, тамъ дѣло проще и не требуетъ спеціальныхъ знаній. Подобное мнѣніе совершенно неосновательно: обученіе, даже на самой низшей степени, есть дѣло вовсе не легкое, требующее многихъ знаній, постоянныхъ заботъ, знакомства со многими подробностями школьнаго устройства, которыя пріобрѣтаются не безъ труда. Часто слышишь мнѣніе, что обученіе простаго народа должно почти исключительно состоять въ развитіи религіознаго чувства и твердаго знанія всего того, что̀ относится къ богослуженію и что всѣ остальныя знанія не имѣютъ для простолюдина значенія. Нисколько не отрицая первостепенной важности развитія въ дѣтяхъ религіознаго чувства, мы, однако, полагаемъ, что школа должна позаботиться и о прочномъ усвоеніи знаній и навыковъ, необходимыхъ для практической жизни простолюдина. Нельзя также не принять во вниманіе, что вышеупомянутое мнѣніе имѣетъ очень опасную сторону, такъ какъ даетъ поводъ къ совершенно невѣрному предположенію, что, съ увеличеніемъ степени образованности, можетъ уменьшаться религіозность. Полуобразованные люди вездѣ склонны думать, что глубокая вѣра и исполненіе всѣхъ требованій церкви свойственны только людямъ, мало учившимся, и всякія исключительныя мѣры, отличающія народныя школы отъ остальныхъ учебныхъ заведеній, могутъ способствовать этому пагубному заблужденію. Вотъ почему во многихъ странахъ Западной Европы пришли къ убѣжденію, что духовенство можетъ и должно вліять на всѣ школы въ качествѣ законоучителей и наблюдателей за истинно-христіанскимъ направленіемъ всего преподаванія, но самое управленіе школами и всѣ заботы о преподаваніи общеобразовательныхъ учебныхъ предметовъ и о школьномъ устройствѣ слѣдуетъ предоставить тѣмъ свѣтскимъ учрежденіямъ, которымъ поручены всѣ остальныя учебныя заведенія государства.

К. Сентъ-Илеръ.

ИСТОЧНИКИ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАГО ЗНАНІЯ.

III. Среднія земледѣльческія училища.

(Продолженіе).

«Англичане, а потомъ и всѣ образованные народы,—кромѣ Россіи,—увидѣли, что примѣненіе естественныхъ наукъ и химіи къ земледѣлію необходимо для усовершенствованія онаго».

Этими словами, сказанными Н. Н. Муравьевымъ въ засѣданіи Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства, 16 марта 1818 г., была начата рѣчь о необходимости устройства школы, которая подготавливала-бы людей, имѣющихъ достаточныя свѣдѣнія «дабы съ пользою приводить въ исполненіе открытія по части хлѣбопашества и сельскаго хозяйства». Хотя, тутъ-же, покойный иниціаторъ учрежденія школы, сдѣлавшейся старѣйшимъ среднимъ агрономическимъ учебнымъ заведеніемъ въ Россіи, указывая на причину, по которой въ отношеніи сельско-хозяйственнаго образованія Россія отстала отъ прочихъ образованныхъ народовъ, и упрекнулъ своихъ собратій «предразсудками и невѣжествомъ, которые происходятъ болѣе отъ того, что *дворяне-помѣщики* находятся на службѣ, а имѣнія ихъ управляются безграмотными бурмистрами и старостами, которыхъ познаніе въ хлѣбопашествѣ не выше крестьянскаго», тѣмъ не менѣе, однако-же, трудами и пожертвованіями этихъ его собратій по Обществу и возникла школа, начавшая свою дѣятельность въ 1822 г., т.-е. всего только черезъ три года послѣ перваго слова, произнесеннаго о ея необходимости и пользѣ.

Слово перешло въ дѣло съ быстротою, назидательной для нашего времени, отстоящаго отъ засѣданія Московскаго сельско-хозяйственнаго общества 16 марта 1818 г. на цѣлыхъ семьдесятъ два года, въ теченіе которыхъ совершилось многое, что должно было измѣнить наши отношенія къ такимъ вопросамъ, какъ сельско - хозяйственное

образованіе и учрежденія, содѣйствующія распространенію знаній раціональнаго сельскаго хозяйства, что должно было-бы заставить насъ особенно поторопиться открытіемъ подобныхъ учрежденій; но исторія нашего сельско-хозяйственнаго образованія не дастъ фактовъ, способныхъ засвидѣтельствовать столь-же теплое отношеніе современнаго нашего общества къ вопросу объ ихъ организаціи, какимъ отличилось Московское сельско-хозяйственное бщество около $^3/_4$ столѣтія тому назадъ.

Не можемъ не отмѣтить того, что прежде, коль скоро въ такихъ институтахъ, какъ сельско-хозяйственныя общества, зарождалась какая-либо полезная мысль, они обращались къ правительству за *разрѣшеніемъ осуществить* ее, находя въ средѣ своей даже сотни тысячъ рублей, необходимыхъ для этого (на упомянутую школу князь Д. В. Голицынъ пожертвовалъ 100.000 р.); теперь, для предпріятій, стоящихъ сотни рублей, общества обращаются *съ ходатайствами о правительственномъ содѣйствіи...*

Въ предшествующихъ статьяхъ своихъ мы указали на источники сельско-хозяйственнаго знанія въ интересахъ «народнаго» сельскаго хозяйства, разумѣя подъ нимъ то, которое движется личнымъ трудомъ самого предпринимателя, — земледѣльца въ собственномъ смыслѣ; теперь мы обращаемся къ рѣчи о тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя должны дать управляющихъ трудомъ земледѣльца, въ интересахъ третьяго лица; организаторовъ крупнаго сельско-хозяйственнаго предпріятія; наконецъ,—представителей сельско-хозяйственной науки, занимающихъ высокія мѣста наставниковъ и участниковъ въ дѣлахъ сельско-хозяйственнаго управленія.

Эти учебныя заведенія: среднія земледѣльческія училища, назначенныя служить успѣхамъ *практическаго* сельскаго хозяйства,—въ тѣсномъ смыслѣ и исключительно, и высшія агрономическія школы, назначенныя служить успѣхамъ русскаго сельскаго хозяйства *вообще.*

По скольку изъ среды народа выходитъ земледѣльческій рабочій, по тѣмъ или другимъ резонамъ и выгодамъ продающій свой трудъ, помѣщая его въ хозяйствѣ частнаго собственника, низшія сельско-хозяйственныя школы даютъ контингентъ, изъ котораго рекрутируется наша сельско-хозяйственная или земледѣльческая армія; среднія и высшія агрономическія школы даютъ руководящихъ этой арміей, такъ-сказать—полководцевъ.

Если мы возьмемъ въ соображеніе, что устроенныя въ 1841 году фермы, служившія первыми у насъ низшими сельско-хозяйственными

школами, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ были упразднены, что за все время ихъ существованія въ нихъ получило образованіе 2.410 человѣкъ,—учениковъ времени крѣпостнаго права, *назначавшихся* въ школы изъ государственныхъ крестьянъ по преимуществу, что затѣмъ, низшія сельско-хозяйственныя школы, въ пореформенное время, когда наше хозяйство начало особенно нуждаться въ хорошо подготовленномъ рабочемъ, стали устраиваться только съ 1884 г., согласно изданнаго «Нормальнаго положенія», что къ настоящему времени школы эти выпустили не болѣе сотни-другой учениковъ, отзывъ о которыхъ компетентнаго съѣзда (дѣятелей профессіональнаго образованія) нами, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ, былъ приведенъ, то отсюда можно умозаключить какъ о количественномъ, такъ и о качественномъ составѣ упомянутой выше арміи. Собственно говоря—ея нѣтъ, ее нужно создавать на самомъ томъ полѣ, на которомъ приходится дѣйствовать, и—главнымъ образомъ—тѣмъ, которые подготовляются для практическаго поприща, т.-е. оставляющимъ наши среднія земледѣльческія училища.

Для знакомыхъ съ дѣломъ сельскаго хозяйства понятно, что значитъ, находясь въ отвѣтственной роли управляющаго, отъ котораго ждутъ, говоря словами устава старѣйшаго земледѣльческаго училища, что онъ долженъ «приводить въ исполненіе открытія по части хлѣбопашества и сельскаго хозяйства», не имѣть передъ собою не только «арміи», но и единаго подготовленнаго рядоваго, которой былъ-бы толковымъ исполнителемъ какой-нибудь доли «открытій по части хлѣбопашества». Знающему сельское хозяйство и въ немъ дѣйствующихъ рядовыхъ понятно, какъ должны быть велики и въ чемъ, по существу, должны состоять рессурсы становящагося во главѣ его лица, если оно хочетъ сколько-нибудь оправдать возлагаемыя на него ожиданія относительно осуществленія упомянутыхъ выше «открытій». Рессурсы эти должны состоять если не въ опытѣ, котораго никакая школа дать не можетъ, то въ вынесенномъ изъ нея большомъ запасѣ «умѣнья», безъ котораго—въ глазахъ рабочаго—никакое «знаніе» цѣны не имѣетъ и не можетъ возвысить авторитета лица, долженствующаго стоять впереди рабочато. Тутъ дѣло, впрочемъ, не въ поднятіи авторитета, а въ самой сути вещей практическаго сельскаго хозяйства, обыденная жизнь котораго слагается изъ массы мелочей, по суммѣ своей пріобрѣтающихъ громадную важность.

Указаніе на громадную важность этихъ мелочей можетъ показаться преувеличеніемъ, но въ дѣйствительности именно воспитаніемъ нашихъ управляющихъ, школою, ими проходимою, не научаю-

щею проникаться сознанiемъ ихъ значенiя и можно объяснить уровень нашей сельско-хозяйственной практики,—уровень, который долженъ-бы быть несравненно высшимъ, если-бы школы, готовящiя практическихъ дѣятелей, не переносили центра тяжести своего труда въ сторону, наиболѣе удаленную отъ интересовъ практики, не тратили-бы времени своихъ питомцевъ на прiобрѣтенiе такихъ знанiй, которыя не только, съ точки зрѣнiя земледѣльческаго промысла, никакой цѣны не имѣютъ, но не имѣютъ его ни съ какой точки зрѣнiя и снабженiе которыми, происходящее въ ущербъ усвоенiю хорошихъ навыковъ, ни съ какой стороны не можетъ быть оправдано интересами предстоящаго этимъ питомцамъ дѣла; не можетъ быть оно оправдано и цѣлями дать сравнительно большее общее развитiе, расширенiе умственнаго горизонта, потому что подобная цѣль, если-бы ее и приписать къ числу задачъ земледѣльческой школы,—не можетъ быть достигаема только между прочимъ, средствами учебнаго заведенiя, назначеннаго упражнять силы своихъ учениковъ въ одномъ данномъ направленiи преимущественно.

Среднiя земледѣльческiя училища, существующiя въ настоящее время въ Россiи, суть:

Московская, основанная	въ 1822	году.
Горыгорѣцкая »	» 1840	»
Харьковская »	» 1854	»
Казанская » Марiинская (Саратовская)	» 1862	»
Уманская »	» 1868	»
Херсонская »	» 1882	»

За исключенiемъ послѣдней, реформированной изъ низшей школы и начавшей свое существованiе по изданному въ послѣднее время уставу, перечисленныя нами земледѣльческiя училища за время своей дѣятельности подверглись нѣскольким улучшенiямъ и съ каждымъ изъ таковыхъ они поднимались все выше и выше, но, мы можемъ сказать, не въ направленiи, приближающемъ ихъ къ своему коренному назначенiю: курсъ общеобразовательныхъ предметовъ въ нихъ все болѣе и болѣе расширялся, что не могло не отразиться, съ одной стороны, на дороговизнѣ ихъ содержанiя, умаляя возможность имѣть большее число такихъ школъ, съ другой—на времени обученiя въ нихъ, возвышая требованiя ихъ учениковъ, предъявляемыя приглашающимъ ихъ хозяевамъ и, такимъ образомъ, уменьшая кругъ этихъ послѣднихъ, желающихъ пользо-

ваться услугами учащихся въ такихъ школахъ; наконецъ, законнымъ послѣдствіемъ расширенія курса общеобразовательныхъ предметовъ явилось то, что вообще препятствуетъ всякому преуспѣянію: учащемуся естественно кажется, что чѣмъ бо́льшему его учатъ, тѣмъ болѣе онъ знаетъ; онъ думаетъ, что школа, которую онъ проходитъ, и въ дѣйствительности наградила его не-вѣсть какой ученостью, и попадаетъ въ положеніе между павой и вороной,—положеніе, попавъ въ которое не всякій легко вылечивается.

Нельзя, пожалуй, не согласиться съ необходимостью происходившаго, съ каждою реформою земледѣльческихъ училищъ, расширенія курса общеобразовательныхъ предметовъ, но самую необходимость эту можно объяснить только совершенно неправильною постановкою всего дѣла сельско-хозяйственнаго образованія, заставляющею думать, что на него смотрятъ, какъ на такое, которое не въ состояніи само по себѣ привлекать, давать достаточную сумму выгодъ людямъ, получающимъ его. Только при предположеніи подобнаго взгляда можно понять тѣ ничтожныя требованія, предъявляемыя вступающимъ въ училища,—требованія, которыя имѣютъ характеръ своего рода приманки: по «Положенію» 1878 года о земледѣльческихъ училищахъ, въ нихъ принимаются (§ 5-й) «безъ экзаменовъ молодые люди, окончившіе курсъ въ уѣздныхъ или городскихъ, а также въ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ. Сверхъ того, по экзамену, принимаются обладающіе познаніями, соотвѣтствующими пріобрѣтеннымъ въ первыхъ двухъ классахъ реальныхъ училищъ».

Само собою разумѣется, что, открывая двери земледѣльческаго училища лицамъ, столь мало подготовленнымъ для успѣшнаго прохожденія спеціальныхъ предметовъ, этимъ самымъ ставятъ школу въ ложное положеніе, и естественно убѣждаясь, что при такомъ образовательномъ цензѣ вступившихъ въ нее, основательное преподаваніе спеціальныхъ предметовъ дѣлается невозможнымъ, ее снабжаютъ подготовительнымъ курсомъ, на который расходуется добрая половина всего времени, проводимаго ученикомъ въ школѣ.

Только, говоримъ мы, предположеніемъ, что въ земледѣльческое училище не пойдутъ обладающіе знаніями, въ дѣйствительности необходимыми для изученія преподаваемыхъ въ немъ спеціальныхъ предметовъ, можно объяснить такую неудобную для школы комбинацію; но это предположеніе несомнѣнно ошибочно, особенно для настоящаго времени; это показываютъ и отчеты директоровъ; наприм., въ Харьковское училище въ 1889 году прошеній было подано гораздо

больше, нежели сколько можно было принять. Директоръ этого училища говоритъ о весьма значительной конкурренціи между желающими.

Если подобному, вредному въ одномъ учебномъ заведеніи, сочетанію курсовъ—общеобразовательнаго и спеціальнаго—приписать лучшія цѣли: малыми требованіями отъ вступающихъ облегчить доступъ къ среднему сельско-хозяйственному образованію крестьянскому сословію, то завѣдывающимъ этими школами лицамъ ими-же даваемая статистика говоритъ, что цѣль эта вовсе не достигается; такъ, въ одномъ изъ докладовъ г. Перепелкина Московскому обществу сельскаго хозяйства заявляется, что въ составѣ учениковъ земледѣльческихъ училищъ считается представителей привиллегированныхъ сословій: въ Харьковскомъ 54%, въ Горыгорѣцкомъ 60%, Уманскомъ 61%; въ отчетѣ директора перваго изъ этихъ училищъ за 1889 г. мы встрѣчаемъ указаніе только на 22,9% учениковъ—«крестьянъ разныхъ наименованій» среди 183 всѣхъ учениковъ Харьковскаго училища.

Какъ на самомъ дѣлѣ велика разница между тѣми знаніями, съ которыми принимаютъ въ земледѣльческія училища, и тѣми, которыя оказываются необходимыми для прохожденія спеціальныхъ курсовъ, это видно изъ того, что по «Положенію» 1878 г. «въ этихъ заведеніяхъ назначено проходить *всѣ тѣ общеобразовательные предметы, которые проходятъ въ реальныхъ училищахъ* вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія (въ томъ числѣ и нѣмецкій языкъ) и въ томъ-же объемѣ, за весьма малыми изъятіями». Г. Москальскій, предсѣдательствовавшій въ коммиссіи, пришедшей къ такому рѣшенію, такъ мотивируетъ необходимость и пользу этой мѣры («Исторія учебно-хозяйственныхъ заведеній Министерства Государственныхъ Имуществъ», стр. 37): «... немалое число окончившихъ курсъ въ земледѣльческихъ училищахъ, хотя и пріобрѣтали значительный запасъ спеціальныхъ знаній, но не всегда были въ состояніи распоряжаться ими надлежащимъ образомъ и нерѣдко затруднялись въ примѣненіи этихъ знаній къ дѣлу, сообразно съ различными мѣстными условіями и обстоятельствами, тогда какъ находчивость въ такомъ примѣненіи необходима для самостоятельнаго управленія имѣніемъ»...

Что лучшее изученіе естественныхъ, напримѣръ, наукъ, въ ихъ примѣненіи къ сельскому хозяйству, облегчаетъ сознательное усвоеніе свѣдѣній объ этомъ послѣднемъ, а сознательное усвоеніе ихъ облегчаетъ учившемуся средства оріентироваться при различныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, дѣлаетъ его болѣе способнымъ къ самостоятельному труду—съ этимъ нельзя не согласиться; но чтобы «необходимая, для самостоятельнаго управленія *имѣніемъ, находчивость*» стояла

въ какой-либо зависимости отъ знаній, почерпаемыхъ въ исторіи, географіи и подобныхъ наукахъ, сопутствующихъ курсу естествознанія въ общемъ курсѣ реальныхъ училищъ, вводимомъ цѣликомъ въ земледѣльческое училище—въ этомъ мы болѣе нежели сомнѣваемся. То-же нужно сказать и о томъ «жалкомъ» нѣмецкомъ языкѣ, который введенъ въ земледѣльческое училище, чтобы облегчить (?) учившимся въ немъ примѣненіе сельско-хозяйственныхъ знаній къ дѣлу.

Передъ нами «Правила и программы» среднихъ земледѣльческихъ школъ: посмотримъ въ таблицѣ недѣльнаго росписанія уроковъ, сколько времени своего пребыванія въ школѣ тратитъ ея современный ученикъ за пріобрѣтеніе тѣхъ знаній, которыя ни на волосъ не усиливаютъ его агрономической мощи и въ общей суммѣ его свѣдѣній составляютъ мало полезное для жизненныхъ цѣлей украшеніе.

Теоретическій курсъ въ земледѣльческомъ училищѣ продолжается пять лѣтъ, три изъ которыхъ идутъ почти цѣликомъ на общеобразовательные предметы съ слѣдующими исключеніями: недѣльное число часовъ въ каждомъ классѣ равняется 27, изъ которыхъ употребляется:

въ I к.	на общеобраз. предметы	25	часовъ;	на естествознаніе	2	часа.
» II к.	» »	19	»	» »	6	»
				» геодезію	2	»
» III к.	» »	15	»	» естествознаніе	6	»
				» геодезію	2	»
				» растеніеводство	4	»

Такимъ образомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, т.-е. за $^3/_5$ всего курса «*сельско-хозяйственнаго*» училища, ученикъ этого училища расходуетъ свое время въ среднемъ выводѣ, при 27 урокахъ въ недѣлю, приблизительно, такъ:

на общеобразовательные предметы . . .	19,7	часовъ.
» естествознаніе	4,7	»
» спеціальные	2,7	»

Еще въ IV классѣ общеобразовательный курсъ у него поглощаетъ изъ 27 часовъ въ недѣлю 10 часовъ и въ V классѣ—5 часовъ.

Въ отчетѣ директора Харьковскаго училища указано все время, употребленное въ теченіе года на теоретическія занятія, именно:

Съ 11 января по 29 марта . . .	78	дней.
» 30 апрѣля по 15 мая	16	»
» 1 сентября по 17 декабря . .	108	»
Всего. .	202	дня или почти 34 недѣли.

Принимая во вниманіе приведенныя цыфры и пользуясь недѣльнымъ росписаніемъ уроковъ, мы видимъ, что

	было всѣхъ уроковъ въ теченіе года по предметамъ			
	Общимъ.	Естествознанію.	Спеціальнымъ.	Всего.
Въ I классѣ	850	68	—	918
» II »	646	204	68	918
» III »	510	204	204	918
» IV »	340	204	374	918
» V »	170	68	680	918
Во всѣхъ классахъ . .	2.516	748	1.326	4.590

т.-е. за все время пребыванія ученика въ *спеціально-сельско-хозяйственной* школѣ занятія его распредѣляются между изучаемыми предметами слѣдующимъ образомъ:

Общеобразовательный курсъ занимаетъ . . 54,8% всего времени.
Естествознаніе . . . . 16,3% » »
Спеціально-сельско-хозяйственный . . . . 28,9% » »

Отсюда вытекаетъ, что, при предъявленіи вступающимъ такихъ требованій, которыя дѣйствительно необходимо должны-бы быть имъ предъявленными и при предположеніи повторительныхъ или дополнительныхъ уроковъ по естествознанію, и нисколько не дѣйствуя въ ущербъ уровню теперь даваемыхъ школою именно сельско-хозяйственныхъ знаній, курсъ земледѣльческаго училища могъ-бы быть не пяти, а двухлѣтнимъ, потому что, какъ мы видѣли, теперь лишь немного больше 1/4 всего времени употребляется въ этомъ училищѣ на теоретическое изученіе собственно агрономическихъ предметовъ. Выигрышъ заключался-бы, впрочемъ, не только въ экономіи времени и въ возможности на одни и тѣ-же средства имѣть не семь, а четырнадцать земледѣльческихъ училищъ, но и въ томъ, что, имѣя для разрѣшенія лишь одну собственную задачу, сосредоточившись на лучшемъ выполненіи своего прямаго назначенія, училища эти сдѣлались-бы дѣйствительно «сельско-хозяйственными» и притомъ несравненно лучшими, такъ какъ весь ихъ бытъ измѣнился-бы и они прониклись-бы тѣмъ именно духомъ, котораго нужно желать для успѣховъ дѣла. Уже одно то обстоятельство, что они освободились-бы отъ всего, по существу, для нихъ посторонняго, подняло-бы ихъ на уровень, несравненно высшій теперешняго, и они пріобрѣли-бы строй, въ которомъ не было-бы слѣдовъ никакого раздвоенія.

Среднія сельско-хозяйственныя школы не могутъ имѣть никакой другой задачи, кромѣ подготовленія *практическихъ дѣятелей.* Это— ихъ исключительное назначеніе, въ виду котораго все то, что не имѣетъ прямаго отношенія къ лучшему разрѣшенію такой задачи, есть бремя для школы.

Отсюда, конечно, никакимъ образомъ не должно быть сдѣлано заключенія, что для практическаго дѣятеля въ области сельскаго хозяйства мы считаемъ излишнимъ образованіе вообще; но вѣдь его не даетъ и не можетъ дать такое спеціально сельско-хозяйственное училище, въ которомъ программа профессіональныхъ предметовъ слишкомъ скудна для того, чтобы прошедшаго ее можно было назвать получившимъ *научное* агрономическое образованіе.

Если обратить вниманіе на общеобразовательный курсъ этихъ школъ, то естественно возникаетъ вопросъ: въ дѣйствительности нуженъ-ли онъ? Не стѣсняясь, можемъ отвѣтить, что для конечныхъ цѣлей школы онъ такъ-же мало необходимъ, какъ и добрая половина его рѣшительно не нужна для успѣшнаго прохожденія спеціальнаго курса, если-бы въ основу изученія его было положено хорошо продуманное назначеніе питомца этой школы, которое можетъ быть лучше всего опредѣлено тѣмъ званіемъ, которое присвоивается такому ученику, и то по истеченіи трехъ лѣтъ, впродолженіи которыхъ онъ долженъ заниматься *практическимъ* сельскимъ хозяйствомъ; званіе это: «помощникъ ученаго управляющаго».

Курсъ, о которомъ мы говоримъ, введенъ въ земледѣльческое училище вовсе не для того, чтобы сдѣлать этого «помощника управляющаго» болѣе полезнымъ, способнымъ и проч., а только для того, чтобы самую школу сдѣлать ступенью для перехода изъ нея въ высшее агрономическое заведеніе и этимъ самымъ уменьшить значеніе этой школы самой по себѣ.

Такимъ образомъ, введеніе въ земледѣльческое училище именно для его цѣлей ненужнаго общеобразовательнаго курса представляется нѣкотораго рода пожертвованіемъ интересами одной школы въ пользу другой, — пожертвованіемъ, тѣмъ менѣе необходимымъ, что эта послѣдняя никогда не страдала недостаткомъ желающихъ вступить въ нее и обладающихъ несравненно лучшею подготовкою, нежели какая можетъ быть дана земледѣльческимъ училищемъ.

Къ какимъ послѣдствіямъ въ отношеніи теоретическаго изученія спеціальныхъ предметовъ ведетъ обремененіе земледѣльческихъ учи-

лицъ курсомъ общеобразовательныхъ предметовъ, объ этомъ мы сказали выше; теперь посмотримъ, какъ отзывается та-же самая причина на практическихъ занятіяхъ будущихъ практическихъ дѣятелей.

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ нижеприводимая табличка, составленная нами по даннымъ имѣющагося подъ рукою отчета директора Харьковскаго земледѣльческаго училища за 1889 г.

На страницѣ 25-ой этого отчета говорится: «Для характеристики весеннихъ и лѣтнихъ практическихъ занятій учениковъ представляется слѣдующая таблица, выражающая то, что въ дѣйствительности было исполнено учениками весной и лѣтомъ 1889 г.». Затѣмъ, прилагается эта таблица, въ которой, между прочимъ, мы находимъ и указаніе на тѣ дни, которые употреблены учениками на «спѣвки», «сыгрываніе въ оркестрѣ», т.-е. на занятія, не имѣющія отношенія къ интересамъ сельскаго хозяйства, а потому мы извлекаемъ изъ упомянутой таблицы лишь дѣйствительно относящееся къ практическимъ занятіямъ по сельскому хозяйству, не принимая въ разсчетъ и тѣхъ дней, которые были назначены на приготовленіе къ экзаменамъ и на экскурсіи по ботаникѣ, зоологіи и т. д.

По предметамъ:	На практическія занятія дней въ классахъ: I.	II.	III.	IV.	V.	Всего.
1) Полеводства	201	325	207	251	72	1.056
2) Травосѣяніе	26	32	24	41	2	126
3) Хмѣлеводство, луговодство, приготовленіе кормовъ	126	108	87	247	89	657
4) Огородничество и садоводство	492	221	116	163	90	1.081
5) Лѣсоводство	673	490	397	364	138	2.062
Вообще . .	1.518	1.176	831	1.066	392	4.983
Было учениковъ	38	34	30	35	29	165
На одного ученика дней .	39	34	28	31	13	145

Отсюда, въ качествѣ общаго заключенія о степени развитія практическихъ занятій, столь важныхъ въ школѣ, имѣющей извѣстное намъ назначеніе, мы видимъ, что за весь пятилѣтній курсъ ученикъ земледѣльческаго училища употребляетъ на практическія занятія не свыше 145 дней, которые распредѣляются между предметами, приведенными въ нашей табличкѣ, приблизительно, слѣдующимъ образомъ:

1) Полеводство	32	дня.
2) Травосѣяніе	3	»
3) Луговодство и проч.	19	»
4) Огородничество и садоводство	31	»
5) Лѣсоводство	60	»

Никто, полагаемъ, не можетъ утверждать, чтобы *въ теченіе пяти лѣтъ одинъ мѣсяцъ* практическихъ занятій по полеводству, т.-е. обработкѣ почвы, удобренію, посѣвамъ, уборкѣ и т. под., можно было-бы назвать срокомъ, достаточнымъ для такого усвоенія манипуляцій, которое необходимо, чтобы въ области ихъ сдѣлаться совершенно самостоятельнымъ и достигнуть такого знанія ихъ и «умѣнія», которыя необходимы для предстоящей практику дѣятельности, хотя-бы въ роли помощника управляющаго.

Почему-же на нихъ расходуется такъ мало времени впродолженіи столь длиннаго курса, какъ пятилѣтній?

Очень просто, потому, что на это важное въ русскомъ практическомъ сельскомъ хозяйствѣ дѣло не хватаетъ времени: его негдѣ взять; оно поглощается пріобрѣтеніемъ тѣхъ знаній (нѣмецкій языкъ, напр., исторія и географія), которыя ученику, вступившему въ практическую жизнь, тотчасъ по выходѣ изъ школы оказываются совершенно ненужными: нѣмецкихъ агрономическихъ авторовъ въ подлинникѣ читать онъ, конечно, не будетъ (ибо—не въ состояніи), а каковы-бы его свѣдѣнія ни были объ историческихъ фактахъ и ограничиваются-ли его знанія географіи общимъ обзоромъ пяти частей свѣта или идутъ они гораздо дальше,—для его сельско-хозяйственныхъ успѣховъ это несравненно менѣе важно, нежели умѣть хорошо уставить плугъ, знать, что значитъ хорошо раскидать навозъ по полю и многое другое, этому подобное.

Наше разсужденіе можно было-бы признать невѣрнымъ и сказать, что многіе изъ предметовъ, проходимыхъ нами въ школахъ, несмотря на то, что изъ знанія ихъ не извлекается никакой непосредственной и прямой пользы, тѣмъ не менѣе считаются необходимыми по ихъ образовательному, развивающему значенію; то-же можетъ быть отнесено и къ общему курсу, введенному въ земледѣльческія училища. Но такое замѣчаніе было-бы неправильнымъ, потому что рѣчь идетъ именно о *земледѣльческихъ* училищахъ, отъ которыхъ не можетъ быть требуемо ничего другаго, кромѣ распространенія знаній въ интересахъ практическаго сельскаго хозяйства исключительно. На задачу такихъ училищъ нужно взглянуть только проще, и несомнѣнной фальшью окажется такая ихъ постановка, при которой учащіеся въ нихъ

употребляютъ только 28,9% всего своего времени на теоретическое изученіе сельско-хозяйственныхъ предметовъ и только около 8% на практическія занятія. Если къ этому прибавить 16% всего пятилѣтняго курса, употребляемые на естествознаніе, то все остальное время, непроизводительно расходуемое учениками этихъ училищъ на изученіе ненужныхъ для дѣла предметовъ и растрачиваемое даромъ, благодаря введенію ихъ въ курсъ, вліяющему на весь бытъ и распорядки жизни въ школѣ, придется счесть за безполезно издержанное: единственнымъ послѣдствіемъ его является громадный бюджетъ. Такъ, на содержаніе Харьковскаго земледѣльческаго училища, которое мы беремъ для примѣра, въ 1889 году назначалось 53.522 р. 84 к., кончило-же курсъ въ немъ въ этомъ году 18 учениковъ, а за все время его существованія, въ теченіе 34 лѣтъ (съ 1855 по 1889 г.)—337 учениковъ.

Этими цыфрами мы не имѣемъ въ виду подчеркнуть дороговизну стоимости образованія одного ученика, но, приводя ихъ, мы не можемъ не сказать, что если знаніе, даваемое школою, есть сила, то и рубль, расходуемый на школу, есть то-же величина, съ которою нельзя не считаться. Рѣчь можетъ быть ведена не о дороговизнѣ приготовленія полезнаго для общества дѣятеля, но о томъ, не можетъ-ли столь-же полезный обществу человѣкъ быть подготовленъ въ школѣ, содержаніе которой обходилось-бы сравнительно дешевле. Это—вопросъ очень серьезный и стоющій вниманія, такъ какъ при обсужденіи его можетъ выясниться, что за одну и ту-же сумму можетъ быть подготовлено вдвое болѣе полезныхъ людей, въ услугахъ которыхъ нуждается русское сельское хозяйство.

Частновладѣльческое хозяйство послѣдняго времени предъявляетъ довольно значительный спросъ на получающихъ сельско-хозяйственную подготовку управляющихъ; спросъ этотъ такъ начинаетъ возрастать, что большинство учениковъ земледѣльческихъ училищъ легко получаютъ мѣста тотчасъ по окончаніи курса; но спросъ этотъ былъ-бы еще больше, если-бы развитію его не препятствовали сравнительно высокія требованія, предъявляемыя пребывающими въ училищахъ цѣлыхъ пять лѣтъ. Число лѣтъ, употребляемыхъ на ученіе въ средней сельско-хозяйственной школѣ, находится въ прямой связи съ уровнемъ требуемаго учившимся въ ней вознагражденія. Современная средняя сельско-хозяйственная школа искусственно поднимаетъ этотъ уровень, и этимъ самымъ идетъ въ разрѣзъ съ своими собственными цѣлями—распространять сельско-хозяйственное улучшеніе.

Что сократить курсъ этой школы возможно не только безъ вся-

каго ущерба дѣлу, но даже съ пользой для него—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; это мы знаемъ по опыту, во-1-хъ, имѣвъ отношенія, въ теченіе своей практической дѣятельности, со многими учениками земледѣльческихъ училищъ прежняго времени; во-2-хъ, управляя бывшимъ (дореформеннымъ) сельско-хозяйственнымъ училищемъ херсонскаго земства, въ которое вступали почти исключительно крестьянскія дѣти, даже не изъ двухклассныхъ училищъ.

Если въ первой своей статьѣ мы стояли на томъ, что безъ ущерба сельской школѣ, какъ общеобразовательному заведенію, нельзя вводить въ нее преподаваніе сельскаго хозяйства, то теперь мы стоимъ на томъ, что поглощающій сельско-хозяйственные интересы общеобразовательный курсъ наноситъ только вредъ среднимъ земледѣльческимъ училищамъ, отнимая время у ихъ учителей и учениковъ и лишая эти училища того характера, который имъ долженъ принадлежать, какъ учрежденіямъ, имѣющимъ служить исключительно интересамъ профессіи, имя которой они носятъ.

М. Неручевъ.

(Окончаніе будетъ).

О преподаванiи исторiи въ австрiйскихъ гимназiяхъ.

(Сообщенiе, прочитанное въ исторической секцiи учебнаго отдѣла Общества распространенiя техническихъ знанiй въ Москвѣ, 8-го сентября 1890 года).

Измѣненiя, внесенныя въ истекшемъ году въ программы преподаванiя исторiи въ классическихъ гимназiяхъ, какъ-бы вновь возбуждаютъ вопросъ о постановкѣ этого предмета въ средней школѣ. Въ виду того, что такимъ образомъ оффицiально признана и неудовлетворительность ранѣе примѣнявшихся плановъ, съ которыми сообразовались какъ большинство учебниковъ, такъ и преподаватели въ своемъ изложенiи, въ виду того, далѣе, что новая программа даетъ лишь краткiя указанiя и оставляетъ множество спорныхъ пунктовъ преподаванiя безъ разъясненiя, намъ казалось не лишнимъ остановить вниманiе учителей и вообще интересующихся ходомъ школьнаго дѣла на одной изъ западно-европейскихъ программъ по преподаванiю исторiи, именно австрiйской, въ виду ея обстоятельности, въ виду того, далѣе, что она сопровождается весьма тщательно составленной инструкцiей, обнаруживающей опредѣленную точку зрѣнiя и ясно сознанныя цѣли.

Мы имѣемъ передъ собою министерскiй учебный планъ и объяснительную записку къ нему 1885 г., которыми и регулируется современное преподаванiе исторiи въ классическихъ гимназiяхъ въ Австрiи (Instructionen für den Unterricht an den gymnasien in Oesterreich).

Въ учебномъ планѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманiе значительное количество часовъ, удѣленное на исторiю. Исторiя начинается со II класса, и общая сумма недѣльныхъ часовъ или годовыхъ уроковъ во всѣхъ классахъ равняется *17½*, тогда какъ въ нашихъ гимназiяхъ даже при новомъ распредѣленiи (съ прибавленiемъ одного часа въ V классѣ) она доходитъ лишь до *13* часовъ. Наибольшее число уроковъ приходится на V, VI и VII классы (3, 4 и 3 часа), гдѣ про-

ходится подробный курсъ всеобщей исторіи, за выключеніемъ исторіи Австро-Венгріи, отведенной VIII классу (при двухъ часахъ). На трудный и сложный курсъ среднихъ вѣковъ отведено болѣе всего уроковъ (4), тогда какъ у насъ въ томъ же классѣ (VI) на этотъ отдѣлъ положено всего *два* часа. Далѣе преподаваніе исторіи раздѣлено на два *систематическихъ* и одинаково расположенныхъ курса (въ данномъ случаѣ находимъ отступленіе не только отъ нашей новой програмы, устранившей подготовительный курсъ всеобщей исторіи вовсе и оставившей лишь краткое изложеніе русской исторіи въ III классѣ, но и отъ старой, которая знала лишь *эпизодическое* изложеніе исторіи въ III и IV, какъ подготовку къ подробному курсу). Первый курсъ начинается во II и кончается въ IV классѣ (слѣдовательно, проходится въ такъ-называемой Untergymnasium), второй идетъ отъ V до VIII включительно (Obergymnasium). Третья характерная черта австрійскаго учебнаго плана заключается въ томъ, что преподаваніе исторіи поставлено въ тѣсную связь съ *географическимъ*. Связь эта, обстоятельно мотивированная въ инструкціи, проведена особенно настойчиво въ младшихъ классахъ, гдѣ преподаватель исторіи и географіи— общій и даже часы этихъ предметовъ (3 на оба) чередуются.

Инструкція къ планамъ начинается краткой замѣткой, въ которой указывается на необходимость яснаго опредѣленія задачъ и матеріальнаго содержанія преподаванія исторіи въ средней школѣ въ виду новѣйшаго развитія исторіи, какъ науки. Признавая затрудненія, создаваемыя для преподаванія предмета данными новѣйшихъ изслѣдованій, въ результатѣ которыхъ получается непрерывный ростъ и накопленіе матеріала, проникшаго частью въ учебники и «грозящаго совершенно измѣнить традиціонное изложеніе, передвинуть центръ тяжести его и ввести новый духъ, чуждый пониманію юношества», инструкція ставитъ себѣ первою цѣлью ввести «вторгающійся новый матеріалъ въ разумныя границы и указать соотвѣтствующее возрасту учащихся пользованіе имъ». Можно соглашаться или нѣтъ съ характеромъ предложенныхъ оффиціальною инструкціей ограниченій матеріала и вообще съ подборомъ и группировкой, которые рекомендуетъ она, но остается фактъ глубокаго вниманія ея составителей къ результатамъ и запросамъ научнаго изученія исторіи, такъ-же, какъ и къ требованіямъ научной педагогики исторіи. Инструкція опирается на обильно цитируемыя ею сочиненія, брошюры и статьи по вопросамъ преподаванія исторіи авторитетныхъ германскихъ и австрійскихъ педагоговъ, на постановленія и протоколы германскихъ учительскихъ и директорскихъ съѣздовъ. Явнымъ признакомъ того, что

министерство въ Австріи прислушивается заботливо къ главнѣйшимъ движеніямъ въ сферѣ педагогической мысли, слѣдитъ за выражаемыми въ литературѣ и обществѣ желаніями, служитъ отраженіе въ совѣтахъ инструкціи новѣйшаго культурно-историческаго направленія въ преподаваніи исторіи, которое представляетъ разумную реакцію господствовавшей за послѣднія 15 — 20 лѣтъ методѣ Кампе-Іегера-Гербста, гдѣ односторонне выдвигались біографическій и внѣшне-политическій элементы. Инструкція пытается сочетать разумныя требованія того и другаго направленія. Ея составители, однако, ограничились общими совѣтами преподавателямъ, сознавая, какъ несправедливо и преждевременно было-бы утверждать здѣсь точную догму: «методъ и научныя основы преподаванія исторіи столь недавняго происхожденія, что мы до сихъ поръ находимся въ періодѣ поучающаго эмпиризма и опыта», говорится во вступленіи къ инструкціи.

Задача историческаго преподаванія опредѣляется въ связи съ цѣлями и сущностью гимназическаго образованія вообще: оно должно дать учащемуся «общее историческое образованіе, выработать научныя основы для историческаго міровоззрѣнія и подготовить къ научному изученію исторіи». Эта цѣль можетъ быть достигнута сообщеніемъ извѣстнаго количества фактовъ на точной хронологической и географической основѣ и развитіемъ въ то-же время въ ученикѣ умѣнья оперировать ими, располагать данное въ новыя группы, т.-е., помимо усвоенія извѣстныхъ знаній, должны быть вызваны и упражняемы извѣстныя способности ума. Опредѣляя задачу точнѣе, инструкція требуетъ, чтобы въ *матеріальномъ* отношеніи ученику былъ данъ общій очеркъ развитія человѣчества, разобраны главные моменты политической и культурной исторіи, съ особенною-же подробностью факты исторіи народовъ классическихъ и народовъ австро-венгерской монархіи и разъяснены главнѣйшіе факторы историческаго развитія; въ *формальномъ* отношеніи ученикъ долженъ быть пріученъ къ тому, чтобы во всѣхъ явленіяхъ отыскивать процессъ, развитіе, понимать всякій фактъ въ его причинахъ и слѣдствіяхъ, не упуская изъ вида индивидуальныхъ особенностей личностей и народовъ; въ немъ слѣдуетъ пробудить интересъ къ законамъ историческаго развитія, хотя-бы давши только почувствовать ихъ въ классномъ преподаваніи. Помимо *образовательныхъ* цѣлей, преподаванію исторіи ставятся и *воспитательныя:* изученіе исторіи должно развить дѣятельность сердца, фантазіи, служить къ очищенію и облагороженію аффектовъ, воспитанію воли, наконецъ развитію патріотизма и гражданскаго духа. Послѣднее рекомендуется весьма настойчиво и у насъ, причемъ даже

указывается и способъ, заключающійся въ выставленіи на первый планъ «свѣтлыхъ» и умолчаніи о «темныхъ» явленіяхъ отечественной исторіи, но вотъ въ чемъ разница: австрійская инструкція говоритъ, что «патріотическое чувство не должно быть тенденціозно вызываемо въ ученикѣ; объективное и живое изложеніе само по себѣ разовьетъ въ немъ желательныя симпатии и жизненныя начала».

Переходя къ вопросу о выборѣ, распредѣленіи и обработкѣ матеріала по классамъ, инструкція замѣчаетъ, что *двойной систематическій* курсъ давно уже признанъ дидактическою необходимостью. Оба курса должны начинаться съ древней исторіи. Этимъ путемъ достигается естественный переходъ отъ простаго къ сложному, такъ какъ помимо общаго расширенія матеріала и усложненія выводовъ во второмъ курсѣ сравнительно съ первымъ, въ ходѣ каждаго курса должна быть соблюдаема извѣстная градація. По мѣрѣ того, какъ ученикъ становится старше, происходитъ постепенное измѣненіе въ группировкѣ и освѣщеніи, тотъ-же матеріалъ разсматривается съ новыхъ точекъ зрѣнія.

Въ курсѣ *первыхъ трехъ* классовъ разсказываются легенды, изображаются выдающіяся личности и главные моменты исторіи, преимущественно греческой, римской и земель австро-венгерской монархіи. Хотя въ изложеніи и преобладаетъ біографическій элементъ («сначала ученикъ беретъ сердцемъ, потомъ умомъ»), хотя оно и ограничивается обрисовкой немногихъ наиболѣе важныхъ по культурно-историческому вліянію событій, но это вовсе не есть знакомый намъ, нынѣ-упраздненный, эпизодическій курсъ. Важныя явленія, одновременныя или послѣдовательныя, инструкція рекомендуетъ связывать въ группы; изложеніе ихъ послѣдствій должно составлять переходъ къ слѣдующей группѣ. Такимъ образомъ должна быть избѣгаема отрывочность и уже въ теченіи подготовительнаго курса ученикъ долженъ привыкнуть, пока безсознательно, воспринимать исторію, какъ непрерывный процессъ. Дальнѣйшій курсъ лишь расширяетъ и углубляетъ пріобрѣтенныя въ первомъ свѣдѣнія, но *ничего въ нихъ не поправляетъ*. Послѣднее требованіе, признаемся, кажется намъ неосуществимымъ, и инструкція впадаетъ потомъ въ противорѣчіе съ собою, допуская историческую критику легендъ въ старшихъ классахъ.

Въ настоящей статьѣ мы не можемъ входить въ детали программы и ограничимся лишь общими замѣчаніями для выдѣленія характерныхъ ея сторонъ. Въ курсѣ *древней* исторіи (II классъ) судьбы восточныхъ государствъ, съ которыхъ начинается изученіе, намѣчены лишь въ общихъ чертахъ, сгруппированныя вокругъ нѣсколькихъ

личностей, историческихъ и легендарныхъ, если послѣднія характерны. Въ исторіи классическихъ народовъ, излагаемой несравненно подробнѣе, рекомендуется въ связи съ многими дать ясное представленіе о греческой религіи, остановиться на Ликургѣ, Солонѣ, грекоперсидскихъ войнахъ и Александрѣ Македонскомъ; образованіемъ его всемірной монархіи изложеніе греческой исторіи должно быть закончено; въ римской «героическая» (не въ точномъ историческомъ смыслѣ слова) эпоха, т.-е. время завоеванія Италіи и пуническихъ войнъ, должна быть пройдена подробнѣе, чѣмъ періодъ отъ Гракховъ до Октавія. Въ видахъ того, чтобы въ памяти ученика историческія явленія не закрѣплялись въ рѣзкихъ разрубахъ по крупнымъ періодамъ, чтобы онъ, напротивъ, пріучался соединять въ умѣ разнородное, но одновременное и представлять себѣ слѣдованіе историческихъ событій и состояній, какъ непрерывную цѣпь, рекомендуется, смягчая грань древней и такъ-называемой средневѣковой исторіи, давать характеристику быта германцевъ до переселенія въ связи съ эпохой правленія Августа (отчасти и ради параллели германскихъ и римскихъ нравовъ и строя), а картину самаго переселенія связать тѣсно съ постепеннымъ паденіемъ имперіи.

За *средневѣковою* исторіей (III классъ) въ предѣлахъ младшаго курса инструкція признаетъ менѣе развивающее значеніе, чѣмъ за древней, въ виду недостатка пластически-обрисовывающихся личностей въ самой исторіи; въ возмѣщеніе этого недостатка она предлагаетъ прибѣгать къ сагѣ (не исключая и легендарныхъ картинъ, относящихся къ крестовымъ походамъ, хотя и съ указаніемъ ихъ тенденціи). Замѣчаніе о томъ, что германская исторія съ X вѣка должна быть поставлена въ центрѣ изложенія, а событія въ другихъ странахъ прикрѣпляться къ ней лишь эпизодически, разумно съ мѣстной точки зрѣнія, но не представляетъ ничего поучительнаго для насъ. Изложенію крестовыхъ походовъ должно предшествовать общее обозрѣніе христіанскаго и мусульманскаго міра. Чрезвычайно любопытенъ совѣтъ — рядомъ съ представителями доблести воинской выдвигать героевъ самоотреченія, человѣколюбія, героевъ церкви. Здѣсь, конечно, сказалась особенность австрійской гимназіи, какъ католической школы, но указаніе, тѣмъ не менѣе, поучительно; осмотрительное примѣненіе его дало-бы возможность въ отечественной «средней» исторіи выдѣлить рядомъ съ суровыми и прозаическими фигурами «собирателей» такія личности, напримѣръ, какъ Нилъ Сорскій и митрополитъ Филиппъ.

Въ курсѣ *новой* исторіи (IV кл.) судьбы Австрійской монархіи

ставятся въ центрѣ изложенія, что оправдывается всемірно-историческимъ положеніемъ, которое она пріобрѣтаетъ въ эту эпоху. Болѣе подробное изложеніе идетъ лишь до 1789 г., съ этого момента—одинъ краткій очеркъ.

Младшій курсъ, какъ видно изъ детальнаго перечня явленій, указанныхъ въ программѣ, даетъ преимущественно очеркъ внѣшнихъ событій. Но уже и здѣсь инструкція рекомендуетъ знакомить съ важнѣйшими фактами внутренней политической исторіи, съ политическимъ устройствомъ важнѣйшихъ государствъ, предостерегая только учителя отъ слишкомъ абстрактныхъ опредѣленій.

Въ *старшихъ* классахъ (V—VIII) учитель, какъ выражается инструкція, долженъ строить на установленномъ въ предшествующемъ курсѣ фундаментѣ. Здѣсь особенное вниманіе должно быть обращено на развитіе историческаго образа мышленія, пониманіе причинной связи явленій (Causalnexus); изученіе исторіи и изложеніе ея становится *прагматическимъ;* здѣсь даются обстоятельные очерки политическаго устройства и культурныхъ формъ и движеній; ученикъ вводится во внутреннюю жизнь народовъ, чтобы въ послѣднемъ результатѣ достигнуть общаго пониманія законовъ историческаго развитія. Въ изученіи культуры (въ широкомъ смыслѣ этого слова) и заключается новая и главная задача старшаго курса; внѣшне-политическія событія, моменты біографическіе служатъ здѣсь канвою, вѣхами изложенія, отчасти средствомъ характеристики.

Въ изложеніи *древней* исторіи (въ V кл. до покоренія римлянами Италіи и въ VI до конца) Востокъ занимаетъ гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ раньше; помимо важности его культуры для дальнѣйшаго хода развитія классическихъ и христіанскихъ народовъ, изученіе ея имѣетъ значеніе въ виду того, что здѣсь особенно легко и удобно показать вліяніе природы на бытъ и воззрѣнія народовъ. На греческой и римской исторіи долженъ сосредоточиваться главный интересъ историческаго преподаванія. Новыхъ доводовъ въ пользу этого положенія мы не встрѣчаемъ: помимо обычныхъ указаній на простоту отношеній и формъ и нормальность развитія классическихъ народовъ, которыхъ мы не будемъ оспаривать въ нашемъ краткомъ изложеніи, инструкція отмѣчаетъ удобство положенія, въ которое поставленъ учитель исторіи, благодаря чтенію учениками источниковъ. Не обременяя учителя исторіи какой-либо заботой объ усиленіи знакомства учениковъ съ классическими писателями, инструкція ставитъ ему только на видъ возможность, при повтореніи курса въ VIII кл., пользоваться итогами чтенія классиковъ. Въ дальнѣйшихъ указані-

яхъ инструкція настаиваетъ на томъ, чтобы учитель далъ ясное различеніе миѳа и исторіи, разъяснивъ вмѣстѣ съ тѣмъ историческое значеніе миѳа. Греческая исторія должна быть изложена подробнѣе римской, ибо культура грековъ (здѣсь въ болѣе узкомъ смыслѣ) важнѣе и выше. Мысль эта проведена чрезвычайно послѣдовательно: со смерти Александра Македонскаго политическія событія, какъ исторія діадоховъ, такъ и Спарты, союзовъ и т. д., излагаются лишь въ самомъ сжатомъ очеркѣ, за-то въ предѣлахъ гелленистической эпохи подробно разсматривается сліяніе греческой и восточной культуры, въ особенности какъ подготовленіе христіанства. Говоря объ Александрѣ и о римской имперіи, учитель долженъ показать ученикамъ невозможность всемірнаго государства. Указанія относительно римской исторіи такъ детальны, что не поддаются краткому изложенію. Общая идея та-же, что и раньше; въ подборѣ фактовъ слѣдуетъ руководствоваться задачей выдѣленія характерныхъ особенностей, индивидуальности римской культуры и разъясненія процесса развитія римскаго общества и государства.

Если въ курсѣ древней исторіи можно было слѣдить за развитіемъ отдѣльныхъ народовъ, какъ историческихъ типовъ, то въ *средневѣковомъ* курсѣ на первомъ планѣ должны быть поставлены всемірно-историческія событія, институты и идеи. Въ центрѣ изложенія первой половины среднихъ вѣковъ должны подыматься имперія и папство; во второй—образованіе національныхъ государствъ. Инструкція признаетъ очень важнымъ въ этомъ курсѣ разумное ограниченіе школьнаго матеріала, необходимое часто для эпохъ, научное значеніе которыхъ очень существенно (какъ примѣры приводится эпоха Меровинговъ и Каролинговъ послѣ Карла Великаго).

Въ курсѣ *новой* исторіи вводится важное видоизмѣненіе противъ изложенія въ младшихъ классахъ. Отечественная исторія была тамъ поставлена въ центрѣ. Въ виду того, что въ высшихъ классахъ господствуютъ другія задачи преподаванія, признается необходимымъ раздѣленіе двухъ элементовъ, отечественной и всеобщей исторіи, ибо преподаватель долженъ получить бо́льшую свободу въ группировкѣ матеріала, чтобы показать законы развитія; здѣсь не можетъ быть внѣшняго, объединяющаго пункта: для каждой отдѣльной эпохи слѣдуетъ выдвинуть на первый планъ то государство, которое всего важнѣе въ данный моментъ по своему культурному значенію. Далѣе инструкція совѣтуетъ не гоняться за полнотой во всѣхъ отдѣлахъ и брать всюду лишь типичное. Лишь приблизительно и общими штрихами обозначаетъ инструкція точки зрѣнія, характеръ группировки, которыя же-

лательно было-бы рекомендовать учителю. Ученикъ долженъ главнымъ образомъ получить ясное понятіе о сущности и ходѣ религіозныхъ движеній, о томъ, какъ въ великихъ общественныхъ переворотахъ сочетаются религіозные, политическіе и соціальные элементы, о томъ, какъ возникаютъ и укрѣпляются основы законной свободы и т. д. Далѣе такихъ общихъ совѣтовъ инструкція не идетъ: ея составители охотно признаютъ, что здѣсь учителю представляется широкое поле для разнообразныхъ комбинацій матеріала и требуютъ отъ него лишь умѣнья группировать факты, разносторонне освѣщать ихъ и открывать новыя точки зрѣнія, которыя можно выяснить въ классѣ.

Въ курсѣ *новѣйшей* исторіи классное изложеніе должно быть доведено возможно ближе къ нашимъ днямъ; съ 1815 г., однако, идетъ только обзоръ событій, а не господствующихъ идей; съ 1848 г. обзоръ этотъ становится короче. Должно быть, между прочимъ, выдвинуто значеніе новѣйшихъ техническихъ изобрѣтеній (примѣненіе пара, электричества и т. д.) въ виду ихъ огромнаго вліянія на общественныя отношенія въ XIX в. Сравнительная краткость обзора внѣшнихъ событій новѣйшаго времени вовсе не означаетъ меньшаго вниманія къ этому отдѣлу, а, вѣроятно, вызвана сложностью явленій и, кромѣ того, объясняется, повидимому, характеромъ преподаванія въ старшихъ классахъ, въ которомъ центръ тяжести перенесенъ на внутреннія отношенія. Но, можетъ быть, мы имѣемъ въ послѣднихъ указаніяхъ дѣло съ проявленіемъ нѣкоторыхъ политическихъ страховъ. Быть можетъ, національная идея XIX в. въ своихъ центробѣжныхъ стремленіяхъ страшила составителей, какъ, повидимому, можно заключить изъ совѣта выдвинуть въ новой исторіи «героическую эпоху австрійской исторіи», т.-е. эпоху войнъ съ турками въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., чтобы вызвать въ австрійскихъ народностяхъ сознаніе культурнаго и государственнаго единства монархіи.

Какъ-бы мы ни взглянули на эту сторону программы, общая задача ея остается ясной и въ дальнѣйшихъ указаніяхъ инструкція даетъ ей вполнѣ опредѣленное выраженіе: учащіеся должны быть приведены путемъ историческаго изученія общественныхъ отношеній и формъ къ ясному пониманію дѣйствительности, въ нихъ должны быть воспитаны и подготовлены *граждане*. Главной задачей преподаванія въ старшихъ классахъ ставится знакомство съ внутреннимъ политическимъ развитіемъ. Такъ какъ общія цѣли, которыя преслѣдуетъ преподаваніе исторіи въ средней школѣ, устраняютъ возможность систематическаго законченнаго изображенія устройства различныхъ государствъ, то достаточно выяснить главные типы государствъ

и притомъ провести это въ тѣсной связи съ изложеніемъ событій; вотъ тѣ типы, которые перечислены: еврейская теократія, финикійско-карѳагенская торговая держава, кастическій строй Индіи и Египта, ассирійскій деспотизмъ и его облагороженная форма въ Персидской монархіи, греческія «нормальныя» формы монархіи и республики, попытки федеральнаго устройства у грековъ, римское «правовое» государство, франкское бенефиціальное королевство, ленное устройство, какъ государственный и общественный порядокъ, папство, германское королевство, полуцерковная, полусвѣтская имперія, англійскій парламентаризмъ, французскій абсолютизмъ, развитіе новѣйшаго представительнаго правленія и наконецъ «наиболѣе совершенное выраженіе современнаго индивидуализма въ федеральной уніи». Такимъ образомъ учитель долженъ въ результатѣ обозрѣнія и исторической оцѣнки этихъ разнообразныхъ государственныхъ и общественныхъ типовъ, ввести ученика прямо въ сферу современныхъ отношеній. Въ виду этой послѣдней цѣли, инструкція рекомендуетъ въ изученіи отечественной исторіи съ особенной обстоятельностью останавливаться на новомъ времени. Преимущественное вниманіе учитель долженъ обратить на тѣ моменты ея, которые имѣютъ важное значеніе для постепенной выработки австрійской государственной идеи (очевидно, подразумѣваемой въ вышеприведенныхъ словахъ о послѣдней политической формѣ, въ которой выразился индивидуализмъ). Изученіе государственныхъ и общественныхъ типовъ должно быть чисто историческимъ. Инструкція предостерегаетъ отъ всякихъ экскурсій въ область философіи исторіи, отъ всякой попытки построенія исторіи по какому-либо плану.

Мы уже указали, какое видное мѣсто программы отводятъ такъ-называемой *культурной* исторіи, т.-е. явленіямъ религіозной, умственной, художественной жизни. Инструкція напоминаетъ только, что изображеніе культурныхъ явленій и состояній не должно быть отрываемо въ отдѣльныя главы, а напротивъ, и въ старшихъ классахъ должно быть связываемо характеристикой личностей и событій. Своеобразный взглядъ высказанъ въ инструкціи относительно военной исторіи: изложеніе войнъ не должно занимать много мѣста; важнѣе ихъ мирные договоры, создающіе продолжительное состояніе вещей.

Весьма мѣтко обозначена роль *хронологіи* въ преподаваніи: важно не знаніе множества цыфръ, а умѣнье опредѣлять хотя-бы приблизительно время событій на основаніи скелета необходимѣйшихъ датъ. Ради этого должны быть употребляемы синхронистическія таблицы и въ этомъ-же направленіи упражняемы ученики.

Съ особенной настойчивостью выдвигаетъ инструкція связь географіи съ исторіей въ гимназіи. Въ ходѣ преподаванія первой должно быть обращаемо вниманіе на историческія мѣстности. Учитель исторіи, помимо общаго географическаго очерка каждой страны, къ судьбамъ которой онъ переходитъ, и указанія общаго вліянія природы на культуру извѣстнаго народа, долженъ основательно знакомить съ мѣстностью, которая является театромъ важныхъ событій. Инструкція рекомендуетъ для учениковъ рисованіе историческихъ картъ (ради сокращенія работы—посредствомъ нанесенія границъ на готовой физической картѣ), а учителю—эскизы на доскѣ. Затѣмъ указано на значеніе постоянныхъ сравненій политической карты изучаемаго періода съ современной. Для нашей гимназіи эти разумныя указанія должны, къ сожалѣнію, почти безслѣдно пропасть въ виду того, что географія, и безъ того не пользовавшаяся вниманіемъ, теперь совсѣмъ выброшена изъ курса старшихъ классовъ.

Мы переходимъ къ ряду замѣчаній, относящихся до *метода* преподаванія. И здѣсь инструкція лишь совѣтуетъ, даетъ намеки, общія руководящія указанія. Нигдѣ, по ея словамъ, способъ передачи и характеръ усвоенія такъ не зависитъ отъ личности учителя, какъ въ преподаваніи исторіи; поэтому его центръ тяжести долженъ лежать въ изложеніи учителя и бесѣдѣ съ учениками; послѣдніе должны привыкнуть смотрѣть на учебникъ лишь какъ на пособіе; всего удобнѣе, по мнѣнію инструкціи, поставить учебникъ, какъ повторительный конспектъ изложенія преподавателя. Что касается низшихъ классовъ, то здѣсь особенно необходимо, чтобы учитель хорошо разсказывалъ; эффектовъ слѣдуетъ безусловно избѣгать; разсказъ желателенъ на основаніи источниковъ, ради яркости и выпуклости изложенія. Разсказъ свой учитель можетъ прерывать вопросами для выясненія отдѣльныхъ пунктовъ въ немъ, для формулированія и повторенія учениками наиболѣе важныхъ опредѣленій. Излишнихъ, хотя-бы изобразительныхъ, деталей не слѣдуетъ излагать, а ограничиваться тѣми, которыя важны для общаго пониманія и характеристики изображаемыхъ лицъ и событій. Въ высшихъ классахъ связный разсказъ учителя пріобрѣтаетъ болѣе широкое значеніе и болѣе систематическій характеръ. Онъ долженъ приближаться къ научному изложенію: ученикъ долженъ научиться различать причины того или другаго явленія, поводъ, обстоятельства, задерживавшія и способствовавшія успѣху, самый ходъ дѣла и результаты событія; онъ долженъ привыкнуть, по спокойномъ разсмотрѣніи историческихъ условій (мѣста, времени, окружающихъ обстоятельствъ), составлять себѣ сужденіе о по-

ступкахъ историческихъ дѣятелей и значеніи событій. Однако, критическое обслѣдованіе историческихъ вопросовъ, какъ дѣло, требующее знакомства съ матеріаломъ, недоступнымъ ученику непосредственно, признается неумѣстнымъ даже въ старшихъ классахъ. Но установленные результаты новѣйшей критики, *хотя-бы и противорѣчащія традиціонному изложенію*, должны быть сообщаемы.

Преподаваніе можетъ быть оживляемо выдержками изъ источниковъ и новыхъ историческихъ сочиненій (по возможности цитируемыми на память); въ видѣ примѣровъ указаны стихотворенія Тиртея, Солона, сцены изъ Эсхила, Аристофана, характеристики Моммзена, Курціуса, Ранке. Такія выдержки лучше подробныхъ описаній. Но въ общемъ чтеніе особенно значительныхъ отрывковъ изъ историческихъ сочиненій нежелательно, такъ какъ живое слово дѣйствуетъ сильнѣе. Пользованіе, ради цѣлей оживленія, историческими анекдотами, характерными выраженіями историческихъ лицъ, далѣе, историческими поэмами, романами и т. п. должно быть осторожно и разборчиво. Предостерегаетъ инструкція и отъ излишества въ пользованіи наглядными пособіями, рисунками, фотографіями, гравюрами, моделями и т. д., признавая, разумѣется, всю ихъ полезность. Но тутъ мы имѣемъ дѣло съ условіями, совершенно непохожими на наши. Мы были-бы счастливы, если-бы дошли до необходимости подобнаго ограниченія, такъ какъ оно указываетъ на злоупотребленія вспомогательными средствами въ классѣ, вызванное ихъ чрезвычайнымъ обиліемъ. У насъ, напротивъ, они такъ незначительны, что учитель почти ничего не можетъ иллюстрировать, ничего почти не можетъ дать прочитать ученику по цѣлымъ, очень важнымъ отдѣламъ. Такъ, напримѣръ, у насъ нѣтъ вовсе книгъ для чтенія, картинъ, атласовъ по всему отдѣлу средневѣковой исторіи.

За разсказомъ учителя въ низшихъ классахъ слѣдуетъ повтореніе учениками изложеннаго въ теченіе того-же урока (урокъ длится часъ). Слѣдующій урокъ начинается съ новаго повторенія изученнаго. Инструкція совѣтуетъ съ самаго начала бороться съ заучиваньемъ наизусть; чѣмъ скорѣе ученикъ привыкнетъ отдѣлять содержаніе отъ формы, тѣмъ лучше и скорѣе будетъ понимать предлагаемый матеріалъ. Повтореніе не должно быть механично, однообразно, учитель долженъ извлекать изъ матеріала разнообразные выводы, группируя его искусной постановкой вопросовъ по разнымъ точкамъ зрѣнія. Такимъ образомъ повтореніе ученикомъ слышаннаго принимаетъ то синтетическій, то аналитическій характеръ. Въ старшихъ классахъ повтореніе въ теченіе того-же урока не нужно. Здѣсь выступаетъ новый видъ упражненій—письменныя работы; рекомендуются

такія, въ которыхъ знакомый матеріалъ долженъ появиться въ иной комбинаціи или изъ него выбрана извѣстная цѣпь однородыхъ фактовъ, но уже на основаніи самостоятельной группировки, проведенной учениками: напримѣръ, послѣ ознакомленія съ республиканскимъ періодомъ римской исторіи можно задать изображеніе аграрнаго законодательства и его значенія до Гракховъ включительно; или развитіе правъ плебеевъ, поскольку оно выразилось въ пріобрѣтеніи доступа къ должностямъ и въ измѣненіи состава, положенія и значенія различныхъ народныхъ собраній. Чтобы дать учителю больше времени на изложеніе, инструкція совѣтуетъ вести повтореніе извѣстныхъ отдѣловъ путемъ сочиненій.

Постараемся свести къ немногимъ пунктамъ уже отмѣченныя характерныя стороны австрійскихъ программъ и инструкцій:

1) Онѣ опираются на лучшіе авторитеты германской и австрійской литературы.

2) Главною цѣлью преподаванія поставлено развитіе въ учащемся историческаго отношенія къ дѣйствительности: онъ долженъ въ послѣднемъ результатѣ знать, какова современная культура (въ широкомъ смыслѣ слова) и какъ она сложилась; съ другой стороны признается важнымъ, чтобы онъ понялъ характеръ историческаго процесса. его общія условія, факторы и законы развитія.

3) Особенно важной задачей признается ознакомленіе съ политическими формами и отношеніями, и съ этой цѣлью рекомендуется основательное изученіе внутренней политической исторіи.

4) Преподаваніе исторіи поставлено въ тѣсную связь съ географическимъ.

5) Преподаваніе исторіи въ старшихъ классахъ строится на основахъ предшествующаго курса, дополняя его и расширяя его область какъ изображеніемъ внутреннихъ отношеній на канвѣ сообщенныхъ раньше внѣшнихъ фактовъ, такъ и разъясненіемъ болѣе глубокихъ процессовъ.

6) Учителю предоставляется большой просторъ въ пользованіи обязательнымъ матеріаломъ преподаванія и значительная свобода въ выборѣ вспомогательныхъ средствъ; преподаваніе зиждется на его изложеніи и на живой разнообразной бесѣдѣ съ учениками, а не на усвоеніи учебника посредствомъ заучиванья и выспрашиванья его.

7) Отъ ученика требуется вполнѣ сознательное отношеніе къ усвоиваемому матеріалу, значительная самостоятельная работа безъ обремененія его чрезмѣрнымъ фактическимъ матеріаломъ.

Р. Випперъ.

Городскія и сельскія библіотеки и читальни для народа по свѣдѣніямъ „Петербургскаго комитета грамотности".

(*Продолженіе*).

II. Сельскія народныя библіотеки.

Обратимся теперь къ свѣдѣніямъ о сельскихъ народныхъ библіотекахъ. Нѣтъ нужды, конечно, много распространяться о томъ, что книга составляетъ нынѣ уже нѣкоторую потребность русской деревни. Процвѣтаніе дѣлъ лубочниковъ какъ нельзя лучше говоритъ о народившейся потребности. Болѣе утѣшительнымъ фактомъ будетъ однако-же то обстоятельство, что являются мѣстами и серьезные конкурренты московскимъ литераторамъ, которые на многихъ пунктахъ одерживаютъ побѣду и заставляютъ своего старшаго коллегу, если позволено такъ выразиться, уступать поле благородной битвы за развитіе народа и искать другихъ медвѣжьихъ угловъ для сбыта своего товара... и это фактъ, констатируемый многими корреспондентами комитета грамотности... «Лубочникъ, офеня, говорятъ они, еще недавно оставлявшій въ нашихъ мѣстахъ не мало своего товара, нынѣ не появляется, потому что въ нашемъ счастливомъ уголкѣ при школѣ появилась библіотека или земскій складъ, ведущій свои дѣла на славу». Наконецъ и «товаръ» офени нынѣ уже во многомъ не тотъ, что былъ раньше. Благодаря дѣятельности «Посредника» и другихъ, въ обиходъ народа вошелъ цѣлый рядъ книгъ, причислять которыя къ «товару» уже не приходится. Зачастую деревенскій грамотѣй несетъ теперь съ базара не одного «Милорда глупаго», а Гоголя, Толстаго и произведенія другихъ корифеевъ отечественной литературы.

Не будемъ, однако, обольщаться: такихъ счастливыхъ уголковъ въ Россіи, гдѣ-бы завелись складъ или библіотека, еще очень и очень

немного; лубочникъ, вѣроятно, и не замѣчаетъ ихъ появленія: дѣла его не только не сокращаются, а напротивъ, все болѣе и болѣе процвѣтаютъ. Какъ симптомъ разростающейся потребности и этотъ фактъ приходится, пожалуй, отнести къ числу отрадныхъ. На самомъ дѣлѣ, однако, нельзя обольщаться тѣми единичными, отрадными фактами, которые, какъ капля въ морѣ, тонутъ въ милліонѣ совершенно обратныхъ явленій, говорящихъ необольщенному наблюдателю, что народъ еще совсѣмъ не читаетъ и не умѣетъ читать. Тѣ-же факты, которые говорятъ противное—подобраны искусственно и, какъ рѣдкія исключенія, только подтверждаютъ мысль наблюдателя не оптимиста. Тѣмъ не менѣе, однако, эти факты невыдуманные, ихъ дала жизнь, и не за горами еще то время, когда о подобныхъ явленіяхъ нечего было и думать: ихъ не было даже какъ исключенія. Остается надѣяться, что работа на пути народнаго просвѣщенія обратитъ когда-нибудь исключенія въ правила, пока-же давай Богъ, скажемъ, такихъ исключеній побольше: они придаютъ бодрости, повышаютъ энергію, вселяютъ надежду въ небезплодность работы тѣхъ, пока единицъ работниковъ, которые пошли по доброму пути служенія родинѣ.

Ограничивъ такимъ образомъ значеніе фактовъ, приводимыхъ наблюдателями народной жизни въ свидѣтельство народившейся потребности, присоединимъ къ нимъ и имѣющіеся у насъ подъ руками. Отдача книгъ на прочтеніе, являющаяся предметомъ промысла, и притомъ, по словамъ самихъ промышляющихъ, очень выгоднымъ, свидѣтельствуетъ какъ нельзя больше о существующей потребности на столько сильной, что удовлетвореніе ея можетъ быть дѣломъ не только благотворительнымъ, а и выгоднымъ, коммерческимъ. Фактъ этотъ имѣлъ мѣсто въ Волоколамскомъ уѣздѣ Московской губерніи, какъ сообщаетъ объ этомъ «Сельскій Вѣстникъ».

Въ Смоленской губерніи, по извѣстіямъ одной провинціальной газеты, появился странствующій чтецъ, «это странникъ, имѣющій съ собою штукъ 40 народныхъ книжекъ. Приходя въ деревню, онъ входитъ въ какую-нибудь избу, читаетъ вслухъ свои книжки собравшемуся народу, за что получаетъ отъ крестьянъ ночлегъ, пищу, яица, иногда холстъ и даже деньги». Въ Смоленской-же губерніи въ деревнѣ Тюлинѣ, Баскаковской волости, по сообщенію г. Ровинскаго въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» *), всѣ крестьяне села нанимаютъ избу, гдѣ по вечерамъ сходятся, и грамотные читаютъ по очереди вслухъ «Сельскій Вѣстникъ», книги, а иногда и газеты. «Въ этой избѣ, говоритъ

---

*) 1890 года № 11.

г. Ровинскій, зимою крестьяне засиживаются до поздняго вечера, причемъ въ ней не только никто не думаетъ пить водку, но даже не пьютъ чаю: люди сходятся сюда для единственной цѣли—чему-нибудь научиться». Многими крестьянами выписываются книги, газеты. Нѣсколько крестьянъ сообща выписываютъ «Сельскій Вѣстникъ». Крестьянка выписываетъ «Духовно-нравственное чтеніе», которое жадно читается ея односельчанами.

Къ числу такихъ-же отрадныхъ фактовъ надо причислить и открытіе мѣстами сельскихъ библіотекъ по инициативѣ и частію на средства сельскихъ обществъ.

У народа въ обычаѣ знаменовать торжественные дни, соединенные съ жизнью Царя и Его семьи какими-либо богоугодными дѣлами: постройками часовни, постановкой образа и т. п. Тѣмъ большее значеніе поэтому пріобрѣтаютъ случаи открытія въ память такихъ событій сельскихъ библіотекъ, ставящихся народомъ тѣмъ самымъ въ разрядъ благоугодныхъ добрыхъ дѣлъ. Такой фактъ еще лишній разъ подтверждаетъ серьезность взгляда народа на значеніе книги.

По приговору турınговскаго волостнаго схода, Тверскаго уѣзда, по сообщенію «Сельскаго Вѣстника» *), постановлено въ память 17-го октября учредить при волостномъ правленіи народную библіотеку, на что предложено собрать до 500 руб., изъ коихъ 75 руб. уже собраны. Предсѣдатель уѣздной земской управы Бузулукскаго уѣзда сообщаетъ комитету грамотности, что въ 1880 году въ память 25-тилѣтія царствованія Императора Александра II, Утевское сельское общество ходатайствовало объ учрежденіи на собственныя его средства публичной народной библіотеки при мѣстномъ земскомъ училищѣ. Ходатайство это не получило разрѣшенія.

Иногда инициаторомъ открытія библіотеки является волостное правленіе. При этомъ чрезвычайно интересны тѣ мотивы, которые побуждаютъ волостное правленіе къ открытію библіотеки. «Асино-Гаевское волостное правленіе, сообщаетъ «Сельскій Вѣстникъ» **), обратило вниманіе на то, что среди населенія развивается пьянство и упадокъ нравственности, и признавая, что причиной безнравственности служитъ, главнымъ образомъ, отсутствіе умственныхъ полезныхъ занятій, обсуждало вопросъ о мѣрахъ къ искорененію этого зла и полагало, что доставленіе народу безплатнаго, дѣльнаго чтенія можетъ принести несомнѣнную пользу; поэтому, 7-го декабря 1889 года

*) 1890 года № 1.
**) 1890 года № 8

приняло рѣшеніе: учредить при волостномъ правленіи сельскую общественную библіотеку, которая должна принадлежать всей волости. Предоставлено право каждому крестьянину волости брать изъ библіотеки безплатно книги... Завѣдываніе библіотекою принялъ на себя волостной писарь. Вначалѣ въ составъ библіотеки войдутъ газета «Сельскій Вѣстникъ» и журналъ «Воскресенье», а затѣмъ правленіе откроетъ сборъ пожертвованій книгами всякаго содержанія и деньгами и обратится за содѣйствіемъ въ Харьковское и Петербургское общества грамотности и къ извѣстному народному учителю С. А. Рачинскому. Независимо отъ сего будетъ просить волостной и сельскій сходы о пособіи. На пожертвованныя книги предположено пріобрѣтать книги преимущественно религіозно-нравственнаго, сельско-хозяйственнаго и научнаго содержанія».

«Въ 1888 году крестьянское общество села Стряпунина, Оханскаго, уѣзда, Пермской губерніи, какъ сообщаетъ «Сельскій Вѣстникъ» *), добровольно собрало и пожертвовало 150 руб. на устройство народной библіотеки при земской школѣ въ ихъ селѣ, и теперь эта библіотека открыта».

Сельское общество села Ростовки, Нижнеломовскаго уѣзда, Пензенской губерніи, собрало по подпискѣ деньги на составленіе библіотеки при мѣстной школѣ. Кромѣ того, сельское общество отдѣлило часть общественной земли, доходы съ которой назначены на содержаніе той-же библіотеки.

Къ числу такихъ-же отрадныхъ явленій надо отнести открытіе библіотеки при Переяславскомъ станичномъ училищѣ Ставропольской губерніи и уѣзда. Библіотека открыта и содержится станичнымъ обществомъ, которое выписываетъ для нея 7 періодическихъ изданій, такъ что вмѣстѣ съ 4-мя журналами, получаемыми учителями, библіотека при народной школѣ имѣетъ 11 періодическихъ изданій. Въ 1888 году ею пользовались 72 постоянныхъ читателя изъ казаковъ-земледѣльцовъ.

Все значеніе, однако, такихъ фактовъ, какъ я уже и говорилъ, значительно умаляется тѣмъ обстоятельствомъ, что они являются только какъ бы оазисомъ въ безбрежной пустынѣ окружающаго пейзажа. Гораздо цѣннѣе поэтому были-бы, конечно, результаты изслѣдованія, захватывающія цѣлую мѣстность, извѣстный районъ, гдѣ-бы являлась возможность сопоставленія фактовъ отрицательныхъ съ явленіями положительными. Не безъинтереснымъ въ этомъ смыслѣ

*) 1889 года № 13.

являются такія попытки освѣтить вопросъ объ отношеніи народа къ печатному слову, какія были совершены московскимъ и новгородскимъ губернскими земствами. Новгородское земство собрало въ 1885 году по этому вопросу свѣдѣнія отъ всѣхъ учащихъ въ земскихъ школахъ губерніи.

Изъ отзывовъ учителей объ отношеніи народа къ книгѣ видно, что изъ числа 438 сообщеній въ 229 учащіе констатируютъ большое желаніе населенія пользоваться книгами школьныхъ библіотекъ. Въ 116 случаяхъ брали книги только окончившіе курсъ въ школахъ, и по отзыву остальныхъ 93 учителей населеніе относится къ чтенію книгъ равнодушно. Отзывы учителей по этому вопросу переполнены отвѣтами, указывающими на сильную потребность въ народѣ въ книгѣ, въ особенности у молодежи. Вотъ дословныя выписки нѣкоторыхъ изъ отвѣтовъ учащихъ. «На сколько возможно, населеніе пользуется книгами, и есть между ними любители чтенія». «Полученными книгами пользуется масса народа». «Окончившіе курсъ часто просятъ книгъ, но ихъ нѣтъ». «Пользуются учебниками за неимѣніемъ другихъ книгъ». «Выписываемыя газеты прочитываются на праздничныхъ сборищахъ крестьянъ». «Газету, выписываемую учителемъ, читаютъ на расхватъ». «Доставляемыми книгами пользуется масса народа». «Крестьяне любятъ читать, но книгъ при школѣ очень мало, приходится давать учебники». «Если окончившіе курсъ узнаютъ, что въ школѣ есть новая книга, то тотчасъ приходятъ за нею». «Есть потребность, но негдѣ взять книгу». «Всѣ грамотные съ удовольствіемъ читаютъ книги и собрали между собою 4 руб. 38 коп. денегъ, на которыя были выписаны книги». «Учениками выписывается «Сельскій Вѣстникъ». «Желающихъ читать много, но библіотеки нѣтъ». «Окончившіе перечитали всѣ книги библіотеки и часто обращаются за книгами изъ учительской библіотеки». «Постоянно осаждаютъ учителя съ требованіями книгъ». «Взрослые и окончившіе охотно берутъ книги даже по нѣсколько разъ». «Выписываютъ «Сельскій Вѣстникъ», читаютъ по очереди», и т. д., и т. д.

А вотъ и общій сводъ изъ отвѣтовъ тѣхъ 93 учащихъ, которые указывали на нежеланіе народа читать книги. «Преобладаніемъ раскольничьяго населенія въ нѣкоторыхъ волостяхъ Старорусскаго уѣзда обясняется то обстоятельство, что не смотря на довольно значительное число книгъ въ библіотекахъ образцовыхъ 2-хъ-классныхъ школъ (въ одной изъ нихъ до 1.500 экземпляровъ), желающихъ пользоваться книгами оказывается незначительное число, или даже они вовсе отсутствуютъ». Недостатокъ книгъ, отдаленность селеній

отъ школъ, частая смѣна учителей—другія причины, констатируемыя учащими. «Недостатокъ книгъ и неизбѣжно связанная съ этимъ необходимость перечитывать одно и то-же по нѣсколько разъ—отбиваютъ, по отзыву 4-хъ учителей Боровичскаго уѣзда, охоту къ чтенію». «Не пользуются по недостатку книгъ». «Рѣдко пользуются за недостаткомъ хорошихъ книгъ». «Многіе стали-бы читать, но книгъ нѣтъ» и т. д. Словомъ, и въ большинствѣ этихъ отвѣтовъ не отрицается желаніе населенія пользоваться книгами. «Изъ всего вышеприведеннаго, говоритъ въ заключеніе отчетъ, можно сдѣлать общій выводъ, что среди населенія существуетъ настоятельная потребность въ матеріалѣ для чтенія и вмѣстѣ съ тѣмъ, что средства для удовлетворенія этой потребности крайне недостаточны». Къ такому-же заключенію приводитъ изслѣдованіе этого вопроса и въ Московской губерніи *).

Наконецъ, многочисленныя просьбы совѣта и помощи въ устройствѣ сельскихъ библіотекъ, съ которыми обращались въ Харьковскій комитетъ грамотности изъ губерній Воронежской, Полтавской, Черниговской, Минской, Екатеринославской, Курской и Орловской, говорятъ несомнѣнно, что наступило время для нѣкоторыхъ русскихъ деревень, когда потребность въ книгѣ назрѣла настолько, что вопросъ объ удовлетвореніи этой нужды сталъ для этихъ мѣстъ однимъ изъ насущныхъ вопросовъ народнаго образованія. Явленіе это надо всецѣло отнести къ активу новой сельской школы и земской по преимуществу.

---

*) Въ сотняхъ тысячахъ писемъ народныхъ учителей и другихъ лицъ, обращающихся къ Петербургскому комитету грамотности съ просьбою о присылкѣ книгъ, свидѣтельствуется ихъ авторами потребность населенія въ книгахъ. Я не привожу этихъ выдержекъ изъ писемъ, такъ какъ меня справедливо могли-бы упрекнуть въ односторонности подбора такихъ отзывовъ, благодаря тому, что письма эти, въ виду ихъ цѣли, только и могутъ являться въ комитетѣ грамотности изъ мѣстностей, гдѣ въ населеніи уже сказывается сильная потребность и нужда въ книгѣ. Но вотъ, однако, одинъ изъ такихъ отвѣтовъ, хорошо рисующій, по моему мнѣнію, размѣръ сказывающихся мѣстами умственныхъ запросовъ со стороны массы и ихъ интенсивность. «Я читаю, пишетъ въ комитетъ грамотности одинъ изъ землевладѣльцевъ Черниговской губерніи, попечитель Кезевской земской школы. Во время моихъ посѣщеній школы меня осаждаютъ и ученики старшей группы, и грамотные, давно вышедшіе изъ школы, просьбами дать книжекъ почитать. Теперь всѣ такія книги, которыя есть въ школѣ и у меня, перечитаны. Недавно я выразилъ мысль при нѣсколькихъ грамотныхъ о возможности устроить безъ большихъ затратъ сельскую общественную библіотеку. Мысль эта весьма скоро получила широкое распространеніе и сочувствіе во всемъ селѣ, и результатомъ этого является приговоръ объ учрежденіи въ Кезяхъ сельской общественной библіотеки».

Насколько дѣло развитія потребности въ книгѣ находится въ рукахъ школы видно хотя-бы и изъ такого, правда, отрицательнаго, примѣра. Въ селѣ Усть-Ильинскомъ, Читинскаго округа, Забайкальской области, по сообщенію учителя, приходское училище существуетъ съ 1858 г., и не смотря на это и на то, что въ селѣ, благодаря, вѣроятно, дѣятельности той-же школы, 60% грамотныхъ мужчинъ, въ населеніи охоты и потребности въ чтеніи никакой не замѣчается. Школьная библіотека, составившаяся частью изъ пожертвованій Петербургскаго комитета грамотности и насчитывающая около 200 экземпляровъ книгъ, нашла себѣ среди взрослаго населенія только 4-хъ читателей. Никакихъ книгъ въ народѣ не распространено и даже сонники, оракулы, календари, сказки и книги религіознаго содержанія изъ числа изданій московскаго книжнаго рынка встрѣчаются какъ рѣдкія исключенія. Крестьяне, по словамъ учителя, не одобряютъ покупку и чтенія книгъ, считая это пустой тратой денегъ и времени. Таковъ результатъ дѣятельности школы за 32 года ея существованія!

Потребность въ книгѣ на столько тѣсно связана съ дѣломъ школы, что тамъ, гдѣ земство, напр., не отличалось особенно плодотворною дѣятельностью по развитію школьнаго образованія, тамъ и книгѣ не пришло время; съ другой стороны, въ мѣстностяхъ съ большимъ количествомъ школъ и хорошимъ состояніемъ ихъ потребность эта растетъ совершенно пропорціонально росту школы, какъ количественному, такъ и качественному. Что это такъ, доказываетъ составъ читателей сельскихъ народныхъ библіотекъ, привлекающими по преимуществу учащихся и обучавшихся въ новыхъ школахъ въ такой пропорціи къ остальному населенію, что не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, кто развилъ и укрѣпилъ въ народѣ потребность въ книгѣ. Вотъ нѣкоторыя данныя, подтверждающія это. Въ народно-школьныхъ библіотекахъ Чердынскаго уѣзда, Пермской губерніи, гдѣ библіотеки существуютъ при всѣхъ земскихъ школахъ, изъ всего числа 13.421 книгъ, взятыхъ на прочтеніе въ 1889 году, на долю учащихся приходится—77,1%, бывшихъ учениковъ—18,5% и только 4,4%—всего числа книгъ взято неучившимися въ земскихъ школахъ. Въ Бердянскомъ уѣздѣ, гдѣ дѣло народнаго образованія поставлено почти образцово, библіотеками очень порядочными снабжены были 87 школъ изъ 104 всѣхъ (по отчету 1884—1885 г.). Изъ числа 4.940 читателей народно-школьныхъ библіотекъ уѣзда половина принадлежитъ къ числу прежде учившихся въ земскихъ школахъ, 42%—учащихся и только 8% читателей не прошли курса земской школы. Изъ дѣятельности Сагуновской народной библіотеки Острогожскаго уѣзда видно,

что за три года библіотека привлекла 502 читателя, изъ нихъ учащіеся составляютъ 48,41%, бывшіе ученики 41,43% и на долю взрослыхъ, неучившихся въ школахъ—только 10,16%. Въ 2-хъ народныхъ библіотекахъ въ Орловскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, читатели ихъ составляются изъ 88% окончившихъ курсъ земскихъ школъ, 9% неокончившихъ и на долю остальныхъ приходится всего 3%.

Такимъ образомъ сельскія библіотеки удовлетворяютъ почти исключительно грамотныхъ изъ числа прошедшихъ новую школу и являются естественнымъ продолженіемъ послѣдней. Кто не знаетъ, что школа, даже средняя и высшая, при лучшихъ условіяхъ существованія оставляетъ еще большой просторъ самообразованію. Школа, скажемъ мы, исполнила свое назначеніе, развивъ и укрѣпивъ въ своемъ питомцѣ стремленія къ знанію *), обладающему неоцѣнимымъ достоинствомъ никогда не быть удовлетвореннымъ. Чѣмъ школа по кругу даваемыхъ знаній уже, тѣмъ, конечно, болѣе остается на долю самообразованія. Имѣетъ-ли смыслъ, значеніе элементарная школа простой грамотности, если нѣтъ ей продолженія? Грамота тогда становится цѣлью образованія, а не средствомъ—очевидная нелѣпость. Самообразованіе всегда было могучимъ двигателемъ какъ на высшихъ ступеняхъ знанія, такъ и тѣмъ болѣе на низшихъ. Школа и библіотека — два учрежденія, такъ тѣсно связанныя между собою, что, не преувеличивая, можно сказать, гдѣ не приложена забота къ учрежденію библіотеки, тамъ школа при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ ничего не способна сдѣлать для образованія народа: нѣтъ школѣ будущности, если нѣтъ естественнаго продолжателя ею только начатаго дѣла. Мало того, сельская народная библіотека, стоящая въ неразрывной связи съ школою и завѣдуемая ея учителемъ, способна оказать послѣдней ничѣмъ незамѣнимую услугу въ поддержаніи связи школы съ средой, въ которой она дѣйствуетъ. Школа, какъ учрежденіе, имѣющее претензію вліять воспитательнымъ образомъ, должна, конечно, пользоваться всѣми средствами, чтобы оставаться центромъ умственной и нравственной жизни своихъ бывшихъ питомцевъ, поддерживая постоянную связь съ ними и не давая заглохнуть тѣмъ росткамъ правды, добра и красоты, которые она успѣла посѣять и взростить въ бывшихъ дѣтяхъ — ученикахъ, ставшихъ затѣмъ взрослыми членами деревенскаго общества. Школа не должна забывать, что за ея стѣнами питомцы школы будутъ окружены такою средой, которая способна разрушить все

*) Но это, конечно, не отнимаетъ отъ школы права, даже обязанности, вліять въ томъ-же направленіи и за стѣнами школы.

благія начинанія школы. Школа должна являться противовѣсомъ этому вліянію, всегда, конечно, очень слабымъ, надо сознаться, но тѣмъ съ большей энергіей она должна пользоваться всякимъ средствомъ, способнымъ усилить ея вліяніе. Воскресныя и повторительныя школы, народныя чтенія и библіотеки даютъ могучее средство въ руки школы для поддержанія такого вліянія на среду, и великій грѣхъ школы не пользоваться этими средствами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. О значеніи библіотеки въ указанномъ смыслѣ говоритъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ самихъ народныхъ учителей—корреспондентовъ комитета. Такъ, напр., учитель одной изъ земскихъ школъ Ряжскаго уѣзда, Рязанской губерніи, въ своемъ отвѣтѣ комитету указываетъ на громадное значеніе библіотеки при школѣ, какъ на средство, укрѣпляющее связи школы съ средой. Онъ-же указываетъ на громадное вліяніе книги въ смыслѣ отвлеченія населенія отъ деревенскихъ клубовъ—кабаковъ, указываетъ нѣсколько примѣровъ, когда книга оживила въ крестьянахъ, оставившихъ давно школу, желаніе учиться: «Нѣкоторые изъ бывшихъ учениковъ, говоритъ онъ, не бравшіе въ руки въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ книги, начинаютъ читать, не писавшіе покупаютъ чернила, бумагу, чтобы писать, взяли книги для списыванія»...

Другой учитель изъ Сокольскаго уѣзда, Гродненской губерніи, говоря, что ему удалось устроить библіотеку, которой пользуются болѣе 200 человѣкъ, пишетъ: «многіе парни изъ числа усердныхъ посѣтителей кабаковъ, теперь просиживаютъ дома. Многіе читаютъ вслухъ собравшимся въ избѣ». Наконецъ учитель обращается вторично въ комитетъ съ просьбою о присылкѣ книгъ, «такъ какъ книги первой присылки всѣми прочитаны, а требованія на книги все увеличиваются». Учитель Михновскаго народнаго училища, Волынской губерніи, Заславльскаго уѣзда, открылъ при школѣ съ помощью комитета грамотности библіотеку и въ своемъ сообщеніи о ней въ журналѣ «Русскій Начальный Учитель» *) говоритъ: «главное значеніе читальни для народной школы то, что она служитъ нравственною связью школы съ мѣстнымъ населеніемъ: крестьяне еженедѣльно посѣщаютъ школу, имѣютъ постоянное общеніе съ учителемъ, обращаются къ нему за разъясненіемъ своихъ недоразумѣній, словомъ, *школа становится необходимою* не только ученикамъ, но и *всему мѣстному населенію*». «А гдѣ школа такъ поставлена, замѣчаетъ въ заключеніе учитель, то можно смѣло сказать, что она основана на камнѣ».

*) Октября 1889 года.

Какъ убѣдительное доказательство того, какимъ противовѣсомъ можетъ служить порою книга развращающему вліянію среды, позволю себѣ привести свидѣтельство самого читателя—объекта этого вліянія.

Отецъ одного изъ окончившихъ школу учениковъ, сообщаетъ бывшая учительница городской школы въ Москвѣ *), по профессіи сапожникъ и имѣющій свою мастерскую, проситъ учительницу опредѣлить своего сына въ учебную мастерскую съ тѣмъ, чтобы онъ, изучая ремесло, продолжалъ-бы учиться. Такое желаніе мотивируется отцемъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, только книга и дальнѣйшее ученье могутъ спасти его сына отъ растлѣвающаго вліянія среды ремесленниковъ, въ которую-бы онъ попалъ, поступивъ въ мастерскую отца.—«Отецъ на предложеніе мое взять своего сына подъ свой личный присмотръ въ свою-же мастерскую, замѣтилъ, что если я и вижу въ немъ трезваго, порядочнаго человѣка, хотя и сапожника, то много-ли я встрѣчу таковыхъ между ремесленниками; если-же онъ и сохранился, то только благодаря книгѣ, которую отвоевалъ себѣ, какъ самоучка, но что въ его-же мастерской нѣтъ ни одной трезвой души и онъ не знаетъ, будетъ-ли его вліяніе на сына сильнѣе окружающихъ его людей».

Все это, конечно, трюизмы, но тѣмъ печальнѣе, что такія азбучныя истины, повидимому, далеко еще не вошли въ сознаніе учрежденій, вѣдающихъ у насъ дѣло народнаго образованія. Организація библіотекъ за малымъ исключеніемъ стоитъ еще въ крайне плачевномъ состояніи. Въ этомъ смыслѣ пріобрѣтаютъ значеніе и тѣ изъ отвѣтовъ корреспондентовъ комитета, которые констатируютъ полное отсутствіе какихъ-бы то ни было учрежденій внѣшкольнаго образованія народа. Позволяемъ себѣ въ виду этого остановить на нихъ вниманіе нашихъ читателей. Число такихъ отвѣтовъ 54, т.-е. болѣе $^1/_4$ всего числа отвѣтовъ. Авторы въ отвѣтахъ своихъ свидѣтельствуютъ о полномъ отсутствіи названныхъ учрежденій въ 13 губерніяхъ и 28 уѣздахъ. При этомъ надо добавить, что всѣ 28 уѣздовъ—земскіе и отвѣты принадлежатъ самимъ земствамъ. Всѣ они отличаются чрезвычайною лаконичностью, противъ каждаго вопроса программы стоитъ печально—краснорѣчивое «нѣтъ», или, какъ отвѣчаетъ земство Дмитріевскаго уѣзда, Курской губерніи, на вопросъ о библіотекѣ «жалкое подобіе». Немножко странно слышать такой отзывъ отъ лица учрежденія, которое само прежде всего и есть создатель этого «жалкаго подобія». Правда, изъ числа 13 губерній, земскихъ всего только двѣ: Оренбургская и Тульская **).

*) Школьное Обозрѣніе 1889 г. № 3.

**) Я уже не говорю о такихъ отвѣтахъ, редакція которыхъ не даетъ возможности заключать о томъ, существуютъ или нѣтъ въ данномъ районѣ учреж-

Такимъ образомъ изъ 145 земскихъ уѣздовъ, свѣдѣнія о которыхъ имѣются, болѣе 45, по ихъ собственному сознанію, не сдѣлали для внѣшкольнаго образованія пока еще ничего и ограничиваютъ свою дѣятельность только нѣкоторою заботою о школахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ 45 уѣздовъ принадлежатъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ школьно-народное образованіе поставлено далеко не блестяще и, напротивъ, всѣ остальные уѣзды—изъ числа особенно заботливо и умѣло относящихся къ дѣлу народнаго образованія *).

Самымъ отраднымъ фактомъ является, конечно, открытіе библіотекъ по иниціативѣ и частію на средства самихъ крестьянъ. Такихъ случаевъ, кромѣ упомянутыхъ выше, въ отвѣтахъ комитету два: въ селѣ Марковѣ, Лебедянскаго уѣзда, Харьковской губерніи, и въ Аѳанасьевской волости, Шуйскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ случаяхъ первоначальными иниціаторами являлись не крестьянскія общества, а болѣе интеллигентныя лица, подавшія сельскому обществу мысль открытія библіотеки; но отрадно уже и то, что эти лица встрѣтили почву для своей благой мысли уже настолько подготовленною, что сельскій сходъ принимался за ея осуществленіе. Возникновеніе Марковской общественной библіотеки, извѣстія о которой помѣщались еще недавно во многихъ періодическихъ изданіяхъ, вѣроятно, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно. Библіотека учредилась по почину г. Литкевича—учителя и законоучителя Марковской школы. Г. Литкевичъ всегда находился въ большомъ затрудненіи, когда приходилось удовлетворять просьбы все чаще и чаще обращавшихся къ нему за книгами бывшихъ учениковъ школы. Книги, которыми кое-когда снабжалъ школы попечитель, не могли удовлетворить и сотой доли требованій, и попечитель предложилъ хлопотать объ открытіи библіотеки. Волостной сходъ, нѣсколько разъ обсуждая предложеніе г. Литкевича, рѣшилъ въ лицѣ 72 лицъ изъ 94, имѣющихъ право голоса, учредить при училищѣ сельскую общественную

денія, свѣдѣнія о которыхъ спрашивались. Несомнѣнно, что большинство ихъ пришло также изъ мѣстностей, не имѣющихъ учрежденій внѣшкольнаго образованія народа.

*) Нѣкоторымъ утѣшеніемъ остается только надежда, что отрицательные отвѣты получались благодаря не дѣйствительному отсутствію библіотекъ въ данной мѣстности, а только потому, что отвѣчавшему о существованіи библіотеки не было извѣстно; къ тому-же не мало безсодержательныхъ отвѣтовъ надо отнести и на долю слишкомъ формальнаго отношенія къ просьбѣ комитета. Во всякомъ случаѣ такіе отвѣты свидѣтельствуютъ несомнѣнно, что отвѣчавшій дѣйствительно неповиненъ въ открытіи такихъ учрежденій, о которыхъ собирались свѣдѣнія.

библіотеку, ассигновавъ на нее 10 руб. и уполномочивъ волостнаго старшину и г. Литкевича ходатайствовать передъ различными лицами и учрежденіями о пособіи книгами для библіотеки. Харьковское общество грамотности, къ которому обратились уполномоченныя сходомъ лица, помогло библіотекѣ изъ своихъ запасовъ и обратилось къ харьковскимъ жителямъ съ приглашеніемъ жертвовать. На это приглашеніе изъ среды жителей Харькова отозвалось до 100 человѣкъ; кромѣ того, были присланы пожертвованія изъ Петербурга *) и Екатеринославля. Такимъ путемъ правленію Харьковскаго общесвва грамотности удалось отослать въ Марковскую библіотеку 1.572 книги и брошюры. Съ присоединеніемъ сюда пожертвованій другихъ лицъ и учрежденій, къ 1-му января 1890 года библіотека имѣла 2.419 экземпляровъ книгъ, оцѣниваемыхъ болѣе чѣмъ въ 1.000 руб. Министерство Народнаго Просвѣщенія тоже не отказало въ своей помощи, выдавъ 125 р. на первое обзаведеніе.

Въ Шуйскомъ уѣздѣ библіотека возникла по инищіативѣ волостнаго писаря Аѳанасьевской волости. Въ обоихъ случаяхъ уставъ, утвержденный губернаторомъ, ставитъ во главѣ управленія библіотеками библіотечный совѣтъ изъ почетныхъ жителей волости, въ составъ котораго въ Аѳанасьевской библіотекѣ входятъ: волостной старшина, два члена отъ крестьянъ, по выбору схода, и два члена, по назначенію уѣзднаго училищнаго совѣта—священникъ и учитель мѣстной школы. Въ Марковѣ правленіе библіотеки состоитъ изъ предсѣдателя-попечителя школы и 10 человѣкъ: мѣстнаго землевладѣльца, акцизнаго чиновника, двухъ священниковъ, четырехъ учителей окрестныхъ школъ, волостнаго старшины и одного крестьянина.

Шуйская библіотека возникла на штрафныя суммы волостнаго суда, остававшіяся въ недоимкѣ за нѣсколько предшествующихъ лѣтъ, и 50 руб., ассигнуемыхъ ежегодно волостнымъ сходомъ. Теперь библіотека располагаетъ капиталомъ около 400 руб. Книги до октября 1889 года еще не были выписаны, но рѣшено, при составленіи капитала, пользоваться указаніями книги: «Что читать народу».

Марковская библіотека открыла свои дѣйствія въ 1888 году и располагала уже ко дню открытія очень богатымъ книжнымъ имуществомъ, состоящимъ изъ 2.200 экземпляровъ книгъ по восьми отдѣламъ библіотеки, а именно: 1) религіозно-нравственный—488 названій, 2) беллетристика—311, 3) исторія—128, 4) сельское хозяй-

---

*) Отъ комитета грамотности, за что комитетомъ получена благодарность выраженная въ приговорѣ Марковскаго волостнаго схода.

ство—96, 5) географія—79, 6) медицина—63, 7) естествознаніе—60 и 8) смѣсь — 167. Такое распредѣленіе книжнаго имущества библіотеки надо признать уже гораздо болѣе нормальнымъ, чѣмъ мы видѣли это въ городскихъ народныхъ библіотекахъ *). Библіотекарь и учредитель библіотеки, г. Литкевичъ, говоритъ, что народъ былъ очень доволенъ устройствомъ библіотеки и въ первые 3—4 дня изъ библіотеки было взято до 400 книгъ. Спросъ не ослабѣвалъ и далѣе и возбудилъ даже опасенія насчетъ возможности удовлетворенія всѣхъ требованій. За первый мѣсяцъ своего существованія библіотека имѣла уже до 1.000 читателей. По уставу библіотеки, пользованіе ею предоставляется всѣмъ жителямъ волости, кореннымъ—безплатно, временно-проживающіе платятъ, въ видѣ пожертвованій, на поддержаніе библіотеки. Къ декабрю 1889 года число читателей уже возрасло до 1.343 человѣкъ, изъ коихъ взрослыхъ въ возрастѣ отъ 16 до 50 лѣтъ—487 человѣкъ и дѣтей до 16 лѣтъ—856 человѣкъ. Населеніе волости изъ 12 сельскихъ обществъ составляетъ 2.822 души мужскаго пола и 2.839—женскаго. Такимъ образомъ, почти половина мужскаго населенія волости пользуется нынѣ своею библіотекою. Берутъ изъ нея книги и всѣ три школы волости. «Люди пожилые предпочитаютъ религіозное чтеніе, молодые хозяева—хозяйственныя книги, молодежь (отъ 15 до 20 лѣтъ)—историческія и естественноисторическія, дѣти—повѣсти, разсказы и сказки». За книгами приходятъ и пріѣзжаютъ даже изъ отдаленныхъ мѣстъ волости и обходятся съ ними крайне бережно. Многіе крестьяне, возвращая книги, даютъ деньги, отъ 1 коп. въ видѣ платы за чтеніе или пожертвованія. Библіотека, по словамъ завѣдующаго ею, совершенно уничтожила потребность въ книгахъ лубочныхъ, которыя покупались раньше въ большомъ количествѣ у офеней и на ярмаркахъ.

Вторую группу составляютъ библіотеки, открытыя земствомъ. Такихъ библіотекъ набралось, не считая въ этомъ числѣ школьно-народныхъ библіотекъ, 27, а именно: въ уѣздахъ: Екатеринбургскомъ—12, Самарскомъ — 10, Оханскомъ — 3 и Орловскомъ, Вятской губерніи—2. Изъ ихъ числа имѣются только кое-какія свѣдѣнія, касающіяся состава и дѣятельности библіотекъ въ Орловскомъ уѣздѣ. Существуютъ, наконецъ, народныя библіотеки, открытыя по почину обществъ попеченія о народномъ образованіи, частныхъ лицъ и библіотеки при нѣкоторыхъ сельскихъ церквахъ Къ этой группѣ би-

---

*) Научные отдѣлы книгъ вмѣстѣ съ отдѣломъ смѣси составятъ около 33,4% всего числа книгъ, столько-же религіозныя, а беллетристика составляетъ всего 22,2%, оставляя на отдѣлъ исторіи 11% всѣхъ книгъ.

бліотекъ принадлежатъ: 2—въ Подольской губерніи, устроенныя на средства покончившаго нынѣ свое существованіе Кіевскаго комитета грамотности, 1 отдѣленіе при библіотекѣ частнаго интеллигентнаго кружка въ слободѣ Боромны, Харьковской губерніи, составленная изъ книгъ, присланныхъ Петербургскимъ комитетомъ грамотности, и устроенныя частными лицами 10 библіотекъ: 2—въ Кролевецкомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, 1—священникомъ въ с. Розсоши, Воронежской губерніи, 1—въ Ирбитскомъ заводѣ, Пермской губерніи, 1—въ с. Рудановкѣ, Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губерніи, 1—воткинская горнозаводския, въ Вятской губерніи, Сарапульскаго уѣзда, 2—въ слободѣ Сагуни и Крипичанскѣ, Острогожскаго уѣзда, Воронежской губерніи, и, наконецъ, 2 — въ Подольской губерніи, устроенныя мѣстнымъ инспекторомъ народныхъ училищъ.

Мысль объ устройствѣ народныхъ библіотекъ при двухъ школахъ Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи, возникла и могла-бы осуществиться еще въ 1885 году, когда орловское уѣздное земское собраніе постановило устроить народныя библіотеки при Великорѣцкомъ и Верхошиженскомъ училищахъ.

На соотвѣтствующее ходатайство земства послѣдовалъ отвѣтъ со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ только въ концѣ 1887 г. «Открытіе этихъ двухъ библіотекъ служитъ цѣлью, говоря словами оффиціальнаго разрѣшенія, способствовать въ народѣ подъему религіозно-нравственнаго и культурно-бытоваго развитія и распространенію знаній по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства и промышленности. Для завѣдыванія библіотекою назначается лицо инспекторомъ народныхъ училищъ. Выборъ книгъ производится уѣзднымъ земствомъ, по соглашенію съ инспекторомъ народныхъ училищъ и съ разрѣшенія директора училищъ. Завѣдующій библіотекою, сообразуясь съ потребностями населенія, составляетъ ежегодно каталогъ, книги по которому пріобрѣтаются въ томъ случаѣ, если получитъ одобрительную санкцію инспектора и директора народныхъ училищъ. Библіотеки открыты на деньги, отпущенныя земствомъ по 300 руб. на каждую *). Пользоваться библіотеками имѣютъ право всѣ жители мѣстныхъ и окружныхъ волостей безъ различія сословій. *Публика ни въ какомъ случаѣ не допускается къ чтенію въ помѣщеніи библіотеки*. Пользованіе безплатное. Каждый абонентъ можетъ взять въ одинъ разъ не болѣе пяти книгъ, если всѣ онѣ будутъ заключать не болѣе

*) Въ 1889 году земское собраніе къ первоначальной ассигновкѣ прибавило еще 300 руб. на обѣ библіотеки.

пяти печатныхъ листовъ. Отдѣльныя книги, заключающія въ себѣ болѣе этого количества листовъ, выдаются лишь по одной при каждомъ требованіи. За задержаніе книги болѣе двухъ недѣль взимается штрафъ, въ размѣрѣ 2% стоимости задержанныхъ книгъ. Обѣ библіотеки открыли свои дѣйствія въ сентябрѣ 1888 года. Одна изъ нихъ за время съ сентября по іюль, т.-е. за 10 мѣсяцевъ, имѣла 142 читателей, изъ нихъ 135 — крестьянъ и 7 — другихъ сословій. Окончившихъ земскія школы—119 читателей, городскую—4 и не прошедшихъ полнаго курса школы—12.

По возрасту читатели распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

подростковъ	отъ 12	до 14	лѣтъ	—28	челов.,	около 20%
юношей	» 15	» 18	»	—49	»	» 31%
и взрослыхъ въ возрастѣ	» 19	» 50	»	—65	»	» 49%

Нѣкоторые изъ числа читателей (22) жили отъ библіотеки на разстояніи 8—15 верстъ; 9 читателей приходили за книгами даже за 15 и 25 верстъ.

Въ другой библіотекѣ за то-же время числилось 330 подписчиковъ — большинство изъ числа окончившихъ курсъ въ земскихъ школахъ.

Каждая изъ библіотекъ ко дню открытія имѣла по 505 названій книгъ. Болѣе полнымъ былъ отдѣлъ беллетристики, имѣвшій 210 названій: сельское хозяйство — 85 названій, исторія — 79, религіозно-нравственныя — 46, естественная исторія — 35, біографія и географія—по 21 названію и 8 названій юридическаго отдѣла. Такимъ образомъ беллетристика составитъ около 42%, историческія — 16%, религіозно-нравственныя—8% и всѣ научные отдѣлы—около 34% всего числа книгъ.

Въ обѣихъ библіотекахъ всѣми 472 подписчиками было прочитано въ теченіе 10 мѣсяцевъ болѣе 1,800 книгъ, или, среднимъ числомъ, около 4 книгъ на человѣка. Первенствующее мѣсто занимаютъ, конечно, книги беллетристическаго характера, составляющія 36,4% всѣхъ требованій, религіозно-нравственнаго содержанія—27,3%, историческихъ и географическихъ—около 21,1% и сельскаго хозяйства и естественно-историческихъ—15%.

Въ отчетѣ дѣятельности Великорѣцкой библіотеки указывается и на отдѣльныя сочиненія, на которыя установился наибольшій спросъ. Къ числу такихъ книгъ по религіозно-нравственному отдѣлу принадлежатъ «Избранныя житія святыхъ» Бахметьевой и «Святая земля» Пѣвцова. Изъ беллетристическаго отдѣла сочиненія Пушкина. Исторіи и географіи «Царствованіе Императора Александра II», «Западная

и восточная Сибирь». По отдѣлу естествознанія—книги по сельскому хозяйству и медицинѣ въ брошюрахъ Котельникова, Костычева, Зубарева, Вишневскаго «Какъ надо жить, чтобы здоровымъ быть» и Перфильева «Бесѣды о здоровьѣ и болѣзни».

Такимъ образомъ, требованія на книги распредѣлены довольно равномѣрно по всѣмъ отдѣламъ библіотекъ и совершенно не даютъ повода къ какимъ-либо сѣтованіямъ на то, что книги научнаго характера пренебрегаются читателемъ изъ народа. Причину этого нельзя не видѣть отчасти и въ книжномъ составѣ самой библіотеки, гдѣ беллетристика занимаетъ сравнительно довольно скромное мѣсто. Да и вообще надо думать, что причины предпочтенія народа, отдаваемаго имъ книгѣ ненаучнаго содержанія надо искать не только въ народѣ, а и въ той научной литературѣ для народа, которая въ громадномъ большинствѣ случаевъ очень и очень плоха. Можно быть увѣреннымъ, что на хорошія книги этихъ отдѣловъ всегда находились и будутъ находиться, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, читатели изъ среды народа.

Въ Орловскомъ-же уѣздѣ, по постановленію земскаго собранія 1889 года, рѣшено открыть еще одну такую-же публичную народную библіотеку. Такое-же постановленіе составило и уѣздное земское собраніе Вятскаго уѣзда въ сессію 1889 г., ассигновавъ на 2 народныя библіотеки въ уѣздѣ по 100 руб.

Въ Пермской губерніи, земство которой отличалось всегда такою заботливостію въ дѣлѣ народнаго образованія, по извѣстіямъ «Сельскаго Вѣстника» *), въ послѣдніе два года земство Оханскаго уѣзда начало основывать при училищахъ въ селахъ и заводахъ народныя библіотеки, изъ которыхъ всѣ мѣстные жители могутъ пользоваться книгами. Въ 1887 г. было открыто земствомъ три народныхъ библіотеки. На выписку книгъ во всѣ эти библіотеки ассигновано было 207 руб.

Въ каждой библіотекѣ по 284 экземпляра книгъ. Книжки, по словамъ завѣдующихъ, учителей земскихъ школъ, не залеживаются и имѣютъ постоянныхъ читателей. Больше всего читаютъ взрослые учащіеся и окончившіе курсъ, не мало и грамотныхъ взрослыхъ крестьянъ. Грамотное населеніе относится къ библіотекамъ очень сочувственно и дорожитъ ими. Читатели очень бережно обращаются съ книгами, такъ что не было ни одного случая порчи или потери книгъ.

Въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ съ 1883 по 1887 г. открыто уѣзд-

---

*) 1889 г. № 13.

нымъ земствомъ 12 народныхъ библіотекъ при школахъ для всѣхъ жителей района библіотеки. Каждая изъ библіотекъ пополняется ежегодно на 30—35 руб. Къ 1889 г. во всѣхъ 12 библіотекахъ числилось 4.535 названій, въ количествѣ 5.658 экземпляровъ, въ среднемъ по 464 книги на библіотеку. За все время существованія библіотекъ ими пользовались 8.304 читателя, преимущественно изъ крестьянъ, которыхъ за послѣдніе три года, изъ общаго числа 5.587 человѣкъ, было 4.127 человѣкъ въ возрастѣ отъ 10—40 лѣтъ. Всѣ эти читатели прочли 99.650 томовъ книгъ, въ томъ числѣ духовно-нравственнаго содержанія 22% и свѣтскаго содержанія 78%.

Въ Ирбитскомъ заводѣ существуетъ съ 1882 г. дешевая общедоступная библіотека, образовавшаяся на частныя пожертвованія. Пользуется ею мѣстное заводское населеніе за плату 1 р. въ годъ. Подписчиковъ 70 человѣкъ, изъ коихъ 57 — рабочихъ заводскихъ, изъ нихъ 25 человѣкъ, пользующихся библіотекою безплатно, окончило курсъ въ мѣстной начальной школѣ.

Вторымъ примѣромъ платной сельской библіотеки является библіотека при школѣ Воткинскаго завода въ Сарапульскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи. Библіотека устроена по почину самихъ бывшихъ учениковъ школы, на собранныя среди нихъ пожертвованія. За пользованіе библіотекою взимается 3 коп. въ мѣсяцъ. Подписчиковъ 60 человѣкъ.

Частной-же инициативѣ обязана существованіемъ библіотека въ с. Рудановкѣ, Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губерніи. Начало библіотекѣ положено средствами не только кружка мѣстной интеллигенціи, но и добровольными пожертвованіями крестьянъ. Село представляетъ изъ себя добрый уѣздный городъ. Въ немъ двѣ церкви и пять школъ съ многочисленнымъ преподавательскимъ персоналомъ. Въ завѣдываніи библіотекою среди интеллигентныхъ участниковъ ея ведется очередь, у завѣдывающаго-же находится обыкновенно и книжное имущество библіотеки. Взрослое населеніе, особенно изъ учившихся въ старыхъ школахъ, пользуется библіотекою мало. Главную массу читателей составляютъ бывшіе питомцы новыхъ школъ и учащіеся. За три мѣсяца существованія библіотеки, читателями ея были 200 человѣкъ — все мѣстные крестьяне.

В. Девель.

(Окончаніе будетъ).

Къ вопросу о безплатныхъ библіотекахъ.

Какъ ни бѣдны мы библіотеками, предназначенными для пользованія интеллигентною частью общества, все-же почти всѣ губернскіе города и всѣ мало-мальски значительные уѣздные имѣютъ публичныя библіотеки — «общественныя», городскія, земскія, клубныя или, наконецъ, частныя. Для большей-же части городскаго населенія до сихъ поръ у насъ библіотекъ нѣтъ, такъ какъ пользованіе городскими публичными библіотеками или обусловлено какими-либо особыми условіями (напримѣръ, принадлежность къ составу клуба, иногда состояніе на земской службѣ и т. д.), или должно быть оплачиваемо и большею частью довольно дорого, тогда какъ масса городскаго населенія не въ состояніи, да и не привыкла имѣть въ своемъ бюджетѣ особый расходъ на чтеніе. Попытокъ создать безплатныя или, по крайней мѣрѣ, дешевыя библіотеки для городскаго населенія было до сихъ поръ совершенно ничтожное число (см. наши статьи: «Частная инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи») *). Еще менѣе сдѣлано въ этомъ направленіи для деревенскаго населенія (см. тѣ-же статьи, а также наши «Хроники народнаго образованія»). Когда, въ прошломъ году, были изданы «Правила о безплатныхъ читальняхъ», то въ печати выражалось мнѣніе, что теперь, съ упрощеніемъ формальностей по разрѣшенію открытія безплатныхъ библіотекъ, послѣднія будутъ расти у насъ, какъ грибы (высказывалось, впрочемъ, и прямо противоположное мнѣніе); однако, до сихъ поръ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ, по которымъ можно было-бы ожидать исполненія этого предсказанія, и безплатныя библіотеки попрежнему остаются у насъ единичнымъ явленіемъ.

Я намѣренъ разсказать здѣсь исторію возникновенія одной безплатной библіотеки,—исторію, которая, надѣюсь, покажетъ, что безплатныя библіотеки могутъ возникать безъ особыхъ затрудненій,

---

*) См. «Русская Школа». Апрѣль 1891 г.

разъ есть люди, которые искренно желаютъ созданія подобныхъ учрежденій. Библіотека, о которой я хочу говорить, возникла при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ съ матеріальной стороны—и, тѣмъ не менѣе, она не только возникла, но и продолжаетъ расти и развиваться. Все дѣло въ желаніи—и желаніи дѣйствительно искреннемъ, въ энергіи и настойчивости, а остальное явится само собою...

Городъ Богородицкѣ, Тульской губерніи, принадлежитъ къ числу самыхъ ничтожныхъ городишекъ Россійской имперіи. Онъ изображенъ далеко не на всѣхъ картахъ Россіи, и, конечно, большинство нашихъ читателей не слыхали даже и имени его. Въ немъ насчитывается всего около 3.000 постоянныхъ жителей. На это населеніе въ городѣ имѣется трехъ-классное городское училище, трехъ-классное женское, приходское и «графское» (т.-е. графа Бобринскаго, владѣльца мѣстнаго сахарнаго завода). Въ матеріальномъ отношеніи школы обставлены незавидно; особенно плохо поставлено женское училище, гдѣ учительницы получаютъ всего 10—12 руб. въ мѣсяцъ (пять лѣтъ назадъ онѣ получали по 6 руб. въ мѣсяцъ). Неудовлетворительность матеріальной стороны не можетъ, конечно, не отражаться печальнымъ образомъ и на ходѣ учебнаго дѣла, особенно въ женскомъ училищѣ. Тѣмъ не менѣе, богородицкія школы переполнены учащимися: въ городскомъ училищѣ до 100 человѣкъ, въ приходскомъ—180, въ женскомъ—до 200 и въ графскомъ—до 70, а всего около 550 человѣкъ. Принимая во вниманіе вышеуказанную ничтожную цыфру населенія города, найдемъ, что въ Богородицкѣ учащіеся составляютъ такой громадный процентъ ко всему населенію, какой рѣдко встрѣчается въ нашихъ городахъ. Контингентъ грамотныхъ, возможныхъ читателей книги, въ Богородицкѣ, такимъ образомъ, долженъ быть очень великъ, особенно если мы примемъ во вниманіе, что городское училище (прежде именовавшееся уѣзднымъ) основано еще въ 30-хъ годахъ, а женское и приходское — въ 60-хъ. Однако, читать всѣмъ этимъ грамотѣямъ до послѣдняго времени было нечего, такъ какъ въ городѣ не было ни публичной библіотеки, ни книжной торговли. Въ городѣ была только библіотека при городскомъ училищѣ, но она имѣла спеціальное назначеніе и была доступна только учащимся въ этомъ училищѣ. Въ прошломъ году возникла небольшая библіотечка при земской управѣ, но она предназначена исключительно для учащихъ въ земскихъ школахъ. А между тѣмъ потребность въ чтеніи существовала не малая, что выражалось во многихъ фактахъ. Такъ, нѣкоторые жители, получивъ возможность частнымъ образомъ пользоваться библіотекою городскаго училища, охотно пользовались этою

возможностью. Точно также тѣ лица изъ мѣстной интеллигенціи, у которыхъ имѣлся небольшой запасъ книгъ и которыя давали ихъ для прочтенія знакомымъ горожанамъ, были буквально завалены требованіями. Подобные факты наводили на мысль о необходимости устройства публичной библіотеки и притомъ библіотеки безплатной, и въ прошломъ году, по иниціативѣ двухъ лицъ изъ мѣстнаго педагогическаго общества (учитель городскаго училища и завѣдующій земскими школами), было приступлено къ осуществленію этой мысли.

Мысль объ устройствѣ безплатной библіотеки была встрѣчена сочувственно мѣстнымъ обществомъ, и подъ прошеніемъ о разрѣшеніи открыть библіотеку, поданнымъ мѣстному губернатору, кромѣ двухъ упомянутыхъ иниціаторовъ, подписались членъ земской управы и училищнаго совѣта, акцизный чиновникъ, инженеръ-технологъ, мѣстный помѣщикъ, уѣздный предводитель дворянства, уѣздный членъ окружнаго суда, городской судья и четверо земскихъ начальниковъ. Открытіе библіотеки было разрѣшено губернаторомъ, а каталогъ ея утвержденъ директоромъ народныхъ училищъ, и 27-го января 1891 года безплатная библіотека была открыта.

По уставу библіотеки, она содержится на ежемѣсячные взносы ея учредителей и всѣхъ тѣхъ, кто пожелаетъ къ нимъ присоединиться. Минимумъ ежемѣсячнаго взноса опредѣленъ въ 20 коп. Каждый, вносящій не менѣе этого минимума, считается членомъ библіотеки и можетъ рекомендовать читателей съ ручательствомъ въ исправномъ возвращеніи книгъ. Черезъ четыре мѣсяца число членовъ библіотеки превышало 40 человѣкъ съ мѣсячными взносами болѣе чѣмъ на 30 р. Въ числѣ этихъ лицъ, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ изъ мѣстной интеллигенціи, есть купцы, мѣщане, писцы, телеграфисты, почтальоны, какіе-то «вѣсовщики» и т. д. Появленіе этихъ лицъ въ роли членовъ библіотеки свидѣтельствуетъ о тѣхъ симпатіяхъ, которыя пріобрѣла библіотека среди населенія, такъ какъ они могли пользоваться библіотекою и не дѣлаясь членами ея и, стало быть, не дѣлая никакихъ взносовъ. Членскіе взносы дѣлаются очень аккуратно, можетъ быть, потому, что членовъ въ опредѣленный срокъ ежемѣсячно обходитъ библіотекарь и принимаетъ взносы. Какъ число членовъ, такъ и дѣлаемые ими взносы постоянно возрастаютъ. Именно за январь членскихъ взносовъ поступило 18 р. 75 коп., за февраль— 23 руб. 90 коп., мартъ — 27 р. 50 к., апрѣль — 27 р. 20 к. и май— 32 руб. 95 коп.

Другимъ источникомъ средствъ библіотеки являются пожертвованія, которыя поступаютъ деньгами и книгами. Денежныя пожертво-

ванія предъ открытіемъ библіотеки стекались въ довольно значительномъ количествѣ и послужили главнымъ источникомъ для первоначальнаго обзаведенія и выписки первой партіи книгъ, составившей ядро библіотеки. Но когда всѣ, кого можно было обойти съ подписнымъ листомъ, внесли на библіотеку кто сколько могъ и хотѣлъ, количество денежныхъ пожертвованій значительно уменьшилось. До открытія библіотеки этимъ путемъ было собрано 150 руб., а въ слѣдующіе четыре мѣсяца всего 26 руб. Въ числѣ пожертвованій было не мало мелкихъ, внесенныхъ простымъ людомъ, сочувствующимъ библіотекѣ. Въ противоположность денежнымъ пожертвованіямъ,—пожертвованія книгами не только не ослабѣваютъ съ теченіемъ времени, но еще усиливаются. Библіотека въ настоящее время почти на половину состоитъ изъ книгъ пожертвованныхъ, а открыта она была при 180 томахъ, пріобрѣтенныхъ исключительно этимъ путемъ. Большинство болѣе крупныхъ пожертвованій представляетъ собою не случайный наборъ различныхъ ненужныхъ жертвователю книгъ, но довольно полныя коллекціи народныхъ изданій и дѣтскихъ книгъ. Пожертвовано было также нѣсколько журналовъ за послѣдніе годы. Нѣкоторые авторы, по просьбѣ библіотеки, прислали въ даръ свои сочиненія. Были случаи пожертвованія книгъ и читателями библіотеки, и въ числѣ этихъ книгъ, на ряду съ лубочными изданіями, поступали и очень дѣльныя сочиненія. Къ числу пожертвованій въ пользу библіотеки должна быть отнесена и высылка нѣкоторыхъ періодическихъ изданій редакціями по уменьшенной цѣнѣ: именно «Русскія Вѣдомости» высылаются за 2 руб. въ годъ, «Нива» за 4 руб. и «Сѣверный Вѣстникъ» за 11 р. 50 к. Кромѣ того, различныя лица доставляютъ въ библіотеку получаемые ими журналы: «Ремесленная Газета», «Наука и Жизнь», «Вѣра и разумъ», «Сынъ Отечества», «Новое Время» и «Заря» (съ доплатою 3-хъ рублей).

Несмотря на всю скромность средствъ, которыя могли быть собраны въ пользу библіотеки въ такомъ ничтожномъ по населенности городкѣ, какъ Богородицкъ, библіотека, и притомъ библіотека безплатная, не только открыта и существуетъ, но и постоянно пополняетъ свой книжный запасъ. Объясняется это тѣмъ, что лица, завѣдующія библіотекою, оставивъ въ сторонѣ заботы о внѣшней сторонѣ библіотеки, свели всѣ расходы, не касающіеся непосредственно увеличенія книжнаго запаса, до крайняго минимума. На обстановку библіотеки израсходовано всего на всего 43 руб. 37 коп. (столы, табуреты, полки для книгъ, лампы и керосинница—и все). Мелочи—чернильницы, пепельницы, разрѣзные ножи и т. д. были пожертво-

ваны разными лицами, равно какъ и украшающія стѣны картины. Обстановка библіотеки въ высшей степени скромная, прямо спартанская. Посрединѣ свѣтлой, хотя и не особенно просторной комнаты, увѣшанной картинами, стоитъ большой столъ, покрытый клеенкой, на которомъ разложены столбцами книжки журналовъ, иллюстрированные журналы за все предшествующее время года и газеты за текущую недѣлю. Тутъ же лежатъ календарь и словарь малопонятныхъ иностранныхъ словъ. Вокругъ стола легкія сосновыя табуретки; рядомъ другой столикъ для библіотекаря, а подлѣ него полки съ книгами. На стѣнѣ висятъ нѣкоторыя выдержки изъ устава, списокъ членовъ библіотеки, къ которымъ слѣдуетъ обращаться за рекомендаціею, стѣнной календарь и таблица для опредѣленія вѣроятной погоды (эту-то курьезную вещь можно было и не вѣшать, чтобъ не морочить напрасно посѣтителей библіотеки). Вотъ и вся обстановка библіотеки. Нѣтъ сомнѣнія, что такая обстановка вполнѣ гармонируетъ съ назначеніемъ безплатной библіотеки, разсчитанной, главнымъ образомъ, на публику, которую не трудно запугать и оттолкнуть блестящей обстановкой.

Текущіе расходы по содержанію библіотеки крайне ничтожны. Квартира съ отопленіемъ стоитъ всего 7 руб. въ мѣсяцъ. Библіотекарю — юношѣ, окончившему курсъ городскаго училища, платится 5 руб. въ мѣсяцъ. Зимою присоединяется еще расходъ на освѣщеніе—менѣе рубля въ мѣсяцъ. Вотъ и весь текущій расходъ.

Расходъ на переплетъ книгъ, обыкновенно довольно значительный въ библіотекахъ, въ Богородицкой библіотекѣ совершенно ничтоженъ, благодаря тому, что книги для нея переплетаются въ переплетной мастерской, устроенной при мѣстной тюрьмѣ, гдѣ за переплетъ берется незначительная плата (7 коп. за большую книгу и 5 коп. за маленькую). Всего на этотъ предметъ израсходовано за 4 мѣсяца 20 р. 26 коп.

Такимъ образомъ, всѣ, такъ сказать, внѣшніе расходы библіотеки крайне ничтожны и не только покрываются указанными выше членскими взносами, но большая часть послѣднихъ можетъ быть обращаема на выписку книгъ и періодическихъ изданій.

При открытіи библіотеки было выписано книгъ на 110 руб. Въ эту партію вошли собранія сочиненій почти всѣхъ лучшихъ русскихъ писателей. Затѣмъ, по мѣрѣ накопленія средствъ и выясненія требованій читателей, книги выписывались небольшими партіями для пополненія тѣхъ отдѣловъ, которые оказывались неполными. Библіотека имѣетъ своихъ агентовъ (добровольныхъ) въ Москвѣ и Петербургѣ

и чрезъ нихъ ей удалось многое пріобрѣсти у букинистовъ, на рынкахъ и «на вербахъ» по цѣнамъ, значительно низшимъ противъ номинальной стоимости книгъ. Всего за первые четыре мѣсяца существованія библіотеки пріобрѣтено книгъ на 151 р. 18 к. Кромѣ получаемыхъ библіотекою даромъ или на льготныхъ условіяхъ періодическихъ изданій, она выписываетъ «Русскую Мысль», «Недѣлю», «Царь-Колоколъ» и «Кормчій».

При открытіи библіотека имѣла 180 томовъ въ 317 названіяхъ (многія народныя изданія переплетены по 4, 5 и 6 вмѣстѣ). Къ 1-му марта было 391 томъ и 527 названій; къ 1-му апрѣля—487 томовъ и 766 названій и къ 1-му мая—553 тома и 900 названій. Въ настоящее время книжный запасъ библіотеки значительно больше, такъ какъ лѣтомъ была произведена значительная закупка дѣтскихъ книгъ. Всего больше книгъ въ дѣтскомъ отдѣлѣ; затѣмъ слѣдуютъ отдѣлы беллетристики (преимущественно русской), книгъ историческихъ и духовно-нравственныхъ; послѣднія мѣста занимаютъ отдѣлы географическій, естественно-историческій, біографическій, сельско-хозяйственный и смѣси. Періодическихъ изданій получается 13, въ томъ числѣ 2 ежемѣсячныхъ, 1 двухъ-недѣльный, 7 еженедѣльныхъ (изъ нихъ 3 съ ежемѣсячными приложеніями) и 3 ежедневныхъ.

Книги выдаются изъ библіотеки безплатно и точно также безплатно чтеніе книгъ, журналовъ и газетъ въ самой библіотекѣ. Залогъ за взятыя книги не требуется. Чтобъ быть записаннымъ въ число абонентовъ библіотеки, достаточно представить ручательство одного изъ членовъ библіотеки. Въ случаѣ невозможности представить такое ручательство, оно замѣняется поручительствомъ двухъ абонентовъ, ранѣе записавшихся. Послѣднее правило остается пока безъ примѣненія, такъ какъ до сихъ поръ всѣ желающіе получать книги изъ библіотеки имѣли возможность представлять ручательство кого-либо изъ членовъ библіотеки. Учащіеся въ городскихъ школахъ записываются въ число абонентовъ, по рекомендаціи ихъ учителей и учительницъ.

Всего записалось въ число абонентовъ за первые четыре мѣсяца существованія библіотеки 348 человѣкъ. Изъ нихъ 232 записались въ теченіе перваго мѣсяца, 81 присоединились во второй мѣсяцъ, 16 въ третій и 19 въ четвертый. Отсюда ясно, что библіотека съ первыхъ-же дней своего существованія была принята населеніемъ сочувственно и что потребность въ чтеніи въ населеніи была настолько велика, что немедленно-же бросилась удовлетворять ее, какъ только представилась возможность.

348 абонентовъ въ городкѣ, имѣющемъ 3.000 жителей, и притомъ не за весь годъ, а всего за 4 мѣсяца—это успѣхъ громаднѣйшій, особенно когда мы вспомнимъ, что публичныя библіотеки многихъ губернскихъ городовъ имѣютъ не болѣе 200—300 абонентовъ.

Число абонентовъ распредѣляется какъ разъ поровну между мужчинами и женщинами — тѣхъ и другихъ по 174. Среди мужчинъ преобладаютъ взрослые (113 взрослыхъ и 61 малолѣтнихъ), а среди женщинъ малолѣтнія (41 взрослыхъ и 133 малолѣтныхъ). Такое распредѣленіе объясняется тѣмъ, что библіотека не принимала въ число абонентовъ учащихся въ мужскихъ городскомъ и приходскомъ училищахъ, въ виду недостатка дѣтскихъ книгъ, которыми ученики названныхъ училищъ могли пользоваться изъ библіотеки городскаго училища. Теперь, послѣ пополненія въ теченіе лѣта дѣтскаго отдѣла библіотеки, предположено допустить въ число абонентовъ библіотеки и учащихся въ названныхъ училищахъ.

Среди абонентовъ библіотеки преобладаютъ мѣщане (60%), купцы (11%) и крестьяне (8%). Остальныя сословія, вмѣстѣ съ тѣми, сословіе которыхъ неизвѣстно, составляютъ немного болѣе пятой общаго числа абонентовъ (дворяне, неизвѣстные, духовенство и чиновники по 5%, остальныхъ совсѣмъ ничтожное число). По образованію всего болѣе учащихся и учившихся въ мѣстныхъ вышеупомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ высшимъ и среднимъ образованіемъ—всего 1½ десятка абонентовъ.

Книги брались изъ библіотеки въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ 4.429 разъ; въ томъ числѣ 3.011 разъ книги брались малолѣтними и 1.418 взрослыми. На каждаго изъ 154 взрослыхъ абонента приходится по 9½ разъ полученія книгъ и на каждаго изъ 194 малолѣтнихъ — болѣе 15 разъ. Такая разница объясняется тѣмъ, что взрослые берутъ книги потолще да и меньше времени имѣютъ для чтенія. Всего больше было взято книгъ въ мартѣ; въ апрѣлѣ и маѣ спросъ на книги значительно уменьшился, особенно со стороны дѣтей, что объясняется наступленіемъ экзаменовъ и начала каникулъ. Игралъ въ этомъ случаѣ роль и недостатокъ дѣтскихъ книгъ, число которыхъ, какъ уже сказано, теперь, въ теченіе лѣта, значительно увеличено.

Библіотека открыта ежедневно—въ будни съ 3-хъ часовъ дня до 7 ч. вечера, а въ праздники съ 1 часа до 3. Первое время читатели наполняли библіотеку тотчасъ-же, какъ только она открывалась; но теперь они привыкли къ тому, что библіотека бываетъ открыта въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и приходятъ въ разное время, что значительно облегчаетъ выдачу книгъ. Дѣти, особенно дѣвочки, обыкно-

венно приходятъ цѣлыми партіями, человѣкъ по 5, по 6, для чего иногда дожидаются другъ друга у входа въ библіотеку. Сначала дѣти нѣсколько робѣли и, случалось, подолгу цѣлыми кучами стояли на улицѣ, пока какой-нибудь смѣльчакъ не рѣшался первый войти въ библіотеку, а за нимъ вваливалась и остальная толпа. Вновь записывающіеся въ число читателей дѣти входятъ въ библіотеку тихо и робко, скромно берутъ предложенную имъ книгу и поспѣшно удаляются. Но затѣмъ они быстро осваиваются съ библіотекою и бѣгаютъ въ нее по нѣсколько разъ въ недѣлю. Нѣкоторые успѣваютъ перемѣнить книги до 20 разъ въ мѣсяцъ. Особенно много набирается дѣтей въ праздники, если этому не мѣшаетъ дурная погода.

Выдача книгъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и рекомендаціей ихъ. Большинство читателей, въ особенности дѣти и подростки, спрашиваютъ не опредѣленную книгу, а что-нибудь вообще почитать. Однако, они берутъ далеко не все, что имъ предлагаютъ. Часто каждая предлагаемая книга тутъ-же въ библіотекѣ подвергается подробному осмотру: сперва осматриваютъ книгу снаружи, затѣмъ просматриваютъ оглавленіе и картинки, если онѣ есть въ книгѣ, и заглядываютъ въ текстъ въ началѣ книги, въ серединѣ или съ конца. Послѣ такого изслѣдованія юный абонентъ нерѣдко возвращаетъ книгу библіотекарю, причемъ болѣе откровенные прямо говорятъ, что книга не нравится, а лукавые придумываютъ другой предлогъ: «читалъ» или «дома есть». Если дѣти пришли кучкой, какъ это чаще бываетъ, то, получивши книги, они обыкновенно отходятъ въ сторону и начинаютъ разсматривать ихъ другъ у друга, ведя вполголоса, а то и совсѣмъ шепотомъ, оживленную бесѣду и подвергая книги критическому разбору. Случается, что нѣкоторые особенно требовательные абоненты просматриваютъ и возвращаютъ до десятка книгъ подрядъ, пока не нападутъ на удовлетворяющую ихъ. Часто приходится довольно долго искать книгъ и для взрослыхъ читателей, которые иногда сами не знаютъ, чего хотятъ.

Изъ 348 записавшихся въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ абонентовъ 137 человѣкъ (38 взрослыхъ и 99 малолѣтнихъ) прекратили чтеніе, причемъ, однако, около одной четверти этого числа чрезъ нѣкоторое время снова записались абонентами. Любопытно, что прекращающіе пользованіе библіотекою—совсѣмъ или временно — заявляютъ о томъ библіотекарю, и на вопросъ послѣдняго о причинахъ—обыкновенно выясняютъ таковыя. Такимъ образомъ, главною причиною прекращенія абонемента является неимѣніе времени для чтенія; затѣмъ важную роль играетъ, особенно для дѣтей, такая причина, какъ

«родные не велятъ»; дальше слѣдуютъ отъѣздъ и неудобство ходить въ библіотеку; послѣднее мѣсто занимаетъ недовольство составомъ библіотеки («нѣтъ интересныхъ книгъ»).

Кромѣ выдачи книгъ на домъ, библіотека предоставляетъ всѣмъ желающимъ (и не записавшимся въ число абонентовъ) право читать въ помѣщеніи библіотеки книги, журналы и газеты. Дѣти этимъ правомъ пользуются очень мало. Изъ взрослыхъ есть ревностные посѣтители читальни. У читальни есть даже свои завсегдатаи: одни приходятъ запоемъ почти каждый день въ теченіе цѣлаго мѣсяца, затѣмъ перестаютъ посѣщать читальню или заходятъ гораздо рѣже, другіе приходятъ аккуратно каждое воскресенье и каждый праздникъ. Но вообще общее число лицъ, читающихъ въ помѣщеніи библіотеки, не велико. Именно за 4 мѣсяца читальня имѣла 288 читателей; въ день бываетъ отъ 2 до 10 читателей. Читаются по большей части журналы, хотя кое-кто (преимущественно дѣти) читаютъ и книги.

Завѣдующимъ Богородицкою библіотекою утвержденъ одинъ изъ учредителей ея, а наблюдателемъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія назначенъ другой учредитель. Эти лица, явившіяся иниціаторами устройства библіотеки, ведутъ и хозяйство библіотеки, въ чемъ имъ помогаетъ молодой библіотекарь и кое-кто изъ остальныхъ членовъ библіотеки. Наблюдатель въ теченіе перваго мѣсяца лично руководилъ почти ежедневно выдачею книгъ. Его бесѣды съ читателями, разъясненія порядковъ библіотеки и ея организаціи, рекомендація книгъ—все это имѣло большое значеніе для привлеченія читателей. За это время молодой библіотекарь успѣлъ приглядѣться и вполнѣ освоиться съ своимъ дѣломъ. Теперь онъ прекрасно знаетъ и свою библіотеку, и ея читателей со всѣми ихъ разнообразными вкусами, требованіями и степенью ихъ развитія.

Учредители библіотеки предполагаютъ въ будущемъ организовать при ней коммиссіонерство по выпискѣ книгъ для желающихъ, а также продажу книгъ, что, при отсутствіи въ уѣздѣ и городѣ книжной торговли, должно имѣть существенное значеніе для населенія *)...

Приведенныя свѣдѣнія о Богородицкой безплатной библіотекѣ являются въ высшей степени поучительными для нашей интеллигенціи, раскиданной по медвѣжьимъ и инымъ угламъ земли русской. Опытъ устройства безплатной библіотеки, произведенный въ Богородицкѣ,

*) Все, сказанное относительно Богородицкой библіотеки, заимствовано, большею частью буквально, изъ отчета библіотеки за первые 4 мѣсяца ея существованія, любезно сообщеннаго мнѣ лицомъ, завѣдующимъ библіотекою.

тѣмъ и знаменателенъ, что онъ имѣлъ мѣсто при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Учредители библіотеки, открытой въ такомъ ничтожномъ городишкѣ, какъ Богородицкъ, не могли разсчитывать ни на содѣйствіе многочисленной интеллегенціи, которая здѣсь представлена ничтожнымъ числомъ лицъ, ни на значительный притокъ матеріальныхъ средствъ, которыя не отъ кого было разсчитывать получить. Тѣмъ не менѣе, ихъ не смутили эти обстоятельства и они начали и повели столь удачно дѣло при самыхъ скромныхъ матеріальныхъ средствахъ и разсчитывая только на себя, на свой трудъ и свою энергію. *Такой* примѣръ не долженъ пройти даромъ; онъ долженъ сдѣлаться урокомъ для многочисленной провинціальной интеллигенціи, показавъ ей, какъ много добраго можетъ она сдѣлать даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: нужны только искреннее желаніе быть полезными ближнему, настойчивость въ достиженіи поставленной цѣли и пожертвованіе собственнаго труда и времени. Въ самомъ дѣлѣ, почему то, что сдѣлано усиліями нѣсколькихъ человѣкъ въ Богородицкѣ, не можетъ быть осуществлено повсемѣстно въ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ которыхъ едва-ли не всюду интеллигенція гораздо многочисленнѣе, нежели въ Богородицкѣ?

Но не только для городской интеллигенціи поучительна разсказанная здѣсь исторія Богородицкой библіотеки. Мало-ли у насъ селъ,—особенно на югѣ Россіи,—которыя и по численности населенія, и по богатству, и наконецъ по количеству интеллигентныхъ лицъ стоятъ давно выше Богородицка. Въ подобныхъ селахъ для мѣстной интеллигенціи нѣтъ ничего легче, какъ послѣдовать примѣру учредителей Богородицкой библіотеки и этимъ путемъ удовлетворить все болѣе и болѣе растущій запросъ народа на хорошую книгу. Да и вообще всюду, гдѣ есть два-три интеллигентныхъ человѣка, они могутъ создать безплатную библіотеку, подобную Богородицкой, и тѣмъ положить и свой камень для созданія того величественнаго зданія, которое должно быть цѣлью жизни для каждаго истинно интеллигентнаго человѣка и которое именуется *просвѣщеніемъ народныхъ массъ*.

Тамъ, гдѣ почему-либо оказалось-бы неудобнымъ созданіе въ селѣ безплатной библіотеки на тѣхъ-же началахъ, на которыхъ существуетъ Богородицкая библіотека, мѣстная интеллигенція можетъ провести мысль о созданіи общественной волостной или сельской библіотеки. Подобныя библіотеки у насъ явленіе совершенно новое, какъ и вообще народная библіотека у насъ; тѣмъ не менѣе, идея сельскихъ общественныхъ библіотекъ начинаетъ получать все болѣе и болѣе широкое распро-

страненіе, и содѣйствіе популяризаціи этой идеи должно составить обязанность сельской интеллигенціи. Первая сельская общественная библіотека въ Россіи (въ селѣ Марковѣ, Харьковской губерніи) возникла менѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, о чемъ было подробно разсказано мною на страницахъ «Русской Школы» (см. «Очерки частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи»). Вслѣдъ затѣмъ положено начало другой подобной-же сельской общественной библіотекѣ въ той-же Харьковской губ., возникло нѣсколько такихъ библіотекъ въ Черниговской и Полтавской губ, одна въ Тамбовской, одна въ Петербургской, двѣ въ Пермской и наконецъ одна въ Казанской (см. наши «Хроники народнаго образованія» въ «Русской Школѣ»). Разумѣется, что вездѣ при устройствѣ этихъ сельскихъ общественныхъ бибіотекъ дѣло не обошлось безъ воздѣйствія мѣстной интеллигенціи, которая популяризировала идею библіотеки, жертвовала средства и взяла на себя веденіе дѣла. Этимъ-же путемъ должна-бы идти наша сельская интеллигенція вообще, пока вся деревенская Россія не покроется библіотеками, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ дружественной намъ Франціи или въ нашей-же Финляндіи. Будемъ помнить, что наша народная школа даетъ только орудіе къ самообразованію и потому неизбѣжно должна быть дополнена библіотекою, которая и дастъ народу возможность этого самообразованія.

Я. Абрамовъ.

Замѣтка объ отношеніяхъ земства къ народной школѣ.

(По поводу предположеній въ средѣ юхновскаго земства относительно открытія и устройства сельскихъ школъ).

Юхновское земское собраніе, въ минувшую сессію свою, постановило: во-1-хъ, увеличить сумму ассигнуемаго имъ на постройку каждой сельской школы пособія со 150 р. до 300 р. и, во-2-хъ, ходатайствовать передъ смоленскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ о выдачѣ субсидіи въ указанномъ размѣрѣ изъ средствъ губернскаго земства. Послѣднее, оставивъ вопросъ этотъ открытымъ, поставило его, однако, на очередь, поручивъ губернской земской управѣ собрать къ будущему очередному собранію нѣкоторыя по немъ свѣдѣнія.

При обсужденіи проекта о размѣрѣ денежнаго участія со стороны губернскаго и уѣздныхъ земствъ въ дѣлѣ постройки школъ, вполнѣ умѣстно будетъ возбудить вопросъ также и о томъ, чтобы губернское земство обратило вниманіе учредителей школъ на необходимость соблюденія при таковой постройкѣ извѣстныхъ правилъ. Въ томъ или иномъ видѣ, эти правила должны быть признаны обязательными для учредителей, какъ въ цѣляхъ соблюденія гигіеническихъ и педагогическихъ требованій, такъ и для предупрежденія возможности устраивать, при пособіи отъ земства, такія школы, которыя въ дѣйствительности обходились-бы болѣе или менѣе дешевле, а потому и не соотвѣтствовали-бы указаннымъ требованіямъ.

Доставленные намъ ниже помѣщаемые проекты правилъ относительно устройства въ юхновскомъ уѣздѣ школьныхъ зданій, условій выдачи для сего пособій, пріема и занятій учениковъ составлены предсѣдателемъ юхновской земской управы Д. Д. Лобановымъ и подлежатъ обсужденію смоленскаго губернскаго земскаго собранія ближайшей сессіи. Давая мѣсто въ журналѣ этимъ проектамъ, мы сочли не безполезнымъ сдѣлать, съ своей стороны, нѣсколько замѣчаній по нѣкоторымъ пунктамъ въ нихъ. Въ послѣднее время дѣятельность земства

по народному образованію встрѣчаетъ въ обществѣ и печати, по большей части, или огульныхъ панегиристовъ, или-же огульныхъ порицателей. Но для успѣшнаго развитія народнаго образованія важны, конечно, не такія безусловныя порицанія или похвалы, а спокойное, безпристрастное обсужденіе различныхъ сторонъ въ отношеніяхъ земства къ ввѣренной его попеченіямъ начальной школѣ. Вслѣдствіе этого и цѣль настоящей замѣтки состоитъ въ томъ, чтобы вызвать, главнымъ образомъ въ средѣ самихъ земскихъ дѣятелей, болѣе дѣятельное и обстоятельное обсужденіе вопросовъ, затрогиваемыхъ проектами правилъ, выработанными въ средѣ юхновскаго земства. Несомнѣнно, что основаніемъ къ установленію тѣхъ или иныхъ существующихъ въ дѣйствительности отношеній между тѣмъ или другимъ земствомъ и его народными школами являются мѣстныя условія и обстоятельства; но несомнѣнно также и то, что помимо ихъ въ названной области дѣятельности земствъ имѣется много и такихъ сторонъ, гдѣ необходимы и въ высшей степени полезны солидарность и единство въ дѣйствіяхъ не только земствъ одной губерніи, но и всѣхъ тѣхъ губерній, въ которыхъ дѣйствуетъ Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Содѣйствовать-же выработкѣ и установленію цѣлесообразныхъ и единообразныхъ, насколько послѣднее допускается мѣстными условіями, принциповъ въ дѣятельности земствъ по народному образованію, при данномъ строѣ нашей общественной жизни, можно только путемъ печати, черезъ всестороннее ознакомленіе земскихъ дѣятелей съ тѣми мѣрами, которыя практикуются въ средѣ земствъ различныхъ губерній и уѣздовъ. Такое объединеніе въ дѣятельности земствъ касательно вопросовъ начальнаго образованія тѣмъ болѣе необходимо, что даже и въ настоящее время въ этой области имъ приходится работать на основаніи лишь кратковременнаго собственнаго опыта, безъ преданій, безъ прочныхъ научныхъ знаній, при разнообразіи и сложности другихъ своихъ обязанностей, при неопредѣленности степени своей компетенціи, въ особенности по отношенію къ народному образованію и народной школѣ. Этихъ причинъ, надѣемся, совершенно достаточно для того, чтобы педагогическій журналъ отводилъ у себя возможно больше мѣста народной школѣ именно въ видахъ ознакомленія съ разнообразными проявленіями дѣятельности земствъ въ сферѣ народнаго образованія.

Проектъ правилъ, которымъ должно удовлетворять устройство школьныхъ зданій.

«1) Школа должна быть расположена не ближе, какъ въ 25 саж. отъ какого-бы то ни было строенія (согласно ст. 24, гл. V мѣстнаго постановленія о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ внѣ городскихъ поселеній Смоленской губерніи).

2) Домъ, устраиваемый для школы, можетъ быть каменный или деревянный одноэтажный. Мезонинъ допускается для устройства квартиры учителя. Стѣны дома, если онъ деревянный, должны быть построены изъ сухаго лѣса, толщиною не менѣе 5 верш. и хорошо проконопачены; потолки должны быть сбиты изъ достаточно толстаго половинчатаго лѣса, хорошо примазаны глиной и засыпаны землей, полы должны быть двойные, изъ сухихъ досокъ. Разстояніе отъ земли до наката должно быть не менѣе аршина; подполье должно быть сухо и удобопровѣтриваемо.

3) Помѣщеніе школы должно быть устроено не менѣе, какъ на 50, и не болѣе, какъ на 120 учениковъ. На каждаго учащагося полагается 2 квадратныхъ аршина пола классной комнаты, высота которой должна быть не менѣе 4 арш. Желательная форма классной комнаты — прямоугольникъ, ширина котораго относится къ длинѣ, какъ 3 къ 4 или къ 4½.

4) Вверху стѣнъ каждой классной комнаты (подъ потолкомъ) долженъ быть устроенъ вентиляторъ, не менѣе 16 квадратныхъ вершковъ въ разрѣзѣ. Отверстіе его должно быть закрыто крышкою, смотря по погодѣ. Наружные выходы вентиляторовъ должны быть снабжены жестяными навѣсами отъ непогоды.

5) Въ окнахъ каждой классной комнаты должны быть устроены форточки, величиною въ одно дѣленіе оконнаго переплета, и не менѣе двухъ въ каждомъ классѣ. Форточки эти отворяются во время перемѣнъ. Ко всѣмъ окнамъ училища должны имѣться вторыя зимнія рамы.

6) Печи въ классныхъ комнатахъ должны быть голландскія, съ топкою, обращенною въ классную комнату. Унтермарковскія, желѣзныя и русскія печи въ классахъ не допускаются.

7) Свѣтъ въ классныхъ комнатахъ долженъ падать на столы съ лѣвой стороны и въ случаѣ надобности, для усиленія этого освѣщенія, допускается свѣтъ сзади; окна справа и спереди отъ учениковъ не допускаются. Желательно, чтобы окна классной комнаты были обращены на югъ; допускается устройство оконъ на востокъ и западъ, но, во всякомъ случаѣ, не на сѣверъ. Нижній край

оконъ долженъ отстоять отъ пола не менѣе: какъ на $2^{1}/_{2}$ фута (18 вершковъ). На каждую квадратную сажень пола должно приходиться не менѣе 8 квадратныхъ футовъ стеклянной поверхности окна. Въ окнахъ, обращенныхъ на югъ, рекомендуется имѣть занавѣски изъ холста.

8) Кромѣ классныхъ комнатъ, при школѣ должна быть свѣтлая и теплая раздѣвальная, снабженная достаточнымъ количествомъ вѣшалокъ для платья.

9) При каждой школѣ должны быть устраиваемы, отдѣльныя для каждаго пола, отхожія мѣста. Желательно, чтобы онѣ были расположены, при возможности, въ отдѣльной постройкѣ, отстоящей отъ школы не менѣе, какъ на 5 саженъ, и соединенной съ нею досчатою настилкой; рекомендуется устраивать въ отхожихъ мѣстахъ подвижные ящики, такъ чтобы испражненія могли быть возможно чаще вывозимы.

10) При каждой школѣ должна быть комната для учителя, размѣромъ не менѣе $3^{1}/_{2}$ кв. саж. (при 4 арш. высотѣ; при меньшей высотѣ—по разсчету на кубическое содержаніе) и кухня, служащая помѣщеніемъ и для сторожа.

11) При школѣ долженъ быть устроенъ чуланъ для хозяйства учителя, а, при возможности, желательно устройство также и сарая. Если отъ школы нѣтъ воды ближе какъ на 50 саж., то долженъ быть вырытъ колодезь.

12) Каждая школа должна быть снабжена школьными столами трехъ разныхъ размѣровъ, сообразно росту учениковъ и въ такомъ количествѣ, чтобы каждый ученикъ могъ занимать не менѣе 11 верш. по длинѣ скамейки.

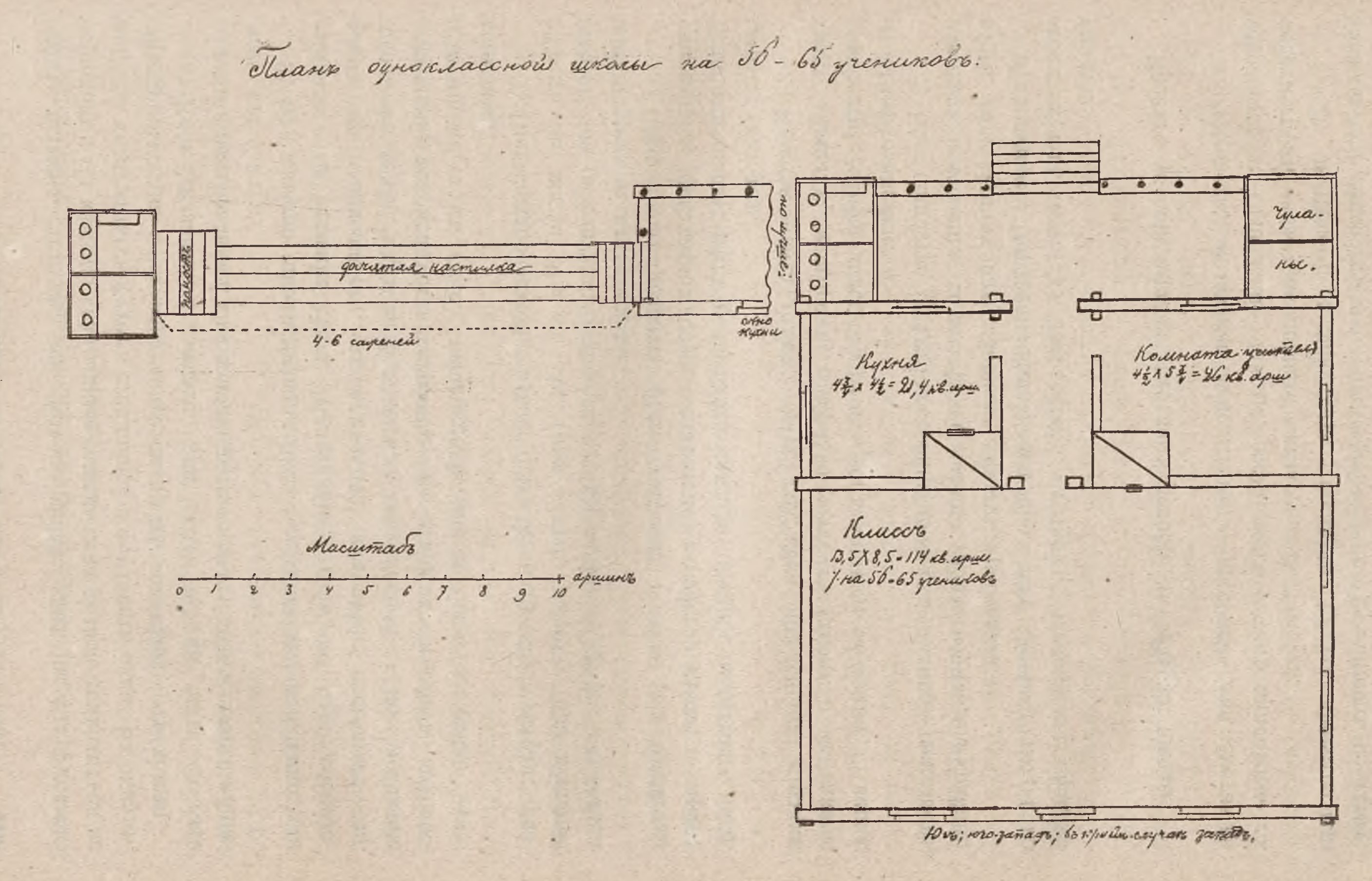
13) Если общество, вмѣсто постройки дома для училища, пожелаетъ нанимать помѣщеніе, то послѣднее должно удовлетворять, по крайней мѣрѣ, важнѣйшимъ изъ вышеозначенныхъ требованій.

Примѣчаніе. Чертежи нормальнаго школьнаго зданія и школьнаго стола имѣютъ быть, въ потребныхъ случаяхъ, выдаваемы уѣздной управой.

Проектъ условій выдачи земствомъ пособій на сельскія школы.

«1) Общество, желающее воспользоваться пособіемъ отъ земства на устройство и содержаніе школы, составляетъ о томъ приговоръ, съ участіемъ въ немъ узаконеннаго числа своихъ членовъ.

2) Въ приговорѣ должно быть упомянуто: 1) Что общество или обязывается выстроить школу на (такое-то число) учениковъ по плану,

Планъ одноклассной школы на 56-65 учениковъ.
навѣсъ
дощатая настилка
4-6 саженей
по нуждѣ:
окно кухни
Кухня
4¾ x 4½ = 21,4 кв. арш.
Комната учителя
4½ x 5¾ = 26 кв. арш.
Чула-
ны.
Классъ
13,5 X 8,5 = 114 кв. арш.
/ на 56-65 учениковъ
Масштабъ
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 аршинъ
Югъ; юго-западъ; въ крайн. случаѣ западъ.

полученному отъ земской управы, или ею одобренному, и съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для постройки школъ правилъ; что общество должно снабдить школу всѣми необходимыми классными принадлежностями, сообразно требованіямъ земства, обязывается содержать зданіе школы въ исправности, страховать отъ огня, отапливать его и нанимать для школы сторожа (должность училищнаго сторожа несовмѣстима съ должностью сторожа при волостномъ правленіи, но можетъ быть соединена съ должностью церковнаго сторожа, если школа находится вблизи церкви). 2) Что общество обязывается вносить ежегодно къ 15-му января и къ 1-му октября въ уѣздную управу (по такой-то суммѣ) на содержаніе школы и что, въ случаѣ невзноса этой суммы къ сроку, оно обязывается уплачивать пеню въ размѣрѣ 1% въ мѣсяцъ. 3) Будетъ-ли помѣщеніе для школы построено обществомъ или нанято, въ приговорѣ должно быть упомянуто, что помѣщеніе это, по опредѣленію уѣздной управы, можетъ вмѣщать въ себя (столько-то) учениковъ и что поэтому учитель въ правѣ не принимать большаго числа ихъ, сверхъ установленнаго. 4) Что дѣти, отданныя въ школу, будутъ посѣщать ее аккуратно: вступающіе въ первое отдѣленіе съ 1-го сентября, а ученики прочихъ отдѣленій съ 1-го октября, въ теченіе всѣхъ учебныхъ дней, число которыхъ опредѣляется для 1-го отдѣленія въ 165, а для прочихъ въ 140 дней въ году, и что каждый ученикъ, пропустившій безъ уважительныхъ причинъ двадцать учебныхъ дней, можетъ быть удаленъ изъ училища до слѣдующаго года. 5) Что въ случаѣ пожара училища, выстроеннаго съ земскимъ пособіемъ, управа имѣетъ право удержать изъ страховаго вознагражденія ту сумму, какая выдана земствомъ въ пособіе на постройку училища до вторичнаго возведенія зданія вчернѣ на средства самихъ крестьянъ. Копія съ этого приговора, по засвидѣтельствованіи ея въ волостномъ правленіи, представляется въ уѣздную управу. Кромѣ того, учредители школы должны представить крѣпостной актъ или сельскій приговоръ на отчужденіе въ пользованіе школы не менѣе 600 кв. саж. земли.

3) Въ пособіе на постройку каждой школы, если она выстроена согласно плану, данному отъ управы, или по плану, ею одобренному, и если въ пользованіе школы отведено установленное количество земли, уѣздное земство выдаетъ триста рублей, но выдача производится лишь тогда, когда постройка школьнаго зданія будетъ возведена вчернѣ на средства самихъ обществъ или частныхъ лицъ и когда управѣ будетъ представлена копія съ приговора, составленнаго во всемъ согласно § 2-му настоящихъ правилъ.

4) Въ случаѣ желанія какого-либо общества устроить школу въ наемномъ помѣщеніи, оно составляетъ и представляетъ управѣ приговоръ, во всемъ согласный съ требованіями § 2, но съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что обязательство относительно постройки школы замѣняется обязательствомъ найма удобнаго для нея помѣщенія, съ указаніемъ его размѣровъ и степени его соотвѣтствія главнѣйшимъ условіямъ устройства школы: сухости, теплоты, достаточнаго освѣщенія и помѣстительности.

5) Пособіе сельскимъ школамъ на вознагражденіе учителей и законоучителей опредѣляется училищнымъ совѣтомъ, на основаніи спеціальныхъ на этотъ предметъ его постановленій, изъ ежегодно ассигнуемой на это земскимъ собраніемъ суммы.

6) Учителямъ тѣхъ сельскихъ школъ, въ которыхъ обучается болѣе 70 дѣтей, земство даетъ помощниковъ изъ окончившихъ курсъ двукласснаго училища, съ платою ему по 30 р. за 150 дней учебнаго времени.

Проектъ правилъ о пріемѣ учениковъ и о школьныхъ занятіяхъ.

«1) Мальчики, не достигшіе 9-ти-лѣтняго, а дѣвочки—8-ми-лѣтняго возраста, въ сельскія школы не принимаются. Отступленіе отъ этого общаго правила допускается лишь для тѣхъ малолюдныхъ школъ, число учениковъ въ которыхъ можетъ быть доведено до 40, не иначе, какъ при допущеніи въ нихъ нѣкотораго количества дѣтей въ возрастѣ, меньшемъ указаннаго; въ такихъ школахъ допускается пріемъ мальчиковъ въ возрастѣ не менѣе 8-ми и дѣвочекъ въ возрастѣ не менѣе 7-ми лѣтъ.

2) Пріемъ учениковъ въ первое отдѣленіе школы начинается съ 25-го августа и оканчивается къ 1-му сентября, съ этого дня начинаются правильныя занятія съ этимъ отдѣленіемъ. Никто не имѣетъ права требовать отъ завѣдывающаго школой принятія въ нее ребенка позже этого срока, равно какъ и принятія его въ томъ случаѣ, когда опредѣленное, сообразно съ размѣрами школы, число учениковъ уже набрано. Съ 1-го октября открываются занятія въ остальныхъ отдѣленіяхъ школы.

3) Число учебныхъ дней въ году опредѣляется: для 1-го отдѣленія—въ 165, а для прочихъ—въ 140; если оно не будетъ выполнено къ 1-му мая, то ученіе продолжается и послѣ этого числа, до выполненія указаннаго комплекта учебныхъ дней.

4) Ученикъ, пропустившій безъ уважительныхъ причинъ двадцать

учебныхъ дней, можетъ быть удаленъ учителемъ изъ училища до слѣдующаго учебнаго года, если учитель не найдетъ возможнымъ установить для отставшихъ и менѣе успѣвающихъ учениковъ дополнительныя, вечернія занятія. Въ тѣхъ школахъ, учителя которыхъ имѣютъ помощниковъ, вечернія занятія съ малоуспѣвающими обязательны; для веденія ихъ между учителемъ и помощникомъ устанавливается очередь, по взаимному соглашенію.

5) Продолжительность всѣхъ уроковъ въ день должна быть для младшаго отдѣленія: 1-й мѣсяцъ 2 ч., 2-й—три часа и остальное время 4 ч., при перерывѣ послѣ каждаго часа занятій 10 м.; продолжительность всѣхъ уроковъ 2-го и 3-го отдѣленій: съ начала ученія по 1-е февраля 4 ч., а съ 1-го февраля до окончанія занятій 5 ч., при трехъ перемѣнахъ по 10 м. и одной въ 1 ч.

6) Отъ усмотрѣнія уѣзднаго училищнаго совѣта зависитъ дать учителямъ подробныя указанія относительно требуемаго отъ нихъ порядка веденія обученія; но указанія эти ни въ чемъ не должны противорѣчить изложеннымъ выше правиламъ, даннымъ отъ земства, какъ соучастника въ устройствѣ и содержаніи школъ».

Обращаясь къ выработанному въ средѣ юхновскаго земства проекту «Правилъ, которымъ должно удовлетворять устройство школьныхъ зданій», мы ограничимся лишь немногими замѣчаніями, такъ какъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала будетъ помѣщена статья, въ которой изложены правила относительно гигіенической обстановки сельской школы, выработанныя съѣздомъ земскихъ врачей Московской губерніи.

Школьныя зданія, устраиваемыя при значительномъ пособіи со стороны земства, должны быть образцовыми, такъ какъ вообще дѣятельности земствъ по народному образованію отведена главнымъ образомъ сторона экономическая,—внѣшнее благоустройство школы и обученія въ ней. Съ этой точки зрѣнія, разсматриваемыя правила вообще можно признать удовлетворяющими своему назначенію, но все-таки нѣкоторыя поправки и измѣненія въ нихъ были-бы, на нашъ взглядъ, не лишними.

Примѣрный планъ школы разсчитанъ лишь на 50—65 учениковъ, но уже при 90 ученикахъ, когда требуется учителю помощникъ, необходима *вторая* классная комната, и такъ какъ, надо полагать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подобные случаи будутъ возможны, то желательно было-бы имѣть указанія относительно пристройки этой комнаты, а также и помѣщенія для учительскаго помощника. Еще настоятельнѣе необходимость указаній относительно при-

стройки ночлежнаго помѣщенія, которое, вѣроятно, потребуется во многихъ мѣстностяхъ, такъ какъ большая часть нашихъ поселеній не отличаются многолюдствомъ и обыкновенно удалены другъ отъ друга на довольно значительныя разстоянія, а потому и школьные районы велики, что является весьма существеннымъ препятствіемъ къ посѣщаемости школъ. Такимъ образомъ, на ряду съ планомъ, выражающимъ собою минимумъ требованій, желательны также планы для устройства школьныхъ зданій съ тѣми или иными повышенными требованіями, вызываемыми мѣстными условіями. Вмѣсто того, чтобы устраивать квартиру учителя въ одной связи съ класснымъ помѣщеніемъ, было-бы, можетъ быть, болѣе практичнымъ надстраивать для нея другой этажъ, что уменьшило-бы расходы на крышу и фундаментъ, или-же имѣть для этой цѣли надъ школою мезонинъ. Слѣдовало-бы, если позволяютъ средства, увеличить высоту *классной* комнаты, строить хотя-бы только эту комнату нѣсколько выше остальныхъ школьныхъ помѣщеній. При невозможности, вслѣдствіе неимѣнія средствъ, сдѣлать классную комнату болѣе высокою, прибавляя для этого хотя-бы два-три вѣнца сруба въ зданіяхъ, неимѣющихъ 2-го этажа или мезонина, можно было-бы поднимать потолокъ классной комнаты, пользуясь для сего чердачнымъ помѣщеніемъ, какъ это дѣлается иногда, наприм., въ мезонинахъ.

Разсмотрѣніе плана школы показываетъ, что, давая его, составитель тѣмъ самымъ допускаетъ нѣкоторыя послабленія въ требованіяхъ, устанавливаемыхъ его-же проектомъ правилъ для постройки школьныхъ зданій. Такъ, по проекту правилъ, «на каждаго ученика полагается 2 квадр. арш. пола классной комнаты», а на планѣ обозначено, что въ комнатѣ, имѣющей 114 кв. арш. пола, допускается обученіе 65 учащихся. Отношеніе ширины классной комнаты къ ея длинѣ должно быть какъ 3 къ 4, на планѣ-же допущено отношеніе 3 къ 4,5; но обстоятельство это объясняется тѣмъ, что общеупотребительный мѣстный хорошій сосновый срубъ (9×14 арш.) имѣетъ, приблизительно, именно такую пропорціональность. Комната учителя должна имѣть не менѣе $32^1/_2$ кв. арш. вмѣсто допущенныхъ 26 кв. арш. Наконецъ, нѣтъ особой раздѣвальной; но все-таки нерѣдко мокрые, отдающіе кислотой шубы, полушубки и др. верхняя одежда учащихся не будетъ черезчуръ отравлять своими испареніями воздуха класса, такъ какъ для нея отведено мѣсто въ прихожей.

Такого рода отступленія, допускаемыя противъ первыхъ трехъ пунктовъ проекта правилъ, конечно, нежелательны; но когда избѣжать ихъ не дозволяютъ матеріальныя средства, то во всякомъ слу-

чаѣ лучше, если земство поможетъ завести школу, хотя-бы и не вполнѣ удовлетворяющую даже минимальнымъ гигіеническимъ требованіямъ, нежели оставить населеніе совсѣмъ безъ школы только потому, что не всѣ эти требованія могутъ быть выполнены съ педантическою точностью.

Относительно отопленія и вентиляціи (пункты 4, 5 и 6-й) можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Если зимою, во время классныхъ перемѣнъ, отворять форточки, то гдѣ-же ученики будутъ проводить эти перемѣны? По плану, особой раздѣвальной при школѣ не имѣется, а сѣни холодныя. Выпускать дѣтей на школьный дворъ не всегда удобно, такъ какъ значительная часть позднихъ осеннихъ и раннихъ весеннихъ дней, т.-е., когда именно, сверхъ зимняго времени, въ сельскихъ школахъ идетъ ученье, отличается ненастностью. Въ этихъ видахъ желательно, чтобы форточки имѣлись въ окнахъ обѣихъ стѣнъ, дабы форточки со стороны, не находящейся подъ вѣтромъ, можно было отворять даже и въ присутствіи учениковъ, которые такимъ образомъ не будутъ вынуждены мокнуть на дворѣ, тѣмъ болѣе, что и навѣса на послѣднемъ, повидимому, не полагается. Постояннаго дѣйствія стѣннаго вентилятора едва-ли будетъ достаточно при тѣхъ размѣрахъ классной комнаты, и въ особенности при той малой высотѣ ея, которые опредѣлены планомъ, коль скоро въ классѣ будетъ находиться болѣе 60-ти учащихся, не отличающихся опрятностью одежды и обуви. О вытяжной трубѣ, могущей быть устроенной внизу печи, въ правилахъ не говорится. Для лучшаго вентилированія классной комнаты при такихъ условіяхъ было-бы полезно имѣть въ ней каминъ. Такъ какъ топить его нужно слегка, не ради тепла, и только съ большой перемѣны, одновременно съ открытіемъ форточки, или даже въ послѣдніе часы занятій, когда требуется болѣе энергическая вентиляція, то и обойдется такая вспомогательная вентиляція весьма не дорого. Ради еще большаго удешевленія ея, топливомъ можетъ служить валежникъ, сухіе сучья и т. п. дешевый матеріалъ, собрать и заготовить который учитель можетъ при помощи старшихъ учениковъ въ свободное, весеннее, лѣтнее и осеннее, время.

Разстояніе оконъ отъ пола, назначенное въ пунктѣ 7-мъ, а именно въ $2^1/_2$ ф., недостаточно. Для лучшаго освѣщенія столовъ, далеко отстоящихъ отъ оконъ, желательно, чтобы нижніе края послѣднихъ находились отъ пола не менѣе, какъ на 3 фута. Занавѣски изъ холста должны-бы не спускаться сверху, а подниматься снизу вверхъ.

Если помѣщать отхожія мѣста въ особой постройкѣ, отстоящей отъ школы «не менѣе какъ на пять саженей», какъ говорится—впрочемъ,

только въ видѣ пожеланія—въ пунктѣ 9-мъ, то слѣдовало-бы дѣлать вмѣсто настилки крытую галлерею. Такая мѣра необходима во избѣжаніе простуживаній учащихся, которые будутъ ходить въ эти мѣста и зимою въ томъ платьѣ, въ какомъ они сидѣли въ теплой, иногда даже весьма теплой, классной комнатѣ. Но помѣщать отхожія мѣста отдѣльно отъ школы едва-ли настоитъ надобность, если принята ящичная система устройства ихъ, если ящики своевременно очищаются и если соблюдаются нѣкоторыя дезинфекціонныя мѣры, которыя непремѣнно должны-бы быть указаны въ правилахъ, если, напр., мочильники часто смазываются дегтемъ или смолою. Кромѣ того, такъ какъ обученіе преимущественно происходитъ зимою, то большую часть учебнаго времени нечего опасаться и дурнаго запаха.

О квартирѣ учителя мы отчасти уже говорили выше; болѣе подробныя указанія о ней даны въ пунктѣ 10-мъ. Комната учителя имѣетъ размѣръ въ $3^1/_2$ кв. сажени при 4-аршинной высотѣ. Размѣръ кухни, долженствующей вмѣстѣ съ тѣмъ служить помѣщеніемъ для сторожа, не указанъ. Можетъ быть, для одинокаго учителя комната показаннаго размѣра будетъ до извѣстной степени удовлетворительна, но для учителя женатаго, а тѣмъ болѣе имѣющаго дѣтей—она рѣшительно мала. Выдавать такимъ семейнымъ учителямъ квартирныя деньги для найма помѣщенія въ селѣ, комнату-же учителя обращать въ раздѣвальную, мы находимъ неудобнымъ, потому что въ такомъ случаѣ училищное зданіе будетъ оставаться безъ хозяина. Въ особенности это неудобно въ тѣхъ случаяхъ, когда при школѣ имѣется садъ или огородъ и учитель занимается ими, что, конечно, весьма желательно. Если средства никакъ не позволяютъ расширить помѣщеніе учителя, то не лучше-ли отдавать въ полное его и семьи его распоряженіе кухню, т.-е. не имѣть при школѣ особаго сторожа. По нашему мнѣнію, особый сторожъ для бѣдной сельской школы вообще является излишнимъ бременемъ, коль скоро при ней нѣтъ ночлежной. Да и въ послѣднемъ случаѣ удобнѣе женщина-стряпуха, которую можетъ также замѣнять жена учителя. Большая часть той работы, которую нынѣ при школѣ выполняютъ сторожа, могли-бы исполнять, при надзорѣ и участіи учителя,—которому, конечно, не пристало быть бѣлоручкою,—старшіе ученики школы. Они могли-бы, передъ началомъ и послѣ ученія, наносить дровъ, воды, подмести комнаты, протереть стекла, вымести дворъ и т. п. Для болѣе сложныхъ и тяжелыхъ работъ, если ихъ не согласятся выполнять, по очереди, члены мѣстнаго сельскаго общества, въ крайнихъ случаяхъ можно нанимать поденьщика или поденьщицу.

О классной мебели говорится (въ пп. 12 и 13) только, что въ каждой школѣ классные столы должны быть трехъ размѣровъ и что чертежи школьнаго стола можно получать изъ уѣздной земской управы. Не имѣя передъ собою такого чертежа, нельзя ничего сказать о достоинствахъ или недостаткахъ стола; надо полагать однако, что онъ, во всякомъ случаѣ, соотвѣтствуетъ основнымъ въ этомъ отношеніи требованіямъ, т.-е., что у сидѣнья имѣется поясничная спинка, что край стола откидной, такъ что при письмѣ можетъ получиться отрицательная или хотя-бы нулевая дистанція и т. п.

Переходя ко II-му проекту юхновскаго земства—«проекту условій выдачи земствомъ пособій на сельскія школы», мы видимъ, что тутъ названное земство практикуетъ систему, нынѣ почти общепринятую во всѣхъ земствахъ, болѣе или менѣе заботящихся о народномъ образованіи въ своемъ уѣздномъ или губернскомъ районѣ. Земство соглашается на свое участіе въ расходѣ по открытію или содержанію въ извѣстной мѣстности школы подъ непремѣннымъ условіемъ выполненія со стороны мѣстнаго общества тѣхъ или иныхъ обязательствъ. Ниже мы коснемся выгодныхъ и невыгодныхъ сторонъ такой условной системы, теперь-же остановимся на вопросѣ о томъ участкѣ земли, который, по проекту условій, мѣстное общество должно отвести школѣ. Пунктомъ 2-мъ проекта, такой участокъ опредѣляется въ 600 кв. саж. Этого участка совершенно недостаточно, такъ какъ одинъ школьный дворъ для 60 учениковъ долженъ имѣть не менѣе 180 кв. саж., полагая на каждаго ученика по 3 кв. сажени. Но кромѣ училищнаго двора и мѣста для училищныхъ зданій, при каждой школѣ слѣдовало-бы имѣть еще участокъ земли, удобный для сада или огорода, или того и другаго вмѣстѣ. Садъ, или огородъ, при школѣ весьма желателенъ какъ потому, что онъ можетъ служить значительнымъ подспорьемъ для лучшаго матеріальнаго обезпеченія учителя, такъ и потому еще, что учитель, занимающійся при своей школѣ садоводствомъ или огородничествомъ, удобряя для этого почву, вкладывая въ нее свой трудъ, дѣлается тѣмъ самымъ болѣе «крѣпкимъ» своей школѣ. Кромѣ того, путемъ—добровольнаго, конечно—привлеченія къ своей работѣ нѣкоторыхъ изъ учащихся, онъ можетъ содѣйствовать распространенію среди населенія многихъ полезныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній. Разумѣется, занятіе огородничествомъ или садоводствомъ не можетъ быть признано обязательнымъ также и для учителя или тѣмъ болѣе учительницы, такъ какъ главнѣйшею обязанностью ихъ всегда должно считаться обученіе въ школѣ, а затѣмъ они могутъ знать и практиковать какое-либо ремесло, распространеніе котораго

также полезно среди желающихъ изъ мѣстнаго населенія. Но и въ такомъ случаѣ земельный участокъ при школѣ будетъ для нея далеко не излишнимъ, такъ какъ онъ можетъ быть эксплуатируемъ на нужды ея посредствомъ отдачи его въ аренду кому-либо изъ мѣстныхъ жителей. Распоряжаться земельнымъ участкомъ, во всякомъ случаѣ, должно училищное попечительство, которое, состоя изъ учителя, священника и двухъ-трехъ выборныхъ членовъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и сельскихъ жителей, должно-бы быть при каждой школѣ и вѣдать ближайшіе матеріальные интересы какъ самой школы, такъ и учащихся въ ней, особенно если при ней имѣется ночлежный пріютъ.

Изъ проекта выдачи пособій на открытіе школъ не видно—держится-ли юхновское земство, открывая школы, какого-либо опредѣленнаго въ этомъ отношеніи принципа, или-же просто выдаетъ пособіе каждому обществу, заявившему о своемъ согласіи подчиниться вышеизложеннымъ требованіямъ земства? Прежде всего, каждое уѣздное земство должно опредѣлить школьные районы своего уѣзда и уяснить себѣ, хотя-бы приблизительно, экономическое состояніе и нужды и потребности каждаго изъ нихъ. Оно можетъ открывать въ годъ одну, двѣ, три школы, смотря по своимъ средствамъ, но въ тѣхъ районахъ, которые въ этомъ наиболѣе нуждаются. Оно можетъ, далѣе, открывать школы или средняго, такъ-сказать, уровня, или-же школы образцовыя, которыя подготовляли-бы нѣкоторыхъ изъ учащихся въ нихъ (изъ желающихъ, конечно) быть впослѣдствіи пригодными учителями домашнихъ школъ простой грамотности, ознакомливая этихъ будущихъ дешевыхъ учителей съ главными пріемами преподаванія, съ требованіями школьной дисциплины, научали при этомъ пользованію наглядными пособіями. Такимъ образомъ, эти образцовыя школы, въ свою очередь, плодили-бы около себя мелкія домашнія школки и служили-бы для ихъ учителей нравственнымъ и педагогическимъ центромъ. Но какъ по отношенію къ народному образованію, такъ и во всѣхъ другихъ родахъ своей дѣятельности каждое уѣздное земство никогда не должно упускать изъ виду, что главнѣйшая его задача состоитъ въ регулированіи экономическихъ условій всего своего района, подобно тому, какъ губернское земство должно регулировать тѣ-же условія во всѣхъ уѣздахъ губерніи. Собирая деньги съ населенія своего уѣзда, земство должно изъ этихъ денегъ помогать нуждающимся, удовлетворяя тѣ или иныя ихъ потребности, а въ томъ числѣ и потребность въ начальномъ образованіи. Средства населенія уѣзда для удовлетворенія этой послѣдней потребности, однако, такъ-

же различны, какъ и для всякихъ иныхъ: въ одной мѣстности оно имѣетъ для сего совершенно достаточно своихъ средствъ, въ другой—нуждается лишь въ нѣкоторой помощи, наконецъ, въ третьей—населеніе, по своему экономическому положенію, лишено почти всякихъ на сей предметъ средствъ. Казалось-бы, земство, какъ учрежденіе, призванное вѣдать мѣстныя «пользы и нужды», должно было-бы все свое вниманіе обратить именно на нуждающихся послѣдней категоріи, какъ лишенныхъ всякой возможности къ удовлетворенію потребности въ начальномъ образованіи своихъ дѣтей. Удовлетворяя такой потребности, земство тѣмъ самымъ содѣйствовало-бы также поднятію экономическаго благосостоянія населенія данной мѣстности, такъ какъ грамота и соединенная съ нею большая степень умственнаго развитія вызываетъ наружу дремлющія силы народа, побуждаетъ его къ болѣе энергическому, разумному, а потому и болѣе производительному труду. Но въ дѣйствительности большинство нашихъ земствъ въ дѣлѣ народнаго образованія, къ сожалѣнію, поступало какъ разъ вопреки принципу—помогать тому, кто, по своему положенію, наиболѣе въ таковой помощи нуждается. Сельское населеніе является главною платежною силою; оно главнымъ образомъ даетъ государству средства содержать, между прочимъ, среднія и высшія учебныя заведенія, гдѣ, однако, крестьяне своихъ дѣтей не обучаютъ; а между тѣмъ земство не стѣснялось, съ своей стороны, затрачивать то-же немалыя суммы именно также на высшее и среднее образованіе, хотя Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ это образованіе совершенно разумно и справедливо было исключено изъ круга вѣдѣнія земства. По отношенію къ собственно начальному образованію, оно, въ большинствѣ, также усвоило себѣ принципъ помогать лишь тѣмъ сельскимъ обществамъ, которыя половинную или вообще болѣе или менѣе значительную часть издержекъ по устройству и содержанію у себя школъ обязывались принять на свой счетъ. Конечно, это дало земству возможность обставить находящіяся въ его вѣдѣніи школы, сравнительно, удовлетворительно въ отношеніяхъ гигіеническомъ и педагогическомъ, но за-то оно скоро было вынуждено отказаться отъ своего содѣйствія открытію новыхъ школъ. Число земскихъ школъ въ послѣдніе годы, по крайней мѣрѣ у тѣхъ земствъ, которыя въ первое время открывали ежегодно школы десятками, перестало увеличиваться, такъ какъ для открытія новыхъ школъ у земства не оказалось средствъ. Между тѣмъ масса населенія по прежнему оставалась коснѣть въ безграмотности. По нашему мнѣнію, земство отнюдь не должно ограничиваться помощью только тѣмъ сельскимъ

обществамъ, которыя могутъ участвовать по устройству и содержанію у себя школы въ долѣ, болѣе или менѣе приближающейся къ половинѣ всѣхъ по сему предмету расходовъ. Оно, какъ мы уже сказали, должно прежде и скорѣе всего помогать тѣмъ сельскимъ обществамъ, которыя безъ такой помощи не въ состояніи завести у себя хотя-бы какое-бы то ни было обученіе. Поэтому, не возлагая все бремя заботы по обученію въ беднѣйшихъ мѣстностяхъ на церковно-приходскія попечительства и вообще на церковно-приходскую школу, земства, съ своей стороны, все-таки должны участвовать въ доставленіи народу возможности обучаться болѣе дешевыми способами. Для этого земству слѣдуетъ поощрять обученіе въ такъ-называемыхъ домашнихъ школахъ, школахъ грамоты, устраивать подвижныя школы. Такъ именно, но, къ сожалѣнію, лишь немногія благоразумныя земства и поступаютъ. Они выдаютъ преміи лицамъ, выучивающимъ дѣтей чтенію, письму и счету, оказываютъ ихъ школкамъ помощь учебными пособіями, наконецъ, въ лѣтнее время приглашаютъ учителей-добровольцевъ на краткосрочные педагогическіе курсы, на которыхъ тѣ и ознакамливаются съ лучшими, наиболѣе цѣлесообразными пріемами начальнаго обученія. Чѣмъ шире среди населенія будетъ распространено обученіе начаткамъ грамотности, тѣмъ болѣе вѣроятія, что это населеніе живѣе и скорѣе почувствуетъ потребность въ обученіи болѣе обширномъ, въ благоустроенныхъ школахъ, у учителей специалистовъ своего дѣла. Отсюда-же есть всякое основаніе заключать, что тогда сельскія общины будутъ употреблять всѣ усилія къ устройству у себя такихъ именно школъ, объ учрежденіи которыхъ нынѣ только и заботится огромное большинство нашихъ земствъ.

Въ III-мъ проектѣ правилъ о пріемѣ учениковъ и о школьныхъ занятіяхъ мы встрѣчаемся съ вопросомъ о возрастѣ, съ котораго ученикъ можетъ начать посѣщеніе народной школы. Вопросъ этотъ дѣйствительно очень щекотливый. Такъ какъ съ каждымъ годомъ возраста ребенка прибавляется весьма цѣнная въ крестьянскомъ хозяйствѣ его рабочая сила и способность къ пропитанію самостоятельнымъ трудомъ,—напр., наймомъ въ подпаски, дѣвочекъ—отдачею въ няньки и т. п.,—то школѣ неизбѣжно приходится считаться съ этимъ обстоятельствомъ. Очень возможно, что семилѣтнихъ учениковъ учителя считаютъ для себя обузою, ибо съ малолѣтними вообще заниматься труднѣе; возможны также случаи, что слишкомъ раннее окончаніе курса въ одноклассной школѣ усиливаетъ шансы на рецидивъ безграмотности. Но обязательное постановленіе—не принимать въ школу мальчиковъ ранѣе 9, а дѣвочекъ ранѣе 8 лѣтъ, или-же до-

пускать дѣтей болѣе ранняго возраста лишь въ тѣ немногія школы, гдѣ число учащихся не превышаетъ 40, что даетъ учителю возможность не только дѣлить учениковъ, по степенямъ ихъ познаній, на большое число группъ, но даже посвящать достаточно времени занятіямъ съ каждымъ отдѣльнымъ ученикомъ, — такое постановленіе едва-ли можетъ быть оправдано какъ съ вышеуказанной экономической точки зрѣнія, такъ и съ педагогической. Находятъ-же нѣмцы возможнымъ начинать обученіе дѣтей въ народной школѣ съ 6 лѣтъ; почему-же семилѣтніе бойкіе русскіе мальчуганы оказываются для этого непригодными? Затѣмъ, иной 7—8-лѣтній мальчикъ болѣе развитъ умственно, нежели 9-лѣтній, а потому — зачѣмъ-же запирать передъ нимъ двери школы? Если учителя жалуются, что 7—8-лѣтки якобы плохо усваиваютъ счетъ, то тутъ является вопросъ, который подлежитъ обслѣдованію, а именно—не виноватъ-ли тутъ *самъ учитель?* Извѣстно, что до сихъ поръ большинство нашихъ учителей, и въ особенности учительницъ, продолжаютъ держаться заимствованной изъ прежней нѣмецкой школы системы Грубе, совершенно для нашей, да и для всякой школы, непригодной... Разумѣется, и при самыхъ лучшихъ пріемахъ обученія могутъ быть отсталые ученики, но дѣло учителя, добросовѣстно относящагося къ школѣ, организовать съ такими учениками внѣклассныя занятія—или по праздникамъ, или во внѣучебное каникулярное время; онъ можетъ также поручать хорошимъ старшимъ ученикамъ заняться подготовкою своихъ отставшихъ или малоуспѣвающихъ младшихъ товарищей. Наконецъ, занятія съ малолѣтними учениками, имѣющими поступить въ школу, учитель можетъ начинать съ августа мѣсяца или ранѣе, такъ какъ эти дѣти въ лѣтнее время еще свободны отъ домашнихъ работъ. Въ видахъ избѣжанія рецидива безграмотности, сверхъ основательности обученія, чуждаго крайностямъ нѣмецко-русской педагогики, выразившихся въ большинствѣ учебниковъ, предназначенныхъ для русской начальной школы,—общею мѣрою должно быть признано учрежденіе при школахъ и церквахъ хорошихъ библіотекъ для чтенія взрослымъ и вообще прошедшимъ школу, пріучившую ихъ къ чтенію книгъ, а затѣмъ устройство учителями отъ времени до времени дополнительныхъ курсовъ по праздникамъ, или въ другое время, когда молодые люди свободны отъ работъ. Опредѣленіе-же возраста поступленія въ школу, по нашему мнѣнію, слѣдовало-бы всецѣло предоставить учителю, который рѣшалъ-бы этотъ вопросъ въ каждомъ данномъ случаѣ на основаніи личныхъ соображеній; если-бы онъ нашелъ, что начинать обученіе того или другаго мальчика еще рано,

то могъ-бы убѣдить въ этомъ его отца. Тутъ все зависитъ отъ преданности дѣлу, знаній и такта учителя. Хорошій учитель, видя, что его школа уже переполнена, а между тѣмъ желающіе учиться продолжаютъ являться, могъ-бы устроить для нихъ обученіе при помощи кого-либо изъ молодыхъ людей, уже прошедшихъ черезъ школу, или вообще какого-нибудь сельскаго грамотея, мало-мальски способнаго вести обученіе подъ руководствомъ опытнаго учителя. Такія школки, которыя въ иныхъ мѣстностяхъ устраиваютъ для себя сами крестьяне, должны быть особенно любезны для лицъ, вѣдающихъ учебное дѣло въ извѣстной мѣстности, такъ какъ онѣ явно свидѣтельствуютъ о желаніи крестьянъ учить своихъ дѣтей. При наличности такого желанія не будетъ, конечно, никакой надобности прибѣгать къ какимъ-либо репрессіямъ относительно почему-либо отставшихъ учениковъ, а тѣмъ болѣе исключать ихъ изъ школы, какъ это рекомендуется проектомъ юхновскаго земства. Исключеніе ученика изъ начальной школы—дѣло немыслимое, если только допустить положеніе, что начальное обученіе должно быть достояніемъ каждаго ребенка, а со временемъ должно сдѣлаться для всѣхъ даже обязательнымъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Наша общеобразовательная школа, ея недостатки и необходимость и возможность для Россіи положить въ основаніи ея новыя начала. Соч. д-ра Д. С. Трифановскаго. Москва. 1891 г. 8°. 58 стр.

Едва-ли во всей Европѣ найдется цивилизованная страна, гдѣ школа такъ нова, какъ у насъ, и гдѣ-бы въ то-же время эта школа такъ часто подвергалась кореннымъ измѣненіямъ и реформамъ. Въ западной Европѣ школа, какъ въ смыслѣ правильно организованной системы народнаго образованія, такъ и въ смыслѣ отдѣльныхъ учрежденій и формъ ея, существуетъ нѣсколько столѣтій и постепенно видоизмѣняется, сообразно съ требованіями времени, не подвергаясь коренной ломкѣ, а развиваясь и совершенствуясь въ частностяхъ и подробностяхъ, благодаря чему тамъ выработались опредѣленные типы всевозможныхъ школъ, удовлетворяющіе разностороннимъ требованіямъ государства и общества.

Традиціонное уваженіе къ школѣ, породившей не мало великихъ людей, заставляетъ относиться къ ней осторожно и осмотрительно: оставлять все, что въ ней выработалось хорошаго, и устранять постепенно только то, что, послѣ продолжительнаго опыта, оказывалось непригоднымъ и не соотвѣтствующимъ современнымъ требованіямъ, ни мало не касаясь при этомъ основныхъ началъ той или другой школы.

Совсѣмъ не такъ относятся къ школѣ у насъ: если считать начало нашей системы народнаго образованія со временъ Александра I, то наша школьная система не существуетъ и столѣтія *), а между

*) Систематическую организацію учебнаго дѣла и вѣдомства (министерства) народнаго просвѣщенія началъ у насъ Александръ I въ самомъ началѣ своего царствованія. Послѣ предварительнаго обсужденія организаціи учебнаго дѣла и системы школъ, 24-го января 1803 года изданы были «предварительныя правила народнаго просвѣщенія», намѣтившія главныя черты системы народнаго образованія. (Е. Шмидъ, Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Спб. 1872 г., стр. 18 слѣд.).

тѣмъ наши школы разныхъ формъ и наименованій подвергались разнымъ видоизмѣненіямъ, а иногда и радикальнымъ реформамъ едва-ли не больше, нежели западно-европейскія, просуществовавшія цѣлыя столѣтія безъ радикальныхъ реформъ и ломки установившагося въ нихъ строя. Результатомъ такихъ частыхъ реформъ было то, что у насъ многіе виды школъ не достигали своего развитія, не устанавливались, не вырабатывали традиціи и не получали опредѣленнаго образа, а потому и не давали тѣхъ благихъ результатовъ, которыхъ отъ этихъ школъ можно было ожидать и которыхъ ожидали ихъ основатели. За отсутствіемъ у насъ традиціоннаго уваженія къ школѣ, у насъ постоянно предлагаются радикальныя реформы, при чемъ реформаторы часто видятъ причины неуспѣха той или другой школы вовсе не тамъ, гдѣ онѣ кроются, и забываютъ, что въ школьномъ дѣлѣ нужно имѣть терпѣніе, что школы сразу создать нельзя и что въ школьномъ дѣлѣ успѣхъ или неуспѣхъ гораздо больше зависитъ отъ исполнителей, нежели отъ уставовъ и предписаній. Неудачи многихъ нашихъ системъ и реформъ, какъ-бы хороши ни были ихъ цѣли и основанія, происходили именно отъ того, что менѣе надлежащаго заботились о главномъ: объ исполнителяхъ, а все вниманіе обращали на теоретическую часть: уставъ, систему.

Изъ всѣхъ видовъ школъ, у насъ существовавшихъ, все вышесказанное наиболѣе приложимо къ гимназіи. Ни одинъ видъ школъ не подвергался такимъ частымъ и сильнымъ нападкамъ и радикальнымъ ломкамъ, какъ наши гимназіи.

Основанныя въ эпоху общей организаціи народнаго просвѣщенія, при императорѣ Александрѣ I, въ качествѣ высшихъ общеобразовательныхъ школъ, наши гимназіи получили характеръ европейскихъ гимназій при императорѣ Николаѣ I, подъ умѣлымъ и компетентнымъ руководствомъ ученаго министра графа С. С. Уварова, почему и до сихъ поръ называются иногда уваровскими *). Но къ концу того-же царствованія эти гимназіи были уже радикально преобразованы: древніе языки были почти изгнаны, особенно греческій, который остался только въ нѣсколькихъ гимназіяхъ, и замѣнены естествовѣдѣніемъ и законовѣдѣніемъ. Это были наши собственныя гимназіи, значительно отличавшіяся отъ европейскихъ и нашихъ остзейскихъ

*) Уставъ гимназій и другихъ училищъ утвержденъ 8-го декабря 1828 г., въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія князя Ливена, но проведеніе въ жизнь этого устава и организація гимназій происходили въ продолжительное управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова (1833—1849).

гимназій и подходившія больше къ типу реальныхъ училищъ съ однимъ латинскимъ языкомъ, чѣмъ къ типу гимназій, главнымъ предметомъ которыхъ въ европейскихъ гимназіяхъ являются древніе языки. Изгнаніе древнихъ языковъ совершилось не столько по педагогическимъ соображеніямъ, сколько по политическимъ, которыя вызваны были французскою революціею 1848 года *).

Антиклассическая система гимназическаго образованія, явившаяся у насъ подъ вліяніемъ политической реакціи въ Европѣ, продолжалась до 60-хъ годовъ и, по какому-то странному недоразумѣнію, иногда выставляется, какъ желанный идеалъ гимназіи, нѣкоторыми нашими писателями-либералами. Въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія Головнина, наши гимназіи по уставу 1864 г. получили опять европейскій характеръ, т.-е. въ нихъ введено было преподаваніе древнихъ языковъ. Дѣло, начатое Головнинымъ, докончилъ графъ Д. А. Толстой **), при которомъ наши гимназіи еще ближе, по своему учебному плану, стали подходить къ европейскимъ, особенно австрійскимъ, уступая, впрочемъ, прусскимъ и германскимъ вообще по количеству часовъ, назначенному на преподаваніе древнихъ языковъ. Быстрое и, быть можетъ, слишкомъ поспѣшное приведеніе въ исполненіе реформы гимназій, съ которымъ по времени совпало открытіе многихъ новыхъ гимназій, было причиною того, что составъ преподавателей формировался на скорую руку, безъ строгаго разбора, тѣмъ болѣе, что дѣлать выбора было не изъ кого, такъ какъ, благодаря прекращенію съ конца 40-хъ годовъ преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, филологическіе факультеты въ университетахъ были почти пусты и не было филологовъ, которые могли-бы съ знаніемъ дѣла вести преподаваніе разныхъ предметовъ, особенно-же древнихъ языковъ, въ преобразованныхъ и вновь открытыхъ гимназіяхъ ***). Волею-неволей пришлось брать почти всѣхъ, кто предла-

*) См. Шмидъ, Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, стр. 367 слѣд.

**) По уставу 19-го ноября 1864 года въ университетъ могли поступать только изъ классическихъ гимназій съ двумя древними языками (§ 112), но на практикѣ, «по недостатку въ учителяхъ греческаго языка», въ университетъ допускались изъ гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ, которыхъ было гораздо больше, чѣмъ гимназій съ двумя древними языками (Шмидъ, ibid. 467 слѣд.).

***) Въ оффиціальной статьѣ, напечатанной въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» CXXIV, 4, 1 слѣд., по поводу новаго устава гимназій и прогимназій, утвержденнаго 19-го ноября 1864 года, сказано относительно недостатка у насъ учителей филологовъ: «наши историко-филологическіе факультеты крайне бѣдны и профессорами и студентами: число послѣднихъ во всѣхъ курсахъ съ 15-го сентября 1864 года не превышало 226 въ пяти нашихъ соб-

*

галъ свои услуги и, за неимѣніемъ своихъ филологовъ, брать иностранцевъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если дѣло преподаванія древнихъ языковъ и другихъ предметовъ гимназическаго курса не пошло сразу такъ хорошо, какъ того хотѣлось.

Преподаваніе древнихъ языковъ въ частности приняло преимущественно грамматическій характеръ и не принесло тѣхъ плодовъ, которыхъ отъ него ожидали, и даже подало многимъ поводъ думать, что древніе языки преподаются именно ради ихъ грамматики и что другой цѣли, кромѣ изученія грамматики греческаго и латинскаго языковъ, преподаваніе древнихъ языковъ не имѣетъ.

Хотя преподаваніе не однихъ древнихъ языковъ въ рукахъ неумѣлыхъ преподавателей шло ненормально и велось нецѣлесообразно, но и другіе предметы, при неумѣлыхъ преподавателяхъ, нерѣдко проходились плохо и поверхностно и не въ однѣхъ только гимназіяхъ, но и всевозможныхъ другихъ школахъ, гдѣ не было хорошихъ и преданныхъ своему дѣлу преподавателей этихъ предметовъ, тѣмъ не менѣе главное вниманіе публики привлекали на себя древніе языки, и все недовольство публики обрушилось на нихъ. На нихъ даже сваливали вину за малоуспѣшное прохожденіе другихъ предметовъ въ гимназіяхъ, упуская изъ виду, что и въ другихъ школахъ, въ которыхъ древніе языки вовсе не преподавались, преподаваніе многихъ предметовъ велось неудовлетворительно, если находилось въ неумѣлыхъ и некомпетентныхъ рукахъ, и что, слѣдовательно, неуспѣшность и неудовлетворительность гимназическаго ученія, гдѣ таковая была, происходила не отъ обученія древнимъ языкамъ, а отъ недостатка въ надлежащимъ образомъ подготовленныхъ и преданныхъ своему дѣлу преподавателей, а вслѣдствіе этого отъ неправильной и нецѣлесообразной постановки самаго преподаванія.

На эту ненормальность практической постановки преподаванія древнихъ языковъ обращали вниманіе не одни враги классическихъ гимназій, но и друзья ихъ, вслѣдствіе чего учебное начальство въ нѣ-

---

ственно русскихъ университетахъ; число оканчивающихъ ежегодно курсъ по этому факультету со степенью кандидата или дѣйствительнаго студента не болѣе 30 или 40, и изъ нихъ весьма немногіе избираютъ греческій языкъ предметомъ своей спеціальности». Этимъ недостаткомъ учителей мотивировалось то, что въ классическихъ гимназіяхъ греческій языкъ вводился не во всѣхъ сразу, а по мѣрѣ нахожденія хорошихъ преподавателей этого языка. Въ 1872 году при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ было 154 незамѣщенныхъ учительскихъ мѣстъ: 26 по русскому языку, 56 по древнимъ языкамъ, 17 по новымъ, по исторіи и географіи 19; по математикѣ-же только 14, по естественнымъ наукамъ 8, по закону Божію 2 (Шмидъ, ibid., p. 507).

которыхъ округахъ, какъ, напримѣръ, въ Кавказскомъ, давно озаботилось о болѣе цѣлесообразномъ направленіи преподаванія древнихъ языковъ, а въ послѣднее время измѣненіе плана преподаванія и болѣе точное разъясненіе цѣли, къ которой должны стремиться преподаватели, послѣдовало во всѣхъ гимназіяхъ, благодаря послѣдней частичной реформѣ гимназій и измѣненіямъ плановъ преподаванія.

Такъ какъ послѣдняя реформа была отвѣтомъ на жалобы общества и проявилась въ устраненіи недостатковъ, указанныхъ опытомъ и признанныхъ учебнымъ вѣдомствомъ, то можно было ожидать, что требованія новыхъ преобразованій пріостановятся, пока выяснятся результаты новой и послѣдней реформы гимназій. И дѣйствительно, жалобы и требованія со стороны умѣренныхъ реформаторовъ пока стали гораздо рѣже.

Но, понятное дѣло, нашихъ крайнихъ реформаторовъ, желавшихъ радикальной реформы въ смыслѣ или полнаго изгнанія древнихъ языковъ, или, по крайней мѣрѣ, сведенія ихъ почти къ нулю, эти частичныя реформы, эти палліативы, не удовлетворили. Потому пожеланія видѣть наши гимназіи радикально преобразованными высказываются въ прессѣ и теперь по разнымъ случаямъ. Такъ, надняхъ, въ одной газетѣ, по поводу желанія нѣкоторыхъ южныхъ земствъ преобразовать содержащіяся на земскій счетъ прогимназіи въ сельско-хозяйственныя школы, было высказано, что наша школа требуетъ коренной реформы, въ смыслѣ болѣе практическаго направленія. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нѣкоторыя земства пожелали преобразовать прогимназіи въ практическія школы, такъ какъ эти школы, несомнѣнно, болѣе соотвѣтствуютъ потребностямъ земства, которое должно употреблять мѣстныя земскія средства на мѣстныя земскія нужды и заботиться о наибольшемъ развитіи въ районѣ своей дѣятельности сельскаго хозяйства и промышленности. Но изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, что и все государство должно послѣдовать примѣру южныхъ земствъ и превратить всѣ гимназіи въ практическія сельско-хозяйственныя или ремесленныя и техническія школы, такъ какъ гимназіи имѣютъ совершенно другое назначеніе и преслѣдуютъ другія цѣли. Какъ гимназіи не исключаютъ техническихъ, практическихъ школъ, такъ и техническія, практическія школы не исключаютъ гимназій, а должны существовать рядомъ для удовлетворенія разнымъ требованіямъ государства и общества.

Требованія реформы гимназій, въ смыслѣ превращенія ихъ въ реальныя училища и введенія въ нихъ практическаго направленія, исходили у насъ, начиная съ 60-хъ годовъ, обыкновенно изъ такъ-назы-

ваемаго либеральнаго лагеря, причемъ, какъ уже было замѣчено, по какому-то недоразумѣнію или незнанію исторіи, сторонники коренной реформы мечтаютъ въ сущности о возстановленіи въ нашихъ гимназіяхъ почти тѣхъ программъ, которыя введены были въ нихъ подъ вліяніемъ реакціи въ Западной Европѣ и у насъ послѣ французской революціи 1848 года.

Въ лицѣ г. Трифановскаго, заглавіе брошюры котораго мы выписали въ началѣ, противъ гимназій и особенно противъ древнихъ языковъ выступаетъ человѣкъ совершенно другаго направленія и преслѣдуетъ совершенно другія цѣли, хотя въ ненависти къ древнимъ языкамъ и радикальности предлагаемыхъ реформъ сходится съ либеральными врагами нашихъ гимназій. Д-ръ Трифановскій, какъ можно заключить изъ заглавія его брошюры, требуетъ радикальной ломки и постройки нашей общеобразовательной школы на якобы совершенно новыхъ основаніяхъ и началахъ. Радикализмъ г. Трифановскаго, новая точка отправленія и «новыя начала» невольно возбуждаютъ интересъ къ брошюрѣ г. Трифановскаго и заставляютъ ближе познакомиться съ нею.

Въ чемъ-же заключаются эти новыя начала? Признавая вмѣстѣ съ патріотическимъ поэтомъ, что міровая задача Россіи заключается въ томъ, чтобы «обнять всѣ народы любовью, сказать имъ таинство свободы и пролить имъ сіяніе вѣры», г. Трифановскій полагаетъ, что самымъ лучшимъ и надежнымъ средствомъ для достиженія своего назначенія во всемірной исторіи будетъ покончить съ европейскою системою воспитанія, которую мы стали усвоять со временъ Петра Великаго, и завести свою собственную.

Всѣ наши бѣды, по мнѣнію г. Трифановскаго, и заключаются въ томъ, что мы усвоили западное воспитаніе, которое подчинило насъ умственному и нравственному игу Западной Европы, а это иго гораздо хуже и горше татарскаго (стр. 9). Мало того! Россія должна не только устраниться отъ европейскаго образованія, но и должна вступить съ нимъ въ борьбу, «поборать его», тѣмъ болѣе, что современное европейское просвѣщеніе недостойно даже имени просвѣщенія, но призвано только затемнять умы и сердца, да и время теперь для этого поборанія Европы благопріятно: «Россіи нѣтъ болѣе необходимости держать мечъ непрестанно на-голо» (стр. 7). Хотя это послѣднее утвержденіе г. Трифановскаго совершенно невѣрно и всякій, хоть изрѣдка просматривающій газеты, грамотный человѣкъ знаетъ, что Россія въ настоящее время должна вооружаться поголовно и держать подъ ружьемъ столько войска, какъ никогда; но мы не будемъ останавли-

ваться на этихъ обмолвкахъ нашего реформатора и послѣдуемъ за нимъ далѣе.

Для выполненія своей великой задачи, Россія, по словамъ г. Трифановскаго, должна создать новую, совершенно отличную по духу отъ европейской школы, самостоятельную русскую школу, въ основу которой, на ряду съ обыкновеннымъ знаніемъ, положено было-бы глубокое, всестороннее изученіе христіанской истины, какъ содержитъ ее единая, святая, православная церковь (стр. 11).

Читатель, безъ сомнѣнія, думаетъ, что г. Трифановскій желаетъ пересоздать на этихъ началахъ школу вообще, т.-е. всѣ школы. Нѣтъ! Авторъ имѣетъ въ виду только гимназіи, да отчасти университетъ, но больше всего гимназіи (стр. 11). Едва-ли можно думать, что ревнитель искорененія у насъ европейскаго просвѣщенія не знаетъ, что гимназію проходятъ сравнительно гораздо меньше дѣтей, даже изъ образованнаго класса, нежели другія школы гражданскія, военныя, духовныя и друг.; едва-ли можно думать, что нашъ реформаторъ не догадывается, что, даже если гимназіи и будутъ преобразованы, согласно его проекту, и гимназисты ополчатся на европейское просвѣщеніе, то воспитанники другихъ школъ, въ которыхъ европейская система воспитанія останется, могутъ возстать противъ нихъ и между противниками и защитниками европейскаго образованія произойдетъ междоусобная война. Очевидно, «умыселъ другой тутъ былъ». Г. Трифановскій ополчается именно противъ гимназіи, какъ можно догадываться, не столько по тому, что ему противно европейское образованіе, сколько потому, что въ нихъ преподаются древніе языки. Inde irae!

Но, вѣдь, наши гимназіи организованы по образцу европейскихъ, а въ Европѣ система образованія, основаннаго на изученіи древнихъ языковъ, принесла богатые плоды. Да, отвѣчаетъ г. Трифановскій, тамъ, откуда взяты эти гимназіи, эта система хороша; тамъ и гимназіи и университеты приносятъ богатые плоды; гимназисты тамъ прекрасно учатся и усвоиваютъ то, чему ихъ учатъ; въ университетахъ студенты также не болтаются, а изучаютъ науки и пріучаются ихъ разрабатывать самостоятельно, двигать дальше, а затѣмъ дѣлаются учеными и великими дѣятелями на разныхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности. Словомъ, тамъ и въ гимназіяхъ, и въ университетахъ дѣло идетъ прекрасно, такъ что лучшаго и желать нельзя.

Все это такъ! Но, съ другой стороны, давно извѣстно, что «то, что нѣмцу здорово, то русскому—смерть», и наоборотъ. Потому пере-

саженныя къ намъ гимназіи и университеты принесли только вредъ, а не пользу; наши гимназисты ничему не научаются, а получаютъ только отвращеніе къ наукѣ, а студенты университетовъ схватываютъ только верхи и научаются только отрицанію (стр. 12—13).

Несомнѣнное доказательство безполезности для насъ европейскаго образованія докторъ Трифановскій видитъ въ томъ несомнѣнномъ для него фактѣ, что въ теченіе 200 лѣтъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, какъ мы стали усвоивать европейское образованіе, у насъ не было и нѣтъ не только геніальныхъ ученыхъ, поэтовъ, писателей, но нѣтъ даже болѣе или менѣе выдающихся, порядочныхъ, а все посредственности, безсмысленно повторяющія и передразнивающія своихъ учителей. По словамъ доктора Трифановскаго, никто изъ русскихъ не возвышался до степени мастера; всѣ остались на степени подмастерьевъ, да и то посредственныхъ, а хорошихъ и подмастерьевъ-то наше европейское образованіе не дало.

Такая безполезность для насъ европейскаго образованія происходитъ отъ того, что у русскаго человѣка, по мнѣнію г. Трифановскаго, сердце не лежитъ къ наукѣ; даже и въ томъ случаѣ, если-бы она давалась ему легко, онъ все равно не можетъ симпатизировать ея цѣли, онъ просто не довѣряетъ ей, т.-е. не вѣритъ, чтобы она могла удовлетворить, наполнить пустоту, которую онъ чувствуетъ въ своей душѣ, и утолить хоть немного ту жажду къ истинѣ живой, дѣйствительной, которой онъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ призванъ служить (стр. 17).

Не находя этой истины, нашъ гимназистъ бросается на другіе міровоззрѣнія и идеалы, какъ-бы лживы они ни были, лишь бы только на ихъ знамени было выставлено служеніе истинѣ, добру и человѣчеству. Результатомъ этого увлеченія идеалами на сторонѣ является примѣненіе революціонныхъ идеаловъ на дѣлѣ.

Никто не станетъ отрицать, что дикія проявленія нашего нигилизма и плоды революціонной пропаганды, выразившіеся въ чудовищномъ убійствѣ Царя-Освободителя, — явленія въ высшей степени прискорбныя, ужасныя, безконечно вредныя и достойныя отчаянныхъ враговъ Россіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что правительство и общество должны принять самыя энергическія мѣры къ истребленію этого зла въ его корнѣ и уничтожить причины, вызывающія такія дикія дѣянія.

Но, съ другой стороны, едва-ли какой-нибудь безпристрастный и здраво разсуждающій человѣкъ скажетъ, что причины этихъ явленій

заключаются въ европейскомъ характерѣ нашихъ гимназій, какъ хочетъ доказать г. д-ръ Трифановскій.

Правда, было нѣсколько случаевъ участія въ революціонныхъ замыслахъ и дѣйствіяхъ молодыхъ людей, получившихъ образованіе въ гимназіяхъ, но еще болѣе было этихъ дикихъ безумцевъ, учившихся въ другихъ школахъ всевозможныхъ типовъ и разныхъ вѣдомствъ, не исключая и духовнаго. Потому валить все это на гимназію никоимъ образомъ нельзя; говорить, что наши дикіе революціонеры выходятъ изъ гимназій и выходятъ таковыми потому именно, что обучались въ гимназіяхъ, это значитъ явно клеветать, закрывая глаза на явные и очевидные факты, которые несомнѣнно доказываютъ, что гимназическое образованіе тутъ не причемъ. Д-ръ Трифановскій валитъ все это на гимназію, очевидно, потому, что ему хочется доказать необходимость преобразованія именно гимназій. Это напоминаетъ мнѣ статью другаго доктора - медика *), который доказывалъ, что всѣ самоубійства происходятъ отъ того, что въ гимназіяхъ обучаютъ древнимъ языкамъ. Когда ему на это возражали, что, если-бы это было такъ, то самоубійцы были-бы только гимназисты, бывшіе или настоящіе, а между тѣмъ самоубійцы, учившіеся или учащіеся въ гимназіяхъ, составляютъ только весьма ничтожный процентъ, почтенный медикъ отвѣчалъ, что все-таки самоубійства происходятъ отъ того, что въ гимназіяхъ обучаютъ древнимъ языкамъ. Это своего рода катоновское: «caeterum censeo» или галилеевское: «et tamen movetur», только въ превратномъ смыслѣ.

Мы не станемъ опровергать положеніе д-ра Трифановскаго о неспособности русскаго человѣка къ наукѣ и объ отсутствіи у насъ плодовъ европейскаго образованія. Это слишкомъ явная ложь и не нуждается ни въ какомъ опроверженіи. Не говоря уже объ отдѣльныхъ личностяхъ, достаточно припомнить, что Россія сдѣлалась первенствующимъ государствомъ въ Европѣ, именно благодаря великому дѣлу Великаго Петра, т.-е. пріобщенію Россіи къ семьѣ европейскихъ народовъ посредствомъ введенія въ Россію европейскаго образованія. Если г. Трифановскій считаетъ русскихъ неспособными къ наукѣ, то ему не слѣдовало-бы говорить о великой роли Россіи во всемірной исторіи. Если мы неспособны къ дальнѣйшему развитію, то намъ остается только исчезнуть съ лица земли и послужить матеріаломъ для образованія болѣе сильной и способной народности, какъ то и утверждали нѣкоторые враги славянъ, признававшіе ихъ неспособными къ самостоя-

---

*) Г. Трифановскій, какъ намъ передавали, медикъ-гомеопатъ.

тельной роли въ исторіи и годными только для превращенія въ нѣмцевъ, подобно тому, какъ превратились въ нѣмцевъ нѣкоторыя западно-славянскія племена и продолжаютъ отчасти превращаться и теперь.

Вмѣсто того, чтобы заниматься опроверженіемъ этихъ явныхъ нелѣпостей, посмотримъ лучше, въ чемъ должно состоять отличіе русской національной школы, въ чемъ заключаются новыя начала, придуманныя г. Трифановскимъ.

Полагая, что сила европейскаго просвѣщенія, породившаго съ XV в. столько великихъ людей, заключалась въ вѣрѣ, внушенной въ схоластической школѣ, въ которой главными предметами были богословіе и философія, г. Трифановскій жалѣетъ, что у насъ не введена была эта система обученія, когда возникъ вопросъ о введеніи у насъ системы обученія (стр. 28). На такъ-какъ прошлаго воротить уже нельзя, то г. Трифановскій проектируетъ другую, настоящую русскую христіанскую школу, которая однакожъ должна воспитывать не русскихъ только гражданъ, а *вселенскихъ* (ibid.), т.-е., другими словами, политическихъ космополитовъ,—идеалъ школы, который до извѣстной степени достигается въ католическихъ орденскихъ семинаріяхъ, въ которыхъ приготовляются вселенскіе граждане римско-католической церкви, долженствующіе преслѣдовать единственно интересы своего ордена и римско-католической церкви и забыть интересы своего отечества. Многіе русскіе патріоты жаловались на космополитизмъ нашего образованія, а г. Трифановскій думаетъ, что русская школа и должна стремиться къ космополитизму, приготовлять не русскихъ только гражданъ, но и вселенскихъ.

Сообразно съ этою задачею, школа г. Трифаиовскаго должна быть *безцѣльною*, т.-е. она не должна преслѣдовать никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ доставленія образованія или просвѣщенія высшей истиной. Авторъ проекта «новой» русской школы постоянно возстаетъ противъ утилитарныхъ цѣлей школы и винитъ наше правительство въ томъ, что оно, начиная съ Петра Великаго, создаетъ школы, имѣющія цѣлью создать полезныхъ дѣятелей и знающихъ свое дѣло спеціалистовъ на разныхъ поприщахъ государственнаго управленія и хозяйства. Школа, по мнѣнію г. Трифановскаго, должна образовывать людей просто, и эти «люди просто» гораздо болѣе будутъ способны къ исполненію всевозможныхъ обязанностей, нежели приготовленные къ какому-нибудь спеціальному дѣлу.

Хотя это мнѣніе г. Трифановскаго само по себѣ справедливо, хотя, строго говоря, общеобразовательная школа должна имѣть въ

виду только всестороннее развитіе способностей учениковъ и такимъ образомъ подготовить ихъ къ воспріятію научныхъ истинъ по избранной специальности *), но и тутъ д-ръ Трифановскій дѣлаетъ совершенно невѣроятный скачекъ: въ утилитаризмѣ направленія онъ обвиняетъ не какія-нибудь реальныя, спеціальныя, техническія или ремесленныя школы, а опять-таки гимназіи, которыя наши реалисты и утилитаристы обвиняли именно въ томъ, что онѣ даютъ мало свѣдѣній практическихъ, утилитарныхъ, нужныхъ для той или другой практической дѣятельности, а стремятся только къ развитію способностей учениковъ, къ образованію ихъ. Можно было-бы думать, что гимназіи наши хоть въ этомъ будутъ удовлетворять г. Трифановскаго, а вышло наоборотъ: на нихъ-то и нападаетъ авторъ проекта «новой» школы за утилитарное направленіе, потому только, что гимназіи подготовляютъ къ университету (стр. 36). Трудно предположить, что г. Трифановскій не знаетъ даже того, что гимназіи меньше всего можно назвать утилитарными школами **). Почему-же онъ нападаетъ именно на гимназіи, почему всѣ стрѣлы его устремлены на эти именно школы?

---

*) Мысль, что общеобразовательная школа должна имѣть цѣлью *образованіе изъ человѣка человѣка* у насъ всего лучше высказана была и разъяснена весьма авторитетнымъ ученымъ и педагогомъ, знаменитымъ нашимъ хирургомъ Н. И. Пироговымъ въ его статьѣ подъ заглавіемъ: «Вопросы жизни», напечатанной еще въ 1856 году. Здѣсь знаменитый нашъ медикъ, между прочимъ, говоритъ: «Всѣ готовящіеся быть полезными гражданами должны сначала научиться быть людьми. Поэтому всѣ, до извѣстнаго періода жизни, въ которомъ ясно обозначаются ихъ склонности и таланты, должны пользоваться плодами одного и того-же нравственно-научнаго просвѣщенія. Не даромъ извѣстныя свѣдѣнія изстари называются «humaniora», т.-е. необходимыя для каждаго человѣка». Пироговымъ былъ также возбужденъ и поставленъ на очередь вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи, при чемъ самъ онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ классической системы общаго образованія. (Шмидъ, ibid., стр. 433 слѣд.).

**) Въ самое послѣднее время, по поводу послѣдней частичной реформы гимназій, въ явившихся тогда разныхъ трактатахъ относительно гимназій и вообще общеобразовательныхъ школъ довольно много говорилось о безполезности гимназическаго образованія для практическихъ цѣлей, и безполезность эта доказывалась именно отсутствіемъ въ курсѣ гимназій предметовъ и свѣдѣній, необходимыхъ для разныхъ видовъ практической жизни. Гр. П. А. Капнистъ въ своихъ прекрасныхъ статьяхъ «Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія», помѣщенныхъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» за текущій годъ, довольно обстоятельно разсматриваетъ вопросъ о цѣляхъ гимназическаго образованія и доказываетъ многочисленными ссылками на педагогическіе авторитеты наши и заграничные необходимость и сравнительное превосходство такихъ общеобразовательныхъ школъ, которыя не имѣютъ въ виду утилитарныхъ цѣлей,

Хотя прямаго отвѣта на эти вопросы авторъ проекта, кромѣ вышеуказанныхъ разсужденій и непригодности для насъ европейскаго образованія, не даетъ, но можно догадываться, что причиною его нападокъ именно на гимназію, а не на другія школы, являются древніе языки, такъ какъ изученіе ихъ мѣшаетъ прохожденію въ надлежащей полнотѣ тѣхъ наукъ, которыя должны, по проекту г. Трифановскаго, изучаться въ общеобразовательной школѣ особенно подробно, т.-е. богословія и философіи (стр. 36). Вмѣсто древнихъ языковъ достаточно обучать русскому и церковно-славянскому языкамъ, тѣмъ болѣе, что почтенному доктору доподлинно «*извѣстно*», что обученіе древнимъ языкамъ введено у насъ единственно ради ихъ грамматикъ (стр. 42) *). Литературныя произведенія грековъ и римлянъ въ школѣ г. Трифановскаго будутъ читать въ переводѣ, а такъ какъ славянская литература большею частью представляетъ переводы съ греческаго, то изучающій славянскую литературу познакомится и съ греческою культурою (ibid.). Впрочемъ, для развитія чувства красоты и изящнаго нашъ реформаторъ допускаетъ чтеніе Гомера, конечно въ переводахъ, а за Гомеромъ должно слѣдовать прямо подробное изученіе русской литературы, въ особенности наши классики должны быть

а только общее образованіе и развитіе способностей учащихся. Такія именно цѣли и преслѣдуютъ гимназіи, а г. Трифановскій ихъ именно и обвиняетъ въ утилитаризмѣ. Неужели нужно думать, что д-ръ Трифановскій, очевидно размышлявшій, но мало читавшій о школахъ вообще, не знаетъ даже этой общеизвѣстной отличительной особенности гимназій?

*) О цѣли преподаванія древнихъ языковъ въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ гимназіи, писано много нетолько на иностранныхъ языкахъ, но и на русскомъ, особенно по поводу пересмотровъ гимназическихъ уставовъ и программъ или измѣненія методовъ преподаванія древнихъ языковъ, такъ что всякій, желающій познакомиться съ этимъ вопросомъ, могъ-бы найти достаточно пособій для этого на русскомъ языкѣ, не говоря уже объ иностранныхъ. Г. Трифановскій, очевидно, ничего этого не знаетъ, а быть можетъ, и знать не хочетъ, и выдаетъ за общеизвѣстныя истины совершенно ложныя положенія. Конечно, бумага все терпитъ, но, чтобы претендовать на серьезное вниманіе компетентныхъ читателей, автору проекта новой школы не мѣшало-бы познакомиться съ тѣмъ, что говорятъ по этому вопросу люди, стоящіе къ дѣлу преподаванія древнихъ языковъ гораздо ближе, чѣмъ онъ. Если онъ не согласенъ съ ними, то слѣдовало-бы опровергнуть ихъ мнѣнія и доказать свои, а не выдавать свои измышленія за общеизвѣстныя истины. Не говоря уже о статьяхъ по вопросу о преподаваніи древнихъ языковъ, помѣщенныхъ за послѣдніе годы въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и спеціальныхъ педагогическихъ журналахъ, г. Трифановскій могъ-бы найти по этому вопросу не мало дѣльныхъ статей въ общихъ журналахъ и газетахъ, издаваемыхъ въ Москвѣ-же, гдѣ издана и брошюра г. Трифановскаго.

прочитаны всѣ, а затѣмъ избранныя творенія иностранныхъ писателей въ тѣхъ мастерскихъ переводахъ, которыми мы такъ богаты (?!).

Всеобщую исторію г. Трифановскій совѣтуетъ проходить также весьма подробно. Европа, по его словамъ, своимъ просвѣщеніемъ обязана именно знакомству съ исторіею древнеклассическаго міра, потому что «не языки греческій и латинскій, не грамматики ихъ породили въ средніе вѣка новую культуру, но то богатство содержанія, являемое классическимъ міромъ, которое сдѣлалось извѣстнымъ не инымъ путемъ, какъ изученіемъ исторіи этого самаго міра. Потому, говоритъ далѣе нашъ реформаторъ, когда я предлагаю устранить изъ школъ древніе языки и замѣнить ихъ изученіемъ всемірной исторіи, то я въ сущности и *есть* (!) настоящій сторонникъ классическаго образованія и вся разница заключается въ томъ, что соотвѣтственно видоизмѣнившимся обстоятельствамъ... я тотъ-же принципъ распространяю и на романо-германскій міръ и требую для школы основательнаго знанія того и другаго» (стр. 50). Но иностранныхъ языковъ, а тѣмъ болѣе древнихъ для изученія исторіи изучать не нужно, ибо все, относящееся до древняго міра, сдѣлалось достояніемъ новой литературы, а все, относящееся до Европы, существуетъ также на русскомъ языкѣ, во всякомъ случаѣ въ достаточной мѣрѣ, чтобы можно было теперь-же начать въ школѣ *серьезное изученіе* (!) исторіи (стр. 50) *).

«Строгость и неподкупность мышленія пріобрѣтались-бы изученіемъ различныхъ видовъ низшей математики, какъ-то: ариѳметики, алгебры, геометріи, тригонометріи, а изученіе физики (которая якобы завершила свой кругъ, какъ наука) съ строгимъ примѣненіемъ аналитическаго метода служило-бы для ученика оправданіемъ всей важности и до-

*) Всѣ эти разсужденія о подробномъ, *серьезномъ изученіи* всеобщей исторіи и литературы русской и западноевропейской показываютъ, что почтенный московскій реформаторъ нашихъ гимназій имѣетъ довольно смутныя понятія какъ о цѣляхъ преподаванія этихъ предметовъ въ общеобразовательныхъ школахъ, такъ и объ объемѣ этихъ наукъ, и что онъ не отличаетъ обученія въ школѣ съ извѣстными образовательными цѣлями отъ научнаго изученія предмета, потому и говоритъ о *серьезномъ изученіи* исторіи въ своей общеобразовательной школѣ по русскимъ оригинальнымъ и переводнымъ научнымъ пособіямъ. Нельзя не пожалѣть, что д-ръ Трифановскій, взявшій на себя трудъ сочинить проектъ новой школы, не потрудился предварительно ознакомиться съ самыми элементарными вопросами организаціи школъ вообще и не составилъ себѣ ясныхъ понятій о тѣхъ цѣляхъ, ради которыхъ тѣ или другіе предметы входятъ въ составъ предметовъ общеобразовательныхъ школъ. По всей вѣроятности г. Трифановскій, познакомившись съ этими вопросами, не сталъ-бы такъ много говорить о подробномъ, обстоятельномъ, всестороннемъ изученіи предметовъ въ общеобразовательной школѣ.

стоинства метода, дозволившаго человѣку достигнуть столь прочныхъ и полезныхъ результатовъ» (стр. 43).

Развитіе нравственныхъ началъ въ душѣ учениковъ должно достигаться обученіемъ ихъ христіанской вѣрѣ. Г. Трифановскій полагаетъ, что преподаваніе Закона Божія должно состоять главнымъ образомъ въ чтеніи Св. Писанія, т.-е. библіи въ подлинникѣ. Но такъ какъ ученики г. Трифановскаго никакихъ иностранныхъ языковъ, ни древнихъ, ни новыхъ, не знаютъ, то, очевидно, въ подлинникѣ, т.-е. на еврейскомъ или греческомъ языкѣ, они не въ состояніи будутъ читать, и подлинникомъ у г. Трифановскаго именуется переводъ, который и въ другихъ областяхъ знанія замѣняетъ у почтеннаго доктора подлинникъ. Въ довершеніе курса ученія, д-ръ Трифановскій желаетъ, чтобы произведенъ былъ краткій обзоръ философскихъ ученій и показано неизмѣримое превосходство надъ ними христіанскаго ученія (стр. 52).

Вотъ и вся программа «новой» школы г. Трифановскаго! Главныя отличительныя черты ея заключаются: а) въ усиленномъ преподаваніи богословскихъ наукъ, въ подробномъ изученіи христіанскихъ истинъ, чтобы ученики прониклись духомъ христіанскаго вѣроученія и христіанской нравственности; b) въ исключеніи обученія иностраннымъ языкамъ, особенно древнимъ, знаніе которыхъ почтенный реформаторъ считаетъ излишнимъ и ненужнымъ, въ виду возможности пользоваться переводами.

Новаго въ этой программѣ, какъ видитъ читатель, ничего нѣтъ, и почему г. Трифановскій думаетъ что онъ открылъ какія-то новыя начала для школы—понять трудно. Серьезнаго и заслуживающаго вниманія въ этой программѣ, какъ и во всей брошюрѣ нашего реформатора, также ничего нѣтъ, кромѣ желанія придать нашей школѣ болѣе христіанскаго духа и нравственно-религіознаго направленія; но и это не ново и составляетъ предметъ заботы не одного г. Трифановскаго. Во-первыхъ, школы съ подробнымъ курсомъ богословскихъ наукъ у насъ существуютъ издавна и существовали даже раньше гимназій: это духовныя семинаріи, гдѣ богословскія науки проходятся, быть можетъ, обстоятельнѣе даже, нежели того желаетъ для своей новой школы г. Трифановскій. Во-вторыхъ, о христіанскомъ направленіи другихъ свѣтскихъ школъ, въ томъ числѣ и гимназій, постоянно заботились и заботятся тѣ начальствующія лица, подъ управленіемъ которыхъ эти школы состоятъ *). На преподаваніе Закона Божія въ

*) Религіозно-нравственное воспитаніе юношества въ духѣ православной церкви и русской народности всегда ставилось на первомъ планѣ и всѣ руково-

гимназіяхъ, на которое г. Трифановскій главнымъ образомъ направляетъ свои доводы, въ послѣднее время обращено особенное вниманіе Министерства Народнаго Просвященія, которое принимало и принимаетъ мѣры, направленныя къ поднятію въ гимназіяхъ религіозно-нравственнаго направленія и къ усиленію изученія истинъ православной христіанской вѣры. При этомъ Министерство Народнаго Просвѣщенія обыкновенно руководствуется указаніями Св. Синода и духовныхъ особъ, которыя близко стоятъ къ дѣлу преподаванія Закона Божія и которыя желаютъ поднятія въ нашихъ школахъ религіозно-нравственнаго направленія въ духѣ православной церкви никакъ не менѣе г. Трифановскаго. А между тѣмъ, г. Трифановскій толкуетъ о христіанскомъ направленіи въ нашихъ школахъ, о преподаваніи въ нихъ истинъ православной церкви, какъ о чемъ-то новомъ, намъ чуждомъ, и воображаетъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ отыскалъ новыя начала для нашей школы. Можно говорить о недостаточности, о нецѣлесообразности постановки преподаванія Закона Божія въ нашихъ школахъ вообще и гимназіяхъ въ частности; можно указывать свои мѣры для усиленія христіанскаго православнаго образованія и поднятія религіоз-

---

дители нашего просвѣщенія очено хорошо понимали, что русское юношество должно прежде всего воспитываться такъ, чтобы оно проникалось религіозно-нравственнымъ ученіемъ православной церкви, уваженіемъ къ существующимъ законамъ и властямъ и любовью къ своему отечеству и народу. Наши лучшіе педагоги придавали религіозно-нравственному воспитанію первенствующее значеніе въ общемъ образованіи. Такъ, Н. И. Пироговъ въ вышеназванной статьѣ объ общемъ образованіи говоритъ: «Мы—христіане и, слѣдовательно, главною основою нашего воспитанія служитъ и должно служить «Откровеніе».

Также смотрятъ на Законъ Божій и современные наши руководители народнаго просвѣщенія. Попечитель Московскаго учебнаго округа, гр. П. А. Капнистъ въ одной изъ своихъ прекрасныхъ статей, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» за текущій годъ (мартъ, стр. 7) пишетъ: «Мы находимъ совершенно необходимымъ, чтобы этотъ предметъ (Законъ Божій и религіозно-нравственное воспитаніе, основанное на немъ) имѣлъ въ школѣ господствующее значеніе; но важность его мы опредѣляемъ не объемомъ преподаванія, а тѣмъ, что общій духъ его долженъ проникнуть во всю жизнь школы... важна не столько обширность и тонкость знаній, сколько твердость религіозныхъ убѣжденій, оказывающихъ нравственное вліяніе на весь строй школы, долженствующей по общему духу своему соотвѣтствовать требованіямъ христіанскаго ученія».

Того-же самаго желаетъ для нашей школы и г. Трифановскій (стр. 54): хотя онъ и толкуетъ о всестороннемъ и подробномъ изученіи истинъ христіанской вѣры, но понимаетъ, что суть дѣла въ этомъ случаѣ заключается не въ подробностяхъ и тонкостяхъ программы, а «въ искренности того христіанскаго настроенія, которымъ должна быть проникнута школа». Этого желали и желаютъ всѣ руководители нашей школы и, слѣдовательно, ничего новаго въ этомъ нѣтъ.

наго духа въ нашихъ школахъ; но говорить о преподаванiи истинъ православной церкви въ нашихъ школахъ, какъ о чемъ-то новомъ, о чемъ-то такомъ, о чемъ никто не думаетъ и не заботится, можетъ придти въ голову только или мало знакомому съ нашими школами вообще, или игнорирующему существующіе факты, чтобы доказать справедливость своихъ положенiй.

Къ какой изъ этихъ двухъ категорій слѣдуетъ причислить г. Трифановскаго, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, онъ, во что-бы то ни стало, желаетъ доказать, что наши гимназіи никуда не годятся, какъ основанныя и организованныя на европейскій ладъ, и постоянно говоритъ о необходимости введенія христіанскаго духа и направленія въ нихъ, какъ будто объ этомъ до него никто не думалъ и не заботился, потому что мнимое отсутствіе заботъ въ этомъ направленiи является для него главнымъ аргументомъ въ пользу необходимости преобразованія ихъ, а преобразовать ему хочется наши гимназіи такъ, чтобы въ нихъ не было преподаванія иностранныхъ языковъ, особенно древнихъ, очевидно, почему-то особенно ненавистныхъ г. Трифановскому. Ради этого, очевидно, г. Трифановскій трактуетъ о вредѣ для насъ европейской школы, столь полезной и плодотворной въ Западной Европѣ, ради этого онъ обрушивается именно на гимназіи, оставляя въ сторонѣ другія школы, хотя онѣ также могутъ быть названы европейскими не менѣе гимназій.

Не понимая цѣли преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, да и вообще имѣя смутныя понятія объ истинныхъ задачахъ гимназическаго образованія и ополчаясь потому на гимназіи, д-ръ Трифановскій проектируетъ яко-бы новую школу и впадаетъ при этомъ, самъ того не замѣчая, въ рядъ противорѣчій, которыя даже и объяснить себѣ было-бы трудно, если не имѣть въ виду главной, затаенной мысли реформатора гимназіи: ненависти къ древнимъ языкамъ.

Г. Трифановскій проектируетъ школу *русскую*, которая должна, однакожъ, воспитывать *вселенскихъ* гражданъ; посредствомъ этой школы мы должны освободиться отъ европейскаго ига и побороть европейское образованіе, а между тѣмъ его школа—та-же европейская школа, только безъ иностранныхъ языковъ. Такихъ школъ много и въ Европѣ западной, и у насъ и даже, пожалуй, больше, нежели гимназій. Къ такимъ школамъ принадлежатъ всѣ городскія училища (Bürgerschulen) съ болѣе или менѣе продолжительнымъ курсомъ, но безъ иностранныхъ языковъ. Стоитъ только сдѣлать нѣкоторыя сокращенія въ преподаванiи однихъ предметовъ и расширеніе въ другихъ, и мы получимъ школы, болѣе или менѣе подходящія къ программѣ г. Трифа-

новскаго. Но эта школа будетъ также европейскою. Если въ ней будетъ проходиться исторія русской и европейской литературы и исторія политическая такъ подробно, какъ того желаетъ г. Трифановскій, то ученики должны будутъ проникнуться духомъ европейскаго просвѣщенія и образа мыслей еще болѣе, нежели наши гимназисты, и не только не захотятъ побороть европейскаго просвѣщенія, но и, пожалуй, захотятъ болѣе полнаго и всесторонняго изученія европейской культуры и литературы, нежели дозволяетъ имъ г. Трифановскій.

Но нашъ реформаторъ, повидимому, предвидѣлъ это; потому онъ воздвигъ между Европою и своею школою преграду полнаго невѣжества и незнанія иностранныхъ языковъ: ученики г. Трифановскаго изъ европейской литературы будутъ въ состояніи читать то, что переведено на русскій языкъ, т.-е. преимущественно популярныя и весьма часто вовсе не во вкусѣ г. Трифановскаго написанныя книги.

Переводами, конечно, можно довольствоваться человѣку, нежелающему заниматься серьезно какою-либо наукою, но ученики изъ школы г. Трифановскаго должны поступать въ университетъ и другія спеціальныя высшія учебныя заведенія, гдѣ они должны изучать науки въ ихъ основаніяхъ и по первоисточникамъ: профессоры будутъ имъ указывать массу иностранныхъ сочиненій, на русскій языкъ не переведенныхъ, но безусловно необходимыхъ для серьезнаго изученія науки.

Какъ здѣсь будутъ обходиться ученики г. Трифановскаго безъ знанія иностранныхъ языковъ? Одними переводами здѣсь ограничиться нельзя. Да и кто будетъ переводить, если всеобщая и всенародная высшая школа г. Трифановскаго, чрезъ которую должны пройти всѣ, и баринъ и купецъ, священникъ и крестьянинъ (стр. 58), не будетъ давать знанія иностранныхъ языковъ? Останется намъ или нанимать для переводовъ иностранцевъ, знающихъ нашъ языкъ, или довольствоваться старыми переводами устарѣвшихъ и отставшихъ отъ науки книгъ. И съ такими знаніями мы должны побороть европейское образованіе, говорить, что мы назначены просвѣщать другіе европейскіе народы! Они въ полномъ правѣ будутъ сказать, что мы сами не знаемъ не только наукъ вообще, но и не знаемъ и не можемъ основательно знать даже своей вѣры, исторіи православной христіанской церкви, такъ какъ основательное и самостоятельное изученіе вѣроученія нашего, исторіи православной христіанской церкви и богослуженія, требуетъ какъ conditio sine qua non знанія древнихъ языковъ.

Прежде, нежели другихъ просвѣщать, мы должны сами себя просвѣтить на столько, чтобы создать у себя науку, равную европейской и независимую отъ нея, и для этого мы должны изучать не только

новые европейскіе языки, но и древніе, безъ которыхъ нельзя научно заниматься и самостоятельно разрабатывать историческихъ вопросовъ, близко насъ касающихся, особенно вопросовъ, касающихся нашей православной вѣры и церкви. Безъ знанія древнихъ языковъ, мы не только въ вопросахъ филологическихъ, лингвистическихъ, историческихъ, политическихъ и юридическихъ, но и въ вопросахъ, касающихся нашей вѣры, нашего богослуженія, будемъ вполнѣ зависѣть отъ иностранцевъ, обладающихъ знаніемъ этихъ языковъ.

Безъ знанія древнихъ языковъ мы не только въ вопросахъ историческихъ, филологическихъ, юридическихъ, археологическихъ и т. д. должны будемъ смотрѣть глазами иностранцевъ, но въ вопросахъ своей вѣры и своего богослуженія должны будемъ слѣпо вѣрить тому, что скажутъ намъ иностранцы и что соблаговолятъ для насъ перевести на нашъ языкъ, такъ какъ, поучившись въ «высшей школѣ» г. Трифановскаго, мы не только древнихъ, но и новыхъ языковъ знать не будемъ. И это называется освобожденіемъ отъ европейскаго ига! Г. Трифановскій хочетъ насъ ослѣпить и предоставить иностранцамъ насъ водить, куда имъ вздумается, и это называетъ самостоятельнымъ просвѣщеніемъ, при помощи котораго мы должны просвѣщать Европу! Хорошіе мы будемъ просвѣтители! Очевидно, г. Трифановскій самъ хорошо не сознаетъ, что говоритъ, не понимаетъ, что, съ его точки зрѣнія на основательное, серьезное и всестороннее изученіе исторіи и истинъ православной церкви, нужно стремиться не къ уничтоженію древнихъ языковъ, а къ сугубому изученію ихъ, чтобы образованные русскіе люди могли читать свободно не только классиковъ, но и творенія св. отцевъ и церковныхъ историковъ въ подлинникахъ, т.-е. на греческомъ и латинскомъ языкахъ, а не въ переводахъ, какъ понимаетъ подлинники нашъ реформаторъ. Какъ въ военномъ дѣлѣ для того, чтобы побороть своего противника, мы должны обладать всѣми тѣми средствами, которыми онъ владѣетъ, и должны хорошо знать его и его силу, такъ и въ дѣлѣ цивилизаціи и науки, чтобы превзойти своего противника, мы должны не только овладѣть всѣми тѣми знаніями и методами, которыми онъ владѣетъ, но и по возможности превзойти его. А г. Трифановскій, на словахъ освобождающій насъ отъ европейскаго ига, на дѣлѣ желаетъ отдать насъ въ крѣпостную зависимость отъ западной Европы, и, признавая русскихъ неспособными къ наукѣ, повторяетъ только въ сущности слова враждебныхъ намъ западно-европейскихъ историковъ и политиковъ, признающихъ славянъ годными только служить матеріаломъ для куль-

турныхъ народовъ и неспособными къ самостоятельной культурѣ и самостоятельной роли въ исторіи.

За такой проектъ школъ едва-ли кто поблагодаритъ г. Трифановскаго, тѣмъ болѣе, что въ проектахъ школьныхъ реформъ у насъ и безъ того недостатка нѣтъ; напротивъ, ихъ является слишкомъ много. Не проекты новыхъ реформъ намъ нужны, а настойчивость и умѣнье приводить въ исполненіе уже существующіе школьные уставы. Самъ-же г. Трифановскій говоритъ, что на Западѣ школа принесла и приноситъ благіе результаты и порождаетъ великихъ людей, благодаря энергіи и настойчивости въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли и благодаря тому, что и учители и родители, люди всѣхъ сословій, стоятъ за школу и строгое соблюденіе заведенныхъ въ ней порядковъ и системы (стр. 15 и 21). Не отъ того-ли отчасти у насъ школа меньше, чѣмъ на Западѣ, приноситъ плода, что у насъ слишкомъ много, напротивъ, твердятъ о безполезности этой школы и тѣмъ самымъ расшатываютъ порядокъ въ ней и подрываютъ уваженіе къ принятой системѣ? Не лучше-ли послѣдовать нашимъ западнымъ современникамъ и стараться внушать уваженіе къ школѣ, поддерживать заведенный порядокъ и принятую систему, содѣйствовать и помогать развитію и усовершенствованію школы существующей, чѣмъ выдумывать все новые проекты *)?

Не въ проектахъ и новыхъ началахъ нуждается наша школа вообще и наши гимназіи въ частности, а въ умѣломъ, цѣлесообразномъ проведеніи тѣхъ началъ, которыя положены въ основаніе ихъ, въ настойчивости, энергіи, терпѣніи и выдержкѣ, которыя необходимы для полнаго развитія и усовершенствованія школы на разъ принятыхъ началахъ. Не новые проекты и уставы нужны для нашей школы, а дѣльные, преданные своему дѣлу и компетентные исполнители, т.-е. руководители, преподаватели и воспитатели, и постоянная дружная поддержка и содѣйствіе со стороны родителей и общества вообще. Если-же мы будемъ постоянно тянуть въ разныя стороны, то мы ни-

*) О дурномъ и развращающемъ вліяніи на учениковъ равнодушно-презрительнаго или даже враждебнаго отношенія значительной части общества и печати къ нашимъ гимназіямъ, предметамъ обученія въ нихъ и порядкамъ говоритъ гр. П. А. Капнистъ въ своихъ статьяхъ о классицизмѣ. («Русское Обозрѣніе», 1891 года, апрѣль, 492 слѣд., ср. май; стр. 97 слѣд.). Жалобы на вредъ подобныхъ разсужденій и пересудовъ школьныхъ порядковъ въ устахъ гр. П. Капниста имѣютъ тѣмъ болѣе значенія, что, по своему положенію и близкому отношенію къ школамъ, онъ имѣлъ возможность видѣть на дѣлѣ плоды враждебныхъ отношеній печати и общества къ школѣ и школьнымъ порядкамъ.

когда не довеземъ нашего школьнаго воза до предположенной цѣли, какъ-бы ни былъ хорошъ этотъ возъ самъ по себѣ; никогда не достигнемъ тѣхъ результатовъ, не получимъ тѣхъ плодовъ, которыхъ мы желаемъ и которыхъ можно было-бы, по всѣмъ соображеніямъ, ожидать.

Д. Бѣляевъ.

Галанинъ, М. И., д-ръ. Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Съ прибавленіемъ діэтетики беременности, родовъ и послѣродоваго періода женщины-врача *Никольской-Щечкиной.* С.-Петербургъ, 1891 года, 332+VIII стр. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Лечебники бываютъ двухъ родовъ: въ однихъ даются болѣе или менѣе краткія, безъ всякихъ теоретическихъ научныхъ основаній, наставленія и къ нимъ присовокупляются рецепты на отдѣльные случаи; въ другихъ лечебникахъ излагается цѣлая научная система врачеванія, въ которую входятъ описанія всѣхъ извѣстныхъ болѣзней и принятые современною медициною способы ихъ леченія, причемъ обращается вниманіе не только на средства аптечныя, но также, и даже преимущественно, на средства гигіеническія; даются указанія не только какъ лечить болѣзни, но и какъ предупреждать заболѣванія. Всякому понятно, что вторая категорія лечебниковъ имѣетъ огромное преимущество передъ первою. Тутъ врачи дѣлятся съ обществомъ результатами своей науки, проводятъ въ народѣ знанія въ ихъ современномъ научномъ состояніи, т.-е. вводятъ ихъ въ народное сознаніе какъ одинъ изъ элементовъ культуры. Такимъ путемъ общество получаетъ возможность надлежащимъ образомъ оцѣнивать и усваивать совѣтъ врача; больные или ихъ близкіе, ихъ окружающіе, становятся его сознательными помощниками; ускоряется самый ходъ леченія и увеличивается возможность благопріятнаго исхода его. «Врачу невозможно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ точно и подробно мотивировать свои предписанія; если-же они являются въ отрывочной формѣ, въ видѣ только предписанія—не болѣе, то они прежде всего не понимаются, не усваиваются, а вслѣдствіе этого и не исполняются. Такимъ образомъ, регулированіе гигіены является для дѣтскаго врача сизифовой работой, которую приходится начинать снова при каждомъ новомъ заболѣваніи ребенка» (Галанинъ, Письма, стр. 1—2). Въ нашемъ отечествѣ, при незначительномъ количествѣ врачей, хорошіе лечебники особенно важны, тѣмъ болѣе, что и вообще врачеб-

ная помощь чаще всего требуется въ случаяхъ сравнительно легкихъ, которые могутъ быть излечены и безъ спеціально врачебной помощи.

Намъ пріятно констатировать, что книга д-ра Галанина принадлежитъ ко второй категоріи лечебниковъ. Она распадается на два отдѣла. Въ *первомъ* говорится: какъ и чѣмъ кормить ребенка въ первый годъ жизни; когда и какъ отнимать ребенка отъ груди; чѣмъ кормить дѣтей въ первые годы послѣ отнятія отъ груди; далѣе—излагается діэтетика зубовъ; уходъ за кожей; выясняется значеніе воздуха и свѣта; трактуется о снѣ ребенка и объ уходѣ за новорожденнымъ (страница 1—95). *Второй* отдѣлъ посвященъ описанію и леченію болѣзни дѣтскаго возраста — о больномъ ребенкѣ вообще и объ уходѣ за нимъ; болѣзни рта и зѣва; болѣзни желудка и кишекъ; англійская болѣзнь и золотуха; болѣзни дыхательныхъ органовъ; острыя заразныя болѣзни у дѣтей; болѣзни мозга; уходъ за нервной системой у дѣтей и нервными болѣзнями ихъ; уходъ за органами зрѣнія и слуха; сифилисъ и накожныя болѣзни дѣтей; помощь въ несчастныхъ случаяхъ съ дѣтьми. Въ прибавленіи, написанномъ г-жею Никольскою-Щечкиной, дана діэтетика беременности, описаны роды и послѣродовой періодъ.

Второе изданіе книги г. Галанина является не только дополненнымъ, но и значительно улучшеннымъ. Картины болѣзней ребенка и способы леченія этихъ болѣзней въ первомъ изданіи были изложены нѣсколько неясно и сбивчиво; нынѣ-же всѣ эти части подверглись основательной переработкѣ въ смыслѣ большей точности и послѣдовательности изложенія, такъ что пользоваться книгою г. Галанина теперь гораздо удобнѣе и распознаваніе болѣзней ребенка для матери стало много легче. Кромѣ указаннаго прибавленія, въ «Письма» введены новыя главы—объ уходѣ за новорожденнымъ, о снѣ ребенка, о сифилисѣ у дѣтей.

Но въ этомъ второмъ изданіи есть, однако, одно противъ перваго изданія упущеніе, которое, по нашему мнѣнію, служитъ къ невыгодѣ книги и нѣсколько затруднитъ пользованіе ею. Къ первому изданію были приложены: алфавитный указатель болѣзней, съ ссылками на страницы книги; списокъ главныхъ лекарствъ, упоминаемыхъ въ книгѣ, ихъ дозировка и цѣна; медицинскій вѣсъ съ переложеніемъ его на ложки, рюмки и т. п. предметы, у всѣхъ имѣющіеся подъ руками. Для матери, живущей въ деревнѣ, вдали отъ врачебной помощи и желающей составить для своего ребенка домашнюю аптечку, такое упущеніе будетъ непріятно. Статью г-жи Никольской-Щечкиной слѣдовало-бы нѣсколько очистить отъ излишнихъ медицинскихъ латин-

скихъ терминовъ. Издана книга довольно опрятно и цѣна ея, сравнительно, не высока. Можетъ быть, при слѣдующемъ изданіи было-бы небезполезно снабдить книгу хотя-бы краткимъ очеркомъ человѣческаго организма и его жизни.

К. М.

Обломковъ. Краткій учебникъ географіи. Курсъ 1. Общій обзоръ земнаго шара; съ рисунками въ текстѣ и приложеніемъ краткаго обозрѣнія Россійской Имперіи. Спб. 1891 г. Цѣна 60 коп.

Наша учебная географическая литература отличается большимъ обиліемъ изданій; учебниковъ географіи у насъ много, что зависитъ, какъ кажется, отъ двухъ причинъ. Главнѣйшая причина заключается въ томъ, что между преподавателями-географами нѣтъ солидарности во взглядахъ на педагогическое значеніе и постановку географіи, какъ учебнаго предмета въ школѣ; преподаватели большею частью бываютъ недовольны существующими учебниками и нѣкоторые изъ нихъ пытаются составить новый учебникъ. Другое обстоятельство, вызывающее составленіе учебниковъ русскими педагогами,—это изобиліе соотвѣтствующихъ изданій въ иностранной, особенно нѣмецкой литературѣ; гораздо легче составлять учебникъ, имѣя подъ рукой готовый образецъ: стоитъ только переиначить его немного, пригоняя къ требованіямъ русскихъ программъ и учебныхъ плановъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ кажется легко писать учебники географіи! Нужно только присѣсть къ письменному столу, взять десть бумаги и писать, писать, писать... Вѣдь преподаютъ-же до сихъ поръ географію всѣ, кто только пожелаетъ: историки, юристы, математики, даже люди, не получившіе высшаго образованія, домашніе учителя.

Географія—это такой легкій предметъ: много-ли нужно умѣнья, чтобы припомнить главныя горы, рѣки, города, разсказать о движеніяхъ земли; кто-же этого не знаетъ? Но на дѣлѣ оказывается, что элементарное изложеніе географическихъ фактовъ дѣло далеко не легкое, и изъ большаго числа русскихъ учебниковъ по географіи нѣтъ ни одного вполнѣ пригоднаго. Говоря вообще, лучшіе учебники по географіи, какъ, впрочемъ, и по другимъ предметамъ, выходили изъ подъ пера ученыхъ, профессоровъ, даже академиковъ. Такъ, физическая географія и физика академика Ленца считались въ свое время лучшими учебниками. Въ настоящее время изъ иностранныхъ учебниковъ по географіи должны считаться лучшими книги Кирхгофа, Зупани, Левассера, извѣстныхъ ученыхъ, одаренныхъ глубокимъ по-

ниманіемъ сущности предмета, умѣющихъ отличать въ изложеніи главное отъ второстепеннаго. Другаго рода составители учебниковъ по географіи, — это опытные педагоги, обыкновенно самоучки, не имѣющіе никакой школы; знанія ихъ не имѣютъ особенной системы и нахватаны случайно. Хорошо, если такой педагогъ-самоучка продолжаетъ совершенствоваться, слѣдя, по крайней мѣрѣ, за современной педагогической литературой по своему предмету; обыкновенно-же такіе педагоги не обращаются къ чужому опыту, считая это какъ-бы унизительнымъ для себя, и выше всего ставятъ свою рутину. Происходятъ довольно комическія недоразумѣнія, когда нашъ педагогъ разражается, наконецъ, собственнымъ учебникомъ; тутъ разомъ высказываются насиженные и застарѣлые грѣхи рутиннаго веденія дѣла. Какія-же требованія мы предъявимъ къ элементарному учебнику географіи? Намъ кажется, что эти требованія можно кратко выразить въ слѣдующихъ словахъ: простое и удобопонятное изложеніе, легко укладывающееся въ головѣ учащагося, разумное ограниченіе учебнаго матеріала, правильность и точность опредѣленій и описаній, находящихся въ соотвѣтствіи съ современнымъ уровнемъ научной географіи и требованіямъ другихъ отраслей знанія. Можно сказать, что это общія требованія и для учебниковъ всѣхъ предметовъ, но учебникъ географіи и особенно курсъ приготовительный представляетъ наибольшія трудности при составленіи. Существуютъ составители учебниковъ географіи (напр., Линбергъ), которые, издавъ уже давно учебники общей географіи и географіи Россіи, до сихъ поръ не издали учебника приготовительнаго курса. Конечно, это происходитъ не отъ убѣжденія въ пригодности существующихъ учебниковъ, а отъ сознанія трудности задачи. Трудность эта заключается въ томъ, что въ учебникъ приготовительнаго курса географіи по необходимости должны войти нѣкоторыя геометрическія понятія, а также потому, что учениковъ приходится знакомить съ довольно сложными для дѣтей представленіями изъ математической и физической географіи. Веденіе курса должно быть насколько возможно болѣе нагляднымъ: хорошій атласъ и стѣнная карта, глобусъ, теллурій и географическія картины, по содержанію соотвѣтствующія курсу, должны здѣсь являться необходимыми пособіями; въ учебникѣ-же всѣ запоминаемые факты должны быть изложены рѣзко, ясно, точно и въ научномъ отношеніи правильно. Всякаго рода туманности, неопредѣленные намеки и гипотезы должны быть исключены изъ учебниковъ вообще и учебниковъ приготовительнаго курса въ особенности.

Установивъ вкратцѣ взглядъ на обстановку учебника географіи,

перейдемъ къ учебнику г. Обломкова. Этотъ, очень опрятно изданный, учебникъ заключаетъ въ себѣ 88 страницъ текста, 16 чертежей и 4 картины въ текстѣ. Болѣе четверти учебника (26 стр.) составляетъ приложеніе, состоящее изъ краткаго обзора Россійской имперіи. Помѣщеніе географіи Россіи въ приложеніи имѣетъ, конечно, практическую цѣль, такъ какъ, на основаніи новыхъ учебныхъ плановъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, краткій курсъ географіи Россіи долженъ имѣть мѣсто въ началѣ курса втораго класса реальныхъ училищъ и въ концѣ курса перваго класса гимназій. Географическій обзоръ Россіи у г. Обломкова, по объему, болѣе соотвѣтствуетъ курсу реальныхъ училищъ и слишкомъ великъ для перваго класса гимназій. Распредѣленіе учебнаго матеріала въ учебникѣ г. Обломкова слѣдующее. Курсъ начинается ученіемъ о горизонтѣ, послѣ чего слѣдуетъ изложеніе истиннаго движенія земли вокругъ оси и описаніе глобуса и карты плоскошарія. Затѣмъ авторъ приступаетъ къ горизонтальному распредѣленію суши и моря, частямъ океановъ, материковъ, устройству поверхности суши и рѣкамъ. Послѣ этого слѣдуетъ годовое движеніе земли, климатъ, флора, фауна и населеніе земнаго шара. Послѣднее разсматривается со стороны раздѣленія на расы, религіи и образованія государствъ. Какъ видно изъ приведеннаго краткаго содержанія учебника, особенности порядка изложенія заключаются въ томъ, что статья о движеніи земли вокругъ солнца отдѣлена отъ изложенія суточнаго движенія земли. Такое отдѣленіе, мѣшающее цѣлостному представленію о движеніяхъ земли, можетъ быть оправдано только тѣмъ соображеніемъ, что этотъ вопросъ математической географіи должно считать труднымъ для дѣтскаго пониманія, и, поэтому, его желательно отодвинуть въ конецъ курса или, по крайней мѣрѣ, на второе полугодіе. Во второмъ полугодіи дѣти явятся какъ-бы болѣе развитыми и болѣе способными къ усвоенію труднаго вопроса. Это соображеніе, кажущееся съ перваго взгляда основательнымъ, является, при ближайшемъ разсмотрѣніи, далеко не таковымъ. Вопросъ о движеніи земли вокругъ солнца, дѣйствительно, требуетъ отъ учениковъ нѣкоторой подготовки. Они должны, для основательнаго усвоенія этого вопроса, имѣть ясныя геометрическія представленія о пересѣченіи плоскостей и отношеніяхъ прямой линіи къ плоскости. Они должны быть въ состояніи выдѣлить воображеніемъ земную ось и представить себѣ ея наклоненіе подъ неизмѣняющимся угломъ и притомъ въ одну и ту-же сторону, однимъ словомъ, понять, что земная ось при различныхъ положеніяхъ земли остается параллельною себѣ самой. Спрашивается, можно-ли всего этого

требовать отъ дѣтей младшаго возраста, хотя-бы уже полгода изучающихъ географію? Конечно, нѣтъ, потому что, для яснаго пониманія упомянутыхъ отношеній, необходимо пройти курсъ геометріи, доступной только ученикамъ старшихъ классовъ учебныхъ заведеній. Никакія свѣдѣнія, пройденныя въ началѣ курса геометріи, не могутъ подготовить людей къ надлежащему пониманію вопроса о движеніи земли вокругъ солнца. Какъ-же, въ такомъ случаѣ, пройти этотъ важный вопросъ? Очевидно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о точномъ, научномъ изложеніи, и все должно ограничиться демонстраціею движеній земли на теллуріи или помощью перемѣщенія глобуса изъ одного положенія въ другое. Поэтому отнесеніе вопроса объ этомъ движеніи къ концу курса не имѣетъ никакого основанія.

Что касается до самаго изложенія учебника, то, можно сказать, что оно часто является весьма неточнымъ и грѣшитъ противъ научной истины. Приведемъ нѣсколько такихъ неточностей и погрѣшностей въ порядкѣ изложенія учебника.

Страница 1-я. Уже на первой страницѣ намъ приходится считаться съ грубою неточностью, которая можетъ оказаться хуже простой ошибки: плоскость горизонта названа здѣсь *площадью*. Такое смѣшеніе понятій можетъ повести къ тому, что впослѣдствіи, при занятіяхъ геометріей, ученикамъ будетъ трудно усвоить надлежащій терминъ для обозначенія точнаго представленія о площади. Термины и опредѣленія, неправильно усвоенныя въ дѣтствѣ, всегда очень трудно поправлять впослѣдствіи. Затѣмъ авторъ предлагаетъ опредѣлять сѣверъ по солнцу и компасу. Послѣднее опредѣленіе мы не совѣтовали-бы указывать дѣтямъ, потому что компасная стрѣлка направляется по магнитному, а не географическому меридіану.

Стр. 2-я. Описаніе изображенія горизонта и странъ свѣта очень необстоятельно. Авторъ говоритъ: *точка на верхней части круга называется сѣверъ* и т. д., вмѣсто того, чтобы сказать: обыкновенно принято сѣверъ помѣщать въ верхней части круга, изображающаго горизонтъ. Существуютъ планы, гдѣ размѣщеніе странъ свѣта иное. Ничего не упомянуто о градусномъ разстояніи странъ свѣта на горизонтѣ и его изображеніи.

Стр. 3-я. Въ параграфѣ о формѣ земли опять допущены неточности. Такъ, напримѣръ, сказано: путешественники, слѣдуя изъ Европы постоянно по направленію къ востоку, возвращались въ Европу-же только съ запада... Если принимать здѣсь слова *востокъ* въ точномъ смыслѣ, то окажется, что ни одинъ путешественникъ не ѣздилъ «постоянно по направленію къ востоку». Также совершенно

неправильно форму горизонта и небеснаго свода приводить какъ доказательство шаровидности земли. Оба эти явленія чисто оптическія и происходятъ отъ невозможности для нашего глаза видѣть далѣе опредѣленнаго и во всѣ стороны одинаковаго разстоянія.

Стр 4-я. Суточное движеніе земли изложено очень сложно и неудачно. Совершенно невѣрно составлена фраза: *днемъ мы называемъ свѣтлую часть сутокъ, а ночью темную*. Авторъ, выпустившій въ свѣтъ свою книгу въ Петербургѣ, вѣроятно, забылъ, что у насъ бываютъ совершенно свѣтлыя, т.-е. бѣлыя ночи, и очень темные дни. Днемъ называютъ ту часть сутокъ, когда солнце находится надъ горизонтомъ; а напряженіе освѣщенія зависитъ отъ разныхъ причинъ. Вся бѣда въ томъ, что авторъ совершенно игнорировалъ точное описаніе видимаго суточнаго и годоваго движенія солнца, вѣроятно, полагая, что эти вопросы сами по себѣ ясны для дѣтей. Оказалось, что они не совсѣмъ ясны и для самого автора. Во всякомъ случаѣ, эти вопросы должны предшествовать ученію объ истинномъ движеніи земли.

Стр. 6-я. Статья о глобусѣ и географической сѣткѣ также заключаетъ весьма неудобныя и неправильныя выраженія. Такъ, напримѣръ, глобусомъ авторъ называетъ «*изображеніе земли на шарѣ*», а изображенія земли на плоскости названы *полушаріями!?* Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать «плоскошаріями». Но и въ такомъ случаѣ онъ былъ-бы неправъ, потому что не всякое изображеніе земли есть плоскошаріе (planiglobe). Существуетъ изображеніе всей поверхности земли и въ прямоугольникѣ, какъ на извѣстной меркаторской картѣ. Построеніе сѣтки плоскошарія напечатано почему-то мелкимъ шрифтомъ, хотя эту статью нельзя причислить къ необязательнымъ и маловажнымъ.

Стр. 9-я. Въ статьѣ о долготѣ и широтѣ опредѣленіе этихъ понятій неточно. Не всякое разстояніе мѣста отъ экватора можно назвать широтою, точно также не всякое разстояніе отъ перваго меридіана называется долготою.

Стр. 15-я. Извилистость береговъ и развитіе береговой линіи не ясно отдѣляется авторомъ отъ степени изрѣзанности общаго контура частей свѣта. На той-же страницѣ авторъ говоритъ, что полуостровамъ *соотвѣтствуютъ* извѣстные заливы. Такъ, напримѣръ, Конинскому полуострову соотвѣтствуетъ Чесская губа, Кольскому полуострову—Бѣлое море и т. п. Мы не знаемъ, какъ самъ авторъ понимаетъ это соотвѣтствіе, по крайней мѣрѣ онъ нигдѣ не даетъ объясненія этому туманному, имъ придуманному, выраженію.

Въ какомъ соотвѣтствіи можетъ находиться полуостровъ съ заливомъ или моремъ? По формѣ? Но такого соотвѣтствія не существуетъ. По положенію? Но тогда не нужно вводить новый терминъ, только затрудняющій пониманіе. То же разсужденіе относится къ фразѣ, что *мысамъ* соотвѣтствуютъ *бухты*. Такимъ образомъ, *соотвѣтствіе*, изобрѣтенное авторомъ, есть нѣчто фиктивное, не существующее въ дѣйствительности.

Стр. 18-я. Въ отдѣлѣ о равнинахъ авторъ говоритъ, что низменности обыкновенно населены плотнѣе, причемъ не объясняетъ, что называется плотностью населенія. Мы полагаемъ, что ученіе о плотности населенія не можетъ относиться къ приготовительному курсу и не легко можетъ быть понято дѣтьми.

Стр. 20—24. Здѣсь помѣщено краткое описаніе поверхности отдѣльныхъ частей свѣта. Намъ кажется, что такія описанія совсѣмъ не вытекаютъ изъ самой идеи приготовительнаго курса, гдѣ долженъ находиться общій обзоръ поверхности земнаго шара. Въ краткихъ чертахъ совершенно невозможно установить отличія въ устройствѣ поверхности частей свѣта; это задача слѣдующаго курса. Авторъ, сверхъ того, неправильно объясняетъ значеніе нѣкоторыхъ возвышенностей. Такъ, напримѣръ, Гинду-кушъ, по мнѣнію автора, *раздѣляетъ* азіатское плоскогоріе на двѣ части: восточную и западную, тогда какъ мы привыкли смотрѣть на этотъ хребетъ, какъ на горный узелъ, *связывающій* Памиръ, Иранъ и Тибетъ.

Стр. 26-я. «Существованіе вулкановъ указываетъ на существованіе внутри земли вулканической силы. Дѣйствіе вулканической силы на поверхности земли обнаруживается землетрясеніями и изверженіями вулкановъ». Эта фраза, оставленная безъ дальнѣйшихъ объясненій, можетъ повести къ неправильнымъ представленіямъ, такъ какъ землетрясенія могутъ происходить безъ малѣйшаго участія вулканической силы, какъ это извѣстно о землетрясеніяхъ въ средней Азіи.

Стр. 34-я. «Воздушныя теченія (вѣтры), такъ-же какъ и океаническія, образуются отъ различія въ температурѣ». Мысль, выраженная такимъ образомъ, оказывается въ настоящее время совершенно не научною.

Стр. 36—45. Въ отдѣлѣ о рѣкахъ не указано отличія внутреннихъ бассейновъ и даже игнорируется самое ихъ существованіе.

Длина Волги показана невѣрно.

Стр. 46-я. Въ статьѣ о годовомъ движеніи земли сказано, что ось земли наклонена къ *орбитѣ*, вмѣсто *плоскости эклиптики*, что далеко не одно и то-же. Далѣе сказано, что 9-го марта и 10

сентября *«солнце приходится надъ экваторомъ»*,—фраза совершенно непонятная и невозможная.

Стр. 48—50. Въ статьѣ о климатѣ авторъ не задумывается дать опредѣленія климатовъ частей свѣта въ двухъ-трехъ строкахъ для каждой. Отъ такихъ краткихъ опредѣленій происходятъ большія неточности: для однѣхъ частей свѣта указывается распредѣленіе теплоты, для другихъ распредѣленіе влажности. Азія отличается, по мнѣнію автора, континентальностью климата. Авторъ забываетъ при этомъ, что лучшія страны Азіи: Китай и Остъ-Индія отличаются обильнымъ орошеніемъ и морскимъ климатомъ.

Стр. 55-я. Негрская раса названа почему-то племенемъ.

Стр. 64-я. Вслѣдствіе неточности описанія поверхности Европейской Россіи вышло, что Валдайскія горы находятся между Днѣпромъ и Дономъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о картинахъ, находящихся въ текстѣ учебника. Какъ мы уже упоминали, ихъ всего четыре, и это незначительное ихъ количество, намъ кажется, указываетъ на то, что авторъ не имѣлъ серьезнаго намѣренія иллюстрировать свой учебникъ, а помѣстилъ картины только потому, что клише были у него подъ руками, или ихъ легко было достать. Всѣ эти картины не оригинальны и представляютъ отпечатки со старыхъ клише. Наиболѣе полезною картиною для учениковъ можно было-бы назвать идеальный ландшафтъ, помѣщенный на 41 страницѣ, а также и на обложкѣ учебника. Этотъ ландшафтъ есть очень уменьшенное изображеніе стѣнной картины Хирта. Не вдаваясь въ оцѣнку достоинствъ послѣдней, какъ учебнаго пособія, мы замѣтимъ только, что на маленькомъ снимкѣ съ нея, помѣщенномъ въ разбираемой книжкѣ, многое вышло очень неразборчиво и по этому не вразумительно для дѣтей. По нашему крайнему разумѣнію, картины въ учебникахъ для дѣтей должны быть разборчивы и хороши, иначе лучше отказаться отъ нихъ: тогда и цѣна учебника могла-бы быть не столь высока, какъ цѣна учебника г. Обломкова. Въ заключеніе мы должны признаться, что, по совѣсти, не можемъ пожелать этому учебнику распространенія среди учащейся молодежи. Автору необходимо сдѣлать указанныя поправки и измѣнить планъ своего учебника, короче, если есть охота и время, то написать другой учебникъ.

А. Соколовъ.

Обзоръ нашихъ дѣтскихъ журналовъ за 1890 годъ.

Приступая къ обзору журналовъ для дѣтей за прошлый годъ, мы должны оговориться, что прежде всего будемъ имѣть въ виду интересы читателей этихъ журналовъ, т.-е. будемъ указывать, главнымъ образомъ, на тѣ статьи въ нихъ, которыя, по нашему мнѣнію, могутъ быть съ интересомъ и пользою прочитаны дѣтьми того или другаго возраста. Но, конечно, эти наши указанія не могутъ быть доступны непосредственно дѣтямъ, такъ какъ они педагогическихъ журналовъ не читаютъ, а лишь ихъ родителямъ или воспитателямъ, ибо чтеніе дѣтскихъ журналовъ, какъ и вообще дѣтское чтеніе, нуждается въ руководствованіи со стороны старшихъ. Нерѣдко хорошо составленная та или иная статья можетъ почему-либо показаться иному читателю скучною, а потому и остаться имъ непрочитанною. Дѣло воспитателя обратить вниманіе своего питомца на такую статью, прочесть ее вмѣстѣ съ нимъ и, если окажется нужнымъ, помочь ему своими разъясненіями понять и усвоить ея содержаніе. Собственно, для этого слѣдовало-бы самимъ родителямъ и воспитателямъ предварительно прочитывать тѣ журналы, которые они намѣрены дать въ руки дѣтямъ, и указывать послѣднимъ на статьи, подлежащія съ ихъ стороны прочтенію. Но такъ какъ время и другія занятія не всегда позволяютъ воспитателямъ поступать именно такимъ желательнымъ образомъ, то на педагогическомъ журналѣ лежитъ обязанность оказать имъ въ этомъ отношеніи помощь своими указаніями на тѣ статьи въ нумерахъ дѣтскихъ журналовъ за извѣстный годъ, которыя они могутъ рекомендовать своимъ дѣтямъ для прочтенія.

Для удобства обозрѣнія, мы въ каждомъ журналѣ будемъ говорить сперва о статьяхъ беллетристическаго, а затѣмъ о статьяхъ дидактическаго или научнаго содержанія.

1) «*Дѣтское чтеніе*» (редакторъ—до № 11-го включительно—Д. Д. Семеновъ, издатель С. Ф. Яздовскій), С.-Петербургъ, 1890 г.

Въ журналѣ преобладающее мѣсто отведено беллетристикѣ; дурнаго въ такомъ преобладаніи повѣстей и разсказовъ надъ статьями научнаго содержанія, разумѣется, нѣтъ; дурно лишь то, что большая часть беллетристики «Дѣтскаго чтенія» скучна, неинтересна, отличается какою-то искусственностью. Во многихъ разсказахъ просвѣчиваетъ голая мораль, выражаемая или отъ лица самихъ авторовъ, или-же вложенная въ уста какихъ-то «образовъ безъ лицъ»; добрыхъ намѣреній, усердія у этихъ бѣдныхъ авторовъ много, но таланта, даже литературнаго умѣнья, иногда даже грамотности—очень мало. Вотъ, въ первомъ-же нумерѣ помѣщенъ разсказъ г. *Б—ра* «Адамъ и копейка». Въ этой статьѣ, вялой и скучной вообще, имѣется, между прочимъ, такое странное разсужденіе о банкахъ: «Ты знаешь, что меня прозвали Адамомъ? Вотъ я и сталъ думать про Адама и *какъ хорошо ему жилось на всемъ готовомъ*, и сталъ я мечтать своимъ *глупымъ разумомъ* (да, дѣйствительно, *глупымъ*, какъ это, конечно, могутъ видѣть сами читатели)—какъ-бы было всѣмъ намъ хорошо: *ни зависти, ни злобы не было-бы, если-бы тогда были банки и положилъ-бы нашъ прародитель хотя-бы одну копейку; однихъ процентовъ теперь хватило-бы на всѣхъ людей и всѣ-бы жили въ достаткѣ и довольствѣ (,) въ мірѣ и согласіи»* (№ 1, стр. 51). Полагаемъ, что этой выписки о значеніи банковъ, въ которыхъ деньги будто-бы растутъ сами собою, независимо отъ народнаго труда, и которые, поэтому, будто-бы могутъ освободить всѣхъ людей отъ необходимости трудиться, вполнѣ достаточно для характеристики произведенія автора и редакціи журнала, помѣстившаго такое произведеніе... «Сиротка Яша» г-жи Лаврентьевой (№ 1) такъ прямо и начинается, что, молъ: «Яша былъ хорошій мальчикъ—услужливый, добрый». Такимъ образомъ, аттестатъ герою разсказа выданъ сразу; что-же тутъ читать дальше? Дальше и будетъ все то-же, что «Яша былъ хорошій мальчикъ». Задумываться, опредѣлять хорактеръ Яши на основаніи его дѣйствій читателю нѣтъ надобности: «хорошій мальчикъ»—только и всего. Пишетъ г-жа Лаврентьева такимъ языкомъ, что пушкинскій періодъ русской литературы для нея какъ будто-бы не существовалъ вовсе; она живетъ еще въ карамзинскомъ періодѣ: «Милая, дорогая моя пѣвунья,—говорила дѣвушка, цѣлуя пѣночку;—какъ ты утѣшала меня въ моей горькой, одинокой жизни! Спасибо тебѣ за все! Какъ мнѣ жаль, что я не могу взять тебя въ дальній путь. Но не бойся; я нашла тебѣ хорошее пристанище у моей доброй хозяйки». Въ томъ-же родѣ написана рождественская сказка «Волшебный фонарь» А. Сахаровой (№ 1). Г-жа А. Розельонъ-Сошальская, въ приторно-

добродѣтельномъ разсказѣ своемъ «Коньки» (№ 11) выражается такимъ образомъ: «На слѣдующій день на набережной онъ (товарищъ добродѣтельнаго Ѳеди) былъ смѣлѣе. Онъ предложилъ мальчику взяться носить его коньки съ катка къ нему домой, а въ вознагражденіе имѣть право отдавать ихъ въ его отсутствіе желающимъ кататься» (стр. 463). Въ статьѣ «Лѣто на Сунжѣ», изъ воспоминаній, В. Желиховской, помѣщенной въ №№ 6, 7, 8, 9, 10 журнала,—въ статьѣ, написанной вообще живо и не лишенной интереса, попадаются совершенно невозможныя мѣста. Вотъ, напримѣръ, выраженія, которыми уснащены полторы странички (113—114), на которыхъ говорится про мачиху: «Баба яга!.. Вѣдьма кіевская! Обвѣнчалась-бы лучше съ домовымъ на Лысыхъ горахъ, чѣмъ съ нашимъ папой... Чертовка! Злая Баба яга, что въ сказкѣ Аленушку изжарить хотѣла (,) да сама въ печь попала... Дай намъ Богъ и нашу туда-же отправить... Да хоть-бы папа меня ножемъ рѣзалъ, такъ я никогда ее матерью не назову!—вскричала дѣвочка, злобно стиснувъ кулаки и бросая сверкающіе взгляды на дверь, въ ту сторону дома, гдѣ, предполагала, находится ея мачиха.—Не дай Господи,—горячо подтвердила няня.—Да покойница матушка ваша въ гробу перевернется, коли вы да чужую женщину за мѣсто матери себѣ примете... А тутъ еще батюшка родной, нечего сказать, наградилъ дѣтокъ мачихой... Злодѣйка лютая!... И ликъ-то у нея эфіопскій: зубы, что те у людоѣдки; а глазища какъ выпучитъ, такъ, кажется, тебя и проглотитъ. Чистая кикимора!.. Чертовка!» Конечно, въ дѣйствительности, иногда, напримѣръ, на Сѣнной площади, выражаются еще энергичнѣе, но вѣдь нельзя-же всякую дѣйствительность тискать въ литературу, да еще дѣтскую...

Нѣкоторый интересъ для дѣтей средняго и старшаго возрастовъ можетъ представить повѣсть *М. Богемскаго* (псевдонимъ г. Чехова), напечатанная въ №№ 1 и 3-мъ, подъ заглавіемъ «У моря». Чахоточный юноша ѣдетъ, для поправленія своего здоровья, въ Крымъ; онъ ѣдетъ одинъ, но на пути знакомится съ одною добродѣтельною женщиною, которая ухаживаетъ за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ; на рукахъ ея онъ и умираетъ. Все это разсказано довольно вяло; повѣсть, какъ таковая, очень слаба; вѣроятно, она принадлежитъ къ юношескимъ произведеніямъ вышеназваннаго автора, или-же написана имъ съ плеча, «въ *дѣтскомъ* журналѣ и такъ, молъ, сойдетъ»... Но въ повѣсти есть недурныя описанія природы и жизни южнаго края, и ради этого-то она и заслуживаетъ быть прочтенною. Разсказъ Жюля Кларети «Бумъ-бумъ»—про клоуна, излѣчившаго своими фо-

кусами больнаго ребенка, очень граціозенъ, но переводъ его давно, и уже не одинъ разъ, былъ помѣщаемъ въ другихъ, не дѣтскихъ, изданіяхъ. Разсказъ «Рождественская мятель» (№ 1), съ подписью «Земскій врачъ»,—о сельскомъ врачѣ, позванномъ въ непогоду въ отдаленную деревню, наканунѣ Рождества, когда онъ сидѣлъ въ кругу своей милой семьи, къ опасно больному, причемъ во время пути его чуть было не занесло снѣгомъ и онъ спасся и могъ исполнить свой долгъ только благодаря чутью своей, бывшей съ нимъ, собаки,—этотъ разсказъ былъ-бы недуренъ, если-бы ему дать нѣкоторую литературную отдѣлку. Разсказъ «Машинистъ», А. Бахтіарова (№ 3), мало знакомитъ съ желѣзнодорожною службою, но, какъ эпизодъ изъ нея, можетъ быть прочтенъ съ интересомъ, равно и «Свѣтлая ночь» В. Табурина (№ 4) и «Золотая чаша»—китайская легенда (пер. съ англ.), изъ которой читатель немного знакомится съ китайскою жизнью, а именно съ китайскою школою и системой экзаменовъ на ученыя степени. «Ната»—В. Андреевской (№ 2)—изъ временъ царя Алексѣя Михайловича, про племянницу-воспитанницу Нарышкина Наталью, которой странникъ прорицаетъ о томъ, что она будетъ царицей (стр. 158), что, разумѣется, и осуществляется. Разсказъ—плохой и мало знакомитъ съ бытомъ того времени, но все-таки кое что даетъ въ этомъ отношеніи, а потому и пригоденъ для дѣтей средняго возраста. Нѣсколько лучше разсказъ изъ того-же времени «Внѣ терема»—С. Прибытковой (№№ 4 и 5). Разсказъ «Тряпичный тузъ»—А. Бахтіарова (№ 11) любопытенъ по подробностямъ изъ жизни тряпичниковъ, но отношенія автора къ своему герою страдаютъ неопредѣленностью (стр. 509), а потому и самый разсказъ оставляетъ тусклое впечатлѣніе. Разсказъ «Эврикъ мореплаватель», изъ скандинавскихъ сагъ (пер. съ англ.) (№№ 3—6), имѣющій цѣлью доказать, что Америка была извѣстна скандинавамъ уже въ XI ст., хорошъ по началу, но затѣмъ черезчуръ растянутъ, такъ что у дѣтей, по справедливости, не хватитъ терпѣнія одолѣть его до конца. «Старшины Вильбайской школы» (пер. съ англ.)—очерки жизни въ закрытыхъ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ, весьма обстоятельно знакомящіе съ этою жизнью; это, при всей его растянутости, лучшій изъ разсказовъ въ «Дѣтскомъ чтеніи», но, къ сожалѣнію, онъ обрывается на 11-мъ нумерѣ, когда г. Д. Семенова замѣнилъ другой редакторъ—самъ издатель г. Яздовскій.

Всѣ почти статьи, которыя мы отмѣтили какъ заслуживающія, при значительной, однако, снисходительности и пониженности требованій, прочтенія, могутъ быть рекомендованы для чтенія дѣтямъ пре-

имущественно средняго возраста. Объ остальныхъ статьяхъ беллетристическаго содержанія не стоитъ упоминать—до того онѣ плохи.

Въ «Дѣтскомъ чтеніи» печатается много стиховъ,—по 3—4 стихотворенія въ каждомъ нумерѣ. Большинство стихотвореній—крайне плохи. Было-бы лучше избѣгать помѣщенія въ дѣтскихъ журналахъ плохихъ стиховъ, такъ какъ даже 7—8-лѣтнія дѣти уже знакомятся, по своимъ книгамъ для чтенія и даже по своимъ азбукамъ, съ произведеніями нашихъ лучшихъ поэтовъ, заучиваютъ многія изъ нихъ наизустъ, а потому и могутъ до извѣстной степени относиться уже критически къ тому стихоплетству, которое они встрѣчаютъ въ дѣтскихъ журналахъ, что, конечно, только компрометируетъ послѣдніе въ глазахъ юныхъ читателей. Очень многія дѣти знаютъ, напр., превосходное стихотвореніе Кольцова «Что дремучій лѣсъ...»; каковы-же покажутся имъ такія вирши («Лѣсъ зимою» И. Кузнецова, № 2):

Гдѣ зеленый шлемъ
Твой, дремучій лѣсъ?
Гдѣ побѣдный (?) плащъ
Твой, старинушка?...

Или снялъ его
Твой старинный врагъ
И унесъ съ собой
Въ страну дальную?..

и т. д. и т. д.—цѣлыя три страницы... Недурны только въ «Дѣтскомъ чтеніи» стихотворныя переложенія (I—XV, №№ 1, 3, 5 и 6) басенъ Эзопа, сдѣланныя г. Н. Позняковымъ. Имъ предпослана (въ №№ 1—3) анекдотическая біографія Эзопа, которая также прочтется не безъ удовольствія.

Изъ статей научнаго содержанія недурны разсказы, по Маршаллю, В. Иверсена: «Во льду и снѣгу», «Зимній сонъ животныхъ» (№№ 1 и 3), «Ласточки снова прилетѣли» (№№ 5—6), «Пернатые строители» (№№ 8—9). Эти разсказы могутъ служить, для дѣтей средняго и старшаго возраста, отчасти дополненіемъ и обобщеніемъ тѣхъ разрозненныхъ и сухихъ свѣдѣній по естественной исторіи, которыя обыкновенно даетъ наша школа, или-же знакомить, въ легкой, общедоступной формѣ, съ нѣкоторыми фактами зоологіи дѣтей, въ школѣ этого предмета не изучающихъ. Явленія защитительной окраски птицъ и сна животныхъ зимою изложены живо и занимательно. Напрасно только, по нашему мнѣнію, авторъ даетъ такія подробныя описанія отдѣльныхъ птицъ, которыя запомнить со словъ все равно нельзя; для этого нужно непосредственное разсмотрѣніе самой данной птички, или чучела, или модели ея, или-же, наконецъ, хотя-бы раскрашеннаго изображенія птицы. Вотъ, напр., описаніе «водяной оляпки»: «Опереніе ея не отличается пестротою; спина у нея сѣробурая, грудка бѣлая, все остальное опереніе сѣровато темное. По фигурѣ и по своимъ дви-

женіямъ она нѣсколько напоминаетъ королька (А знаютъ-ли читатели этого королька? Не объясняется-ли здѣсь одно неизвѣстное посредствомъ другаго, еще болѣе неизвѣстнаго?), но она больше его, такъ, величиною со скворца, и кромѣ того тѣло ея менѣе стройно, а хвостъ короче, чѣмъ у скворца?» и т. д. Къ чему такія сухія подробности и сравненія? Вѣдь, читатель, не наблюдавшій эту птичку въ дѣйствительности, изъ этого описанія, все равно, ничего не запомнитъ и, увидѣвъ оляпку, не различитъ ее отъ другихъ птичекъ, большею частью ему то-же неизвѣстныхъ?.. Намъ думается, что такого рода описанія, вообще безполезно обременяющія память, въ статьяхъ, имѣющихъ тотъ или иной обобщающій характеръ, являются только балластомъ, мѣшающимъ пониманію смысла статьи и ея цѣли... Отмѣтимъ еще, для того-же возраста, статьи: «Путешествующія рыбы»—переводъ съ англійскаго (№ 12), «Слоновая кость»—переводъ съ нѣмецкаго, по Вагнеру (№ 10), «Деревня безъ колесъ»—Бѣлозерскаго уѣзда, края мховъ—Квашнина (ib.), «Новыя вѣсти изъ Африки»—О. Л—ской (№№ 9—10), «Въ гостяхъ у татаръ»—А. В. Статьи: «Эдиссонъ и его изобрѣтенія» (№№ 10—11) Н. Заблоцкаго и «Не шевелитесь»—о фотографіи—А. Пчельникова (№ 11) могутъ быть доступны только читателямъ, уже знакомымъ съ физикою, но для нихъ онѣ будутъ почти безполезны, такъ какъ въ курсѣ физики ученики болѣе систематически и даже болѣе обстоятельно ознакомятся съ тѣмъ, что изложено въ названныхъ статьяхъ въ научномъ отношеніи.

Статьи г. Нечаева (напр., въ № 10-мъ, картонажныя работы) по ручному труду едва-ли многихъ научатъ; всякому мастерству надо учиться на дѣлѣ, а не по описаніямъ и наставленіямъ. Рисунки и вообще внѣшній видъ журнала «Дѣтское чтенія» весьма непривлекательны; бумага (кромѣ первыхъ нумеровъ и послѣдняго)—сѣрая, просвѣчивающая.

2) «*Дѣтскій отдыхъ*» (Редакторы-издательницы: Е. Сарычева и Е. Напалкова), Москва. 1890 г.

Какъ по внѣшнему виду, такъ и по содержанію, «Дѣтскій отдыхъ» можно признать лучшимъ изъ современныхъ дѣтскихъ журналовъ, преимущественно для старшаго возраста. При почти одинаковой цѣнѣ (6 р. въ годъ) съ другими дѣтскими журналами, онъ превосходитъ ихъ объемомъ. Онъ даетъ статьи беллетристическія,—причемъ удѣляетъ много мѣста повѣстямъ и разсказамъ историческимъ,—путешествія, біографіи, естественно-историческія статьи. При такомъ обиліи матеріала для чтенія, даваемаго, впрочемъ, какъ и во всѣхъ нашихъ дѣтскихъ журналахъ, безъ всякой системы, естественно, что въ «Дѣт-

скомъ отдыхѣ» есть не мало статей плохихъ; но хорошо уже и то, что таковыхъ въ немъ меньше, нежели въ другихъ журналахъ для дѣтей. Такъ, напр., въ 1-мъ-же нумерѣ помѣщенъ разсказъ «Мачиха»—А. Догановичъ, которому редакція дала мѣсто, вѣроятно, по неимѣнію ничего другаго, хотя сколько-нибудь сноснаго, взятаго изъ русской жизни. Это — самый шаблонный разсказъ о мачихѣ, «но не о той злой мачихѣ, о которой говорится даже въ сказкахъ, а о хорошей и доброй, вполнѣ замѣнившей имъ (дѣтямъ) родную мать». Удручающе скученъ переводный англійскій разсказъ «Мало-по-малу», тянувшійся чуть не цѣлый годъ. Совершенно непонятно, для чего написанъ длинный разсказъ Н. Аксакова «Странный человѣкъ» (№№ 11—12); если авторъ хотѣлъ немного познакомить читателей съ религіей Брамы, то это можно было сдѣлать несравненно проще, а не городить цѣлый огородъ про случайно попавшаго въ Россію индуса. Его-же, Н. Аксакова, историко-беллетристическій разсказъ «Взятіе Арконы» (№№ 1—8). отличается тѣми-же недостатками. Авторъ, повидимому, имѣетъ основательныя свѣдѣнія по исторіи прибалтійскихъ и полабскихъ, нынѣ исчезнувшихъ, славянъ, но совершенно не обладаетъ способностью къ беллетристическому изложенію. Онъ поступилъ-бы несравненно цѣлесообразнѣе, если-бы далъ хорошій фактическій очеркъ исторіи этихъ славянъ; для того возраста, который, какъ кажется, преимущественно имѣетъ въ виду журналъ «Дѣтскій отдыхъ», вполнѣ доступно такое изложеніе. «Бородавка»—г-жи Киселевой—разсказъ изъ институтской жизни, «Бѣглецъ» г. М. Богемскаго (№ 9), гдѣ начитавшимся Майнъ-Рида и Ж. Верна и задумавшимъ вслѣдствіе этого бѣжать въ Америку мальчикамъ достается «вмѣсто Америки—порка» *), могли-бы не появляться на страницахъ «Дѣтскаго отдыха» безъ всякаго ущерба его достоинствамъ. Г-нъ П. Безобразовъ могъ-бы не разсказывать «Греческихъ сказокъ» (№№ 3 и 9), въ одной изъ которыхъ (въ сказкѣ «Мариго», № 3) *король женится на своей собственной дочери*. Но мы не будемъ перечислять всѣхъ неудачныхъ

*) На такой-же сюжетъ помѣщенъ въ «Дѣтскомъ чтеніи» (№ 9) разсказъ С. С. «Американцы». Мальчиковъ, конечно, схватили и «капитанъ (отецъ) рѣшилъ не подарить вины своему Ванѣ, а употребить родительскую власть въ томъ-же смыслѣ и размѣрѣ, какъ то было въ его, капитана, время». Ваню «перестали интересовать Майнъ-Ридъ и ему подобные писатели» (стр. 294). Итакъ, кромѣ розогъ, два дѣтскихъ писателя и двѣ редакціи дѣтскихъ журналовъ не могли придумать никакого другаго средства противъ увлеченій Майнъ-Ридомъ! Такое безсиліе крайне прискорбно... А не лучше-ли писать и печатать разсказы такіе-же занимательные, какъ пишетъ М. Ридъ, Ж. Вернъ и имъ под., но съ здоровымъ, реальнымъ содержаніемъ?..

статей «Дѣтскаго отдыха»; кромѣ указанныхъ, объ остальныхъ статьяхъ такого-же рода мы предпочитаемъ не упоминать вовсе, какъ это сдѣлали выше, по отношенію къ «Дѣтскому чтенію», и будемъ дѣлать ниже относительно другихъ нашихъ дѣтскихъ журналовъ. Обратимся къ статьямъ, заслуживающимъ быть прочтенными въ «Дѣтскомъ отдыхѣ» за 1890 годъ.

«Картинки съ натуры» — А. П. Смирнова (№ 3) недурны, какъ именно картинки, кромѣ IV-ой, умѣстной скорѣе въ какомъ-нибудь «Листкѣ», нежели въ дѣтскомъ журналѣ. Въ первыхъ четырехъ книжкахъ наиболѣе отведено мѣста исторической повѣсти г-жи Островской — «Въ Голландіи». Сюжетъ повѣсти взятъ изъ исторіи XVI столѣтія, когда Карлъ V-й, послѣ своего отреченія отъ престола, передалъ Нидерланды своему сыну Филиппу, начавшему жестоко преслѣдовать протестантскую религію и желавшему повернуть нидерландцевъ въ католичество. На защиту Нидерландовъ выступилъ принцъ Оранскій. Вотъ къ этому-то тревожному времени и относится содержаніе повѣсти. Въ ней много дѣйствующихъ лицъ, много сложныхъ, запутанныхъ положеній, а потому для средняго возраста чтеніе ея будетъ непосильнымъ, но для дѣтей старшаго возраста, уже знакомыхъ съ исторіею указаннаго столѣтія, повѣсть г-жи Островской можетъ служить полезнымъ чтеніемъ, ибо можетъ довольно полно познакомить съ бытовою стороною того времени. Кромѣ того, въ повѣсти есть хорошо, рельефно очерченныя личности и сцены (напр., сцена спора двухъ врачей — прогрессиста и рутинера въ медицинѣ, стр. 373, № 3), есть захватывающіе вниманіе эпизоды (напр., описаніе осады Лейдена, стр. 355, ib.), вообще, есть движеніе, есть жизнь. Но повѣсть все-таки страдаетъ растянутостью и отъ нѣкоторыхъ сокращеній она только выиграла-бы. «Въ обители Св. Шіо» — В. Желиховской (№№ 1—2), хотя и названо «повѣстью», но повѣсти тутъ никакой нѣтъ; это просто описаніе поѣздки на богомолье въ Мцхетъ, древнюю столицу Грузіи, близъ Тифлиса, а изъ Мцхета — въ Шіомгвинскую пустынь *). Авторъ описываетъ видѣнные имъ мѣстности, костюмы и обычаи туземцевъ, разсказываетъ о распространеніи въ Грузіи православной вѣры и о гоненіяхъ на грузинъ-христіанъ со стороны языческихъ сосѣдей, въ особенности-же со стороны магометанъ-персовъ. Все это написано живо и читалось-бы съ большимъ интересомъ, если-бы не безпрестанныя отступленія автора отъ той темы, которая въ данную минуту должна

*) Мгвинъ — погрузински пещера. Шіо — Святой изъ числа тринадцати сирійскихъ просвѣтителей Грузіи христіанствомъ.

была-бы быть для него главною. Дѣло въ томъ, что авторъ ѣздилъ на богомолье въ большой компаніи, и передача разговоровъ, иногда самыхъ пустыхъ и скучныхъ, членовъ этой компаніи между собою постоянно отвлекаетъ автора отъ главнаго, разсѣеваетъ, въ свою очередь, вниманіе читателя, не даетъ ему возможности ни на чемъ сосредоточиться. Авторъ не умѣетъ соблюсти должной мѣры, не умѣетъ распорядиться матеріаломъ, и это очень вредитъ его таланту. Еслибы повѣсть, или собственно путешествіе, сократить на добрую треть, оно много выиграло-бы въ отношеніи занимательности. Изъ другихъ беллетристическихъ произведеній, пригодныхъ для средняго, а отчасти и для старшаго возраста, заслуживаютъ прочтенія: «Счастье», повѣсть для юношества — г. Круглова (№№ 4, 5, 6 и 7); «На волосокъ отъ смерти»—А. Смирнова (№ 12), «Лѣсникъ»—Н. Познякова (ib.), «Холмъ надеждъ»—Н. Боголюбова (№ 5). Въ общемъ, беллетристическій отдѣлъ «Дѣтскаго отдыха», будучи не особенно высокимъ самъ по себѣ, все-таки значительно выше беллетристики остальныхъ дѣтскихъ журналовъ.

Несравненно богаче и лучше въ «Дѣтскомъ отдыхѣ» статьи болѣе или менѣе научнаго содержанія. «Долина священнаго Нила» начинается описаніемъ Каира, затѣмъ описываются: мѣсто, гдѣ находился городъ Мемфисъ, пирамиды, храмы, муміи и т. п. Описаніе это, составленное г-жою Юркевичъ по Оппелю, Кигну, Андреевскому и Эберсу, читается съ интересомъ. Нельзя того-же сказать про статейку г. Немировича-Данченка «Монахи-работники» (№ 2); всего на трехъ страничкахъ авторъ приводитъ разсказъ соловецкаго монаха Авраама о томъ, какъ онъ и другіе монахи отучаютъ себя тяжелыми работами отъ воспоминаній о мірѣ и его суетахъ. Другая статья того-же автора и подъ тѣмъ-же заглавіемъ (№ 9)—о Святогорскомъ монастырѣ на Донцѣ—болѣе содержательна. Въ статьѣ «Великій артистъ-крестьянинъ»—В. Е. (№ 1) дается біографія М. С. Щепкина. Первая часть статьи, разсказанная по извѣстному отрывку изъ автобіографіи артиста, конечно, очень хороша и представляетъ собою прекрасную историческую картину провинціальной школьной, помѣщичьей и актерской жизни начала текущаго столѣтія. Но московская жизнь и дѣятельность Щепкина разсказаны очень поверхностно; артистическая дѣятельность Щепкина была-бы, впрочемъ, малопонятною для юныхъ читателей, вообще мало знакомыхъ съ сценическимъ искусствомъ и его требованіями. Такимъ образомъ, статья г. В. Е. имѣетъ интересъ не столько какъ біографія знаменитаго артиста, сколько какъ историческая картинка изъ русской жизни.

По русской исторіи даны двѣ статьи; «Пещное дѣйство» (№ 1) и «Такъ прежде было» (№№ 3 и 4); обѣ онѣ написаны г. Н. Красноселовымъ и относятся къ царствованію Алексѣя Михайловича. Время это, какъ наиболѣе разработанное, съ бытовой стороны, нашими историками (труды Забѣлина, Костомарова и др.), чаще всего эксплуатируется въ журналахъ для дѣтей. Въ первой статьѣ сухо, безъ всякаго вступленія описывается извѣстный обрядъ пещного дѣйствія. По нашему мнѣнію, автору слѣдовало-бы предварительно разсказать нѣчто о средневѣковыхъ мистеріяхъ и о переходѣ ихъ къ намъ, въ Кіевъ; это придало-бы очерку большую полноту и законченность. Во 2-й статьѣ описываются: Іордань, Водокрестіе, Дѣйство Страшнаго суда, Процессные дни, Дѣйство православія, шествіе патріарха на осляти въ цвѣтоносную недѣлю, день Свѣтлаго Воскресенья и какъ проводилъ этотъ день царь. Первая статья, какъ мы уже сказали, суховата, но вторая очень интересна; обѣ могутъ быть съ пользою прочитаны дѣтьми какъ средняго, такъ и старшаго возрастовъ.

Статья г. Вольногорскаго «Подъ снѣгомъ»—прекрасная, именно такая, какихъ мы желали-бы для дѣтскихъ журналовъ, но которыя были-бы даны въ извѣстной системѣ, въ послѣдовательномъ рядѣ, а не изолированно одна отъ другой, которыя обобщали-бы, объединяли знанія читателей, а не способствовали еще большей ихъ разрозненности. Авторъ говоритъ о теплѣ и холодѣ, какъ о причинахъ перелета птицъ и зимней спячки. Основная мысль статьи та, что природа не умираетъ и зимой, что и иллюстрировано убѣдительнымъ количествомъ примѣровъ. Дѣтямъ, какъ учащимся естественной исторіи, такъ и незнакомымъ съ нею, статья можетъ принести большую пользу. Другая статья того-же автора, «Левъ Семеновичъ Ценковскій» (№ 4), написана очень тепло, съ любовью къ нашему знаменитому покойному натуралисту, столь горячо любившему науку и столь много для нея совершившему. Тѣмъ не менѣе, статья эта въ ея настоящемъ видѣ мало пригодна для дѣтскаго журнала. Самъ авторъ, спрашивая себя: «что-же сдѣлалъ Ценковскій для науки?» резонно отвѣчаетъ: «по многимъ причинамъ трудно дать полный отвѣтъ на этотъ вопросъ» (стр. 554). Научная заслуга Ценковскаго состоитъ въ доказательствѣ отсутствія разницы между животными и растеніями — это и слѣдовало выяснить прежде всего читателямъ, поставить этотъ вопросъ на первое мѣсто, тогда была-бы понятна и заслуга Ценковскаго и его право на то, чтобы читатель получилъ нѣкоторую нравственную обязанность познакомиться съ фактами его жизни. Г. В--кій поступилъ какъ разъ наоборотъ, а потому его статья, вѣроятно, многими читателями

журнала останется непрочтенною, о чемъ, конечно, нужно пожалѣть. Хороши, преимущественно для старшаго возраста, статьи: «Пернатые архитекторы»—О. Лемана, въ изложеніи г. П. В (№ 6), «Море и его жизнь» (№№ 6, 10, 11 и 12)—П. Вольногорскаго, «Листопадъ»—г. П. В. (№ 11), «Въ плѣну у киргизовъ» (№ 7) — Н. Боголюбова, «В. М. Головнинъ» (№ 8)—его-же, «Святитель Тихонъ Задонскій» (№ 10)—г. Ермилова. Статья г. Бахтіарова «Жилище человѣка» (№№ 7 и 8) скомпилирована довольно небрежно, въ изложеніи нѣтъ стройности, системы; авторъ перескакиваетъ отъ предмета къ предмету безъ видимыхъ достаточныхъ основаній. На стр. 445 авторъ говоритъ: «Каждый русскій человѣкъ болѣе или менѣе знакомъ съ деревенскою жизнью». Для чего-же тогда и писать объ этой жизни? Но дѣло въ томъ, что на самомъ дѣлѣ деревенская жизнь такого обширнаго государства, какъ Россія, имѣетъ, какъ въ климатическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ, существенныя различія даже въ отношеніи жилищъ, а потому и надо говорить о ней не вообще, а именно по извѣстнымъ областямъ. «Только тотъ, кто всю свою жизнь провелъ въ городѣ, имѣетъ смутное понятіе о деревнѣ» — замѣчаетъ авторъ, принадлежащій, повидимому, именно къ такимъ людямъ. Вотъ что говоритъ онъ, напр., на стр. 445—446: «Въ дремучихъ лѣсахъ сѣвера, въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской и Пермской *иногда* встрѣчаются «курныя избы», гдѣ печка кое-какъ выкладывается *изъ камней*, и *притомъ* (само собой разумѣется, если изба «курная») безъ трубы». Достаточно отъѣхать отъ Петербурга сотню-другую верстъ, чтобы увидѣть деревни, гдѣ сплошь «курныя избы»... Благодаря недурнымъ рисункамъ, но только не изъ русской жизни, компиляцію г. Бахтіарова читатели, можетъ быть, и перелистуютъ, но читать ее не будутъ, и поступятъ вполнѣ основательно, ибо кромѣ сумбура отрывочныхъ свѣдѣній, да и то не всегда вѣрныхъ, она ничего имъ не дастъ. Въ общемъ, научный отдѣлъ журнала удовлетворителенъ.

Стихотвореній въ «Дѣтскомъ отдыхѣ» меньше, нежели въ «Дѣтскомъ чтеніи», и по качеству они выше, нежели помѣщенныя въ последнемъ журналѣ, но все-таки было-бы лучше большую часть ихъ не помѣщать. Зачѣмъ дѣтямъ читать, напримѣръ, «Сѣятеля» г. Круглова (№ 5), если они могутъ въ своихъ хрестоматіяхъ прочесть «Ниву» Майкова? Или: какое дѣло дѣтямъ до того, что тотъ-же авторъ, идя по полю (№ 7), рефлектируетъ, что для него: «Жизнь становится трудной задачей,—Не прожить, какъ бывало, мечтами»... Какое отношеніе къ дѣтской жизни имѣютъ такія риѳмованныя раз-

мышленія Ал. Дрождинина (№ 7) «Господи! какъ взглянешь, какъ вокругъ привольно, — Затихаетъ злоба на сердцѣ невольно, — На душѣ спокойно, дышется вольнѣй... — Все — обиды, горе вмигъ позабываешь, — Страстною душою міръ обнять желаешь — И звучитъ молитва къ небу горячѣй». Стихотворенія, такъ сказать, сезонныя — лѣто, осень, и т. п.,—помѣщаемыя иногда по два въ одномъ и томъ-же нумерѣ (напримѣръ, *двѣ* осени, въ октябрской книжкѣ, стр. 131 и 182) крайне банальны. Не лучше-ли обходиться вовсе безъ стиховъ, а тѣмъ болѣе плохихъ? Порядочныхъ стихотвореній нынѣ мало и въ большихъ журналахъ, такъ откуда ихъ взять журналамъ дѣтскимъ?...

Внѣшность «Дѣтскаго отдыха» приличная, мы сказали-бы даже «изящная», если-бы плохія цинкографіи (даже съ заставныхъ буквъ покойнаго И. С. Панова, позаимствованныхъ изъ старыхъ журналовъ и книгъ) не портили иногда впечатлѣнія. Къ каждому нумеру прилагается бонбоньерочная картинка,—приложенія, на нашъ взглядъ, не имѣющія никакого смысла.

3) *Родникъ* (редакторъ-издательница Е. Сысоева, редакторъ А. Альмедингенъ). 12 книгъ. 1890 г. С.-Петербургъ.

Въ журналѣ за обозрѣваемый годъ беллетристическому отдѣлу отведено мѣста столько-же, если даже не меньше, сколько отдѣлу научному. Объясняется это обстоятельство, вѣроятно, случайной скудостью въ маломальски сносныхъ беллетристическихъ статьяхъ, и въ такомъ случаѣ это расширеніе научнаго отдѣла насчетъ беллетристическаго вполнѣ законно и заслуживаетъ признательности со стороны читателей. Пользоваться беллетристическими произведеніями иностранныхъ дѣтскихъ литературъ можно только до извѣстнаго предѣла, и этотъ предѣлъ въ «Родникѣ» 1890 г. соблюденъ. Большой переводный разсказъ «Она пропала» (№№ 1—5) написанъ во французскомъ вульгарномъ вкусѣ, — во вкусѣ Понсоновскаго «Рокомболя», живо, завлекательно; чтеніе его не вредно, но и безполезно. Немного лучше разсказъ того-же направленія, переведенный съ польскаго (Крашевскаго)—«Развѣ это не сказка» (№ 6). Хорошъ разсказъ «Не опоздалъ» — изъ міра желѣзнодорожнаго, переводъ съ нѣмецкаго (№ 3); съ интересомъ читается очеркъ древнеиндусскихъ нравовъ «Браминъ Сиза» — кн. П. Хилкова. Историческій разсказъ «Двѣ судьбы» (№№ 1 и 2), г. Н—ва, былъ-бы очень недуренъ, если-бы авторъ далъ ему большіе размѣры, ибо тогда ему не пришлось-бы скомкать середину разсказа такъ, что онъ является лишь конспектомъ разсказа. Въ «двухъ судьбахъ» авторъ пытается провести параллель между судьбами двухъ

фамилій -- Годуновыхъ и Романовыхъ. Небольшой разсказецъ Н. Иванова «Асанъ и Усенъ» —имена двухъ киргизскихъ ребятъ — напоминаетъ извѣстный разсказъ Щедрина о томъ, какъ мужикъ прокормилъ двухъ генераловъ; онъ принадлежитъ къ циклу робинзонадъ и, какъ почти всякая робинзонада, можетъ быть прочтенъ съ пользою и интересомъ.

Стихотвореній въ «Родникѣ», за 1890 г. почти нѣтъ, и это надо поставить въ заслугу редакціи, которая, не имѣя возможности имѣть хорошіе стихи, предпочла почти вовсе не давать ихъ. Переводъ идилліи Гебеля (автора «Овсянаго киселя», перев. Жуковскимъ), подъ заглавіемъ «Рѣчка Виза» (№ 3), сдѣланный В. Авенаріусомъ, хорошъ, и желательно, чтобы родители и воспитатели обратили на него вниманіе дѣтей, прочли имъ его, такъ какъ сами дѣти неохотно читаютъ такого рода произведенія. Недуренъ также переводъ сказки «Карлики острова Рюгена» (№ 12).

Въ «Родникѣ» есть особый отдѣлъ подъ заглавіемъ «Люди труда и сильной воли». Конечно, сильная воля не всегда можетъ быть направлена къ дѣяніямъ добрымъ, и тогда лицо, обладающею такою сильною, но злою волею, далеко не заслуживаетъ нашихъ симпатій: слѣдовательно, сильная воля не есть нѣчто похвальное само по себѣ; трудъ также можетъ быть различнаго рода. Разумѣется также, что изъ приведеннаго заглавія не должно дѣлать вывода, будто герои разсказовъ, помѣщаемыхъ въ другихъ отдѣлахъ журнала, суть по преимуществу бездѣльники и безхарактерные байбаки. Мы уже высказались противъ такого рода вывѣсочныхъ заглавій, ибо, по нашему мнѣнію, право опредѣленія качествъ личностей, выведенныхъ въ томъ или иномъ разсказѣ, должно принадлежать самому читателю; авторъ даетъ ему для такого сужденія только надлежащій, цѣлесообразно упорядоченный матеріалъ. Если-же авторъ заранѣе пришпилилъ къ выведенному имъ лицу тотъ или иной ярлыкъ, надписалъ надъ сдѣланными имъ изображеніями «се левъ, а се собака», то тѣмъ самымъ онъ лишилъ читателя его естественнаго права быть судьею того, что онъ читаетъ, предвосхитилъ у него тотъ трудъ, который могъ принести пользу умственному развитію читателя, особенно читателя юнаго, который, однако, уже привыкъ слышать въ школѣ, что *подсказываніе* не принадлежитъ къ достоинствамъ ученика. Кромѣ того, самъ авторъ, поставившій надъ своимъ произведеніемъ ту или иную вывѣску, становится уже человѣкомъ несвободнымъ; всѣ свои усилія онъ долженъ напрягать къ тому, чтобы въ его разсказъ не проскочило что-либо, несоотвѣтствующее вывѣскѣ, являющееся контрабандою; волей-неволей,

онъ обязанъ работать по шаблону, сдѣлаться трафаретнымъ мастеромъ. Вотъ почему мы не желали-бы видѣть въ заголовкахъ статей или отдѣловъ надписей «Добродѣтельный Ваня», «Злая Лиза», «Человѣкъ труда и сильной воли»... Въ первомъ-же нумерѣ «Родника» подъ фирму «людей труда и сильной воли» попалъ Эліасъ Гоу, изобрѣтатель швейной машины. Читатель, однако, прочтя эту статью, будетъ пораженъ не столько трудовою жизнью Гоу и его настойчивостью въ преслѣдованіи своей цѣли, сколько тѣмъ страннымъ обстоятельствомъ, что этотъ Гоу, умершій, въ началѣ статьи, въ 1867 г., продолжалъ жить въ 1868 г. Въ первой строкѣ статьи напечатано: «*умеръ 30-го октября* (вотъ какъ точно!) *1867 г.*» (стр. 95, № 1), а въ послѣднихъ строкахъ статьи говорится: «*незадолго до своей смерти* Эліасъ Гоу удостоился получить на Парижской выставкѣ *1868 г.* за свое изобрѣтеніе высшую награду — орденъ Почетнаго легіона» (стр. 104, № 1).

Научный отдѣлъ «Родника» богатъ статьями, но данными, конечно, то-же безъ всякой системы: въ одномъ нумерѣ говорится о воробьѣ, въ другомъ—объ осетрѣ; почему о воробьѣ читатель долженъ знать ранѣе, нежели объ осетрѣ, а не обратно? Почему изъ птичьяго царства онъ долженъ прежде всего познакомиться, напримѣръ, съ горихвосткою, а не съ воробьемъ или вороною?—все это произвольно, безсистемно... Взятыя сами по себѣ, статьи научнаго содержанія различны по своимъ внутреннимъ достоинствамъ. Вотъ, напримѣръ, «Объ одеждѣ человѣка»—очеркъ г. Бахтіарова; занимаетъ этотъ очеркъ всего около листа, а между тѣмъ читать его—трудъ, по истинѣ египетскій, такъ какъ весь онъ состоитъ изъ номенклатуры, безъ всякихъ поясненій рисунками. Ученикъ, неудовлетворенный тѣми свѣдѣніями объ одеждѣ, напримѣръ, грековъ и римлянъ, которыя онъ нашелъ у себя въ учебникѣ, обращается къ очерку г. Бахтіарова, въ надеждѣ пополнить свои знанія. Что-же онъ находитъ въ этомъ *спеціальномъ* очеркѣ объ одеждѣ интересующихъ его народовъ? Позволяемъ себѣ привести выписку: «Первымъ культурнымъ народомъ въ Европѣ, какъ извѣстно, были греки. Главною частью ихъ одежды былъ *хитонъ*, разной величины и формы. При выходѣ изъ дома добавляли *химатіонъ*, къ четыремъ концамъ котораго привѣшивались небольшія тяжести. Разница между женскимъ и мужскимъ костюмомъ состояла только въ длинѣ платья» (№ 9, стр. 275). А вотъ объ одеждѣ римлянъ: «Римляне измѣнили греческій костюмъ сообразно болѣе холодному климату. Женщины Рима кутались въ плотно охватывающій станъ хитонъ или тунику. На ноги надѣвали сандаліи; хотя чулки извѣстны были за

500 лѣтъ до Рождества Христова, но въ Римѣ считались излишними. Мужчины одѣвались въ короткую тунику и тогу—это просто широкій и длинный кусокъ матеріи, которымъ можно было закутать все тѣло» (ib.). Цѣль дѣтскаго журнала состоитъ, между прочимъ, въ расширеніи и пополненіи свѣдѣній, даваемыхъ школою; что-же, спрашивается, могутъ дать въ этомъ отношеніи статьи, подобныя указанной? Самый краткій учебникъ дастъ болѣе свѣдѣній, нежели такая статья. Для чего-же она помѣщена?... Статья «Запорожцы» (по народной памяти)—очеркъ К. Абазы (№ 6) написана довольно живо, но вѣрное, историческое въ ней совершенно не отдѣлено отъ народныхъ прикрасъ, щедро разсыпанныхъ въ статьѣ, а вѣдь юные читатели еще не въ состояніи сами заняться отыскиваніемъ истины среди массы народныхъ вымысловъ... Похваляя, напр., набожность запорожцевъ, ихъ щедрые вклады въ монастыри и церкви, авторъ ни единымъ словомъ не обмолвился, что вѣдь всѣ эти пожертвованія пріобрѣтены главнымъ образомъ все-таки грабежомъ! Ложно-идиллическая окраска запорожцевъ проходитъ черезъ всю статью. Есть и такія несообразности: На сооруженіе иконостаса въ Печерскомъ монастырѣ запорожцы «сейчасъ собрали *20.000 цѣлковыхъ* и отдали кошевому. Тотъ *завернулъ ихъ въ бумагу* и отослалъ съ нарочнымъ» (№ 6, стр. 579). Посланный къ архимандриту монастыря «подаетъ бумагу. Нѣтъ на той бумаги ни печати, ни подписи. Это что такое? спрашиваетъ.—Да это батько-кошевой прислалъ вамъ 20.000 на сооруженіе иконостаса» (ib.). Итакъ, посланный принесъ, да еще въ бумагѣ, 20.000 цѣлковыхъ. Есть чему подивиться, ибо 20.000 цѣлковыхъ составятъ болѣе 20 пудовъ...

Къ числу хорошихъ разсказовъ слѣдуетъ отнести: «На пріискѣ», бытовой очеркъ К. Г—ва (№ 2), «Хлопокъ» (№ 10), «Шесть лѣтъ въ дебряхъ Африки» соч. Глэва, спутника Стэнли, перев. съ англійскаго (№№ 9, 10 и 11), «Японія»—г. Азбелева (№№ 1—4), «Разсказы изъ исторіи географическихъ открытій»—*Н. Знойка* (№№ 8, 9, 11 и 12), «Что надѣлалъ смерчъ въ 15 минутъ» (№ 6), «Въ царствѣ нѣмыхъ»—о рыбахъ—г. Никольскаго (№№ 2, 6 и 12), «Лѣсные птицы»—г. Кайгородова (№№ 1, 3, 5, 7, 10, 12), написаны по обычному шаблону: «ржаво-красная грудка и брюшко, черное горлышко, бѣлый лобъ, буровато-сѣрая спинка и ржаво-красный хвостикъ—вотъ красивый нарядъ *горихвостки*» (стр. 517, № 5)—попробуйте запомнить о каждой птичкѣ все такое и отыщите ее въ лѣсу по этимъ признакамъ! Вѣдь учить это будетъ потруднѣе всякихъ вокабулъ... А почему-бы не приложить раскрашенныхъ изображеній птицъ. Все-таки,

это было-бы полезнѣе, нежели прилагать картинки съ конфектныхъ бонбоньерокъ? Но г. Кайгородовъ искренно любитъ своихъ пернатыхъ друзей, эта любовь невольно сказывается въ его статьяхъ и передается юнымъ читателямъ — вотъ хорошая сторона его статей... Отмѣтимъ еще, какъ полезную статью, «Часы» г. Петрушевскаго (№ 7).

Съ внѣшней стороны журналъ издается весьма опрятно; желательно только, чтобы онъ печатался на порядочной бумагѣ.

К. М.

(Окончаніе будетъ).

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Хроника народнаго образованія.

Голодный годъ неизбѣжно долженъ отразиться и на положеніи дѣла народнаго образованія. Изъ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей, въ которыхъ содержаніе народныхъ школъ падаетъ преимущественно непосредственно па населеніе, уже начинаютъ приходить извѣстія о затрудненіяхъ сельскихъ обществъ въ дѣлѣ выполненія принятыхъ ими на себя въ данномъ отношеніи обязательствъ. Не лучше стоитъ дѣло и въ тѣхъ изъ пострадавшихъ мѣстностей, въ которыхъ школы содержатся земствами. Послѣднія по необходимости посвящаютъ теперь все свое вниманіе и всѣ средства на борьбу съ голодомъ; къ тому-же поступленія земскихъ сборовъ въ такихъ мѣстностяхъ неизбѣжно сводятся почти къ нулю. Такимъ образомъ, въ ближайшемъ будущемъ неизбѣжны будутъ имѣть мѣсто закрытія, по крайней мѣрѣ, временныя, многихъ народныхъ школъ; что-же касается неплатежа жалованья учителямъ, то оно въ ближайшемъ будущемъ неизбѣжно станетъ широко распространеннымъ явленіемъ, что при полной матеріальной необезпеченности нашего городскаго учителя ляжетъ на него непосильно-тяжелымъ бременемъ. Положеніе народнаго учителя въ этомъ случаѣ будетъ тѣмъ болѣе отчаяннымъ, что позаботиться о немъ въ настоящее время рѣшительно некому. Обществъ взаимопомощи учителей у насъ едва-ли не два на всю Россію и число членовъ ихъ ничтожно; къ тому-же это—молодыя учрежденія, не успѣвшія стать на ноги и не обладающія почти никакими средствами. А затѣмъ учителямъ больше рѣшительно не на кого и не на что возложить надежды. Опасенія голода среди народныхъ учителей—и опасенія вполнѣ основательныя—выраженныя уже и теперь, а между тѣмъ длинный голодный годъ только въ началѣ. Газеты сообщаютъ, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ предложило земствамъ, при выдачѣ ссудъ зерномъ для обсѣмененія полей и для продовольствія, имѣть въ виду, кромѣ крестьянъ, также и сельское духовенство и, въ случаѣ нужды его, выдавать означенныя ссуды и ему. Далѣе газеты передаютъ, что нѣкоторыя земства уже по собственному почину выдавали сѣмянныя ссуды сельскимъ причтамъ на обсѣмененіе полей. Мѣру эту слѣдовало-бы распространить и на народныхъ учителей, которые нуждаются въ подобной помощи во всякомъ случаѣ

не менѣе сельскаго духовенства, могущаго всегда разсчитывать на помощь болѣе состоятельныхъ прихожанъ. Конечно, подобнаго рода помощь народнымъ учителямъ представляетъ собою самую примитивную мѣру; но, за неимѣніемъ чего-либо лучшаго въ области оказанія помощи труженикамъ народнаго просвѣщенія, и эта мѣра оказывается въ высшей степени желательною: она спасетъ многихъ отъ продажи за безцѣнокъ скуднаго домашняго скарба, а многихъ и прямо отъ мученій голода, и дастъ имъ возможность переждать трудное время неполученія жалованья, а многихъ удержитъ отъ неизбѣжнаго при столь затруднительныхъ обстоятельствахъ оставленія учительскаго мѣста, стало-быть спасетъ многія школы отъ закрытія.

На земскихъ собраніяхъ, имѣющихъ состояться въ теченіи осени и начала зимы, естественно въ большей части земскихъ губерній вопросъ о борьбѣ съ голодомъ отодвинетъ на задній планъ всѣ другіе вопросы мѣстной жизни, а въ томъ числѣ и вопросъ о народномъ образованіи. Точно также въ теченіе настоящаго учебнаго года общественная благотворительность естественно будетъ направляться преимущественно на оказаніе помощи голодающимъ, и потому можно ожидать значительнаго уменьшенія частной помощи народному образованію, выражавшейся доселѣ въ довольно разнообразной формѣ. Такимъ образомъ, въ наступившемъ учебномъ году можно ожидать для значительной части Россіи сокращенія народно-образовательныхъ средствъ, и если это сокращеніе выразится не въ очень ощутительныхъ размѣрахъ, то уже и это будетъ явленіемъ отраднымъ; если-же состояніе народнаго образованія не измѣнится къ худшему въ этотъ трудный годъ, то это будетъ служить наиболѣе блестящимъ доказательствомъ,—какое только можно себѣ представить,—того, что дѣло народнаго образованія пустило у насъ глубокіе корни въ самой жизни и отвѣчаетъ глубоко-назрѣвшей потребности.

Новымъ подтвержденіемъ послѣдняго положенія могутъ служить данныя, опубликованныя въ настоящемъ году и рисующія положеніе народнаго образованія въ прошломъ 1890 году въ уѣздахъ земскихъ губерній. Эти данныя, изъ года въ годъ публикуемыя отдѣльными земствами, давно заслуживаютъ обстоятельной систематической обработки, которой, повидимому, придется еще долго ожидать. Картина, составленная по этимъ даннымъ по всей Россіи, особенно если-бы она была сопоставлена съ картиною положенія народнаго образованія въ неземской Россіи, была-бы очень поучительна. Конечно, хроникеръ не можетъ брать на себя подобной задачи; но приведеніе данныхъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ мѣстностямъ, для примѣра и поясненія при вышеуказанной мысли объ упроченіи цѣлаго народнаго образованія въ Россіи, будетъ вполнѣ умѣстно здѣсь.

Относительно народнаго образованія земская Россія можетъ быть раздѣлена, приблизительно, на три полосы: сѣверную, въ которой народное образованіе поставлено довольно удовлетворительно и идетъ впередъ, благодаря земскимъ усиліямъ; среднюю — отъ Пензенской губерніи до Смоленской, гдѣ народное образованіе предоставлено преимущественно иниціативѣ самого населенія и гдѣ оно стоитъ значительно ниже, чѣмъ въ предъидущей полосѣ, и наконецъ, южную, гдѣ обставленныя болѣе благопріятно въ матеріальномъ отношеніи земства дѣлаютъ для народнаго

образованія всего болѣе. Конечно, это дѣленіе лишь приблизительное и имѣетъ не мало исключеній; но все-же оно даетъ понятіе объ общемъ распредѣленіи народно-образовательныхъ средствъ.

Мы приведемъ здѣсь данныя по нѣсколькимъ мѣстностямъ каждой полосы, начиная съ сѣверной.

Сарапульскій уѣздъ, Вятской губерніи. Въ немъ въ 1890 г. было 78 начальныхъ училищъ, подвѣдомственныхъ инспекціи народныхъ училищъ, и 36 школъ духовнаго вѣдомства. Несмотря на внушительность этихъ цыфръ, число школъ оказывается очень недостаточнымъ, если сопоставить его съ цыфрами, касающимися пространства и населенія уѣзда. Именно оказывается, что одно училище приходится на 114 кв. верстъ и на 4.473 жителя; если-же сюда присоединить и школы духовнаго вѣдомства, то одна школа придется почти на 3.000 жителей. Къ этому надо присоединить, что въ уѣздѣ имѣется нѣсколько десятковъ домашнихъ крестьянскихъ школъ грамоты, съ 5—15 учащимися въ каждой. Вообще поселеніе стремится къ образованію, что выражается какъ въ переполненіи существующихъ школъ учащимися, такъ и въ ходатайствахъ населенія передъ земствомъ объ открытіи новыхъ училищъ. Къ сожалѣнію, ограниченность земскихъ средствъ не всегда позволяетъ удовлетворять эти ходатайства. Тѣмъ не менѣе, въ 1890 г. открыто два новыхъ земскихъ училища. Учащихся во всѣхъ школахъ до 6.000, изъ нихъ около $^1/_4$ дѣвочекъ. Большая часть учащихся приходится, конечно, на земскія (4.839 уч.); затѣмъ слѣдуютъ церковно-приходскія школы съ 686 уч. и школы грамоты съ 587 учащимися. Школы переполнены на столько, что на каждую земскую школу приходится до 70 учащихся; въ школахъ духовнаго вѣдомства учащихся значительно менѣе въ среднемъ—не болѣе 20 на школу. Не смотря на переполненность земскихъ училищъ, до сихъ поръ, однако, въ школахъ находитъ мѣсто всего $^1/_6$ часть дѣтей школьнаго возраста. Въ 78 училищахъ, подвѣдомственныхъ инспекціи, окончило курсъ въ 1890 году 840 учащихся, что для начальной школы даетъ совсѣмъ необычно-большой процентъ къ общему числу учащихся въ названныхъ школахъ (14%). Изъ общаго числа явившихся къ окончательному испытанію выдержало послѣднее 97%. Среднія отмѣтки для всѣхъ подвергавшихся испытанію колебались по предметамъ отъ 4 до 4,4. Такой блестящій результатъ, достигаемый въ настоящее время Сарапульскою школою, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ состава учительскаго персонала, о которомъ даютъ понятіе слѣдующія цыфры: изъ общаго числа учащихъ въ школахъ, подвѣдомственныхъ инспекціи, съ высшимъ образованіемъ 1 учительница, съ спеціально-педагогической подготовкой—17 учителей и 20 учительницъ, окончившихъ среднеучебныя заведенія—11 учителей и 27 учительницъ, окончившихъ курсъ прогимназіи—3 учителя и 11 учительницъ и имѣющихъ свидѣтельства на званіе учителя начальнаго училища—11 учителей и 8 учительницъ (занимаютъ преимущественно мѣста помощниковъ учителей). Какъ видимъ, сарапульское земство сдѣлало очень много для того, чтобы обезпечить свои школы учительскимъ персоналомъ съ возможно болѣе широкою подготовкою, и результаты, достигнутые на этомъ пути, какъ указано выше, отразились самымъ благопріятнымъ образомъ на ходѣ дѣла въ земскихъ школахъ.

Пермскій уѣздъ. Земство Пермскаго уѣзда содержитъ 67 училищъ, на которыя расходуется свыше 50 тыс. рублей и въ которыхъ въ минувшемъ учебномъ году училось 6.390 чел. Окончило курсъ 775 чел., т.-е. 12%. Учащихъ, кромѣ законоучителей, 119, между которыми, какъ и въ Сарапульскомъ уѣздѣ, преобладаютъ учительницы, съ каждымъ годомъ все болѣе вытѣсняющія учителей. Для обезпеченія школъ наиболѣе подготовленнымъ учительскимъ персоналомъ, отъ кандидатовъ на учительство требуется доказать свою опытность въ дѣлѣ обученія въ одной изъ земскихъ школъ. На 1891 годъ земствомъ ассигновано на народное образованіе 55.632 рубля.

Свіяжскій уѣздъ, Казанской губерніи. Всѣхъ школъ 86; учащихся 2.726. 1 учащійся приходится на 22 человѣка. При многихъ школахъ введены повторительныя занятія, которыя посѣщались 156 челов. При 11 школахъ устроены библіотеки, которыми пользуются какъ учащіеся, такъ и постороннее населеніе. Въ текущемъ году предположено открыть еще 4 библіотеки. Кромѣ того, при 6 школахъ устроены земскіе книжные склады для продажи дешевыхъ книжекъ. Общій земскій расходъ на школы въ 1890 году составилъ 16.000 рублей.

Чебоксарскій уѣздъ, Казанской губерніи. Въ минувшемъ учебномъ году земствомъ содержалось 25 училищъ и одна школа грамотности; кромѣ того, получали земское пособіе 19 школъ грамотности. Министерскихъ школъ было пять, братства св. Гурія 4 и двѣ содержались на частныя средства; церковно-приходскихъ школъ считалось 11. Такимъ образомъ, всѣхъ школъ было 67, въ томъ числѣ 20 школъ грамоты и 11 церковно-приходскихъ. Всѣхъ учащихся 2.994; изъ нихъ дѣвочекъ только 288, т.-е. менѣе 1/10. Въ земскихъ школахъ 1.615 учащихся, т.-е. земскія школы, составляя менѣе 40% всѣхъ школъ, обучаютъ 55% всѣхъ учащихся. Затѣмъ слѣдуютъ школы грамотности, поддерживаемыя земствомъ; въ нихъ учится 525 человѣкъ или 17% всѣхъ учащихся. Въ церковно-приходскихъ школахъ учится всего 333 чел. (11%), въ школахъ братства св. Гурія 149 и въ двухъ частныхъ—117. Земскій расходъ на народное образованіе составляетъ 17.480 руб. При 11 училищахъ имѣются «образцовыя» библіотеки, выдавшія 2.020 книгъ.

Нижегородскій уѣздъ. Въ уѣздѣ 56 школъ. Окончившіе курсъ составляютъ 11% учащихся. При 14 школахъ существуютъ воскресно-повторительные классы, которые посѣщались 214 чел. Расходъ земства на народное образованіе—около 25 тыс. въ годъ. При 20 школахъ устроены библіотеки. Для устройства послѣднихъ существуетъ особый земскій капиталъ (6.000 р.), основанный земствомъ въ память 25-лѣтія царствованія покойнаго Государя Александра II.

Какъ ни неудовлетворительны могутъ показаться приведенныя данныя, характеризующія положеніе народнаго образованія въ сѣверной полосѣ земской Россіи, они значительно превосходятъ соотвѣтствующія данныя по средней полосѣ, какъ это можно видѣть по нижеслѣдующимъ примѣрамъ.

Тарусскій уѣздъ, Калужской губерніи. Въ 1890 г. было 2 школы въ г. Тарусѣ и 27 въ уѣздѣ. Собственныя помѣщенія имѣютъ двѣ городскихъ школы и 18 сельскихъ. Изъ остальныхъ три помѣщаются при

волостныхъ правленіяхъ, одна въ церковной сторожкѣ, три въ домахъ попечителей безплатно и двѣ въ наемныхъ домахъ. Одно училище приходится на 2.379 чел. населенія. Учащихся 2.068, изъ нихъ 1/5—дѣвочки; 1 учащійся приходится на 33 чел. Учащихъ 29, такъ что во всѣхъ школахъ по одному учащему. Изъ нихъ 12 получили среднее образованіе, 1—среднее, 15 получили званіе народнаго учителя по экзамену и только 1 имѣетъ спеціально-педагогическую подготовку. Учительницъ меньше, чѣмъ учителей (12 и 17). На школы въ истекшемъ учебномъ году израсходовано всего 12.146 р. Изъ нихъ поступило отъ города 1.054 р., отъ сельскихъ обществъ 6.041 р., отъ земства всего 3.911 р., отъ государства 273 р., частныхъ пожертвованій 471 р. и платъ за ученье 31 р. Сельскія школы содержатся на счетъ земскихъ обществъ, а земство оказываетъ лишь помощь книгами и другими учебными пособіями и только изрѣдка деньгами.

Бѣльскій уѣздъ, Смоленской губерніи. Всѣхъ сельскихъ школъ, подвѣдомственныхъ училищному совѣту, было въ истекшемъ учебномъ году 43 и 1 въ г. Бѣльскѣ. 38 школъ помѣщаются въ собственныхъ зданіяхъ и 6 въ наемныхъ. При 22 училищахъ есть ночлежные пріюты. Одна школа приходится на 197 кв. верстъ и 2.441 чел. населенія. Учащихся было 2.659, причемъ дѣвочки составляли всего 1/11 всѣхъ учащихся. Кончило курсъ 250, т.-е. 9%. Учительскій персоналъ, помимо законоучителей, состоялъ изъ 51 чел., причемъ, въ противность сѣверной полосѣ, учителей, какъ и въ Тарусскомъ уѣздѣ, было болѣе, чѣмъ учительницъ (36 и 15). По подготовкѣ учительскій персоналъ, какъ и въ Тарусскомъ уѣздѣ, уступалъ такому-же персоналу сѣверной полосы. Именно было: съ высшимъ образованіемъ 1 лицо, съ среднимъ—10, съ педагогическимъ—11 и получившихъ званіе учителя по экзамену—24. Расходъ на содержаніе школъ всего болѣе пополняется сельскими обществами и только отчасти земствомъ.

Переходя къ третьей, южной полосѣ земской Россіи, мы не встрѣтимъ уже здѣсь тѣхъ безотрадныхъ картинъ, которыя имѣютъ мѣсто въ средней полосѣ. Здѣсь земство принимаетъ самое дѣятельное участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, отчего это дѣло несравненно лучше, хотя, конечно, и здѣсь предстоитъ еще много и много дѣла, чтобы удовлетворить потребность населенія въ образованіи хотя-бы въ размѣрахъ, въ которыхъ предъявляется настойчивый запросъ на образованіе. Приводимъ примѣры.

Александрійскій уѣздъ, Херсонской губерніи. Школъ въ уѣздѣ министерскихъ 6, земскихъ 50, церковно-приходскихъ и школъ грамотности 81, всего 137. Земство расходуетъ на школы около 30 тыс. рублей, что составляетъ 17% всѣхъ расходовъ уѣзднаго земства и 30% необязательныхъ расходовъ. Кромѣ того, губернское земство расходуетъ на школы въ предѣлахъ уѣзда 21 тыс. руб. Сельскія общества расходуютъ на школы 4.840 р., духовное вѣдомство 1.281 р., Министерство Народнаго Просвѣщенія—5.090 и пожертвованія и плата за ученіе составили 7.228, а всего израсходовано на школы въ 1890 году до 70 тыс. рублей.

Мелитопольскій уѣздъ, Таврической губерніи. Къ 1 января 1891 г. земскихъ школъ въ уѣздѣ было 67; кромѣ того, было 17 школъ, содержимыхъ сельскими обществами и получающихъ отъ земства дополнитель-

ное содержаніе учителямъ за выслугу болѣе трехъ лѣтъ; наконецъ, земство выдаетъ пособіе двумъ министерскимъ школамъ. Такимъ образомъ, всѣхъ школъ, пользующихся земскими средствами, было 86. Въ настоящемъ году открылось еще 8 школъ при пособіи отъ земства и общее число школъ, на которыя земство тратитъ свои средства, дошло до 94. На народныя школы назначено земствомъ по бюджету 1891 года 30.150 р. (въ предъидущемъ году 27.400 р.), да на другія образовательныя учрежденія—17.820 р., а всего на дѣло образованія. — 47.970 р. Церковно-приходскихъ школъ къ 1 января 1891 года было 45. Въ предъидущемъ году земство выдавало только нѣкоторымъ церковно-приходскимъ школамъ учебныя пособія по мѣрѣ надобности, а въ настоящемъ году ассигновало 1.000 рублей на пріобрѣтеніе учебниковъ и учебныхъ пособій для церковно-приходскихъ школъ вообще. Всѣхъ народныхъ школъ въ уѣздѣ, не считая домашнихъ школъ грамоты, о которыхъ нѣтъ свѣдѣній, въ настоящее время состоитъ 139.

Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ данныхъ, дѣло народнаго образованія, завися въ извѣстной мѣрѣ отъ экономической состоятельности населенія (чѣмъ объясняется преимущество юга въ данномъ отношеніи предъ двумя остальными полосами земской Россіи), въ то-же время еще въ большей степени зависитъ отъ того, есть-ли кому позаботиться объ организаціи дѣла народнаго образованія; сѣверная полоса едва-ли стоитъ въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ сравнительно съ среднею, а между тѣмъ въ ней, благодаря тому, что здѣсь о народномъ образованіи заботится земство, школьное дѣло лишь немногимъ уступаетъ постановкѣ этого дѣла въ богатой южной полосѣ и неизмѣримо выше стоитъ сравнительно съ развитіемъ школьнаго дѣла въ средней полосѣ. Этотъ фактъ можетъ служить прекраснымъ примѣромъ значенія дѣятельности интеллигенціи на пользу народныхъ массъ, — дѣятельности, которая не только не остается безплодною, какъ думаютъ иные, а напротивъ, неизбѣжно является въ высшей степени плодотворною.

Параллельно съ приведенными данными о земскихъ школахъ любопытно поставить данныя, касающіяся новаго типа народно-образовательныхъ учрежденій—церковно-приходскихъ школъ. Приведемъ данныя этого рода по двумъ мѣстностямъ.

Рославльскій уѣздъ, Смоленской губерніи. Здѣсь точно также, какъ выше было указано относительно Бѣльскаго уѣзда той-же губерніи, земство почти не принимаетъ участія въ содержаніи школъ. Оно ограничивается только тѣмъ, что платитъ по 24 р. въ годъ законоучителямъ, да ассигнуетъ 250 р. на наемъ помощниковъ учителей въ четырехъ самыхъ многолюдныхъ школахъ (90—100 учащихся). Затѣмъ все содержаніе училищъ падаетъ на сельское общество. Сельскихъ школъ всего 27. Помѣщенія, въ которыхъ находятся школы, довольно сносны; школы снабжены въ достаточномъ количествѣ школьною мебелью и учебными пособіями. Жалованье учителямъ небольшое—150 рублей въ годъ. Въ общемъ получается картина довольно печальная. Но положеніе церковно-приходскихъ школъ еще болѣе безотрадное. Такихъ школъ въ уѣздѣ 16. Большинство школьныхъ помѣщеній этого разряда всего менѣе соотвѣтствуютъ своему назначенію, обыкновенно ничѣмъ не отличаясь отъ церковныхъ

сторожекъ. Все зданіе школы состоитъ обыкновенно изъ маленькой комнатки аршинъ въ 10 — 12 длины и аршинъ въ 8 ширины; иногда эта комнатка раздѣляется перегородкой, и занятія происходятъ въ двухъ миніатюрныхъ каморкахъ. Рѣдкія школы имѣютъ особыя помѣщенія для учителей, которые поэтому обитаютъ или въ классахъ же, или на наемныхъ квартирахъ. О помѣщеніяхъ для сторожей нечего и говорить, такъ какъ нѣтъ и самыхъ школьныхъ сторожей. Обязанности послѣднихъ выполняются церковными сторожами, которые, впрочемъ, только топятъ школьныя печи; носить-же воду, мести классъ и вообще держать школу въ порядкѣ должны сами учащіе и учащіеся, у которыхъ уходитъ не мало времени на эти «внѣклассныя» занятія. Нечего и говорить, что гигіеническія условія школъ невозможны. Библіотекъ при школахъ нѣтъ никакихъ. При такихъ условіяхъ, конечно, нельзя ставить въ вину учителямъ церковно-приходскихъ школъ, что ихъ занятія во многихъ случаяхъ не приводятъ къ желательнымъ результатамъ.

Елецкій уѣздъ, Орловской губерніи. Здѣсь 49 земскихъ школъ съ 2.967 учащимися; кромѣ того 6 школъ грамоты, содержимыхъ земствомъ. Въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства состоитъ 9 школъ церковно-приходскихъ и 28 школъ грамоты; въ первыхъ учится 556, а во второмъ 544 чел. Окончило курсъ въ школахъ епархіальнаго вѣдомства въ прошломъ году 82 чел., или всего $7^1/_2$% учащихся. Внѣшнимъ образомъ школы епархіальнаго вѣдомства въ Елецкомъ уѣздѣ обставлены много лучше, нежели въ Рославльскомъ уѣздѣ, отчего явилась даже возможность расширить задачи церковно-приходской школы. Однако, въ этомъ послѣднемъ отношеніи пока сдѣлано слишкомъ мало: именно при одной школѣ имѣется женскій рукодѣльный классъ, при одной устраиваются по праздникамъ чтенія съ волшебнымъ фонаремъ и при одной еще только предположено развести садъ и огородъ. Какъ видимъ, все это болѣе чѣмъ скромно, чего, впрочемъ, и нельзя было не ожидать, имѣя въ виду, что наше духовенство въ достаточной мѣрѣ занято своими спеціальными обязанностями.

Какъ ни скромны тѣ данныя, которыми обрисовывается положеніе народнаго образованія въ уѣздахъ, они все-же имѣютъ значительное преимущество предъ аналогичными данными, касающимися городовъ, какъ это уже указывалось нами на страницахъ «Русской Школы». Для полноты картины, обрисовываемой въ настоящей хроникѣ, приводимъ новѣйшія данныя, касающіяся положенія народнаго образованія въ нѣкоторыхъ городахъ.

Аккерманъ, Бессарабской губерніи. Городъ имѣетъ до 40.000 жителей. Между тѣмъ имѣется только одно приходское училище, и затѣмъ нѣтъ никакихъ другихъ общественныхъ начальныхъ школъ. Недавно однимъ изъ гласныхъ думы былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ хоть одной начальной школы, да такъ и остался безъ разрѣшенія.

Елецъ, Орловской губерніи. Всѣхъ начальныхъ школъ, содержимыхъ городомъ, 8, да, кромѣ того, есть три частныхъ школы. Число жителей въ городѣ 39 тыс. Такимъ образомъ, одна городская школа приходится на 5.000 жителей; если-же считать и частныя, то одна школа придется почти на 4 тыс. жителей, т.-е. положеніе вещей много хуже, чѣмъ въ

самыхъ отсталыхъ въ данномъ отношеніи уѣздахъ. Во всѣхъ 11 школахъ учащихся 1.032, причемъ дѣвочки не составляютъ и 30%. Окончило курсъ въ послѣднемъ отчетномъ году 148, что составляетъ довольно высокій процентъ (14%) ко всему числу учащихся.

Саратовъ. Число городскихъ школъ 20, что для громаднаго города, какъ Саратовъ, болѣе чѣмъ незначительно (одна школа приходится на 6 тыс. жителей слишкомъ). Число учащихся въ послѣднемъ отчетномъ году было 3.025, т.-е. 1 учащійся приходился на 41 жителя. Большинство школъ своего помѣщенія не имѣютъ. Окончило 485 чел., или 15,5% общаго числа учащихся. Въ 1889—1890 г. отказано въ пріемѣ 115 чел., а въ 1890—1891—210.

Петербургъ. Въ 1890 году было 267 городскихъ школъ, изъ которыхъ 8 открыто въ названномъ году. Обучалось до 13 тыс. дѣтей (7 т. мальчиковъ и 6 тыс. дѣвочекъ). 1 школа приходилась на 3½ тыс. жителей и 1 учащійся на 70 жит. На народное образованіе израсходовано 575 тыс. рублей, что составляетъ всего 7,5% всѣхъ городскихъ расходовъ, т.-е. процентъ расходовъ на народное образованіе много ниже, чѣмъ соотвѣтствующій процентъ въ бюджетахъ большинства земствъ.

Одесса. По свѣдѣніямъ 1890 года, городскихъ училищъ 50, что составляетъ 1 школу на 6 тыс. жителей. Недостатокъ школъ, впрочемъ, отчасти пополняется школами Министерства Народнаго Просвѣщенія (2), частными (37), еврейскими (33) и находящимися при иновѣрческихъ церквахъ (4), такъ что всѣхъ школъ 126, что, однако, составляетъ все-таки всего 1 школу на 2½ тыс. жителей. Учащихся во всѣхъ перечисленныхъ школахъ 11.002, причемъ мальчиковъ и дѣвочекъ почти поровну. 1 учащійся приходится на 30 жителей. Любопытны данныя о времени открытія вышеперечисленныхъ школъ. Оказывается, что изъ существующихъ въ Одессѣ школъ ни одна не открыта ранѣе 30-хъ годовъ. Въ 30-хъ годахъ открыто 9 школъ, въ 40-хъ 2 школы, въ 50-хъ—6, въ 60-хъ—11, въ 70-хъ — 18, въ 80-хъ — 70 и въ 1890 г.—7. Такимъ образомъ, больше половины существующихъ въ Одессѣ школъ открыты въ 80-ые годы. Это знаменательный фактъ, повторяющійся едва-ли не въ большинствѣ мѣстностей Россіи и доказывающій неоспоримымъ образомъ, что народное образованіе у насъ развивается прогрессивно—внѣ зависимости отъ какихъ-либо «теченій», господствующихъ въ верхнихъ слояхъ общества, и въ силу неизбѣжнаго роста потребности въ образованіи въ массѣ нашего народа.

Я. Абрамовъ.

Общество попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи (1866—1891 г.).

Большинство воспитательницъ-гувернантокъ въ 60-хъ годахъ и раньше составляли у насъ француженки и нѣмки. Это явленіе объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что женскихъ учебныхъ заведеній въ то время было еще мало, въ существовавшихъ-же обучались дочери богатыхъ родителей, ко-

торымъ по окончанiи курса не было никакой надобности добывать себѣ кусокъ хлѣба уроками, или воспитанiемъ чужихъ дѣтей. Во-вторыхъ, родители, приглашавшiе гувернантокъ, требовали отъ нихъ основательнаго знанiя французскаго и нѣмецкаго языковъ, для чего и выписывали изъ заграницы воспитательницъ, а затѣмъ француженки и нѣмки по собственной инициативѣ стали прiѣзжать въ наше отечество. Многiя изъ нихъ находили хорошiй заработокъ, другiя-же, наоборотъ, бѣдствовали, терпѣли нужду и голодъ. Въ 1866 г. у жены профессора архитектуры С.-Петербургской академiи художествъ, Эмилiи Ивановны Штельбъ, возникла мысль организовать общество съ цѣлью уменьшить бѣдствiя прiѣзжихъ гувернантокъ. Вокругъ г-жи Штельбъ образовался небольшой кружокъ лицъ, сочувствовавшихъ ея идеѣ. Дѣятельное участiе въ организацiи новаго общества приняли вице-президентъ лютеранской генеральной консисторiи г. Рихтеръ, пасторъ при церкви св. Петра докторъ богословiя г. Стиренъ, пасторъ французской реформатской церкви г. Кротте, директрисса Анненской школы Е. И. Гаусманъ, содержательницы пансiоновъ С. Х. Астафьева и Е. П. Заливкина, нынѣшнiй директоръ первой гимназiи А. М. Груздевъ, гг. Ланге, Лебурде, Паули, Герке и другiе. Они разработали уставъ новаго общества и исходатайствовали ему утвержденiе. Съ 6-го октября 1866 г. въ Петербургѣ стало дѣйствовать филантропическое общество попечительства о гувернанткахъ въ Россiи. Общество, при своемъ основанiи, состояло изъ почетныхъ членовъ, дѣйствительныхъ и членовъ-гувернантокъ. Почетными и дѣйствительными членами были лица обоего пола, члены-гувернантки обязывались дѣлать небольшой ежегодный взносъ. Первоначально Общество намѣтило для своей дѣятельности слѣдующiя цѣли: а) доставленiе мѣстъ членамъ-гувернанткамъ, b) выдачу имъ ссудъ и пособiй, с) устройство библiотеки и d) учрежденiе прiюта, гдѣ члены-гувернантки могли-бы имѣть квартиру и обѣдъ за самую умѣренную цѣну. Управленiе дѣлами было поручено наблюдательному комитету, директриссѣ и дѣлопроизводителю. Первымъ предсѣдателемъ былъ избранъ вице-президентъ консисторiи, пасторъ Рихтеръ. Главный доходъ Общества составлялся изъ членскихъ взносовъ, платы за рекомендацiю и пожертвованiй.

Въ первое время своего существованiя Общество не было въ силахъ выполнить намѣченныя цѣли во всемъ ихъ объемѣ и занималось исключительно рекомендацiей гувернантокъ. Въ 1868 г. многiе члены Общества, съ В. А. Штемлеръ во главѣ, выразили недовольство комитетомъ и настаивали на необходимости расширить дѣятельность Общества. Былъ избранъ новый наблюдательный комитетъ и предсѣдателемъ приглашенъ священникъ А. Т. Никольскiй. Покойный А. Т. Никольскiй горячо сочувствовалъ цѣлямъ Общества, число членовъ котораго съ каждымъ годомъ замѣтно увеличивалось и измѣнялось въ своемъ составѣ: француженки и нѣмки по количеству теперь уже уступали русскимъ, преобладали православные. Принявшись за устройство дѣлъ Общества, предсѣдатель открылъ въ 1870 г. дешевыя квартиры для членовъ, нуждавшихся въ помѣщенiи до прiисканiи мѣста. Квартира была нанята на Пескахъ, въ домѣ барона Фридерикса. Восемь комнатъ были снабжены всѣмъ необходимымъ для удобства живущихъ. Кромѣ того, комитетомъ была открыта, въ томъ-же году, педагогическая библiотека, устройство которой принялъ на себя из-

вѣстный педагогъ І. И. Паульсонъ, пожертвовавшій значительное количество книгъ. Надъ приведеніемъ ея въ порядокъ много потрудился также И. С. Ремезовъ.

13-го октября 1870 г. былъ утвержденъ новый уставъ Общества, и измѣнено его названіе въ «Общество попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи». Новый уставъ составленъ Е. А. Протасовымъ. По этому уставу, завѣдываніе дѣлами ввѣрялось правленію, состоящему изъ 9 лицъ; должность директриссы была замѣнена дѣлопроизводительницею и ея помощницею, избираемыми не общимъ собраніемъ, а правленіемъ. Къ цѣлямъ, намѣченнымъ въ первоначальномъ уставѣ, прибавлены еще слѣдующія: а) образовать капиталъ для учрежденія постояннаго пріюта для престарѣлыхъ членовъ и для выдачи имъ постоянныхъ пенсій, и б) открыть образцовое училище.

Чтобы поднять уровень педагогическаго образованія членовъ и ознакомить ихъ съ новыми методами преподаванія, Общество съ 1871 г. по 1878 г. организовало рядъ лекцій. Первымъ лекторомъ былъ преподаватель нѣмецкаго языка К. К. Маакъ. Затѣмъ особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Е. И. Лихачевой, на небольшую сумму, ассигнованную общимъ собраніемъ, пригласила для чтенія лекцій еще нѣсколько преподавателей. Нѣкоторые лекторы (И. Н. Михайловъ и В. С. Гербачъ) отказались отъ вознагражденія. Въ 1874 г. читались лекціи по методикѣ географіи и ариѳметики, французскаго языка и алгебры. Опытными педагогами давались примѣрные уроки въ присутствіи воспитательницъ и учительницъ. Въ слѣдующемъ году были устроены курсы по русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ и по ариѳметикѣ, но они просуществовали недолго, такъ какъ въ это время появились другія однородныя учрежденія: педагогическіе женскіе курсы, учительская земская школа, чтенія въ Солявомъ городкѣ, курсы при пятой гимназіи и при Владимірскомъ городскомъ училищѣ. Когда, въ 1878 году, открылись высшіе женскіе курсы, Общество признало возможнымъ прекратить чтеніе лекцій вовсе.

Одновременно съ лекціями, по иниціативѣ Е. И. Лихачевой, въ помѣщеніи правленія устраивались педагогическія совѣщанія воспитательницъ и учительницъ, въ которыхъ принимали участіе Е. С. Волковъ, В. П. Геннингъ, К. В. Дубровскій, В. А. Евтушевскій, баронъ М. І. Коссинскій, И. Н. Михайловъ, Н. Д. Новопашенный, А. Н. Страннолюбскій, Н. И. Раевскій, Н. О. Фену и В. Ѳ. Эвальдъ.

Съ 1871 г. воспитательницамъ и учительницамъ стали выдаваться денежныя ссуды, въ 1874 г., по предложенію А. В. Линка, положено начало пенсіонному капиталу. Въ 1877 г. открыта сберегательная касса, въ 1882 г. учрежденъ фондъ для выдачи изъ процентовъ пособій неизлѣчимымъ больнымъ членамъ, въ 1883 г. подъ дешевыя квартиры отведено болѣе обширное помѣщеніе по Владимірской улицѣ, въ д. № 8, гдѣ онѣ находятся и въ настоящее время. Въ 1891 г. приступлено къ сбору пожертвованій на пріютъ для престарѣлыхъ членовъ, неспособныхъ содержать себя трудомъ.

Это краткое перечисленіе того, что сдѣлало Общество въ продолженіи своего двадцатипятилѣтняго существованія, прекрасно свидѣтельствуетъ

о жизнедѣятельности его. Вмѣстѣ съ расширеніемъ дѣятельности увеличились и средства, и число членовъ, что легко видѣть изъ того, что:

	Приходъ.	Расходъ.	Число членовъ.
въ 1866 г.	2.994 р. 50 к.	2.561 р. 89 к.	288
а въ 1890 г.	10.505 р. 21 к.	5.061 р. 92 к.	564

Капиталъ Общества къ 1-му января 1891 г. равнялся 45.012 р. 11 к., причемъ пенсіонный капиталъ составлялъ 38.758 р. 61 к.

8 мая 1885 года, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Ея И. В. Государыня Императрица соизволила принять Общество подъ свое Августѣйшее покровительство.

Помимо своего главнаго назначенія—доставлять мѣста и уроки воспитательницамъ и учительницамъ, Общество въ настоящее время предоставляетъ своимъ дѣйствительнымъ членамъ возможность пользоваться дешевыми квартирами, библіотекою, денежными ссудами и пособіями, разсрочкою членскихъ взносовъ, сберегательною кассою, безплатною медицинскою помощью и, наконецъ, пенсіею. Выдача пенсіи начнется съ будущаго 1892 г. Правомъ на полученіе пенсіи пользуются всѣ дѣйствительные члены—воспитательницы и учительницы, безъ различія національности и исповѣданія, состоявшія членами Общества, въ общей сложности, 25 лѣтъ и имѣющія не менѣе 46 лѣтъ отъ роду. Пенсіи будутъ выдаваться пожизненно, въ размѣрѣ 120 р. въ годъ.

Въ настоящее время число лицъ, обращающихся въ Общество за указаніемъ воспитательницъ, учительницъ, надзирательницъ, компаньонокъ и лектрисъ, превысило число предложеній со стороны занимающихся педагогическою дѣятельностью. Въ 1890 г. обратилось въ Общество за указаніями 327 лицъ, заявленій-же имѣть мѣста или уроки получено отъ 313 лицъ. Требовались болѣе всего русскія воспитательницы (195 требованій), затѣмъ француженки и швейцарки (67 тр.), нѣмки (50), англичанки (13) и польки (2 требованія); вознагражденіе для большинства опредѣлившихся на мѣста лицъ простиралось отъ 300 до 400 руб. По воспитанію, записавшіяся на полученіе мѣстъ и уроковъ принадлежали: къ лицамъ, получившимъ домашнее воспитаніе, 112, къ окончившимъ курсъ въ институтахъ 87, къ домашнимъ учительницамъ 41 и къ окончившимъ курсъ въ гимназіяхъ 37 лицъ; изъ остальныхъ 38 лицъ шесть имѣли дипломъ иностранныхъ учебныхъ заведеній. По вѣроисповѣданію записавшіяся распредѣлялись такъ: православнаго—160, лютеранскаго—73, римско-католическаго—45, англиканскаго—42, реформатскаго—29 и еврейскаго—2; всѣхъ—313.

Въ настоящее время въ дешевыхъ квартирахъ могутъ помѣщаться 20 человѣкъ. За помѣщеніе въ общихъ комнатахъ взимается 6—7 руб. въ мѣсяцъ, въ отдѣльныхъ отъ 10 до 14 руб. Живущія въ квартирахъ пользуются безплатно прислугою и стиркою столоваго и постельнаго бѣлья. Въ 1890 г. дешевыми квартирами воспользовались 58 лицъ: 19 нѣмокъ, 18 русскихъ, 17 француженокъ и швейцарокъ, 3 польки и одна англичанка.

Библіотека Общества по количеству педагогическихъ сочиненій принадлежитъ въ настоящее время къ числу богатыхъ. Она состоитъ почти

изъ 1.500 томовъ и получаетъ безплатно до 15 періодическихъ изданій. Благодаря любезности издателей, въ 1890 году въ библіотеку высылались слѣдующіе журналы и газеты: «Русская Школа», «Русскій начальный учитель», «Женское образованіе», «Родникъ» съ приложеніемъ «Воспитаніе и обученіе», «Вѣстникъ Европы», «Сѣверный Вѣстникъ», «Nouvelle Revue», «Всемірная Иллюстрація», «Трудъ», «Живописное Обозрѣніе», «Сѣверъ», «Нива», «Модный Свѣтъ», «Новое Время», «Петербургскій Листокъ» и «Herold». Въ томъ-же году изъ библіотеки выдано 1.443 книги 490 членамъ.

Медицинское пособіе оказываютъ въ настоящее время безмездно женщины-врачи: М. И. Мерцалова-Роговская и З. Я. Ельцина; врачи: Н. І. Петровъ и С. А. Кореневъ и зубной врачъ И. И. Хрущовъ. Вкладчиковъ въ сберегательной кассѣ въ 1890 г. было 6, что можетъ отчасти свидѣтельствовать о бѣдности большинства дѣйствительныхъ членовъ. правильнѣе, въ томъ, что сберегательная касса слишкомъ удалена отъ мѣстожительства большинства вкладчиковъ.

Въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія, въ воскресенье, 6 октября, въ Александровской залѣ городской думы было отслужено благодарственное молебствіе. Служили: члены Общества настоятель собора всѣхъ учебныхъ заведеній Н. И. Розановъ, священникъ домовой церкви Морскаго училища К. В. Бѣлявскій и священникъ Введенской гимназіи о. Наркевичъ. Передъ молебствіемъ Н. И. Розановъ произнесъ небольшую рѣчь, въ которой кратко отмѣтилъ благотворную дѣятельность Общества и очертилъ бѣдственное положеніе многихъ воспитательницъ и учительницъ. По окончаніи молебствія, было открыто собраніе Общества. Предсѣдательствовалъ прот. К. В. Бѣлявскій. Товарищъ предсѣдательницы Общества, инспекторъ Патріотическаго института В. В. Ѳедоровъ прочелъ отчетъ о дѣятельности Общества въ минувшее двадцатипятилѣтіе. Этотъ отчетъ прекрасно составленъ предсѣдательницею А. П. Шуйскою. По выслушаніи отчета, хоръ пѣвчихъ исполнилъ народный гимнъ. Этимъ и закончилось скромное празднованіе Обществомъ своего 25-ти-лѣтняго юбилея.

Н. Аф.

Десятилѣтіе женской гимназіи М. Н. Стоюниной.

27-го октября сего года, въ женской гимназіи М. Н. Стоюниной происходилъ третій публичный актъ, по случаю третьяго выпуска ученицъ, окончившихъ полный семиклассный курсъ. Это ежегодное торжество отличалось въ нынѣшнемъ году особеннымъ характеромъ, такъ какъ за два дня передъ нимъ, 25-го октября, исполнилось десять лѣтъ со времени основанія гимназіи,—періодъ времени, правда, не особенно значительный для общественнаго учрежденія, но для учебнаго заведенія, поставившаго себѣ опредѣленныя педагогическія задачи, этотъ небольшой сравнительно промежутокъ времени, въ теченіе котораго оно организуется, вырабатываетъ во всѣхъ подробностяхъ свою педагогическую программу и пускаетъ, такъ сказать, корни въ общественную почву, первое десятилѣтіе его су-

ществованія представляетъ особенную важность и въ концѣ его является естественное желаніе оглянуться назадъ, на пройденный путь, и подвести кое-какіе итоги минувшей педагогической дѣятельности. Это желаніе припомнить главнѣйшіе факты своего десятилѣтняго труда, естественное для всякаго учебнаго заведенія, усиливалось въ данномъ случаѣ сердечной потребностью, ощущавшейся всѣмъ составомъ гимназіи, какъ учащими, такъ и учащимися, воскресить въ своей памяти личность человѣка, связаннаго съ гимназіей не только именемъ, но и семилѣтнимъ ближайшимъ руководствомъ въ ней всѣмъ ходомъ педагогическаго дѣла,—В. Я. Стоюнина. Вслѣдствіе этого нынѣшній публичный актъ въ гимназіи М. Н. Стоюниной, такъ сказать, посвященъ былъ памяти В. Я. Стоюнина. На видномъ мѣстѣ въ актовомъ залѣ поставленъ былъ бюстъ его, исполненный въ мастерской художника Гинцбурга за сумму, собранную по подпискѣ между служащими въ гимназіи и товарищами покойнаго В. Я. Сверхъ того, стѣны зала украшены были портретами В. Я. и его старшей дочери, заботы о воспитаніи которой послужили ближайшимъ поводомъ къ основанію гимназіи и около которой собрались первыя ученицы, составившія первый выпускъ, три года тому назадъ. Трудами и заботливостью бывшихъ ученицъ гимназіи портретъ Вл. Яковл. былъ украшенъ вѣнкомъ изъ лавровыхъ вѣтвей и живыхъ цвѣтовъ, а портретъ его дочери—составленной изъ живыхъ цвѣтовъ вѣткой.

Къ часу дня, 27-го октября, въ гимназіи собрались: помощникъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, Л. И. Лаврентьевъ, члены попечительнаго совѣта гимназіи: академикъ Имшенецкій, тайный совѣтникъ Евреиновъ и директоръ училища глухонѣмыхъ В. Д. Синовскій, директоръ филологическаго института К. В. Кедровъ и другіе почетные гости, всѣ учащіяся, служащіе, родители и родственники ученицъ. Въ началѣ втораго часа, передъ молебствіемъ, законоучитель гимназіи, протоіерей М. И. Соколовъ, обратился къ собравшимся съ рѣчью, въ которой припомнилъ вкратцѣ исторію гимназіи, указавъ особенно на тотъ семейный характеръ, который она имѣла въ началѣ своего возникновенія и вслѣдствіе котораго онъ очень удачно назвалъ первую собравшуюся въ гимназіи группу дѣтей «малою нивкой». Для возращенія этой «малой нивки» учредители гимназіи задались цѣлью гармонически сочетать нравственное, умственное и физическое развитіе дѣтей. Кромѣ первоначальнаго персонала учащихъ, въ воспитаніи «небольшаго числа дѣточекъ», послужившаго зародышемъ гимназіи, приняла дѣятельное участіе вся семья учредительницы. Старушка-мать ея приняла на себя всѣ хозяйственныя заботы и внесла въ нихъ ту сердечность и теплоту чувства, которая, какъ бы по наслѣдству, составила отличительную черту гимназіи и во все послѣдующее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дружная работа небольшаго кружка единомысленныхъ людей, соединившихся около возникавшаго заведенія, обезпечивала развитіе его въ теченіе не одного десятилѣтія.

Но, пославъ силы для начатія труда, Господь послалъ гимназіи и скорби, потрясшія, было, гимназію въ самомъ основаніи. Первая постигшая ее скорбь была смерть старшей дочери учредителей, ради которой отчасти основана была и сама гимназія. Унесшая дѣвочку заразительная болѣзнь (дифтеритъ) напугала многихъ родителей, и они стали брать дѣ-

тей изъ гимназіи. Но эта-же скорбь принесла и утѣшеніе: оставшіяся въ гимназіи дѣти показали въ это тяжелое для нея время свою привязанность къ заведенію и къ лицамъ, стоявшимъ во главѣ его, и это дало учредителямъ силу продолжать дѣло. Вскорѣ послѣ этого гимназію постигла вторая скорбь—смерть матери учредительницы, а нѣсколько лѣтъ спустя гимназію постигла третья сильнѣйшая скорбь—смерть В. Я. Стоюнина. Это горестное событіе обнаружило всю силу той привязанности, которую дѣти питали къ своему наставнику-руководителю. «Было умилительно смотрѣть, говорилъ проповѣдникъ, съ какимъ глубокимъ сочувствіемъ относились дѣти къ этой потерѣ; сочувствіе это выражалось не во внѣшнемъ только ношеніи траура. Мнѣ, какъ священнику, отрадно было видѣть, какъ онѣ день и ночь не отходили отъ гроба дорогаго имъ наставника, читали, смѣняя другъ друга, псалтырь и со слезами молились у гроба. Это показываетъ, что въ этихъ юныхъ сердцахъ положено доброе сѣмя. Въ этомъ чувствѣ привязанности дѣтей къ своему главному руководителю на пути нравственнаго и умственнаго развитія гимназія нашла ту опору, которая помогла ей перенести постигшія ее скорби и успѣшно продолжать начатое дѣло. Оглядываясь на минувшее десятилѣтіе, можно смѣло сказать, что Богъ благословилъ трудолюбіе нашихъ дѣвицъ: самыми замѣтными чертами въ нихъ сказываются—стремленіе къ труду, къ добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей, правильное воззрѣніе на свои силы, безпристрастная оцѣнка себя, отсутствіе погони за внѣшнимъ эффектомъ и стремленіе сдѣлаться дѣятельными членами въ обществѣ. Эти качества ученицъ составляютъ, такъ сказать, доброе имя гимназіи, утвержденное за нею ея десятилѣтней дѣятельностью. Опираясь на это доброе имя, гимназія можетъ спокойно смотрѣть впередъ и, подводя итогъ минувшему десятилѣтію, можетъ отъ всего сердца сказать: «Слава Тебѣ Богу, Благодѣтелю нашему, слава Тебѣ!» Должно только молить Бога, чтобы прямота чувствъ, правда и взаимная привязанность дѣтей къ заведенію и заведенія къ дѣтямъ сохранились и впредь; чтобы на заведеніи пребывало Божіе благословеніе, какъ оно было до сихъ поръ, и чтобы гимназія нашла въ себѣ силы перенести всѣ тѣ испытанія, какія впредь Господь пошлетъ ей въ ея дальнѣйшемъ существованіи».

Послѣ этой рѣчи законоучителемъ гимназіи отслуженъ былъ молебенъ, во время котораго пѣлъ хоръ ученицъ. По окончаніи молебна всѣ присутствующіе перешли въ актовую залу, гдѣ преподаватель педагогики, П. Ѳ. Каптеревъ, прочиталъ краткій обзоръ дѣятельности гимназіи за истекшія десять лѣтъ и отчетъ за минувшій учебный годъ.

Начинается отчетъ указаніемъ на тѣ задачи, которыя предполагалось осуществить при учрежденіи гимназіи. Мотивы основанія гимназіи были довольно разнообразны. Ближайшимъ поводомъ къ ея учрежденію послужила забота объ образованіи дочери, которую жаль было отдать на воспитаніе въ чужія руки, тѣмъ болѣе, что въ существовавшихъ гимназіяхъ дѣло шло не всегда такъ, какъ хотѣлось учредителямъ. Это навело ихъ на мысль учрежденіемъ новой частной гимназіи способствовать болѣе правильной постановкѣ женскаго образованія вообще и, придавъ ему семейный характеръ, соединить выгоды семейнаго и общественнаго воспитанія, т.-е. одинаково развить въ учащихся какъ индивидуальныя стороны, на-

ходящія главное свое приложеніе въ семьѣ, такъ и сознаніе общественнаго долга, необходимое для дѣятельности общественной. Возникнувъ отчасти изъ семейныхъ потребностей, новая гимназія съ первыхъ-же шаговъ усвоила вполнѣ семейный характеръ. Первыя ученицы гимназіи были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подругами дочери учредителей, и эта дружба нравственно привязала и, такъ сказать, сроднила ихъ съ гимназіей. Сами учредители приняли на себя преподаваніе и руководство гимназіей, причемъ В. Я. Стоюнинъ, не преподававшій въ то время ни въ одномъ учебномъ заведеніи, всѣ свои силы и все свое свободное время посвятилъ новой гимназіи, въ которой нашли себѣ прекрасное приложеніе его глубокій педагогическій талантъ и обширная педагогическая опытность. Старушка-мать учредительницы занялась хозяйствомъ школы.

Но вскорѣ гимназіи пришлось пережить очень серьезныя потрясенія, о которыхъ мы уже знаемъ изъ рѣчи протоіерея М. И. Соколова и которыя поколебали еще не окрѣпшее заведеніе въ самомъ его основаніи. Личная энергія учредителей и положенныя въ основу гимназіи здравыя и вѣрныя педагогическія начала спасли начатое дѣло и гимназія постепенно формировалась, развивалась и крѣпла.

Открывшись въ октябрѣ 1881 г. младшимъ отдѣленіемъ приготовительнаго класса съ шестью ученицами, гимназія ежегодно увеличивалась какъ числомъ классовъ, такъ и числомъ ученицъ; къ 1-му января каждаго послѣдующаго года въ ней было ученицъ: въ 1883 г. — 28, въ 1884 — 58, въ 1885 — 91, въ 1886 — 112, въ 1887 — 138, въ 1888 — 154, въ 1889 — 170, въ 1890 — 185 и въ 1891 — 182. Въ настоящее время гимназія состоитъ изъ 9 классовъ: приготовительнаго, семи гимназическихъ и восьмаго дополнительнаго — педагогическаго.

Цѣль, которую гимназія поставила себѣ при своемъ возникновеніи, состояла въ стремленіи развить по возможности всесторонне какъ духовныя, такъ и физическія силы учащихся и этимъ подготовить ихъ къ предстоящему имъ въ жизни самостоятельному труду. Вслѣдствіе этого гимназіи приходится рѣшать довольно трудную педагогическую задачу: расположить учебныя занятія такимъ образомъ, чтобы учащіяся, не претерпѣвая никакого ущерба въ своемъ умственномъ развитіи и въ пріобрѣтеніи соотвѣтствующихъ возрасту научныхъ познаній, не пострадали и въ физическомъ отношеніи.

Какъ гимназія справляется съ этой двойственной задачей, какія мѣры принимаетъ она для успѣшнаго ея разрѣшенія, подробно изложено въ ея ежегодныхъ отчетахъ. Здѣсь-же вкратцѣ скажемъ, что, судя по прочитанному на нынѣшнемъ актѣ отчету, на физическое развитіе учащихся обращено въ ней серьезное вниманіе. Наблюденіе за физическимъ ростомъ и здоровьемъ ученицъ составляетъ предметъ постоянныхъ заботъ гимназіи. Независимо отъ серьезно поставленныхъ въ ней физическихъ упражненій, которыя включены въ ежедневное росписаніе уроковъ, какъ отдѣльный предметъ, и производятся подъ руководствомъ женщины-врача, гимназія дѣлаетъ два раза въ годъ чрезъ женщину-врача медицинскій осмотръ всѣхъ учащихся, съ измѣреніемъ роста, вѣса, емкости легкихъ и проч. Зрѣніе учащихся тоже составляетъ предметъ заботъ гимназіи и тоже подвергается ежегодному осмотру приглашаемаго гимназіей окулиста. Всѣ эти

наблюденія, содѣйствуя правильному физическому развитію учащихся, привели гимназію къ неутѣшительному выводу о далеко неудовлетворительномъ состояніи ученицъ въ отношеніи физическаго развитія при поступленіи ихъ въ гимназію: между поступающими ученицами постоянно оказывается значительное число лицъ не только слабаго сложенія, но и съ предрасположеніемъ и задатками къ различнымъ болѣзнямъ.

«Умственныя занятія ученицъ, говоритъ отчетъ, гимназія стремится распредѣлить сообразно ихъ силамъ, принимая во вниманіе трудность предмета и возрастъ учащихся, каждый день чередуетъ теоретическіе учебные предметы съ гимнастикой и искусствами, избѣгаетъ скопленія трудныхъ уроковъ на одинъ день и вечернихъ занятій болѣе, чѣмъ по двумъ предметамъ, допуская изъ этого правила рѣдкія исключенія, и то только для старшихъ классовъ». Выполняя въ учебномъ отношеніи установленный правительствомъ для женскихъ гимназій курсъ, гимназія стремится къ тому, чтобы учащіяся усваивали научныя познанія не пассивно и механически, а путемъ умственной самодѣятельности, конечно, въ доступныхъ каждому возрасту предѣлахъ. Къ этому развитію самодѣятельности направлены въ гимназіи всѣ пріемы при учебныхъ занятіяхъ, какъ классныхъ. такъ и внѣклассныхъ. Конечно, эта умственная самодѣятельность находитъ себѣ наибольшее приложеніе въ старшихъ классахъ и преимущественно въ VIII-мъ, гдѣ для нея представляется достаточный просторъ въ самостоятельныхъ письменныхъ сочиненіяхъ по разнымъ предметамъ, въ самостоятельныхъ опытныхъ работахъ по физикѣ и въ самостоятельныхъ педагогическихъ занятіяхъ ученицъ въ существующей при гимназіи небольшой элементарной школѣ.

Въ тѣсной связи съ развитіемъ умственныхъ силъ учащихся стоятъ въ гимназіи заботы о развитіи въ нихъ эстетическаго чувства, которому гимназія придаетъ чрезвычайно важное значеніе. «Занятія только науками и языками, говорится въ отчетѣ гимназіи, сообщаютъ уму нѣкоторую односторонность, недостаточно расшевеливаютъ человѣка, не даютъ возможности испытать всего себя, всѣ свои способности и силы. Искусства даютъ другое направленіе уму, послѣ занятій науками и языками освѣжаютъ и ободряютъ человѣка, привлекая его вниманіе къ совершенно новому міру явленій, даютъ пищу не только уму, но и глазу, и рукѣ, и слуху, и голосовому аппарату. Въ видахъ всесторонняго развитія ученицъ, гимназія съ самаго начала своего существованія заботилась объ искусствахъ и ввела въ учебный курсъ въ довольно широкихъ размѣрахъ рисованіе и пѣніе и въ небольшихъ—лѣпку. Конечно, пріобрѣтенія, дѣлаемыя ученицами гимназіи въ сферѣ поименованныхъ искусствъ, не могутъ быть значительны, но они даютъ полную возможность обнаружиться соотвѣтствующимъ спеціальнымъ склонностямъ и способностямъ, даютъ основныя знанія и навыки по извѣстной отрасли искусства и такимъ образомъ закладываютъ фундаментъ дальнѣйшимъ, болѣе серьезнымъ занятіямъ, не говоря уже о значеніи такихъ пріобрѣтеній для общаго образованія».

Этотъ серьезный взглядъ гимназіи на значеніе эстетическаго развитія въ дѣлѣ воспитанія составляетъ, вмѣстѣ съ заботами ея о физическомъ развитіи учащихся, характерную черту гимназіи. Столь-же характерную

особенность ея составляетъ и воспитательная въ ней сторона, о которой находимъ въ отчетѣ такія строки:

«Собирая учащихся ежедневно на цѣлые шесть часовъ, гимназія заботится о томъ, чтобъ учащіяся чувствовали себя въ стѣнахъ гимназіи достаточно свободно, непринужденно, чтобы ихъ не встрѣчали суровыя, холодныя и хмурыя лица, чтобы всѣ ихъ дѣйствія не трактовали съ точки зрѣнія сухой и мелочной дисциплины. Гимназія постоянно стремится сочетать возможно полную свободу учащихся съ добросовѣстнымъ выполненіемъ ими школьныхъ обязанностей и школьнаго порядка; она желаетъ каждой ученицѣ предоставить полный просторъ, допускаемый совмѣстнымъ обученіемъ многихъ и возникающими отсюда требованіями... Признавая необходимымъ осмотрительно и внимательно относиться къ каждой личности, къ ея особенностямъ, гимназія, при встрѣчѣ съ отклоненіями отдѣльныхъ лицъ отъ общаго желаемаго направленія, избѣгаетъ всякой рѣзкости, крутыхъ мѣръ, не создаетъ для личности какого-либо исключительнаго положенія, нарушающаго спокойный, правильный ходъ нравственнаго развитія. Она болѣе расчитываетъ на доброе постоянное вліяніе всей школьной жизни, на время, постепенно приводящее къ разумному подчиненію общему порядку... Въ своихъ отношеніяхъ къ учащимся гимназія никогда не забываетъ, что она имѣетъ дѣло съ личностями еще развивающимися, неопредѣлившимися, неокрѣпшими ни физически, ни нравственно, ни умственно. При такихъ условіяхъ терпѣливая осторожность, при постоянномъ сердечномъ вниманіи и участіи, приводитъ къ болѣе удовлетворительнымъ результатамъ, чѣмъ рискованная поспѣшность, могущая иногда подѣйствовать на минуту, но не представляющая никакого ручательства на будущее.

Таковы основныя начала, которыхъ гимназія держится съ самаго своего основанія. Признавая ихъ правильными, она, особенно послѣ десятилѣтняго опыта, выразила въ отчетѣ намѣреніе и впредь, по мѣрѣ возможности, не отступать отъ нихъ. Сознавая, что однѣми своими силами она не можетъ достигнуть никакихъ существенныхъ результатовъ, гимназія постоянно разсчитываетъ на помощь и содѣйствіе семьи и общества и для этого съ самаго начала своего существованія стремится войти въ непосредственныя сношенія съ родителями ученицъ, «чтобы совмѣстно и откровенно выяснить разныя интересующія школу и семью явленія, вмѣстѣ и дружно преодолѣвать затрудненія, встрѣчающіяся на пути нравственнаго развитія ученицъ».

Съ этою цѣлью гимназія ежегодно предлагаетъ родителямъ рядъ вопросовъ о дѣтяхъ, объ ихъ занятіяхъ въ гимназіи и дома, о томъ, какъ эти занятія отражаются на состояніи ихъ здоровья и т. п. Къ сожалѣнію, идея о безусловной важности и необходимости тѣснаго единенія семьи и школы еще слишкомъ слабо проникла въ сознаніе нашего общества, и это служитъ причиной, по которой къ настойчивымъ попыткамъ гимназіи войти въ возможно близкую нравственную связь съ семьею общество относится въ большинствѣ случаевъ довольно пассивно и формально, давая, по словамъ отчета, часто слишкомъ короткіе, односложные, такъ сказать, оффиціальные отвѣты. Между тѣмъ, гимназія какъ въ нынѣшнемъ, такъ и во всѣхъ предыдущихъ своихъ отчетахъ старалась подробно

изложить, чего именно ожидаетъ она отъ родителей своихъ ученицъ въ отвѣтъ на свои вопросы, какого содѣйствія и какой помощи съ ихъ стороны она добивается и почему именно откровенныя и довѣрчивыя отношенія семьи такъ важны и необходимы. Должно надѣяться, что многолѣтнія усилія гимназіи въ этомъ отношеніи приведутъ, въ концѣ-концовъ, къ столь желательному тѣсному единенію ея съ семьею. Во всякомъ случаѣ, попытки ея въ этомъ направленіи заслуживаютъ полнаго сочувствія.

Чтеніе отчета закончилось обращеніемъ къ выпускнымъ ученицамъ, въ которомъ ихъ вниманіе обращено было на то, что онѣ, съ своей стороны, тоже могутъ оказать весьма существенное содѣйствіе гимназіи осуществленіемъ въ своей будущей дѣятельности тѣхъ началъ, которыя внушала имъ гимназія, началъ высшей гуманности и христіанской любви къ ближнему, къ человѣчеству. «Осуществивъ эти начала, сказано въ отчетѣ, вы заслужите честь себѣ, а отъ васъ этотъ нравственный свѣтъ и блескъ отразится и на школѣ, давшей вамъ образованіе».

Послѣ чтенія отчета хоръ ученицъ среднихъ классовъ исполнилъ двѣ пьесы, за которыми послѣдовала рѣчь преподавателя русскаго яз. и слов. Ѳ. А. Витберга о В. Я. Стоюнинѣ, имѣвшая цѣлью «припомнить характернѣйшія черты его личности и важнѣйшие его педагогическіе принципы».

Послѣ этой рѣчи присутствующіе выслушали пѣніе ученицъ старшихъ классовъ, исполнившихъ двѣ пьесы. Послѣ первой изъ нихъ, составленная заранѣе программа празднества неожиданно и пріятнымъ для всѣхъ присутствовавшихъ образомъ нѣсколько нарушилась. Одна изъ ученицъ перваго выпуска, г-жа Дитерихсъ, выступила впередъ и отъ имени всѣхъ окончившихъ въ гимназіи курсъ ученицъ обратилась къ начальницѣ гимназіи, М. Н. Стоюниной, съ краткой, но весьма сердечно составленной рѣчью, въ которой, передъ лицомъ всѣхъ присутствовавшихъ, бывшія ученицы выразили свою горячую, сердечную благодарность и гимназіи, и ея начальницѣ за все, что сдѣлано было для ихъ воспитанія и образованія. Въ рѣчи этой присутствующіе еще разъ услышали изъ устъ самихъ ученицъ о той глубокой и неразрывной нравственной связи, которая установилась между ними и воспитавшей ихъ гимназіей и первымъ звеномъ для которой послужила теплая дѣтская дружба гимназистокъ съ старшей дочерью учредителей. Особенно замѣчателенъ конецъ этой рѣчи: «Всегда помня наше единеніе съ гимназіей, мы будемъ стараться, чтобы наша послѣдующая жизнь оправдала благородныя стремленія ея; только этимъ мы сможемъ доказать нашу горячую, сердечную благодарность вамъ, Марія Николаевна, и всѣмъ, кто принималъ участіе въ нашемъ воспитаніи и образованіи».

Какъ это, столь торжественно заявленное стремленіе бывшихъ ученицъ, такъ и вся ихъ рѣчь служатъ лучшимъ выраженіемъ той нравственной связи, которая установилась между гимназіей и ея бывшими ученицами. Дай Богъ, чтобы всякой школѣ досталось услышать такую искреннюю и сердечную благодарность!

За рѣчью этой послѣдовала раздача свидѣтельствъ выпускнымъ ученицамъ, послѣ чего общій хоръ ученицъ пропѣлъ «Боже, Царя храни!» и этимъ окончилась оффиціальная часть торжества. За симъ, какъ уча-

щимся, такъ и служащимъ и гостямъ предложено было угощеніе. Всѣ присутствующіе соединились въ одну семью; оффиціальная чинность была забыта, и время прошло въ дружеской бесѣдѣ, пѣніи и танцахъ, затянувшихся до поздняго вечера.

Въ Петербургскомъ комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 8-го октября 1891 г.

Сообщенія Г. А. Фальборка: 1) о дѣятельности В. Д. Вакурова; 2) взгляды крестьянъ на грамоту.

Въ началѣ засѣданія предсѣдатель сообщилъ о смерти двухъ членовъ комитета: *Александры Павловны Ольденбургъ* и *Константина Филипповича Дубовскаго*. Память усопшихъ собраніе почтило вставаніемъ. Затѣмъ, между прочими текущими дѣлами, предсѣдатель сообщилъ собранію: 1) что изданныя *издательской коммиссіей* комитета книги: «Сборникъ басенъ Хемницера, Измайлова, Дмитріева и Крылова» и второе изданіе «Севастопольскихъ разсказовъ» Л. Н. Толстого одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Нар. Просв.; 2) что тою-же коммиссіей лѣтомъ текущаго года изданы «Избранныя сочиненія М. Ю. Лермонтова»; 3) что *ассигнованная по смѣтѣ сумма (2.300 р.) на безплатное снабженіе книгами и учебными пособіями бѣднѣйшихъ школъ* оказалась *недостаточной* вслѣдствіе болѣе значительнаго спроса на книги сравнительно съ прошлымъ годомъ. Вслѣдствіе этого собранію было предложено *ассигновать еще 200 р.* и тѣмъ дать Совѣту возможность безостановочно удовлетворять нужды бѣднѣйшихъ школъ. Предложеніе это собраніемъ принято единогласно.

Остальная часть засѣданія была посвящена слушанію сообщеній *Г. А. Фальборка*.

27-го сентября текущаго года Саратовъ праздновалъ 25-лѣтіе общественной дѣятельности Василія Дмитріевича Вакурова. Отцомъ его въ 30-хъ годахъ открыта была первая въ Саратовѣ книжная торговля, и такимъ образомъ В. Д. выросъ какъ-бы въ книжной атмосферѣ. Окончивъ курсъ въ университетѣ и выдержавъ магистерскій экзаменъ, онъ не посвятилъ, однако, себя научнымъ занятіямъ. Началась достопамятная эпоха реформъ, приближалось 19-е февраля, и все это, въ связи съ личными обстоятельствами, заставило В. Д. вернуться въ Саратовъ и посвятить себя общественной дѣятельности. «Онъ сразу вошелъ въ кружокъ людей, стремившихся проводить въ жизнь новыя мысли, новыя основанія жизненнаго порядка. Самую прочную основу лучшей жизни онъ увидѣлъ въ *школѣ* и отдалъ ей всѣ свои симпатіи и всѣ свои силы». Въ 1866 г. въ Саратовѣ былъ открытъ *уѣздный училищный совѣтъ*, и В. Д. былъ выбранъ въ его члены. За все время дѣятельности В. Д. въ уѣздѣ было открыто 47 школъ, а въ городѣ 14. Пріобрѣвъ необходимыя знанія и опытъ въ школьномъ дѣлѣ, В. Д. скоро сдѣлался для учителей лучшимъ

руководителемъ. Въ своей дѣятельности онъ исходилъ изъ взгляда, что школа только тогда исполнитъ свою задачу, когда она будетъ въ живой и постоянной связи съ обществомъ. По его инціативѣ, въ Саратовѣ съ 1871 г. происходятъ публичные акты городскихъ школъ, при его участіи учреждено «Общество вспомоществованія недостаточнымъ ученикамъ городскихъ школъ». Какъ гласный, В. Д. постоянно защищалъ въ думѣ и матеріальные интересы школъ. Желая установить живую связь школы съ учениками, онъ устраивалъ для послѣднихъ ёлки, прогулки за городъ, спектакли, поѣздки на пароходахъ; для учителей онъ нерѣдко устраивалъ литературные вечера. Всегда В. Д. отстаивалъ общественную, безтенденціозную, всесословную школу. Но его труды были посвящены не только общеобразовательной школѣ; много поработалъ онъ и на пользу профессіональнаго образованія, напр., для открытія Александровскаго ремесленнаго училища, предсѣдателемъ совѣта котораго онъ состоитъ. Саратовская дума почтила юбиляра избраніемъ въ почетные граждане г. Саратова, и городской голова, привѣтствуя В. Д., сказалъ, между прочимъ: «счастливо общество и не изсякнетъ въ немъ жизнь, пока въ его средѣ будутъ являться подобные вамъ дѣятели». Въ заключеніе своего доклада Г. А. Фальборкъ предложилъ собранію послать В. Д. Вакурову, по случаю 25-лѣтія его дѣятельности на пользу народнаго образованія, привѣтствіе отъ С.-Петербургскаго комитета грамотности. Предложеніе это собраніемъ принято единогласно.

Другой докладъ Г. А. Фальборка представлялъ собою небольшой отрывокъ изъ описанія земскихъ школъ Новозыбковскаго уѣзда, Черниговской губерніи, составляемаго докладчикомъ совмѣстно съ В. И. Чарнолускимъ на основаніи обширнаго статистическаго матеріала. Въ частности *взгляды крестьянъ* Новозыбковскаго уѣзда *на грамоту* были выяснены на повѣрочныхъ испытаніяхъ, на которыхъ экзаменующимся были предложены для написанія сочиненій слѣдующія темы: *о пользѣ грамоты*; о крестьянскихъ раздѣлахъ; о мірскихъ сходкахъ и выборныхъ; гдѣ лучше жить — въ городѣ или деревнѣ? много-ли теперь у крестьянъ на міру правды и кто изъ нихъ больше по совѣсти живетъ, старики или молодые? для чего крестьяне дѣлятъ свои земли на полосы, а не отводятъ всякому весь кусокъ земли въ одномъ мѣстѣ? о водкѣ и пьянствѣ; кому на селѣ легче жить—бабѣ или мужику? хорошо или худо жить теперь на селѣ? какъ по деревнямъ живутъ родители и дѣти? Сочиненія на такія темы при извѣстныхъ условіяхъ *должны* дать богатый матеріалъ для характеристики всего народнаго міросозерцанія и, судя по даннымъ, сообщеннымъ докладчикомъ, о взглядахъ крестьянъ на грамоту, изслѣдованіе *дѣйствительно дало цѣнный матеріалъ по народной психологіи*. Большая часть явившихся на повѣрочныя испытанія *) находится въ возрастѣ между 16 и 25 годами; женщинъ явилось гораздо меньше, чѣмъ мужчинъ, замужней—ни одной. *Рецидивизмъ безграмотности* ни въ одномъ случаѣ не былъ констатированъ. Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію взглядовъ крестьянъ на грамоту, докладчикъ въ нѣсколькихъ словахъ оха-

*) 584 крестьянина (окончившихъ курсъ, выбывшихъ до окончанія его и самоучекъ)—въ 17 школахъ.

рактеризовалъ Новозыбковскій уѣздъ. Въ городахъ и посадахъ живетъ промышленное и торговое населеніе — великоруссы-раскольники, въ селахъ—смѣсь бѣлоруссовъ и малоруссовъ; сельское населеніе, вслѣдствіе малоземелья, массами уходитъ на заработки. Не смотря на свою населенность, уѣздъ затрачиваетъ на *начальное* образованіе всего 8.500 р. и имѣетъ только 26 земскихъ и 2 министерскихъ школы; въ нихъ обучается 25% мальчиковъ и 3,35% дѣвочекъ школьнаго возраста. Уѣздный городъ *(съ реальнымъ училищемъ и женской гимназіей) и 4 посада не имѣютъ ни одной начальной школы.* Учебное дѣло въ начальныхъ школахъ поставлено плохо, главнымъ образомъ, вслѣдствіе низкаго уровня учительскаго персонала. Не смотря на это печальное обстоятельство, результаты испытаній показали, какъ жадно стремится крестьянинъ къ ученію. «Легко понять—замѣтилъ докладчикъ—насколько плодотворнѣе дѣйствовала бы хорошая школа».

Главнымъ матеріаломъ доклада явились *112 сочиненій*, написанныхъ взрослыми крестьянами на тему *о пользѣ грамоты.* Приступая къ ихъ характеристикѣ, г. Фальборкъ замѣчаетъ: «Въ крестьянской жизни существуетъ, конечно, не мало теченій мысли, сталкивающихся другъ съ другомъ, порождающихъ ту-же борьбу партій, лицъ и направленій, которая близко знакома намъ изъ жизни привиллегированныхъ классовъ. Все это не могло, конечно, не отразиться на сочиненіяхъ, подлежащихъ нашему разбору. И дѣйствительно, мы находимъ тамъ крайнее разнообразіе, которое необходимо было привести въ систему, сгруппировать по главнымъ типическимъ признакамъ, чтобы получить маломальски цѣльное впечатлѣніе». Прежде всего докладчикъ остановился на представителяхъ чисто утилитарнаго, практическаго взгляда на грамоту. Одинъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей этого направленія—крестьянинъ Харитонцевъ, которому «грамота нужна, чтобы легче для него на службѣ было». По мнѣнію докладчика, Харитонцевъ выразитель вредныхъ антидеревенскихъ тенденцій: онъ прямо говоритъ «грамотному плохо жить въ селахъ». Другіе представители этого взгляда, перечисливъ конкретные случаи полезнаго приложенія грамотности, говорятъ: «вообще грамотному хорошо живется».

Наиболѣе яркое выраженіе утилитарный взглядъ получилъ въ слѣдующихъ словахъ (цитированныхъ докладчикомъ, впрочемъ, не изъ сочиненій новозыбковскихъ крестьянъ): «болѣе всего мы желали узнать, доучимся-ли мы до конца и будемъ-ли писарями, чтобы ѣздить на парѣ съ колокольчиками». Сочиненія, въ которыхъ проводится узкій взглядъ на задачи грамотности, составляютъ значительное меньшинство, всего $^1/_{10}$ всѣхъ сочиненій. Остановившись далѣе на переходномъ типѣ отъ утилитаристовъ къ людямъ идейнаго направленія, докладчикъ замѣчаетъ: «...школа внесла въ жизнь ту общую идею, что грамотный человѣкъ способнѣе ко всякой работѣ, что у него «*голова разбитнѣе ко всякому дѣлу*», по оригинальному выраженію одного изъ писавшихъ», и приводитъ тѣ взгляды, которые связываютъ переходные типы съ чисто идейными. Такъ, авторъ одного сочиненія съ практическимъ взглядомъ на грамоту заявляетъ въ то-же время, что онъ хочетъ «быть грамотнымъ и земледѣльцемъ», хочетъ «трудиться на этомъ, ибо я *природенъ* къ хлѣбопашеству». Пред-

ставители *широкаго*, «*идейнаго*», какъ выражается докладчикъ, взгляда на грамоту прямо ставятъ вопросъ о ея нравственномъ значеніи. Казакъ Подольный съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ, что *грамотность* не всегда сочетается съ *честностью* и говоритъ, что «нужно быть грамотнымъ, да къ тому честнымъ и благороднымъ, потому что честность—плоды просвѣщенія». «Сомнѣваться въ томъ—говоритъ докладчикъ—что подобные (т.-е. идейные) люди дѣйствительно есть въ деревнѣ и были всегда, можетъ только тотъ, кто намѣренно закрываетъ глаза и на факты исторіи, и на повседневную жизнь. Безграмотный «живетъ какъ овца», говорятъ люди этого направленія. Одинъ изъ нихъ прямо заявляетъ, что онъ хочетъ быть «мизернымъ человѣкомъ», работать, а богатымъ не хочетъ быть. Принадлежащая къ этой-же категоріи дѣвушка, 16 л., окончившая курсъ въ школѣ, говоритъ: «когда прочтешь, какую-либо книгу, то она въ сердце войдетъ, то разгонитъ горе». И далѣе: «когда я была неграмотна, то я не знала ничего и *жила какъ овца*». «Многіе представители этой группы лицъ, вышедшихъ изъ земской школы, не только сами идейно смотрятъ на грамоту, но и убѣждены въ необходимости распространять ее среди односельчанъ». *Всѣ эти люди признаютъ грамотность безусловной необходимостью для всѣхъ безъ исключенія*. Въ одномъ сочиненіи выразилось даже пониманіе культурно-историческаго значенія письменности: «еслибъ не было грамотныхъ, не было-бы кому записать, а посему прошла недѣля и забылъ, а грамотный записалъ—и ему есть не только на недѣлю, но и на цѣлый вѣкъ. Онъ знаетъ, что когда дѣлалъ и что когда было и его списокъ передается изъ рукъ въ руки грамотнымъ людямъ». Почти всѣ представители идейнаго взгляда на грамоту вполнѣ сознательно выбрали себѣ земледѣліе, какъ самый желательный и любимый способъ существованія, и прямо говорятъ объ этомъ въ сочиненіяхъ. Они понимаютъ и общественно-практическое значеніе грамоты: грамотные люди могутъ контролировать магазейщиковъ, которые «много заѣдаютъ хлѣба», и старостъ, которые «заѣдаютъ деньги».

Далѣе докладчикъ остановился на характеристикѣ взглядовъ крестьянъ на значеніе грамоты для женщинъ. Особое мѣсто для женщинъ въ этомъ отношеніи выдѣляютъ: 1) представители домостроевскаго склада мысли, пытающіеся оправдать свои узкія воззрѣнія авторитетными доводами изъ Священнаго Писанія, и 2) представители утилитарнаго направленія, просто заявляющіе, что «бабамъ грамота не нужна на томъ основаніи, что имъ некогда, что они «чернорабочія женщины», и часто вовсе не отрицающіе необходимости грамоты «для женщинъ не деревенскихъ». Взгляды «идейныхъ» крестьянъ на этотъ вопросъ уже отмѣчены выше. Этимъ тремъ мужскимъ представителямъ: 1) домостроевцамъ, 2) утилитаристамъ, 3) «идейнымъ» людямъ соотвѣтствуютъ три типа женщинъ: 1) забитая баба, жена домостроевца, мечтающая о богомольѣ и цѣнящая грамоту лишь съ точки зрѣнія религіозныхъ потребностей, 2) крестьянка, поглощенная своими хозяйственными заботами; ея взглядъ на грамотность всецѣло зависитъ отъ внѣшнихъ условій ея жизни, 3) представительница идейнаго направленія.

Въ заключеніе своего доклада, Г. А. Фальборкъ подчеркнулъ значеніе земской школы и ея популярность среди народа, а общее впечатлѣ-

ніе, получаемое отъ сообщеннаго матеріала, резюмировалъ въ историческомъ сравненіи, сказавъ, что «наше крестьянство переживаетъ теперь свои 40-ые годы».

Докладъ вызвалъ довольно оживленныя пренія, въ которыхъ приняли участіе В. П. Воленсъ, А. М. Калмыкова, В. В. Девель и др. А. М. Калмыкова замѣтила, что докладчикъ слишкомъ односторонне охарактеризовалъ практическій, утилитарный взглядъ на грамоту, такъ какъ въ этомъ взглядѣ сказывается, между прочимъ, пониманіе, что грамотный человѣкъ самостоятельнѣе безграмотнаго, что онъ не такъ зависитъ отъ чужой помощи, а такое сознаніе — признакъ пробуждающагося чувства собственнаго достоинства. Г. Девель указалъ, что стремленіе крестьянъ къ наукѣ и «идейное» пониманіе пользы грамоты существовали и *въ дореформенный періодъ*, но правильный исходъ нашли себѣ *въ земской школѣ*.

Нельзя не пожелать, чтобы какъ вообще все задуманное Г. А. Фальборкомъ и В. И. Чарнолускимъ изслѣдованіе школъ Новозыбковскаго уѣзда, такъ въ частности и ихъ работа о «взглядахъ крестьянъ на грамоту» появились-бы въ печати. Мы имѣемъ тутъ дѣло, очевидно, съ чрезвычайно цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу о народномъ образованіи.

П. С.

Письмо въ редакцію «Русской Школы».

Милостивый государь, г. редакторъ!

Шадринскій уѣздный временный благотворительный комитетъ, призванный къ дѣятельности почти поголовнымъ бѣдствіемъ 307.000 населенія Шадринскаго уѣзда вслѣдствіе полнаго неурожая хлѣбовъ въ теченіе двухъ лѣтъ—1890 и 1891 годовъ—въ засѣданіи своемъ 14-го сего октября постановилъ: съ цѣлью увеличенія средствъ комитета обратиться къ содѣйствію прессы, прося редакціи наиболѣе распространенныхъ газетъ и журналовъ возбудить въ обществѣ сочувствіе къ бѣдственному положенію нашего края. Матеріаломъ для редакціи можетъ служить протоколъ перваго засѣданія комитета 13-го октября, въ которомъ помѣщена рѣчь члена-секретаря комитета Н. Г. Ѳедорова, характеризующая въ краткихъ чертахъ крайне бѣдственное положеніе уѣзда. Грозная туча уже собралась надъ уѣздомъ и готова разразиться голодомъ повсемѣстнымъ и почти поголовнымъ. Уже и теперь 77.000 жителей питаются хлѣбомъ изъ сорныхъ травъ съ незначительной примѣсью ржи. Домашній скотъ, избалованный добрымъ сѣномъ, отвертываетъ морды отъ этого хлѣба, а люди ѣдятъ и благодарятъ Бога, у кого есть запасъ сорной травы на завтрашній день. Но и урожай сорныхъ травъ не былъ значительнымъ. Недалеко то время, когда не останется ничего. Даже и теперь обычное явленіе, что люди по два и по три дня остаются безъ всякой пищи, а что будетъ дальше— страшно подумать. Мы, мѣстные жители, съ замираніемъ сердца ждемъ этого страшнаго бѣдствія. Чтобы ослабить его, нужна помощь немедленная. Но бѣдный, голодный уѣздъ, истрадавшійся въ борьбѣ за каждый день существованія, не можетъ найти помощи въ самомъ себѣ. До сихъ

поръ мы не получали помощи ни откуда ни копѣйки, кромѣ мѣстныхъ пожертвованій, давшихъ 1.500 руб. Между тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Найдется масса лицъ, которыя не въ состояніи отвернуться отъ чужаго несчастія и для которыхъ горе ближняго равносильно собственному. Но дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. Помогите-же намъ, господинъ редакторъ, и словомъ, и дѣломъ. Призовите общество къ благотворительности, принимайте пожертвованія и посылайте въ Шадринскій временный благотворительный комитетъ.

З. м. предсѣдателя комитета *Поповъ.*

Членъ-секретарь комитета *Федоровъ.*

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 г.

ВСЕМІРНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

12 книгъ въ годъ 3 рубля съ пересылкой и доставкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи.

«Всемірная Библіотека» выходитъ въ среднихъ числахъ каждаго мѣсяца книжками въ 18—20 печатныхъ листовъ большаго журнальнаго формата (до 4000 страницъ въ годъ).

Въ журналѣ помѣщаются исключительно лишь выдающіяся новинки иностранной литературы.

Между прочимъ. въ теченіи 1891 года были помѣщены слѣдующіе романы и разсказы: ОДНА ЖИЗНЬ, ОДНА И ЛЮБОВЬ. Романъ М. Брэддонъ.—ПѢНА. Романъ Армандо Палаччіо Вальдесъ.—ТРОТТОЛИНО. Разсказъ Уйда. — ПЮИЖОЛИ. Историческій романъ изъ временъ французской революціи Ж. Кларети.—ТИРСА. Романъ. Дж. Гиссинга.—НЕСЧАСТНОЕ ЖИВОТНОЕ Разсказъ П. Лоти.—БЕЗДНА. Романъ изъ русской жизни графа Васили (Переводъ съ французскаго съ разрѣшенія автора).—ПАРИ. Разсказъ Г. Сенкевича.—ТРУЖЕНИКЪ. Разсказъ Поля Бурже.—ТИВЕРІЙ. Историческій романъ В. Валло.—КАЛЕБЪ И ХОРА. Новелла Э. Эркмана.—ВЪ СОСНОВОЙ ПРОСѢКѢ. Повѣсть Бретъ-Гарта.—ИДА ЛЮДИНГТОНЪ. Романъ Эдв. Беллами (автора романа «Будущій вѣкъ»).—НОВАЯ ЖИЗНЬ. Повѣсть Елизы Ожешковой.—БЕЗЪ ВОЗВРАТА. Романъ Т. Фонтана.—УСТАЛОЕ СЕРДЦЕ. Разсказъ Осипа Шубина.—ДЕНЬГИ. Романъ Э. Зола.—СЧАСТЬЕ. Повѣсть Маріи Радзевичувны.—ДОЛГЪ МЕСТИ. Романъ Жоржа Онэ—«ДО ВОСТРЕБОВАНІЯ». Разсказъ Э. Додэ.—СНИГИРЬ. Эскизъ Уйда.—1815 ГОДЪ. Историческій романъ Ж. Лермина.—КРОВЬ. Разсказъ Эмиля Зола.—ЯНЪ-МАРІЯ ПЛОЙХАРЪ. Романъ Ю. Зейера (переводъ съ чешскаго, одобренный авторомъ).—ПРОПАВШІЕ ЛИМОНЫ. Разсказъ Педро Аларкона.—ИЗЪ ЖИЗНИ СТЕПИ. Разсказъ Тола Доріанъ.—ИСПОВѢДЬ. Романъ Марселя Прево съ приложеніемъ письма Александра Дюма.—ИЗМѢННИКЪ. Разсказъ Педро Аларкона.—НЕ ИЗЪ ГЕРОЕВЪ. Повѣсть (переводъ съ англ. съ рукописи) Чарльза Тёрнера.—ДУРНУШКА. Разсказъ Сальв. Фарина (переводъ съ рукописи) и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ пересылкой и доставкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи:

На годъ . . . . 3 руб.

» полгода . . . . 2 »

За поручительствомъ гг. казначеевъ допускается разсрочка платежа на какихъ угодно основаніяхъ.

Каждый романъ имѣетъ свою отдѣльную нумерацію страницъ и снабженъ заглавнымъ листомъ, такъ что можетъ быть брошюрованъ и переплетенъ въ самостоятельный томъ.

Гг. новые подписчики получаютъ безплатно начало и продолженіе произведеній, переходящихъ печатаніемъ въ слѣдующій подписной годъ.

Съ требованіями просятъ обращаться въ редакцію журнала „Всемірная Библіотека" (С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 36). Кромѣ того, для гг. московскихъ и харьковскихъ подписчиковъ подписка принимается въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи) и въ Харьковѣ въ конторѣ Ф. Константинова, возлѣ Биржи.

3—1. Редакторъ-издатель К. Плавинскій.

*

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

на ежедневную газету

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1892 годъ.

(ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Газета будетъ выходить въ прежнемъ объемѣ, постоянно пополняясь различными отдѣлами, согласно своей обширной программы.

Главное вниманіе редакціи обращено на возможно широкое развитіе областнаго отдѣла, сельско-хозяйственнаго и торгово-промышленнаго.

Въ газетѣ постоянно печатаются **обстоятельныя торговыя свѣдѣнія и цѣны орловскаго, елецкаго и другихъ ближайшихъ къ Орлу рынковъ и мѣстностей.** На вѣрность торговыхъ сообщеній обращается особое вниманіе.

Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Орловской и смежныхъ губерній редакція имѣетъ своихъ корреспондентовъ.

ПОДПИСКА ОТКРЫТА НА ПРЕЖНИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города

на годъ **7** рублей

11 м. 6 р. 50 к.	7 м. 4 р. 50 к.	3 м. 2 р. 40 к.
10 » 6 » — »	6 » 4 » — »	2 » 1 » 70 »
9 » 5 » 50 »	5 » 3 » 50 »	1 » — » 90 »
8 » 5 » — »	4 » 3 » — »	½ » — » 50 »

Подписка принимается и съ разсрочкой

на слѣдующихъ условіяхъ: по полугодіямъ—въ январѣ и іюнѣ по 3 р. 50 к., по третямъ года—въ январѣ, апрѣлѣ и іюлѣ по 2 р. 35 к., помѣсячно—по 1 р. и на другихъ, удобныхъ для подписчиковъ и конторы, условіяхъ.

Для ознакомленія газета высылается безплатно.

Подписка также принимается на всѣ сроки и съ каждаго числа текущаго мѣсяца, но тогда къ подписной цѣнѣ срока приплачивается, только иногородными, за первый мѣсяцъ 15 к. почтовыхъ. За перемѣну адреса иногородные уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Подписка на газету и пріемъ объявленій.

Въ Орлѣ: въ отдѣленіи конторы, при книжн. магазинѣ и публичной библіотекѣ «Орлов. Вѣстн.», Волховская, д. 17. Въ книжн. маг. Кашкина, Шемаева и ХАлизева. Въ конторѣ редакціи и типографіи газеты, на Зиновьевской, д. 2, близь корпуса. *Въ Ельцѣ:* въ конторѣ компаніи «Надежда» у г. Рощупкина и въ книжной лавкѣ Давыдова, на Торговой улицѣ. *Въ Москвѣ и Петербургѣ* во всѣхъ конторахъ объявленій. *Въ Курскѣ:* книжные магазины Кашкина и Переплетенко. *Въ Варшавѣ:* въ агентствѣ объявленій Райхмана. *Въ Парижѣ:* въ агентствѣ объявленій и телеграммъ Гаваса и К°, Place de la Bourse, 8.

3—1

ОТЪ РЕДАКЦІИ

„РУССКАГО ПАЛОМНИКА"

о подпискѣ на 1892-й годъ.

Открывая съ 19-го октября подписку на «Русскій Паломникъ» 1892 года, мы не будемъ распространяться о его задачахъ и цѣляхъ: въ теченіи семилѣтняго существованія «Русскаго Паломника», онѣ достаточно выяснились для нашихъ читателей. Ограничимся напоминаніемъ, что, представляя собой первый опытъ изданія въ Россіи иллюстрированнаго журнала религіозно-нравственнаго содержанія, «Русскій Паломникъ» имѣлъ въ виду дать православному русскому обществу и народу, православной русской семьѣ и школѣ, назидательное и вмѣстѣ интересное чтеніе въ формѣ сколько общедоступной, столько же и вполнѣ литературной. Многочисленные рисунки въ текстѣ служатъ какъ для поясненія текста, такъ и для возбужденія въ читателяхъ большаго интереса къ тому роду литературныхъ произведеній, которыя составляютъ содержаніе «Русскаго Паломника».

Насколько предположенная задача выполнена редакціею, пусть судятъ читатели. Но въ виду того, что «Русскій Паломникъ» удостоился одобренія всѣхъ вѣдомствъ и что подписка на него ежегодно возвышается, чѣмъ мы пріобрѣли возможность увеличить съ начала текущаго 1891 года и количество выпускаемыхъ листовъ въ журналѣ и книжкахъ, и количество рисунковъ,—мы позволяемъ себѣ думать, что задача нашего изданія выполнялась нами болѣе или менѣе удовлетворительно. По крайней мѣрѣ, мы старались этого достигнуть, насколько хватало нашихъ силъ и средствъ.

Обѣщая съ прежнимъ усердіемъ трудиться и въ наступающемъ 1892 году, мы, конечно, не преминемъ сдѣлать въ журналѣ всякія улучшенія и усовершенствованія, какія потребуются.

Между прочимъ, въ журналѣ будутъ продолжаться:

БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ,

съ подлиннымъ текстомъ Священнаго Писанія, и начатый въ нынѣшнемъ году

ДНЕВНИКЪ ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

Въ прилагаемыхъ къ журналу отдѣльныхъ книжкахъ будутъ помѣщены:

ВѢКЪ АПОСТОЛЬСКІЙ,

исторія христіанской церкви первыхъ вѣковъ, которая можетъ служить продолженіемъ знаменитаго произведенія Дидона, печатающагося въ «Русскомъ Паломникѣ» въ нынѣшнемъ году.

БИБЛЕЙСКІЕ МУЖИ,

отдѣльныя жизнеописанія изъ того собранія, къ которому принадлежатъ помѣщенныя въ предыдущихъ годахъ жизнеописанія Праотца Авраама и Боговидца Моисея.

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОВѢСТВОВАНІЯ И РАЗСКАЗЫ.

Въ видѣ безплатной преміи будетъ дана отпечанная красками картина класснаго художника 1-й степени С. Я. Лучшева:

ЧУДО МИЛОСТИ БОЖІЕЙ 17-го ОКТЯБРЯ 1889 ГОДА,

высоко художественное произведеніе даровитаго художника, писанное на конкурсъ и изображающее тезоименитыхъ Августѣйшему Семейству святыхъ и Господа Саваоѳа, посылающаго съ небесъ Ангела для охраны Царя, Царицы и дѣтей Ихъ.

Кромѣ того, редакція предоставляетъ новымъ подписчикамъ на «Русскій Паломникъ», не получавшимъ нашъ журналъ въ настоящемъ году, право получить

ПОРТРЕТЪ ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО,

за 60 коп., съ упаковкою и пересылкою.

Подписная цѣна «Русскаго Паломника» на годъ 6 рублей.

Адресъ редакціи «Русскаго Паломника»: С.-Петербургъ, Владимірскій проспектъ, 13.

3—1 Редакторъ-издатель *А. И. Поповицкій.*

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

на ежедневную газету

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1892 годъ.

(ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Газета будетъ выходить въ прежнемъ объемѣ, постоянно пополняясь различными отдѣлами, согласно своей обширной программы.

Главное вниманіе редакціи обращено на возможно широкое развитіе областнаго отдѣла, сельско-хозяйственнаго и торгово-промышленнаго.

Въ газетѣ постоянно печатаются обстоятельныя торговыя свѣдѣнія и цѣны орловскаго, елецкаго и другихъ ближайшихъ къ Орлу рынковъ и мѣстностей. На вѣрность торговыхъ сообщеній обращается особое вниманіе.

Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Орловской и смежныхъ губерній редакція имѣетъ своихъ корреспондентовъ.

ПОДПИСКА ОТКРЫТА НА ПРЕЖНИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

съ доставкой иа домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города на годъ **7** рублей

11 м. 6 р. 50 к.	7 м. 4 р. 50 к.	3 м. 2 р. 40 к.
10 » 6 » — »	6 » 4 » — »	2 » 1 » 70 »
9 » 5 » 50 »	5 » 3 » 50 »	1 » — » 90 »
8 » 5 » — »	4 » 3 » — »	1/2 » — » 50 »

Подписка принимается и съ разсрочкой

на слѣдующихъ условіяхъ: по полугодіямъ—въ январѣ и іюнѣ по 3 р. 50 к., по третямъ года—въ январѣ, апрѣлѣ и іюлѣ по 2 р. 35 к., помѣсячно—по 1 р. и на другихъ, удобныхъ для подписчиковъ и конторы, условіяхъ.

Для ознакомленія газета высылается безплатно.

Подписка также принимается на всѣ сроки и съ каждаго числа текущаго мѣсяца, но тогда къ подписной цѣнѣ срока приплачивается, только иногородными, за первый мѣсяцъ 15 к. почтовыхъ. За перемѣну адреса иногородные уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Подписка на газету и пріемъ объявленій.

Въ Орлѣ: въ отдѣленіи конторы, при книжн. магазинѣ и публичной библіотекѣ «Орлов. Вѣстн.», Болховская, д. 17. Въ книжн. маг. Кашкина, Шемаева и ХалиЗева. Въ конторѣ редакціи и типографіи газеты, на Зиновьевской, д. 2, близъ корпуса. *Въ Ельцѣ:* въ конторѣ компаніи «Надежда» у г. Рощупкина и въ книжной лавкѣ Давыдова, на Торговой улицѣ. *Въ Москвѣ и Петербургѣ* во всѣхъ конторахъ объявленій. *Въ Курскѣ:* книжные магазины Кашкина и Переплетенко. *Въ Варшавѣ:* въ агентствѣ объявленій Райхмана. *Въ Парижѣ:* въ агентствѣ объявленій и телеграммъ Гаваса и К°, Place de la Bourse, 8.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГИКИ, ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Программа журнала:

1. Оригинальныя статьи и замѣтки научнаго характера по классической филологіи и дидактическаго—по преподаванію классическихъ языковъ и совмѣстно съ ними русскаго.

2. Рецензіи и замѣтки о книгахъ и статьяхъ по классической филологіи и по педагогикѣ.

3. Краткія свѣдѣнія о статьяхъ по класс. филологіи и педагогикѣ въ текущей журнальной и русской заграничной литературѣ.

4. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и педагогическихъ обществъ.

5. Библіографія.

6. Въ приложенія: переводы греческихъ и римскихъ классиковъ на русскій языкъ.

7. Объявленія.

Срокъ выхода—четыре раза въ годъ (въ февралѣ, апрѣлѣ, октябрѣ и декабрѣ) книжками, въ объемѣ около десяти листовъ каждая. Двѣ книжки будутъ составлять томъ.

Подписная цѣна съ пересылкой: на годъ (съ 1 янв.) шесть рублей, на полгода три рубля. Въ настоящее время открыта полугодовая подписка на двѣ книжки нынѣшняго 1891 года, равно какъ на полтора года до 1 янв. 1893 г. (въ послѣднемъ случаѣ девять рублей съ перес.). Частныя объявленія отъ книгопродавцевъ и издателей—по разсчету, считая за страницу 25 рублей; абонементъ на объявленія—съ уступкой.

Подписка принимается въ редакціи «Филологическаго Обозрѣнія»: Москва, Остоженка, Савеловскій пер., домъ Обера.

Въ журналѣ будутъ принимать участіе слѣдующія лица:

В. А. Алексѣевъ, проф. В. П. Бузескулъ, проф. А. Д. Вейсманъ, проф. П. Г. Виноградовъ, преп. гимн. П. А. Виноградовъ, преп. гимн. А. С. Владимірскій, преп. Лицея Ц. Н. В. А. Грингмутъ, прив.-доцентъ Я. А. Денисовъ, прив.-доцентъ А. Н. Деревицкій, проф. В. Г. Зубковъ, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, проф. Ѳ. Е. Коршъ, проф. Ю. А. Кулаковскій, преп. гимн. Т. И. Ланге, преп. гимн. А. П. Ланговой, Помощ. Попеч. Каз. Учебнаго Округа В. В. Латышевъ, проф. І. Леціусъ, преп. Лицея Ц. Н. С. И. Любомудровъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, прив. доц. А. М. Мироновъ, проф. В. И. Модестовъ, преп. гимн. В. П. Недачинъ, проф. И. В. Нетушилъ, проф. С. И. Опацкій, А. В. Орѣшниковъ, преп. гимн. П. Д. Первовъ, преп. гимн. С. А. Радецкій, прив.-доцентъ С. В. Рождественскій, С. А. Селивановъ, преп. гимн. В. В. Смирновъ, прив.-доц. С. И. Соболевскій, прив.-доц. А. А. Стрѣльцовъ, проф. И. В. Цвѣтаевъ, прив.-доц. Е. И. Челпановъ, преп. гимн. Э. В. Черный, профессоръ А. Н. Шварцъ, проф. О. А. Щеборъ, преп. гимн. В. И. Шенрокъ, прив.-доц. В. А. Шефферъ, проф. Г. Ѳ. Шульцъ, прив.-доц. А. Н. Щукаревъ и др.

Содержаніе первой книжки (выйдетъ въ свѣтъ въ срединѣ октября). Отъ редакціи. I. Статьи научныя и педагогическія. *И. Нетушила.* Къ синтаксису сложныхъ предложеній греческихъ и латинскихъ. I. О придаточныхъ вопросительныхъ предложеніяхъ.—*В. Бузескула.* Раскопки Шлимана въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѳѣ.—*Ѳ. Зѣлинскаго.* Замѣтки къ трактату Лукіана «о томъ, какъ слѣдуетъ писать исторію».—*С. Соболевскаго.* Синтаксическое дѣленіе временъ греческаго глагола.—*С. Любомудрова.* Мысли Гербарта о педагогическомъ значеніи и пре-